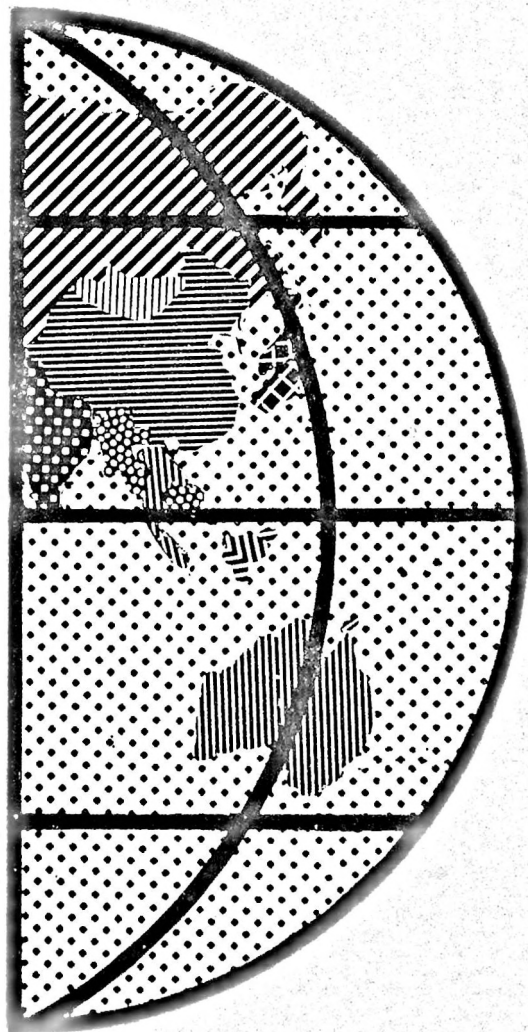

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Дальнему Востоку —
мир и безопасность

Советский ученый
рассказывает о Китае

Проблемы
народонаселения в КНР

Советско-монгольское
культурное сотрудничество

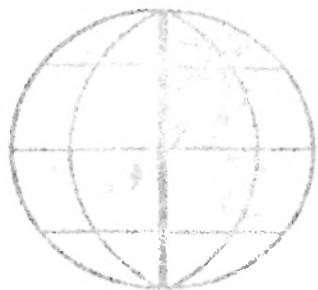
СССР — Япония:
прибрежная торговля

За страницами дневников
Лу Синя

ИНСТИТУТ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
АН СССР

3-4 экз.

5/87

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

5/87

5 [65] 1987
Издается с 1972 г.

Научный, общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском,
английском, японском и испанском языках

СОДЕРЖАНИЕ

НАВСТРЕЧУ 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

ПОЛИТИКА. ЭКОНОМИКА

ПЕРЕДОВАЯ. Проблемы мира и безопасности на Дальнем Востоке 3

И. И. КОВАЛЕНКО. Мировой социализм и движение неприсоединения в борьбе за международную безопасность 14

Ю. С. СТОЛЯРОВ, В. Г. ШВЫДКО. СССР — Япония: торгово-экономические отношения 34

Е. А. КОНОВАЛОВ. Проблемы народонаселения в КНР 46

Е. Ф. АВДОКУШИН. Теория и практика «социалистической конкуренции» в КНР 57

Проблемы АТР

В. И. ПЕТУХОВ. Тайвань и политика США в Восточной Азии 71

ИСТОРИЯ

В. Н. УСОВ. Интернациональная помощь СССР в деле подготовки китайских партийных и революционных кадров в 20—30-е годы 79

А. М. ЛЕДОВСКИЙ. Японская агрессия против Китая и политика США 86

НАУКА. КУЛЬТУРА Социология

ХУ ШЕН. Почему Китай не может идти по капиталистическому пути? 94

Международные культурные связи

В. Н. РЕВИН. СССР — МНР: новые формы культурного сотрудничества 106

ПУБЛИЦИСТИКА

Р. С. БЕЛОУСОВ. За страницами дневников Лу Синя 114

ПУБЛИКАЦИИ

ПЭН ДЭХУАЙ. Страницы воспоминаний 134

СТРАНЫ. ОБЫЧАИ. ТРАДИЦИИ

Н. Т. ФЕДОРЕНКО. Китай: время далекое и близкое 146

З-П экз.

**ПО СТРАНИЦАМ
ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ**

С. Г. ДЕМЕНТЬЕВ. Дискуссия о характере рабочей силы при социализме в китайской печати 160
Б. Н. БАСОВ. «Жэньминь жибао» о задачах сельского хозяйства страны 170

**ОЧЕРКИ.
КОММЕНТАРИИ.
СООБЩЕНИЯ**

И. Н. КОРОЛЕВ. Прибрежная торговля между СССР и Японией 176
ФАМ ХУАН. Экономическое сотрудничество СРВ с развивающимися странами 185
НАЗРУЛ ИСЛАМ. Проблема разоружения и развивающиеся страны 190
М. В. ХЛЫНОВА. «Средний класс» в современной Японии: миф и реальность 195
И. Л. КАРМАНОВСКАЯ. Национальная библиотека в Пекине 204

**КНИЖНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ**

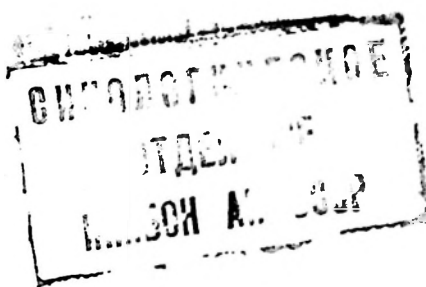
Б. В. САХАРОВ. Ценный опыт экономического прогнозирования 208
С. А. ТОРОПЦЕВ. Впечатления китайского писателя о Стране Советов 211
В. Э. РАДНАЕВ. Современная монгольская литература 213
М. С. КАПИЦА. Книга о современной Индонезии 216

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

XIV научная конференция по историографии и источниковедению стран Азии и Африки 220

**ЮБИЛЕЙ
УЧЕНОГО**

60-летие В. Ф. Сорокина 223
60-летие Л. М. Гудошникова 224

Адрес редакции: Москва, 117848
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1987

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. А. АРХИПОВ (и. о. главного редактора), Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ, Б. Г. ГРЕБЕННИКОВ (зам. главного редактора), М. С. КАПИЦА, И. И. КОВАЛЕНКО, В. С. МЯСНИКОВ, В. Я. ПОРЯКОВ, С. С. РАЗОВ, О. Б. РАХМАНИН, И. А. РОГАЧЕВ, Б. В. САГАРЕВ (и. о. зам. главного редактора), А. И. СЕНАТОРОВ, В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Н. Т. ФЕДОРЕНКО

НАВСТРЕЧУ 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Проблемы мира и безопасности на Дальнем Востоке

---

*М. С. КАПИЦА,
профессор*

Близится 70-летие Великой Октябрьской Социалистической революции. Подводятся итоги развития нашего государства за минувшие годы, строятся планы на будущее. Анализируется внешняя политика Советского Союза, в частности в одном из наиболее важных районов мира — на Дальнем Востоке, районе, где сейчас соприкасаются интересы СССР, США, Японии, КНР, где существует опасный корейский узел напряженности.

Выделение проблематики Дальнего Востока несколько искусственно, поскольку анализ любой из проблем данного субрегиона неизбежно выводит за его рамки. Вместе с тем есть известная теоретическая и методологическая обоснованность такого специального исследования международных проблем на субрегиональном уровне. Есть определенная целостность в системе взаимоотношений на Дальнем Востоке.

В последние годы обстановка на Дальнем Востоке серьезно осложнилась. США, наращивая свою мощь на Тихом океане, все ближе придвигают флот к берегам СССР, КНР и КНДР, в ряде регионов Дальнего Востока усиливают военные приготовления. Военно-морские маневры «Тим спирит» с каждым годом приобретают все более провокационный характер, американские военные корабли все чаще появляются в Японском и Охотском морях. Форсирует создание военной машины Япония; расходы на военные нужды превысили 1 % национального дохода — рубеж, установленный в свое время парламентом Японии. Премьер-министр Я. Накасонэ заявил даже, что Япония в случае «экстремальных условий» закроет международные проливы для прохода советского флота. В дополнение к самолетам с ядерным оружием, базирующимся на авианосцах, на территории Японии имеется 35 крупных американских баз, 42 такие базы находятся в Южной Корее. Размещаются ядерные ракеты на американских военных кораблях, в Японию и Южную Корею переброшены истребители-бомбардировщики F-16, способные нести ядерное оружие. Отрабатывается механизм тройственного военного альянса США — Япония — Южная Корея.

Что же в этих условиях нужно делать? Пустить все на самотек? Но в таком случае не только Дальний Восток, но вся Азия и бассейн Тихого океана будут оставаться ареной потенциальных или открытых серьезных конфликтов. Более того — здесь будут неизбежны безудержная гонка вооружений, появление новых военных баз и блоков, возникновение очагов новых войн.

* * *

Наша страна в подходе к сложным международным проблемам планеты руководствуется принципиальной линией борьбы за разрядку напряженности и устранение военной угрозы, за мирное сосущество-

вание и деловое взаимовыгодное сотрудничество всех государств в духе нового политического мышления.

21 мая 1985 г. на приеме в честь премьер-министра Индии Раджива Ганди Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев высказался за необходимость комплексного подхода к проблеме обеспечения безопасности в Азии и необходимость объединения усилий азиатских государств в этом направлении вплоть до проведения в перспективе общеазиатского форума для обмена мнениями и совместных поисков конструктивных решений¹. На XXVII съезде КПСС было подчеркнуто, что в АТР (азиатско-тихоокеанском регионе) немало запутанных узлов противоречий, политическая ситуация в отдельных местах региона неустойчива и что не откладывая надо искать свои пути решения проблем. «Начинать, видимо, следует с координации, а затем и объединения усилий в интересах политического урегулирования болезненных проблем, чтобы параллельно на этой основе хотя бы снять остроту военного противостояния в различных районах Азии, стабилизировать обстановку», — говорилось на XXVII съезде КПСС². В речи, произнесенной 28 июля 1986 г. во Владивостоке, М. С. Горбачев значительно развил высказанные ранее мысли и выдвинул обстоятельную программу борьбы за мир и безопасность в АТР, включая проведение после соответствующей подготовки азиатско-тихоокеанского форума наподобие совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в 1975 г. в Хельсинки. При этом советский руководитель отметил, что «наш интерес — это не претензия на какие-то привилегии и особое положение, не эгоистические попытки укрепить свою безопасность за чужой счет, не поиск выгоды в ущерб другим. Мы видим свой интерес в объединении усилий, в сотрудничестве при полном уважении права каждого народа жить по собственному выбору, независимо решать свои проблемы в условиях мира»³. В интервью индонезийской газете «Мердека» 22 июля 1987 г. советский руководитель внес новые важные предложения, которые значительно расширили и обогатили владивостокскую программу превращения Тихого океана в зону прочного мира и надежной безопасности. Советский Союз хорошо знаком с ситуацией в Азии и понимает, что здесь не может быть механического переноса европейской модели на азиатскую почву. Речь идет не о схеме, а о методе или методологии решения проблем мира и безопасности. В этом смысле некоторые европейские договоренности имеют универсальный характер. Особенно, как представляется, для Дальнего Востока, где ситуация может быть сопоставима с европейской, где есть более выраженное блоковое противостояние, высокий уровень милитаризации и другие схожие характеристики.

С точки зрения методологии установления прочной системы взаимоотношений на Дальнем Востоке целесообразно «выложить на стол карты» всего круга проблем, рассмотреть их и провести своеобразную инвентаризацию, а именно: отобрать те, которые уже сейчас можно было бы решить путем соответствующих контактов и переговоров, определить группу проблем, решение которых требует более тщательной подготовки и проработки, и, наконец, выделить группы проблем, решение которых невозможно на данном этапе при существующей структуре взаимоотношений и решение которых станет реальным после существенного качественного роста и созревания всей системы взаимоотношений в регионе. Для проведения такой работы также необходимо выработать механизм диалога и многосторонних переговоров, с постепенным и ор-

границным повышением их уровня и обогащением содержания. В рамках этого механизма должен идти процесс постепенного накопления потенциала взаимного доверия через реализацию конкретных проектов сотрудничества и взаимодействия.

Прозвучавшие год назад во Владивостоке советские идеи азиатской безопасности, дополненные и обогащенные новыми мыслями в интервью М. С. Горбачева индонезийской газете «Мердека», без тени преувеличения можно назвать историческими, сформулированными в духе концепций нового мышления. Принципы, декларированные Советским Союзом, должны быть инкорпорированы в структуру отношений и на Дальнем Востоке.

Следует признать, что создание прочной структуры мира и безопасности, прекращение гонки вооружений, установление стабильных отношений не являются тактической уловкой одной какой-то группы стран. В решении этой задачи заинтересованы народы всех государств региона, желающие жить в прочном мире.

Недопустимо решать идеологические споры за счет разжигания конфликтов, натравливать одни страны на другие, проявлять параноическое неприятие других идеологий и образов жизни и проведение на этой основе дипломатического курса. Точно так же недопустимы крайний национализм, экстремизм в идеологии национальной исключительности, милитаризм. Проблема милитаризма не проста. Однако милитаризму должен быть поставлен надежный барьер.

Необходимо стимулировать и сознательно создавать элементы объективных интеграционных процессов, для начала — в торгово-экономической и технологической областях. Недопустимы здесь и попытки соорудить искусственные барьеры, проложить некий водораздел между двумя общественно-политическими системами. Такие попытки — свидетельство старого мышления, старых блоковых концепций. Планируемые новые экономико-технологические блоки в этом смысле ничем не лучше военно-политических блоков прошлого. Применительно к концепциям «тихоокеанского сотрудничества» нередко говорят о том, что включение социалистических стран в систему пресловутого «сотрудничества» невозможно, поскольку в ней предполагается участие только стран с рыночной экономикой. Такой подход — проявление все того же старого мышления. Как в свое время был найден стыковочный узел между советским и американским космическими кораблями, можно, очевидно, найти эффективные решения и для «стыковки» экономик разных систем.

Социализм демонстрирует гибкость, открытость, готовность решать проблемы «стыковки» с экономиками стран, имеющих другие политико-экономические системы. Это видно на примере принятых принципиальных решений о совместных предприятиях, зонах экономического сотрудничества и др. В ходе реализации этих планов могут появиться новые формы экономического сотрудничества. Не замыкаться в своих узких границах, видеть вещи и проблемы широко, с глобальных общечеловеческих позиций, с позиций искренней заинтересованности в мире и прогрессе, в сохранении человеческой цивилизации — это уже сегодняшняя реальность, реальность эпохи нового мышления.

Политический реализм и уважение права каждого народа на свой путь развития — один из основополагающих принципов, которые должны быть положены в основу взаимоотношений в регионе. Во Владивостоке М. С. Горбачев подчеркивал: «...Мы видим свой интерес в объединении усилий, в сотрудничестве при полном уважении права каждого народа жить по собственному выбору, независимо решать свои проблемы в условиях мира... У каждой страны — свой общественный и по-

литический строй со всеми мыслимыми оттенками, свои традиции, достижения и трудности, свой образ жизни и верования, свои убеждения и предубеждения, свое понимание духовных и материальных ценностей. У каждой есть чем гордиться и что отстаивать в сокровищнице общечеловеческой цивилизации.

Это впечатляющее многообразие, этот колоссальный человеческий и социально-политический массив требуют пристального внимания, изучения и уважения»¹.

Советский Союз обвиняют в том, что его концепция общеазиатского развития направлена на получение односторонних преимуществ, закрепление статус-кво, фиксацию сложившегося баланса сил и т. д. Однако речь идет не о какой-то готовой схеме, готовом рецепте. Советские предложения — это приглашение к коллективному размышлению, к соединению усилий для нахождения взаимоприемлемых решений с целью обеспечения мира и безопасности.

Почему Советский Союз выступает с этими инициативами, чем вызвана такая активность?

В конце 60-х гг., когда СССР выступил с инициативами, касающимися азиатской безопасности, его обвиняли в стремлении «окружить» Китай, изолировать его. Сейчас ясна абсурдность попыток приписать Советскому Союзу такие намерения. Причина активности Советского Союза в азиатском направлении связана с самой сутью его политики, проводимой на международной арене, цель которой — создать прочную систему международного мира и безопасности, в том числе в масштабах субрегиона. Советский Союз — крупнейшая азиатская страна. Географически две трети его территории находятся в Азии. Даже знак, обозначающий центр Азиатского континента, находится на территории СССР. Но дело не только в географии. С азиатской частью страны Советский Союз связывает свои планы дальнейшего экономического развития. Есть и политические мотивы. На Дальнем Востоке соприкасаются страны, добрососедские отношения с которыми Советский Союз относит к категории высших приоритетов своей внешней политики. Это Китай, Япония и Соединенные Штаты. Здесь же и район, отличающийся высоким потенциальным уровнем нестабильности и взрывоопасности. Это Корейский полуостров.

Да, Советский Союз заинтересован в мирной и стабильной обстановке вокруг своих границ, в снижении фактора внешней угрозы, что позволило бы ему сконцентрировать усилия на решении внутренних задач. Но ошибаются те, кто надеется помешать советским людям решить свои внутренние проблемы, создав вокруг Советского Союза зоны нестабильности и конфликтных ситуаций. Они недооценивают внутренний и внешний потенциал СССР.

* * *

Рассмотрим подробнее особенности нынешней ситуации на Дальнем Востоке. Структурно — это комплекс двусторонних и многосторонних отношений, отличающийся крайней сложностью. Это проблемы советско-американских отношений на региональном и субрегиональном уровнях, советско-японские и советско-китайские отношения, японо-китайские, американо-китайские и, наконец, японо-американские отношения, проблемы мира и стабильности на Корейском полуострове, проблема Тайваня.

Советско-американские отношения в субрегионе. Анализ показывает, что Соединенные Штаты через систему своих военно-политических взаимоотношений с Японией и Южной Кореей стремятся создать в субрегионе

мощные рычаги «сдерживания» Советского Союза, других социалистических государств, или, другими словами, создать эффективную систему тройственного военно-политического взаимодействия, имеющую четко выраженный антисоветский характер. В рамках этой общей концепции США совершенствуют здесь силы передового базирования, добились резкого качественного роста военно-политического союза с Японией, укрепления своих баз на японской территории, размещения на японских островах носителей ядерного оружия. На Корейском полуострове США разместили ядерные средства, стремятся всячески укрепить военный потенциал Южной Кореи и свое собственное военное присутствие на Юге полуострова. США стимулируют и одобрительно относятся к японо-южнокорейским связям. Таким образом, можно говорить о складывающейся неформальной тройственной структуре военно-политического партнерства. Во всяком случае, в оперативных-тактических и стратегических планах США эта «триада» рассматривается в единстве и полной взаимосвязи.

США весьма негативно относятся к попыткам Советского Союза повысить уровень взаимоотношений с Японией. Вся первая половина 80-х гг. проходила под знаком активного воздействия Соединенных Штатов на своего дальневосточного союзника, с тем чтобы иметь в своем стратегическом арсенале враждебное отношение Японии к Советскому Союзу. Разумеется, нельзя только США приписывать все негативное, что появилось в советско-японских отношениях в эти годы. Здесь были и свои собственные трудности и сложности. Однако каждый раз, как только в советско-японских отношениях, особенно в торгово-экономической сфере и политических контактах, появлялись признаки потепления, происходило активное вмешательство Соединенных Штатов, которые «предостерегали» Японию от поспешности, призывали к более взвешенным шагам. Следует, к сожалению, констатировать, что всякий раз это срабатывало. На сегодняшний день Япония целиком ориентируется на своего старшего партнера в решении узловых моментов своих взаимоотношений с Советским Союзом. Это значительно обедняет содержание советско-японских отношений, лишает их внутреннего динамизма, деформирует логику развития.

Хотя для Соединенных Штатов их политика в отношении Китая имеет самостоятельное значение, США до сих пор не оставляют надежды использовать Китай как фактор, действующий против Советского Союза. Американская политика в отношении Китая в последнее время стала, возможно, не столь прямолинейной. Она больше учитывает новые политические реальности, существующие в китайской дипломатии и китайско-советских отношениях, однако по-прежнему доминирующим является стремление иметь с Китаем систему «стратегического взаимодействия», объективно направленного против Советского Союза и его союзников. Нужно признать, что КНР, проводящая независимую, самостоятельную политику, отклоняет домогательства Вашингтона.

США поднимают искусственный ажиотаж вокруг отношений СССР с КНДР, советской стороне приписывается стремление получить здесь некие военно-стратегические преимущества. В то же время США продолжают наращивать военную помощь Сеулу, усиливая свое военное присутствие на Юге Корейского полуострова. Если США и готовы содействовать диалогу между Севером и Югом, то в основном для того, чтобы приглушить конфликт в рамках полуострова и превратить Юг в важный военно-политический фактор воздействия на весь субрегион.

Советско-китайские отношения. В них произошли существенные изменения. В последние пять лет в несколько раз увеличилась торговля, восстановлены экономические, научно-технические, культурные связи, растет уровень

контактов между государственными деятелями, продолжают консультации о нормализации отношений, начались переговоры об урегулировании пограничных вопросов. Ближе стали позиции СССР и КНР по международным вопросам: обе страны заявили о неприменении первыми ядерного оружия. КНР, как и СССР, выступает за значительное сокращение ядерных арсеналов, считает необходимым понижение военной активности в Тихом океане, присоединилась к Договору Раротонга, поддерживает предложение КНДР о превращении Корейского полуострова в зону мира, безъядерную зону, высказывает беспокойство по поводу милитаризации Японии. Правительство КНР, как сказал Дэн Сяопин, «приветствует советско-американский диалог. Диалог лучше, чем конфронтация, а разрядка лучше, чем напряженность; лучше сократить хотя бы часть вооружений, чем ничего»⁵.

Процесс нормализации советско-китайских отношений и постепенное повышение уровня двусторонних связей, их количественный и качественный рост — фактор сам по себе весьма позитивный для всей ситуации в субрегионе. Он лишает США и Японию соблазна разыгрывать «китайскую карту» в стратегической игре против Советского Союза, вынуждает их к более взвешенным шагам и в целом вносит в расстановку сил в субрегионе необходимый здоровый баланс. Советский Союз, несомненно, будет отдавать необходимый приоритет своим отношениям с КНР, рассматривая ее как великое социалистическое государство, с которым у него много общего в решении проблем социально-экономического развития. Нормализация советско-китайских отношений имеет самостоятельное значение и не связана с какими-то конъюнктурными соображениями. Кстати сказать, в процессе нормализации двусторонних отношений есть свои трудности, сохраняется разрыв в понимании и толковании некоторых проблем, как глобальных, так и региональных. Мы не склонны их преувеличивать или преуменьшать. Преодоление этих трудностей за счет интенсивного и заинтересованного диалога при соблюдении принципа уважения позиций сторон и необходимости поисков взаимоприемлемых решений — естественный путь, по которому движутся обе стороны.

Советско-японские отношения. Позади трудное пятилетие наиболее низкого уровня двусторонних отношений. Сейчас наметились пути преодоления трудностей прошлого. Должно это осуществляться за счет развития и совершенствования механизма двусторонних политических консультаций. Само содержание этих консультаций должно обогащаться и становиться более продуктивным. Здесь обеим сторонам есть над чем поработать. Важно, с нашей точки зрения, чтобы Япония в рамках своих союзнических отношений с США, как это делают, к примеру, западноевропейские страны, нашла собственное лицо.

В своей политике в отношении Японии Советский Союз исходит из предположения, что нормальные и взаимовыгодные двусторонние отношения, отношения доверия и сотрудничества являются совершенно необходимой частью гипотетической структуры прочного мира и безопасности в Северо-Восточной Азии. Сейчас, когда Япония решает задачу «трансформации» своей экономической мощи в политическое влияние, важно, чтобы этот неизбежный и вполне понятный процесс служил бы конструктивным, а не деструктивным целям. Голос страны, где расположены Хиросима и Нагасаки, должен звучать более энергично в пользу ядерного разоружения и недопущения гонки вооружений в Азии. Пока же преобладает боязнь задеть интересы США, нанести ущерб ядерной стратегии своего старшего партнера. Нередко политические ценности, в частности и из сферы отношений с Советским Союзом, приносятся в жертву на алтарь японо-американского союза.

риканского союза. Время от времени раздувается шпиономания, предпринимаются действия, направленные на создание нездоровой обстановки вокруг советских учреждений в Японии. Часто в Токио довольно откровенно декларируются тесное взаимодействие с США, почти стопроцентная поддержка всего того, что заявляет и делает Вашингтон, как своеобразная плата за уступчивость Соединенных Штатов в вопросах торгово-экономических противоречий. Такая позиция не делает чести никому. Она не приносит престижа, необходимого для утверждения своей роли как великой политической державы. Больше того, она не поможет преодолению проблем в торговле между Японией и США.

Советский Союз стремится развивать отношения с Японией по всем направлениям. Понимая, как безнадежно устарела структура двусторонних торгово-экономических отношений, советская сторона выступила с инициативой разработки новых перспективных форм экономического сотрудничества. Создается впечатление, что те динамичные процессы, которые происходят в жизни советского общества и которые обозначаются словом «перестройка», существенно повышают объективные предпосылки активизации советско-японских отношений, и не только в экономической сфере. Происходит постепенное, но вполне ощутимое изменение в отношениях японцев, в их отношении к Советскому Союзу, к проблемам двусторонних связей. Вместе с тем было бы неправильно создавать впечатление о неких радужных перспективах развития двусторонних отношений. Необходимо расчистить большие завалы, накопившиеся за последнее время в отношениях между нашими странами. Для этого, видимо, потребуется время и большие усилия. Но главное — политическая воля и реализм, обоюдное стремление искать и находить взаимоприемлемые развязки тугих узлов противоречий и разногласий. В советско-японских отношениях также необходимо развивать принципы нового мышления, отказаться от старых схем и стереотипов. Это задача и для академической науки, и для общественности двух стран.

Ждет своего решения корейская проблема. Более 40 лет Корея расчленена на две части. И это не только трагедия для корейского народа; в любой момент может произойти серьезный социальный взрыв, который, учитывая наличие в Южной Корее складов американских ядерных зарядов, способен превратиться в ядерный конфликт.

Для корейского народа проблема объединения своей родины в настоящее время неотделима от борьбы за смягчение напряженности и устранение военно-политической конфронтации Севера и Юга, за создание условий, в которых воссоединение страны могло бы стать реальной возможностью. В КНДР приемлемой формулой объединения обеих частей Кореи считают создание конфедеративной республики.

Руководство КНДР выступает за мирное, демократическое объединение Кореи без всякого вмешательства со стороны, что предполагает прежде всего вывод американских войск из Южной Кореи. В декабре 1986 г. в качестве первоочередного практического шага для восстановления межкорейского диалога по широкому кругу вопросов оно выдвинуло предложение начать военно-политические переговоры Севера и Юга на высоком уровне. В развитие этой инициативы Пхеньян предложил обсудить первоочередные проблемы оздоровления политической обстановки на Корейском полуострове в ходе возможной встречи премьер-министров КНДР и Южной Кореи. Однако Сеул настаивал на том, чтобы такой встрече пред-

шествовали переговоры по экономической, гуманитарной и парламентской линиям.

Больше того, время от времени Вашингтон и Сеул предпринимают меры, которые усугубляют дестабилизацию обстановки на Корейском полуострове.

В начале мая этого года в столице США состоялось очередное американо-южнокорейское консультативное совещание по вопросам безопасности, в котором приняли участие шеф Пентагона К. Уайнбергер и министр обороны Южной Кореи Ли Ги Бэк. Чтобы найти хотя бы формальное оправдание наращиванию милитаристских усилий, представители США и Южной Кореи вновь заявили о «приверженности делу поддержания мира и стабильности на Корейском полуострове». Однако их действия ничего общего со стабильностью, не говоря уже о «приверженности делу мира», не имеют. Взять хотя бы недавнее размещение на Юге Корейского полуострова ракет «Лэнс», способных нести ядерные заряды, или крупномасштабную провокацию — маневры «Тим спирит — 87».

Такие откровенно авантюристические акции преподносятся едва ли не как свидетельство готовности Соединенных Штатов оказать «быструю и эффективную помощь Южной Корее в случае вооруженного нападения». Спрашивается, откуда ждут нападения? Конечно же, «с Севера». Ради «обоснования» этого тезиса вновь твердят и о военной мощи Советского Союза, и о неких «коварных планах» КНДР.

В этом свете позиция КНДР представляется более рациональной, поскольку принципиально важно прежде всего наметить на достаточно высоком уровне кардинальные пути создания атмосферы безопасности и взаимного доверия на полуострове, перейдя затем к решению конкретных вопросов налаживания сотрудничества Севера и Юга в практических сферах.

Очень интересное предложение внесло правительство КНДР в июле 1987 г. Оно выдвинуло идею взаимного поэтапного сокращения в течение 1988—1991 гг. вооруженных сил Севера и Юга до 100 тыс. человек с каждой стороны с одновременной поэтапной эвакуацией американских войск и их ядерных вооружений из Южной Кореи с целью ликвидации всех военных баз США на Корейском полуострове, когда Север и Юг завершат указанное сокращение. КНДР также выразила намерение к концу текущего года в одностороннем порядке сократить Корейскую народную армию на 100 тыс. человек.

Предусматривается превращение демилитаризованной зоны между Севером и Югом в зону мира. В целях обсуждения всех этих вопросов КНДР предложила провести в марте 1988 г. в Женеве переговоры между Севером, Югом и США с участием в качестве наблюдателей представителей ПНР, ЧССР, Швейцарии и Швеции, т. е. членов Комиссии нейтральных стран по наблюдению за перемирием в Корее.

Это предложение дало толчок к обмену заявлениями представителей КНДР и Южной Кореи, в которых обсуждаются варианты и тематика будущих переговоров. Складывается впечатление, что дело идет к диалогу.

Советский Союз поддерживает курс КНДР на объединение Кореи мирным путем и на демократических началах, без всякого вмешательства извне. Между двумя странами растет взаимодействие по вопросам защиты мира и укрепления международной безопасности, в том числе в АТР.

* * *

Конечно, создание новой атмосферы в отношениях между государствами невозможно без тесных торговых, экономических, научно-технических связей. Возможности советского Дальнего Востока значительные, и они будут расти. На советский Дальний Восток приходится свыше 30 % потенциальных запасов угля, 30 % гидроэнергетического потенциала страны, значительны в регионе

запасы золота, алмазов, олова, вольфрама, цинка и свинца. Здесь заготавливается $\frac{1}{3}$ лесопродукции, развито рыболовство.

Политбюро ЦК КПСС 23 июля 1987 г. одобрило подготовленную в соответствии с решениями XXVII съезда КПСС Долговременную государственную программу комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г.

Программой предусматриваются более высокие, чем в целом по стране, темпы роста жилищного и культурно-бытового строительства, промышленного производства, наращивания экспортных возможностей Дальнего Востока и Забайкалья, укрепления продовольственной базы региона. В ней намечены меры по рациональному использованию природных ресурсов и охране окружающей среды. Предполагается создать на Дальнем Востоке высокоэффективный народнохозяйственный комплекс, который станет составной частью системы общесоюзного и международного разделения труда.

Важнейшим элементом советской политики на Дальнем Востоке является государственная линия на устранение конфронтации, снижение военной активности, значительное сокращение сухопутных войск и флотов, создание зон мира, введение мер доверия.

Советский Союз взял на себя обязательство не применять первым ядерного оружия против любых государств. Это обязательство, конечно, носит всеобщий характер, оно относится и к государствам Дальнего Востока. Такое же обязательство взял на себя Китай. Теперь очередь за США.

Поскольку в мировой печати и в заявлениях политиков и ученых неоднократно отмечалось, что на территории Японии размещено американское ядерное оружие, а Токио отрицает это и заявляет, что Страна восходящего солнца придерживается трех неядерных принципов (не производить, не завозить, не размещать на своей территории ядерное оружие), Советское правительство предложило заключить договор между двумя странами, в соответствии с которым Япония обязалась бы строго соблюдать три неядерных принципа, а СССР — не применять против этой страны ядерное оружие. Японские власти отклонили это предложение. Но в Советском Союзе хотели бы верить, что это не последнее слово Токио. СССР за то, чтобы перекрыть путь к распространению и наращиванию ядерного оружия в Азии и на Тихом океане.

Ведя переговоры о ликвидации ракет среднего радиуса действия и оперативно-тактических ракет в Европе, Советский Союз, учитывая выраженную азиатскими странами заинтересованность в том, чтобы РСД были уничтожены и в Азии, выступил 22 июля 1987 г. с новой важной инициативой и выразил готовность снять вопрос о сохранении тех 100 боеголовок РСД, о которых идет речь на переговорах в Женеве, при условии, конечно, что США сделает то же самое. Ликвидированы будут и оперативно-тактические ракеты.

Эта инициатива была воспринята во всех странах Азии как знак глубокого уважения СССР к ним, к интересам их безопасности. Она явилась новым импульсом к соглашению о ликвидации РСД и ОТР в мировом масштабе.

Советский Союз приветствовал объявление южной части Тихого океана безъядерной зоной, присоединился к Договору Раротонга и призвал все ядерные державы гарантировать статус зоны. КНР это сделала, США, Англия и Франция отказались.

Мы, разумеется, с уважением отнесемся к решению государств Юго-Восточной Азии объявить этот район безъядерной зоной, если они примут такое решение.

Серьезным вкладом в укрепление мира на Дальнем Востоке была бы реализация предложения КНДР о создании безъядерной зоны на Корейском полуострове.

СССР неоднократно предлагал начать переговоры об уменьшении напряженности на Тихом океане. Отвечая 22 июля 1987 г. на вопросы индонезийской газеты «Мердека», Генеральный секретарь ЦК КПСС выдвинул ряд новых конкретных предложений.

1. Советский Союз готов взять обязательство не наращивать количество самолетов — носителей ядерного оружия в азиатской части страны, если США не будут дополнительно размещать в этом районе ядерные средства, достигающие территории СССР.

2. Наша страна напоминает о ее готовности к понижению активности военных флотов СССР и США на Тихом океане. Предложения на этот счет были выдвинуты во Владивостоке, но США ответа не дали. Между тем очевидно, что граница конфронтации проходит здесь через соприкосновение флотов. Отсюда и опасность конфликтов.

Желательно договориться о таком ограничении районов плавания кораблей — носителей ядерного оружия, чтобы они не могли приближаться к побережью другой стороны на расстояние действия своих бортовых ядерных средств. Можно было бы также условиться об ограничении противолодочного соперничества, запрещении в определенных зонах противолодочной деятельности, включая авиационную.

Укреплению доверия способствовало бы ограничение масштабов военно-морских учений и маневров в Тихом и Индийском океанах и в прилегающих морях: не более одного-двух крупных военно-морских (включая морскую авиацию) учений и маневров в год, заблаговременное уведомление об их проведении, взаимный отказ от военно-морских учений или маневров в международных проливах и прилегающих к ним районах, от применения в ходе учений боевого оружия в зонах традиционных морских путей. Можно было бы испробовать эту «модель» сначала в северной части Тихого океана, где «действующих лиц» немного, а потом распространять эту практику на юг тихоокеанской акватории, на другие страны региона.

3. Особо стоит вопрос о ядерных взрывах. Человечество не забыло, что первые после войны испытания американского атомного оружия проводились на Тихом океане. Они отняли здоровье и даже жизнь у многих жителей этих мест. И нам понятно, почему столь сильно здесь чувство возмущения, вызванное отказом США, Англии и Франции прекратить ядерные взрывы.

В Советском Союзе ценят поддержку странами Азии и Тихого океана советского моратория. СССР не прекратил борьбу за запрещение ядерных испытаний и будет настойчиво добиваться полномасштабного соглашения.

Наша страна очень ценит взаимодействие со странами АТР, участвующими в Женевской конференции по разоружению, где сейчас в решающей стадии находится вопрос о запрещении и ликвидации химического оружия. Мы надеемся, что совместными усилиями нам удастся выработать и принять историческую конвенцию, которая стимулирует движение и на путях к ядерному разоружению.

Возможны, видимо, и другие меры по понижению военной напряженности в АТР, исходящие от самих расположенных здесь стран. Особенности их мировоззрения, политическая и культурная самобытность могут подсказать неординарные идеи на этот счет, понятные и приемлемые для всех.

Советский Союз считает целесообразным сокращение вооруженных сил и обычных вооружений в Азии до пределов разумной достаточности. Эту проблему можно решать по частям, поэтапно, начав с какого-нибудь одного района, например с Дальнего Востока. В этом контексте СССР предложил Китаю обсудить конкретные шаги, направленные на соразмерное снижение уровня сухопутных сил, и создать в этих целях переговорный механизм. Постепен-

но процесс сокращения армий можно было бы перевести на многостороннюю основу. Может быть, вначале государства региона взяли бы на себя обязательства сократить военные расходы, не наращивать боевой состав и численность вооруженных сил и по взаимной договоренности снизить их активность.

Советский Союз давно уже выразил свою готовность перевести в практическую плоскость выработку мер доверия и неприменения силы в регионе. Можно, в частности, было бы договориться о заблаговременном уведомлении и обмене информацией о крупных учениях, о ненаращивании боевого состава приграничных частей. Здесь можно было бы использовать опыт Европы, тем более меры доверия, выработанные на первом этапе совещания в Стокгольме. И не наша вина в том, что до сих пор продвижения в этом вопросе не наблюдается.

В Азии, как и в Европе, наша методология, наш подход к ядерному разоружению едины. Мы предлагаем осуществлять этот процесс под строгим международным контролем, который состоял бы из трех компонентов: национальных средств, международных методов контроля и инспекции на местах.

То, что Советский Союз предлагает предпринять для укрепления мира и безопасности на Дальнем Востоке и в АТР в целом, вытекает из советской внешнеполитической философии, диктуется нашей моралью, здравым смыслом. Органическим элементом внешнеполитической философии является гуманизация международных отношений. Реальный путь к ней СССР видит в резком повышении уровня общения между людьми и организациями, партиями и общественными движениями, иными словами, в превращении межгосударственных отношений в подлинно международные.

В настоящее время нельзя строить международные отношения, не учитывая интересы всех государств. Должен быть баланс интересов. Только он ведет к разумной политике. Советский Союз исходит из этого. Имеется в виду, что и другие государства будут проводить свою политику, строить отношения друг с другом таким образом, чтобы крепла атмосфера мира, безопасности и сотрудничества, чтобы углублялось доверие, чтобы все более в сознании народов, каждого человека внедрялась мысль, что или мы вместе погибнем, или мы вместе выживем и построим мир без ядерного оружия и насилия. Отказ от применения силы и угрозы силой, недопущение вмешательства одного государства в дела другого, мирное решение всех спорных проблем, уважение суверенитета государств, полное равноправие, дружественное взаимовыгодное сотрудничество должны стать законом международной жизни. Повсеместно должно восторжествовать новое политическое мышление, в соответствии с которым нет и не может быть таких проблем, которые нельзя было бы решить мирным путем. Надо через общие дела двигаться к укреплению доверия, а это будет помогать достижению соглашений.

Задача выживания, сказал М. С. Горбачев, поднимается над всеми противоречиями, всеми разногласиями и несовпадением мнений между государствами, социальными движениями, над интересами различных групп людей. Этот вывод, лежащий в основе нового политического мышления, полностью относится и к международным отношениям в таком переполненном противоречиями районе, как Дальний Восток.

¹ См.: «Правда», 22.V.1985.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 70.

³ «Правда», 29.VII.1986.

⁴ «Правда», 29.VII.1986.

⁵ «Жэньминь жибао», 5.V.1987.

⁶ «Правда», 20.V.1987.

*И. И. КОВАЛЕНКО,
доктор исторических наук*

Важнейшим элементом выдвинутой XXVII съездом КПСС идеи создания международной безопасности является ее военный аспект, т. е. принятие и реализация ряда крупных акций стратегического значения в области военной политики, нацеленных на построение безъядерного и ненасильственного мира, мира без войн и оружия. Принципиальная важность этой идеи состоит в том, что она направлена не на решение частных вопросов текущего характера, возникающих на мировой арене, а призвана находить правильные подходы к кардинальным проблемам современного мирового развития, и прежде всего к вопросам сохранения мировой цивилизации и выживания самого человечества.

Советская концепция создания всеобъемлющей системы международной безопасности отражает новаторский подход КПСС и Советского государства к проблемам войны и мира, представляет собой новое мышление в сфере международных отношений по важнейшим проблемам современного сложного, противоречивого, но вместе с тем единого и взаимосвязанного мира. Она исходит из того непреложного факта, что безопасность каждого народа находится в прямой зависимости от безопасности всех других народов, что национальная безопасность не может быть обеспечена, если она не вписывается во всеобщую безопасность, если все народы не будут себя чувствовать в равном положении и пользоваться наравне со всеми достижениями мировой цивилизации.

Во время пребывания в Индии в мае 1987 г. М. С. Горбачев привел слова Будды, гласящие, что «только такая победа может считаться настоящей, при которой все в равной мере являются победителями и никто не терпит поражения»¹. И если эти слова были справедливы более двух с половиной тысяч лет тому назад, то тем более они действенны и актуальны сегодня, когда наш век стоит на пороге ядерного уничтожения. История сегодня поставила знак равенства между предотвращением ядерной катастрофы и выживанием человечества.

В нынешних условиях противоборство между двумя системами может протекать исключительно в формах мирного соревнования и соперничества. Обстановка в мире такова, что обеспечение безопасности всех и каждого все больше предстает как задача политическая, которую нужно решать политическими средствами.

Именно этими соображениями и руководствовался Советский Союз, идя на заключение в мае 1972 г. советско-американского документа «Основы

взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки». Вслед за этим в июле 1973 г. было подписано советско-американское Соглашение о предотвращении ядерной войны. Обе стороны, говорилось в этом документе, будут действовать так, чтобы исключить возникновение ядерной войны между ними и между каждой из сторон и другими странами². Не менее важное значение имеет и советско-американское заявление, принятое в ходе встречи в верхах в Женеве в ноябре 1985 г., о том, что ядерная война никогда не должна быть развязана, что в ней не может быть победителей. Руководители обоих государств подчеркнули важность предотвращения любой войны между ними — ядерной или обычной — и заявили, что обе стороны не будут стремиться к военному превосходству.

Образцом нового политического подхода к решению проблем нашего века в области международной безопасности служит заявление М. С. Горбачева от 15 января 1986 г., в котором содержится конкретная программа полной ликвидации ядерного оружия во всем мире к концу нынешнего столетия. Все прогрессивное человечество, все люди доброй воли восприняли эту советскую инициативу как единственно разумную альтернативу войне и гибели человеческой цивилизации. Однако американская администрация сделала все, чтобы утопить советские предложения в различного рода «оговорках» и «увязках», с тем чтобы заблокировать решение коренных вопросов разоружения.

Несмотря на сопротивление американской администрации курсу Советского Союза на полную ликвидацию ядерного оружия, выдвинутому в Рейкьявике, Советский Союз продолжает неустанные усилия, направленные на реализацию этой исторической по своим масштабам и значению программы. В борьбе за создание всеобъемлющей системы международной безопасности Советский Союз не одинок. У него есть друзья и союзники, которые разделяют и поддерживают внешнеполитический курс, выработанный XXVII съездом КПСС. Это прежде всего социалистические страны Европы и Азии, оказывающие постоянную поддержку и помощь Советскому Союзу в практической реализации его глобальной программы борьбы за всеобщий мир и международное сотрудничество.

В одном ряду за достижение этой великой цели идут и неприсоединившиеся страны, которые все активнее включаются в международную политическую жизнь, становятся участниками и творцами новых международных отношений. Проблемы мира и безопасности все чаще становятся в центр борьбы движения неприсоединения (ДН), ибо страны, входящие в это движение, все яснее понимают неразрывную связь, существующую между развитием и разоружением, между укреплением своей независимости и ликвидацией ядерного оружия.

Растущая роль неприсоединившихся стран в мировой политике является знаменем времени, характерной чертой современности. Сейчас уже ни один вопрос мировой политики не может быть решен без участия и вопреки воле неприсоединившихся стран. С конца 70-х и начала 80-х гг., когда империализм усилил наступление на политику разрядки и начал быстро раскручивать маховик гонки вооружений, движение неприсоединения все активнее включается в общемировой процесс борьбы за предотвращение ядерной катастрофы, за мир и международное сотрудничество.

Эта набирающая силу тенденция отчетливо проявилась в работе и в основополагающих документах VII и VIII Конференций неприсоединившихся стран на высшем уровне, состоявшихся в Дели и Хараре. Высокую оценку ДН на современном этапе в свете решений VIII Конференции в Хараре дал

секретарь министерства иностранных дел Индии Шри Н. П. Жейн. «Будучи членами Организации Объединенных Наций,— заявил он на семинаре, проведенном в Дели на тему «Неприсоединение: опыт и перспективы» (август 1986 г.),— неприсоединившиеся страны вступили в ряды международного сообщества, в котором они выступают за установление нового международного экономического порядка, предпринимают инициативы в области разоружения, концентрируют внимание на последствиях, связанных с ядерным оружием, и доводят до сведения общественности необходимость признания наличия тесной связи между развитием и разоружением. Движение неприсоединения представляет собой единство в многообразии, стремится к консенсусу в целях нахождения общего знаменателя договоренности по глобальным вопросам. Существующие между членами ДН различия являются естественным результатом воздействия географических, исторических, геостратегических, культурных и политических факторов в процессе борьбы неприсоединившихся стран за мир, разоружение и развитие»³.

Особый вклад в становление ДН и придание ему антиимпериалистического, антивоенного характера вносит крупнейшая страна Азии — Республика Индия. Руководители этого государства Дж. Неру, Индира Ганди, Раджив Ганди всегда считали разоружение самым главным вопросом для человечества. Индия с первых дней своей независимости активно включилась в борьбу за ликвидацию обычных вооружений, а затем и ядерных. Антивоенная и антиядерная позиция Индии как крупнейшей страны — участницы ДН оказала благотворное влияние на все движение, на его последовательную борьбу против гонки ядерных вооружений, за сокращение военных бюджетов, за ликвидацию военных баз, за создание безъядерных зон, за решение спорных вопросов мирными политическими средствами.

Дж. Неру выступал за создание мира без войн, требовал не только запрещения, но и ликвидации ядерного оружия. Единственная война, которую признавал Дж. Неру,— это война против нищеты и болезней, война за улучшение жизни народов.

Не менее важную роль в истории движения неприсоединения сыграла и Индира Ганди — верный последователь и продолжатель дела и заветов Дж. Неру. Она, как и ее отец, понимала, что главнейшей опасностью для всего человечества является ядерная война, которая, если разразится, затронет не только развитые страны, но и весь мир, в том числе и развивающиеся страны. Индира Ганди неустанно требовала, чтобы страны, обладающие ядерным оружием, начали конкретные переговоры о ликвидации этого оружия массового уничтожения.

«Человечество,— указывала она,— сегодня стоит перед выбором между неядерным миром и ядерной войной. Нет сомнения, что мы должны выбрать неядерный мир. Но первый шаг в этом направлении еще не сделан. Жизненно необходимо, таким образом, чтобы ядерные державы как можно скорее начали конкретные переговоры по выработке серии мер, ведущих к ядерному разоружению»⁴.

Индира Ганди требовала обратить средства, расходуемые на гонку ядерных вооружений, на удовлетворение насущных нужд голодающих народов. Она предупреждала, что ядерная война — смерть всему живому на Земле, требовала прекращения гонки вооружений.

Ведя неустанную борьбу против ядерного оружия, славная дочь индийского народа, называла это оружие «варварским», потому что оно ведет к уничтожению не только воюющих сторон, но и народов неприсоединившихся и развивающихся стран. По мнению Индиры Ганди, ядерное оружие мешает ликвидации дискриминации и установлению равенства между наро-

дами. Она призывала к единству и сплочению всех миролюбивых народов в борьбе против ядерного оружия, представляющего угрозу всему человечеству.

Индира Ганди не раз повторяла, что стремление к миру присуще даже странам, производящим ядерное оружие, и странам, где оно размещено. Движение неприсоединения приветствует эти устремления. Индира Ганди требовала немедленных действий, направленных на ликвидацию ядерного оружия. Иначе, предупреждала она, может быть поздно. Вместе с тем Индира Ганди была оптимисткой. Она верила в возможность обуздания гонки ядерных вооружений и сохранения жизни на Земле.

«Наш призыв к миру,— подчеркивала она,— это не проявление нашей добродетели. Мир необходим, человечество должно сейчас выбрать, использовать знания и силу для предотвращения ужаса уничтожения... Мы все сможем жить, если мы все объединим усилия в борьбе за мир»⁵.

Интересно отметить, что Индира Ганди тесно увязывала в один узел такие понятия, как мир, разоружение и развитие. Она считала, что все эти факторы взаимосвязаны и должны решаться прежде всего в борьбе за мир, против гонки ядерных вооружений. «Развитие, независимость, разоружение и мир тесно связаны... Индия и другие неприсоединившиеся страны убеждены в том, что только всеобщее и полное разоружение могут обеспечить реальную и всеобщую безопасность»⁶— говорила она.

Последовательным сторонником разоружения, разрядки международной напряженности, решения спорных вопросов мирными средствами является и нынешний премьер-министр Индии Раджив Ганди, неоднократно заявлявший о преемственности внешнеполитического курса Дж. Неру и Индиры Ганди.

После трагической гибели своей матери Раджив Ганди сделал ряд внешнеполитических заявлений, в которых подтвердил приверженность Индии целям и принципам ДН, что сразу же выдвинуло его в ряд руководящих деятелей неприсоединения.

«С момента своего образования,— говорил Раджив Ганди,— движение неприсоединения стремится к достижению всеобщего мира путем уменьшения напряженности и осуществления разоружения. По мере роста расходов на вооружение, в особенности на ядерное, вместе с резким усилением разрушающего потенциала арсеналов ядерного оружия в мире неприсоединившиеся страны все решительнее выступают за разоружение»⁷.

Раджив Ганди считает, что существующий разрыв между уровнями развития молодых национальных государств и развитыми капиталистическими странами будет увеличиваться и дальше, если не положить конец гонке ядерных вооружений и не обратить огромные суммы средств, идущих на военные расходы, для ликвидации вековой отсталости развивающихся стран. Он уверен, что эта и другие проблемы не могут быть решены с помощью силы и давления, что нужны совместные усилия, объединение сил и средств всех больших и малых государств на основе равенства и взаимной выгоды.

Высказывания индийских руководителей по вопросам разоружения представляют особый интерес в том смысле, что они отражают цели и принципы ДН, выражают суть самого движения, направленность его борьбы против гонки ядерных вооружений, за создание мира без войн и оружия. Взгляды Индии по вопросам разоружения находили определенное отражение в документах и решениях ДН и приобрели, таким образом, программный характер всего движения. Собравшаяся в начале марта 1983 г. в Дели VII Конференция глав государств и правительств (высшего органа движения) является наиболее показательной в этом отношении, поскольку она уделила ядерной угрозе особое внимание. Специальный раздел ее Политической декларации был по-

священ изложению позиций движения по вопросам «разоружения, выживания и сосуществования в век ядерного оружия». В нем участники движения высказали главный тезис — наибольшую опасность для мира представляет сегодня угроза уничтожения человечества в ядерной войне. Там же отмечалось, что разоружение, в частности ядерное разоружение, уже не является лишь этической проблемой, оно переросло в проблему выживания человечества. Впервые на таком уровне были коллективно осуждены различные теории военного применения ядерного оружия, выдвигаемые в НАТО, в частности «доктрина ядерного сдерживания». Неприсоединившиеся страны заявили, что отвергают все теории и концепции, оправдывающие обладание ядерным оружием и его применение в каких бы то ни было обстоятельствах. В этой связи конференция выдвинула следующие требования: все ядерные державы должны договориться о запрете применения или угрозы применения ими ядерного оружия, приступив тем временем к заключению всеобъемлющего договора о запрете испытаний ядерного оружия; дать со стороны ядерных держав неядерным государствам гарантии в том, что последние не будут подвергаться ядерной угрозе или нападению, и заключить на сей счет международный договор.

Одной из фундаментальных основ взаимодействия мирового социализма с движением неприсоединения является борьба против переноса в космос гонки вооружений и развитие мирного сотрудничества в космическом пространстве.

Среди различных концепций и доктрин, разрабатываемых в Пентагоне, особое место заняла так называемая стратегическая оборонная инициатива (СОИ), которая якобы должна обеспечить американскому, а в перспективе и западноевропейскому населению надежную защиту от наступательных вооружений (конечно, советских), что в свою очередь приведет к избавлению человечества от ядерного оружия, которое, мол, перестанет быть эффективным.

Если говорить серьезно, то реализация планов СОИ означала бы качественно новый виток гонки вооружений, создающий еще большую опасность для жизни человечества. «Претворяя программу «звездных войн», — указывал М. С. Горбачев, — Вашингтон, по сути дела, сознательно идет на то, чтобы сорвать ведущиеся переговоры и перечеркнуть все существующие соглашения об ограничении вооружений. В таком случае уже в ближайшие годы СССР и США, их союзники, весь мир оказались бы в обстановке абсолютно бесконтрольной гонки вооружений, стратегического хаоса, опаснейшего подрыва стабильности, всеобщей неуверенности и страха и связанного со всем этим возрастания риска катастрофы»⁸.

Авантюристическая игра Пентагона в «звездные войны» вызывает тревогу и озабоченность во всех уголках земного шара, в том числе и в США. Советская сторона не раз предупреждала об опасности подобных планов для дела мира. Американская администрация не имеет права нарушать обязательства Соединенных Штатов Америки по Договору об ограничении системы противоракетной обороны (ПРО), подписанному и ратифицированному СССР и США в 1972 г.

Движение неприсоединения в своих документах и решениях не раз осуждало перенос гонки ядерных вооружений в космос. В связи с нарастанием угрозы реального переноса Соединенными Штатами гонки ядерного и иного оружия в космос неприсоединившиеся страны коллективно выступили и против этой угрозы. Министры иностранных дел стран — участниц ДН, собравшись в 1985 г. в Луанде, подтвердили позиции по проблеме выживания в ядерный век, изложенные их странами в Дели в 1983 г. Вместе с тем они подтвердили давнишний тезис ДН о том, что космос является всеобщим достоянием и должен

быть использован исключительно в мирных целях, на благо всех народов и стран. Имея в виду СОИ, конференция потребовала «безотлагательно принять меры по предотвращению перенесения гонки вооружений в космическое пространство, с тем чтобы обеспечить поддержание международного мира и безопасности»⁹. Движение выступило с призывом закрепить это юридическим порядком, заключив соглашения по «предотвращению перенесения гонки вооружений в космическое пространство и запрещению его использования во враждебных целях»¹⁰.

Движение отвергло программу СОИ. Оно заявило в своей Луандской декларации: «Обеспечение безопасности на основе стратегической обороны является таким же нереальным, как и опора на ядерное сдерживание». Оно ясно заявило, что реализация СОИ не устраняет нестабильность в мире, а, наоборот, усугубляет ее и «послужит основой для беспрецедентной эскалации гонки ядерных вооружений»¹¹.

В условиях неуступчивости США в вопросах ядерного разоружения и вдохновленное серией инициатив СССР в этих вопросах, а также предложениями Деллийской шестерки, особо активизировавшейся со второй половины 1985 г., ДН на VIII Конференции уделило проблемам ядерно-космической угрозы еще больше внимания. Еще определеннее, чем четверть века назад на I Конференции, неприсоединившиеся страны заявили в Хараре осенью 1986 г., что ныне «не существует жизнеспособной альтернативы сотрудничеству и мирному сосуществованию государств»¹². Они подтвердили, что «предотвращение угрозы возникновения ядерной катастрофы... представляет собой самую острую и неотложную задачу сегодняшнего дня»¹³. Конференция охарактеризовала СОИ как «самый опасный из когда-либо существовавших мифов»¹⁴. Она обратила внимание на то, что создание новых систем космического оружия придает гонке вооружений новые угрожающие масштабы.

Вместе с тем движение неприсоединения сделало новые конкретные шаги. В связи с тем что, развязывая космическую гонку вооружений, администрация США заявила о том, что не считает более себя связанным Договором ОСВ-2 (1979), Конференция выразила обеспокоенность и настоятельно призвала правительство США пересмотреть свою позицию. Отметив недопустимость переноса гонки вооружений в космос, ДН призвало прекратить создание противоспутникового оружия, демонтировать существующие системы оружия, запретить разворачивать в космосе новые системы оружия, обеспечить — и это особо важно и ново для позиции движения неприсоединения, — чтобы «полностью соблюдались, укреплялись и, если это необходимо, расширялись с учетом последних технологических движений» существующие международные договоры о мирном использовании космического пространства, «равно как и Договор об ограничении систем противоракетной обороны (1972)»¹⁵.

«Выживание человечества, — говорил Раджив Ганди, — зависит от демилитаризации в глобальном масштабе и недопущения оружия в космос. Мы должны укреплять стремление к защите мира в самом человеке, в его уме и душе. Махатма Ганди, который был жив во время атомной бомбардировки Хиросимы, прозорливо сказал: «Борьба не может быть уничтожена бомбой, насилие — насилием»¹⁶.

Страны социалистического содружества высоко ценят позицию ДН против милитаризации космического пространства и принимают конкретные меры по налаживанию сотрудничества с неприсоединившимися странами в области мирного освоения космического пространства. Выдвинутая Советским Союзом поэтапная программа совместных практических действий мирового сообщества по мирному освоению космоса полностью учитывает интересы всех

развивающихся стран в данной области, открывает перед ними реальные возможности использования достижений космической науки и техники для нужд своего социального и экономического развития без каких-либо условий, ущемляющих национальный суверенитет.

Выдвинутые в программе принципы и направления международного сотрудничества в мирном использовании космоса целиком и полностью укладываются в концепцию безъядерного ненасильственного мира и дальнейшего прогресса цивилизации. Включение движением неприсоединения в свои цели и принципы основных положений этой программы расширило бы его горизонты и способствовало бы дальнейшему росту его авторитета и влияния.

Советский Союз щедро делится с неприсоединившимися странами своими достижениями в освоении космического пространства, помогает им в подготовке специалистов для их собственных будущих космических программ. Уже побывали в космосе в составе советских экипажей представители Кубы, Индии, Сирии, Эфиопии. В советском Центре подготовки космонавтов проходят курс обучения и посланцы других стран — участниц движения неприсоединения.

Социалистические страны и страны — участницы движения неприсоединения выступают единым фронтом в борьбе за прекращение ядерных испытаний. Решение этой важной задачи явилось бы достижением большого стратегического значения. Известно, что качественное совершенствование ядерного оружия и создание его новых разновидностей неразрывно связано с их испытаниями, что подхлестывает гонку вооружений, способствует появлению новых, более разрушительных видов ядерного оружия, расширению возможностей его применения. Если бы удалось добиться прекращения испытаний, гонка ядерных вооружений со временем стала бы невозможной.

Еще в июле 1985 г. Советский Союз выступил с инициативой, направленной на полное прекращение испытаний ядерного оружия. Он принял решение прекратить в одностороннем порядке любые ядерные испытания, начиная с 6 августа 1985 г. Советский мораторий неоднократно продлевался. Однако, выдвигая лживый тезис, что США, мол, отстали от Советского Союза по количеству ядерных взрывов, Пентагон продолжает осуществлять широкую программу ядерных испытаний. По данным Шведского института обороны, к 1 января 1987 г. США произвели на 238 ядерных испытаний больше, чем Советский Союз. И разрыв этот продолжает расти. В свете этих данных тезис об «отставании» выглядит по меньшей мере неубедительным.

Учитывая, что США усиленно спекулировали на тезисе о контроле за ядерными взрывами, требовали установления жесткого контроля за ними путем проведения инспекции на месте, Советский Союз в июне 1987 г. представил на рассмотрение Женевской конференции по разоружению документ «Основные положения Договора о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия». Советский документ включил в себя все позитивные предложения, с которыми выступали многие другие страны, в первую очередь Делийская шестерка. Советский Союз, руководствуясь интересами полной ликвидации ядерного оружия, выдвинул далеко идущую серию мер, осуществление которых способствовало бы установлению строгого контроля над испытаниями ядерного оружия и укреплению доверия между государствами. Новые советские предложения свидетельствуют о том, что Советский Союз в вопросах контроля за прекращением испытаний готов пойти так далеко, как к этому будут готовы наши партнеры.

Широкие круги мировой общественности разделяют мнение Советского Союза о том, что прекращение ядерных взрывов — важнейший элемент движения к полному запрещению и ликвидации ядерного оружия. Если

американская сторона проявит добрую волю к разоружению, соглашения о прекращении ядерных испытаний можно будет быстро достичь и подписать его на планируемой советско-американской встрече в верхах.

Движение неприсоединения полностью поддерживает советские предложения о прекращении ядерных испытаний. Конференция в Хараре единодушно солидаризировалась с Делийской шестеркой в ее антиядерных усилиях.

В Политической декларации VIII Конференции ДН дается развернутое изложение позиции ДН по вопросу о прекращении ядерных испытаний. В ней говорится: «Полное запрещение испытаний является делом первостепенной важности для неприсоединившихся стран. Запрещение всех испытаний ядерного оружия привело бы к деэскалации гонки ядерных вооружений и серьезно ослабило опасность ядерной войны. Продолжение испытаний ядерного оружия подливает масла в огонь гонки ядерных вооружений и усиливает опасность ядерной войны. В этой связи главы государств и правительств подчеркнули неотложную необходимость вести переговоры и заключить всеобъемлющий многосторонний договор о запрещении ядерных испытаний, запрещающий все испытания ядерного оружия всеми государствами во всех средах и на все времена. Ссылки на отсутствие средств проверки не должны использоваться для оправдания дальнейшего создания и совершенствования ядерного оружия»¹⁷.

Из этой цитаты видно, что мировой социализм и движение неприсоединения выступают за прекращение ядерных испытаний с одинаковых позиций и что их взаимодействие в этом важнейшем вопросе способствует созданию безъядерного и ненасильственного мира, за который выступает подавляющее большинство человечества.

Решение проблемы ядерного разоружения как важнейшей и первоочередной задачи не означает, что мир будет избавлен от угрозы уничтожения другими видами оружия массового поражения. К такому виду оружия относится прежде всего химическое, которое, если его не запретить, может принести много бед народам планеты. Боевое применение накопленных запасов этого вида оружия массового поражения представляет смертельную опасность для человечества и реальную угрозу для разрушения природной среды обитания.

Напомним, что в 60—70-х гг. американская военщина использовала во Вьетнаме более 100 тыс. т химических веществ. Главным объектом поражения были не только люди, но и среда их обитания, в результате чего гибли миллионы ни в чем не повинных людей, вымирали леса, уничтожался урожай, погибали дикие звери и домашний скот, дикая и домашняя птица, рыба, насекомые и даже микроорганизмы. Американский политический деятель Г. Нельсон, осуждая преступления, совершенные армией США во время химической войны во Вьетнаме, еще в августе 1970 г. заявил: «Истории человечества не были известны случаи, когда какое-либо государство объявляло войну окружающей среде обитания народа другого государства. США решились на проведение рискованного экологического эксперимента, который еще не осмеливалась проводить ни одна нация»¹⁸.

После войны во Вьетнаме администрация США не только не отказалась от планов использования химической войны, но, наоборот, принимает меры для совершенствования химического оружия. В директиве министра обороны К. Уайнбергера на 1985—1986 гг. перед американскими вооруженными силами поставлена задача быть готовым к «быстрому применению химического оружия... завершить разработку новых систем доставки бинарного химического оружия к цели»¹⁹.

Поскольку химическое оружие представляет собой материальную основу

ведения истребительной войны, оно подлежит запрещению и полной ликвидации. Но несмотря на многие годы усилий СССР и других стран, эта проблема до сих пор не нашла своего положительного решения. США, по сути дела, саботируют разработку конвенции о полном запрещении и ликвидации химического оружия, воздвигая на ее пути все новые преграды.

Какую же позицию занимают неприсоединившиеся страны в отношении химического оружия? Ответ на этот вопрос они дают однозначный. Движение неприсоединения всегда выступало за запрещение и ликвидацию этого оружия массового уничтожения. С первых дней своего зарождения ДН рассматривало химическое оружие таким же бесчеловечным и варварским, как и ядерное оружие. Оно выступает за изъятие химического оружия из arsenалов всех государств, прекращение его разработки и производства, уничтожение запасов и производственных мощностей под эффективным международным контролем, включая проведение инспекций на местах.

На Конференциях глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Лусаке (1970) и Коломбо (1976) вопрос о запрещении химического оружия рассматривался как важнейшая составная часть разоружения.

Наиболее полно вопрос о запрещении химического оружия был рассмотрен на VIII Конференции ДН в Хараре (сентябрь 1986 г.). Главы государств и правительств подчеркнули, что, хотя ядерное разоружение является самой первоочередной задачей, необходимо «предпринимать неослабные усилия ради безотлагательного заключения договора, запрещающего создание, производство, накопление и использование всего химического оружия». Они выразили глубокое беспокойство по поводу увеличения производства и использования химического оружия. На конференции прозвучал призыв ко всем государствам «провести искренние переговоры и воздерживаться от любых шагов, которые могли бы помешать скорейшему заключению конвенции о запрещении химического оружия»²⁰.

Краткое рассмотрение позиций социалистических государств и стран — участниц движения неприсоединения свидетельствует о том, что мировой социализм и движение неприсоединения решительно требуют запрещения химического оружия, представляющего угрозу человечеству и самой жизни на Земле, готовы взаимодействовать между собой, чтобы поставить прочный заслон на пути расползания этого оружия массового уничтожения, наряду с ядерным оружием навечно исключить его из жизни человеческого общества.

Неприсоединившиеся страны не в меньшей мере, чем социалистические, заинтересованы в сокращении обычных вооружений и вооруженных сил до пределов разумной достаточности.

Неприсоединившиеся страны связывают с сокращением вооружений свои надежды на лучшее будущее. Они не без основания полагают, что высвобожденные ресурсы в результате прекращения гонки вооружений создадут возможность для передачи части средств на цели их социально-экономического и культурного развития. Только сокращение на 10 % военных бюджетов постоянных членов Совета Безопасности могло бы высвободить немалые средства для оказания помощи развивающимся странам.

Сегодня на военные приготовления расходуются огромные материальные средства, которые непосильным бременем ложатся на экономику как развитых, так и развивающихся стран. Особенно пагубные последствия имеют военные расходы, которые несут молодые национальные государства. По данным ООН, военные расходы в 1986 г. составили свыше 900 млрд. долл., а объем помощи, оказываемой развивающимся странам, составил 22,4 млрд., т. е. в 40 раз меньше годового объема общемировых военных расходов. По

подсчетам военных экспертов, в капиталистическом мире до конца века будет израсходовано на военные цели свыше 9 трлн. долл. без учета расходов на развертывание программы СОИ, которая обойдется американским налогоплательщикам примерно в 3 трлн. долл.²¹

Значительные военные расходы на оборону вынуждены нести Советский Союз и другие социалистические страны в интересах поддержания обороны своих стран на должном уровне. Вопреки очевидным фактам, империалистическая пропаганда утверждает, что Советский Союз создал мощную военную машину, якобы имеющую целью нападение на «западные демократии» и создание угодных для него режимов в других странах. Лживые утверждения западных средств информации опровергаются неоспоримыми фактами конкретных действий нашей страны в защиту мира и международной безопасности.

Назовем лишь последние крупномасштабные инициативы стран — участниц Варшавского Договора в области борьбы за сокращение вооруженных сил и обычных вооружений от Атлантики до Урала. Первая из них была выражена в решениях Совещания Политического консультативного комитета (ПКК) государств — участников Варшавского Договора (Будапешт, июль 1986 г.). Социалистические страны Европы предложили странам НАТО провести существенное сокращение всех компонентов сухопутных войск и тактической ударной авиации, других видов вооружений, размещенных в Европе. Наряду с сокращением обычных вооружений и вооруженных сил имелось в виду и сокращение ядерных средств. Страны — участницы Варшавского Договора внесли предложение провести сокращение в размере 25 % по сравнению с сегодняшним уровнем, что составило бы свыше миллиона человек с обеих сторон.

Советский Союз выступал и выступает за сокращение вооруженных сил и вооружений и в Азии. Именно в этом контексте следует рассматривать предложения СССР относительно переговоров с КНР о соразмерном снижении уровня сухопутных сил, прежде всего в районе советско-китайской границы, а также советские предложения о выводе значительной части советских войск из Монголии. В этом же русле лежит и начавшийся вывод советских войск из Афганистана. Советский Союз заявил о своей готовности пойти на уничтожение всех своих ракет средней дальности в азиатской части страны при условии, что США сделают то же самое со своими РСД, расположенными на их территории.

Государства — члены Варшавского Договора выступили против разделения Европейского континента на противостоящие военные блоки и высказались за их своевременный роспуск. В качестве первого шага они предлагали ликвидировать военные организации Североатлантического блока и Варшавского Договора. Берлинское совещание ПКК стран Варшавского Договора (май 1987 г.) подтвердило решимость добиваться формирования всеобъемлющей системы международного мира и безопасности, которая охватывала бы как военную и политическую, так и экономическую и гуманитарную области. Инициатива социалистических стран направлена на преодоление конфронтационных подходов, утверждение цивилизованных норм, атмосферы гласности, открытости и доверия в международных отношениях²².

Важнейшее значение для борьбы за смягчение международной напряженности, за устранение войны из жизни человечества имеет заявление участников Варшавского Договора о том, что военная доктрина стран социалистического содружества является строго оборонительной, что в нынешних условиях применение военного пути для решения любого спорного вопроса не-

допустимо. Они торжественно заявили, что никогда, ни при каких обстоятельствах не начнут военных действий против какого бы то ни было государства или союза государств, если сами не станут объектом вооруженного нападения. Они также подчеркнули, что никогда не применят первыми ядерное оружие и что не имеют территориальных претензий ни к какому государству ни в Европе, ни вне Европы. Они декларировали, что не относятся ни к одному государству, ни к одному народу как к своему врагу. Государства — участники Варшавского Договора заявили, что свои международные отношения они твердо основывают на уважении принципов независимости и национального суверенитета, неприменении силы или угрозы силой, нерушимости границ и территориальной целостности, решения конфликтов мирными средствами, невмешательства во внутренние дела, равноправия и остальных принципов и целей, предусмотренных Уставом ООН и Хельсинкским заключительным актом²³.

Руководствуясь вышеуказанными принципами, страны Варшавского Договора предложили государствам — участникам Североатлантического союза провести консультации с целью сопоставления военных доктрин обоих союзов, чтобы военные концепции и доктрины обоих военных блоков и их участников базировались на оборонительных началах. СССР и другие социалистические страны Европы на совещании в Берлине обратились ко всем государствам — участникам Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе с предложением провести встречу министров иностранных дел, которая приняла бы решение о начале крупномасштабных переговоров в целях радикального сокращения вооруженных сил и обычных вооружений, тактического ядерного оружия в Европе при соответствующем снижении военных расходов. На этих переговорах следовало бы обсудить и ряд первоочередных мер, связанных с понижением военного противостояния и предотвращением угрозы внезапного нападения, взаимным выводом из зоны непосредственного соприкосновения двух военных союзов наиболее опасных, наступательных видов вооружений, а также уменьшением концентрации в этой зоне вооруженных сил и вооружений до минимального согласованного уровня²⁴.

В позиции движения неприсоединения в отношении угрозы ядерной катастрофы и ядерного разоружения, равно как и в отношении сохранения обычных вооруженных сил и вооружений, проявился его исконный тезис, в той или иной редакции проходящий (иногда, правда, в отрыве от реальных возможностей движения неприсоединения, с преувеличением его роли) через все основные документы ДН. Так, в первой, Белградской декларации неприсоединившиеся страны заявили, что «в современных условиях само существование и деятельность неприсоединившихся стран в интересах мира является одним из важнейших факторов обеспечения мира во всем мире». Тогда же они отметили, что считают существенным их участие в решении международных вопросов, «касающихся мира и безопасности во всем мире, так как никто из них не может остаться безразличным к этим, непосредственно затрагивающим их проблемам»²⁵.

Можно сказать, что ДН родилось с требованием разоружения. Полностью справедливы слова премьер-министра Индии Раджива Ганди, который в бытность председателем-координатором ДН писал: «Движение неприсоединения с момента своего возникновения стремилось к достижению мира через снижение напряженностей и продвижения к разоружению»²⁶.

Фидель Кастро, один из виднейших лидеров движения, в своем выступлении на VI Конференции ДН (Гавана, сентябрь 1979 г.) борьбу за мир назвал одним из основных вопросов для движения неприсоединившихся стран.

«Мир, разрядка, мирное сосуществование, разоружение — всего этого нужно требовать, нужно добиваться, нужно завоевывать, поскольку это не появится само по себе, а в сегодняшнем мире не существует другой альтернативы, если мы хотим, чтобы человечество уцелело»²⁷. Далее Ф. Кастро заявил, что дело мира не может быть оставлено только в руках крупных военных держав. Мир можно гарантировать лишь в том случае, если все страны проникнутся сознанием необходимости решительно бороться за него.

В августе 1986 г. в Дели индийским Институтом движения неприсоединения был проведен специальный семинар по проблемам ДН, на котором вопросы разоружения были в центре внимания его участников. Приведенные ниже высказывания представителей Индии дают более полное представление о позиции этой страны по вопросам ядерного разоружения.

Доктор Субраманиам, директор делийского Института оборонных исследований, охарактеризовал доктрину ядерной войны как террористическую. Он отметил огромное значение разоружения, которое могло бы не только уменьшить риск возникновения ядерной войны, но и способствовало бы решению различных глобальных проблем развития, созданию климата мира и международного сотрудничества, необходимого для его осуществления. Разоружение, считает доктор Субраманиам, не является чем-то утопичным и нереальным, как думают в некоторых кругах. Оно возможно, если две крупнейшие державы согласятся в том, что ядерную войну выиграть нельзя и ее нельзя начинать, что доктрина ядерного сдерживания не может долго существовать²⁸.

Прослеживая эволюцию и последующий рост движения неприсоединения, доктор Говинд Нарайян Шривастава в докладе «Историческая роль движения неприсоединения в борьбе за мир, ядерное разоружение и предотвращение милитаризации космоса» отметил, что ДН, которому 25 лет, является голосом тех людей на Земле, кто жаждет всеобщего мира и ядерного разоружения. По его мнению, ДН беспрецедентно выросло за последние годы, став главным демократическим союзом государств, недавно получивших независимость, и главным фактором мировой политики региона. Его главной целью является активное участие в борьбе за мир и предотвращение новой мировой войны, прекращение гонки вооружений, достижение разоружения, противодействие агрессивной империалистической политике. Начиная с первой Конференции ДН в Белграде в 1961 г., где разоружение было провозглашено самой насущной проблемой, призыв к более прочному миру и всеобщей безопасности, к ослаблению военной угрозы определяет всю политическую деятельность ДН.

VII Конференция глав государств и правительств стран — участниц ДН (Дели, 1983 г.) в Политической декларации вновь подчеркнула, что ядерное разоружение не является только моральным аспектом, а связано с проблемой выживания всего человечества. Неприсоединившиеся страны также уделяют внимание и проблеме милитаризации космоса. Сегодня борьба против ядерного оружия в космическом пространстве приобретает особую актуальность в свете опасных планов США по развертыванию работ в рамках СОИ.

Важным шагом в деле ослабления угрозы ядерной войны и предотвращения распространения гонки вооружений движение неприсоединения считает создание зон мира и зон, свободных от ядерного оружия. По мнению доктора Шриваставы, ДН имеет широкие возможности как фактор мировой политики и занимает позиции, позволяющие положительно влиять на развитие международного положения. В своем докладе он отметил, что все неприсоединившиеся страны объективно заинтересованы в ослаблении напряженности и защите мира на Земле²⁹.

Освещая проблемы азиатской безопасности в докладе «Концепция азиатской безопасности», доктор Р. К. Ананд из Делийского университета сказал, что проблема безопасности в Азии постоянно находится в фокусе внимания государств этого региона, преимущественно членов движения неприсоединения. После первой конференции ДН в Белграде в результате безостановочного развития ядерных вооружений в мире создалась качественно новая ситуация. Страх перед войной сделал проблемы международной безопасности более критическими, чем в дни создания движения неприсоединения. Он отметил, что подход к решению этих проблем сегодня должен быть более эффективным и на более широкой основе³⁰.

Большой вклад в движение неприсоединения вносит нынешний председатель ДН, выдающийся африканский лидер, премьер-министр Зимбабве Роберт Мугабе, который проявил себя на этом ответственном посту как зрелый и прозорливый руководитель. Он сделал ряд заявлений, которые определяют цели и задачи ДН на современном этапе его развития. Руководящими для ДН стали его слова, произнесенные на минувшей сессии конференции: «Сегодня самым важным вопросом, без ответа на который все остальные вопросы становятся бессмысленными, является вопрос разоружения. Не допустить уничтожения человечества в результате ядерной войны — вот неперемненные условия всех наших усилий»³¹.

Известно, что ДН от лица своего главного органа — Конференции глав государств и правительств — непосредственно обращалось по вопросам мира и разоружения со специальными воззваниями к руководителям двух ведущих ядерных держав. Первый раз это было на первой сессии Конференции в Белграде. Второй — четверть века спустя на восьмой сессии (Харарское воззвание).

И в первом и во втором случае к этим шагам движения неприсоединения СССР отнесся как к акциям сотрудничества в поисках решения важнейшей проблемы, ставшей перед человечеством. Характерно, что как в первом случае, так и особенно во втором, реакция двух «сверхдержав» на эти воззвания была различной. В то время как США, по существу, игнорировали эти прямые обращения, Советский Союз неизменно шел на сотрудничество с ДН. Напомним принципиально важное место из ответа Председателя Совета Министров СССР на первое обращение. «Как не порадоваться тому, — отмечалось в нем, — что правительства нейтралистских государств, население которых составляет одну треть человечества, возвысили свой голос в защиту мира, решительно осудив политику подготовки войны. Это будет иметь тем большее значение для развития мировых событий, что борьба за предотвращение войны и упрочение мира составляла и составляет главное содержание всей внешнеполитической деятельности социалистических государств, представляющих другую треть человечества.

Вот каким широким теперь стал круг государств, считающих заботу о мире своим кровным делом.

Внимание всех людей, несомненно, привлечет настойчивый призыв конференции к безотлагательному заключению договора о всеобщем и полном разоружении»³².

В Харарском воззвании, направленном на имя Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева и президента США Р. Рейгана, содержался призыв «приложить все усилия, чтобы уменьшить существующую напряженность и содействовать созданию климата доверия в мире для того, чтобы облегчить решение основных международных проблем мирными средствами. Мы призываем Соединенные Штаты Америки и Союз Советских Социалистических Республик, а также все другие ядерные державы, — говорилось в

воззвании,— предпринять немедленные шаги с тем, чтобы предотвратить возникновение ядерной войны»³³.

Р. Рейган отказался дать какой-либо ответ на Харарское воззвание, поскольку оно не отвечало внешнеполитическому курсу Вашингтона, делающего ставку на войну и ядерное оружие. В ответном же послании М. С. Горбачева дана высокая оценка работы VIII Конференции глав и правительств стран — участниц движения неприсоединения и ее решений по вопросам разоружения, особенно ликвидации ядерных вооружений.

В ответ на призыв участников VIII Конференции М. С. Горбачев выразил согласие советского руководства с идеей проведения новой советско-американской встречи в верхах. Было подчеркнуто, что советская сторона за такую встречу, но эта встреча должна быть «результативной и учитывать тот объективный факт, что Рейкьявик создал качественно новую международную ситуацию» и отступить от нее нельзя. Генеральный секретарь ЦК КПСС подчеркнул: «Мы считаем, что нужно сделать все для того, чтобы появившийся шанс решения проблем войны и мира в интересах всего человечества не был упущен»³⁴.

В этой связи исторически показательно, что при активном сотрудничестве Индиры Ганди и позже Раджива Ганди в качестве председателей — координаторов ДН с 1984 г. развернулась активная деятельность по содействию ядерному разоружению шести лидеров стран четырех континентов (Аргентины, Греции, Индии, Мексики, Танзании, Швеции), из коих половина — неприсоединившиеся. Она находит понимание и всемерную поддержку со стороны СССР, всех социалистических стран, что нашло, в частности, свое отражение в обмене многократными и очень конкретными по содержанию посланиями между Делийской шестеркой и Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым.

В своих обращениях Делийская шестерка решительно высказывается за безотлагательную разработку конкретных мер по предотвращению гонки вооружений в космосе и прекращению ее на Земле, с тем чтобы полностью и повсеместно ликвидировать ядерное оружие. В одном из своих последних ответов в 1987 г. советский лидер писал: «Еще раз с удовлетворением убедился в том, что наши подходы к принципиальным вопросам обуздания гонки вооружений, волнующим сегодня все человечество, по существу совпадают». Приветствуя неустанные усилия лидеров шести стран в этой области, М. С. Горбачев заверил их, что «и Советский Союз готов со своей стороны вносить самый активный вклад в это общее дело»³⁵.

Подводя итог, следует сказать, что, как и другие основные направления деятельности движения неприсоединения на мировой арене, его борьба за мир и ядерное разоружение, являющееся гарантией международной безопасности, не только объективно свидетельствует о единстве общечеловеческих устремлений ДН и стран мирового социализма, но и в той же мере о необходимости объединения их усилий для предотвращения грозящей человечеству катастрофы.

В Советском Союзе, в других странах социализма высоко ценят то, что ДН стремится играть и играет все возрастающую роль в решении узловых проблем современных международных отношений. Как подчеркнул М. С. Горбачев в своем ответе на Харарское воззвание, «Советский Союз со своей стороны исполнен решимости и дальше активно сотрудничать и взаимодействовать с неприсоединившимися странами — авторитетной прогрессивной силой современности — в решении тех жгучих проблем, которые стоят сегодня перед человечеством»³⁶.

Такова позиция и других социалистических стран, в том числе входящих в

Организацию Варшавского Договора (ОВД). Участники Варшавского Договора не раз коллективно высказывались на сей счет. Так, в своем заявлении «За устранение ядерной угрозы и поворот к лучшему в европейских и мировых делах», принятом на совещании ПКК в Софии в 1985 г., они объявили: «Полностью уважая самостоятельность этого движения, принципы, на которых оно основано, социалистические государства, представленные на совещании, готовы и впредь активно сотрудничать с неприсоединившимися странами в борьбе за устранение военной угрозы, разоружение и мир, за разрядку напряженности, против неокolonизма и расизма, за национальную независимость, в решении международных экономических проблем»³⁷.

Такое сотрудничество и взаимодействие — не конъюнктурное, преходящее явление. Оно имеет под собой прочный фундамент объективных факторов международного положения движения неприсоединения и мирового социализма и их развития в современном процессе изменения взаимосвязанного мира.

В системе мер, направленных на создание всеобъемлющей системы международной безопасности, не последнее место занимают зоны мира. В новой редакции Программы КПСС выражена убежденность в том, что «Азия, Африка, Латинская Америка, бассейны Тихого и Индийского океанов могут и должны стать зонами мира и добрососедства»³⁸. Создание в различных регионах Европы и в других районах мира зон, свободных от ядерного и химического оружия, а также зон пониженной концентрации вооружений и повышенного доверия, осуществление мер доверия являются частью общего процесса борьбы за мир и международное сотрудничество. Эта идея быстро завоевала популярность. Народы мира увидели в ней не только действенный путь к предотвращению распространения ядерного оружия, но и средство, способствующее смягчению международной напряженности, оздоровлению политического климата на планете. Вот почему Советский Союз уделяет вопросу о создании безъядерных зон столь важное значение.

К настоящему времени выдвинуто немало проектов создания безъядерных зон в районе Европы, Средиземного моря, в Латинской Америке, в Африке, Юго-Восточной Азии и в других регионах.

Участники безъядерных зон должны взять на себя обязательства не приобретать ядерного оружия и не допускать его размещения на своей территории. Советский Союз с самого начала занял позицию активной поддержки движений за безъядерные зоны.

Все активнее выступают за создание безъядерных зон широкие круги мировой общественности. Состоявшаяся в 1984 г. в Англии первая международная конференция по безъядерным зонам продемонстрировала растущую популярность этой идеи. Отовсюду поступают сообщения о принятии местными органами самоуправления решений об объявлении своей области или города безъядерной зоной. Стремление не допустить превращения своих стран в американский ядерный полигон получило массовый размах в Западной Германии, Японии, Бельгии, Норвегии, Италии, Голландии, Англии и в ряде других стран.

Лейбористское правительство Новой Зеландии недавно приняло закон об объявлении своей страны безъядерным государством. В связи с этим малайзийская газета «Нью стрейтс таймс» отмечала, что Новая Зеландия проявила смелость, сказав миру, что не желает иметь никаких дел с ядерным оружием.

В движение за безъядерные зоны включаются правительства и парламенты ряда стран, в том числе и стран Тихого океана. Представители 13 правительств, входящих в организацию «Форум стран южной части Тихого океана», объявили безъядерной зоной огромный район, простирающийся на тысячи километров от экватора до Антарктиды, от Австралии до берегов

Южной Африки. Островные государства южной части океана заключили антиядерный договор, получивший название «Договор Раротонга», который официально был признан Советским Союзом. Однако США отказались признать этот договор и ведут широкую кампанию по его дискредитации.

Внимание мировой общественности привлекла инициатива КНДР о превращении Корейского полуострова в безъядерную зону. Реализация этой инициативы имела бы огромное значение для упрочения мира и безопасности в этом стратегически важном районе мира.

В июле 1986 г. министры иностранных дел стран АСЕАН, собравшись в Маниле на свою очередную конференцию, высказались за превращение территории своих государств в безъядерную зону. Этот важный шаг стран АСЕАН имеет свою историю. Еще в 1971 г. они одобрили декларацию о провозглашении ЮВА зоной мира, свободы и нейтралитета (ЗОПФАН). Позже страны-участницы взяли на себя обязательство не разрешать применение, хранение, производство и испытания ядерного оружия в пределах упомянутой зоны. Они также заявили, что размещение иностранных военных баз на территории зоны несовместимо с концепцией нейтралитета. В настоящее время в странах АСЕАН обсуждается предложение Индонезии об объявлении Юго-Восточной Азии безъядерной зоной. Несмотря на оппозицию этой идее со стороны Сингапура и Таиланда, а также давление со стороны США, она набирает силу и приобретает права гражданства. Большое влияние на умонастроения стран АСЕАН оказал Договор Раротонга. Как заявил министр иностранных дел Индонезии М. Кусумаатмаджа, договор отвечает представлениям АСЕАН и может служить моделью для Юго-Восточной Азии³⁹. Вместе с тем он отметил, что созданию безъядерной зоны в ЮВА мешают расположенные здесь иностранные военные базы. При этом министр имел в виду прежде всего американские базы на Филиппинах — Субик-Бэй и Кларк-Филд, — опираясь на которые США контролируют положение в этом регионе.

Антиядерное и антибазовое движения, развернувшиеся на Филиппинах, вынуждают США маневрировать, а порою прибегать и к открытым формам давления на правительство К. Акино. Тем не менее под давлением антивоенных и антиядерных сил новое руководство Филиппин вынуждено было включить в проект новой конституции положение, гласящее, что Филиппины в «соответствии с национальными интересами проводят политику отказа от ядерных вооружений на своей территории».

Борьба за объявление Юго-Восточной Азии зоной, свободной от ядерного оружия, продолжается, и нет сомнения, что в ближайшем обозримом будущем она завершится победой тех сил, которые хотят видеть этот район зоной мира и стабильности.

Индия и другие неприсоединившиеся страны при активной поддержке Советского Союза ведут длительную и упорную борьбу за превращение Индийского океана в зону мира. Еще в 1971 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о превращении Индийского океана в зону мира и о незамедлительном созыве с этой целью международной конференции по Индийскому океану. В 1972 г. был образован Специальный комитет ООН по Индийскому океану для выработки практических мер по превращению этой обширной акватории в зону мира, где должны быть ликвидированы имеющиеся там иностранные военные базы и приняты меры, направленные к недопущению создания новых и прекращению наращивания военного присутствия других стран в океане.

Для решения этих и других вопросов, связанных с Индийским океаном, ООН приняла в 1979 г. решение о созыве международной конференции, на которой предполагалось выработать соответствующее международное соглаше-

ние. Однако это решение ООН до сих пор остается на бумаге из-за противодействия США и других западных держав.

Вопрос об Индийском океане не раз обсуждался на высших форумах движения неприсоединения, но и их решения саботируются теми же Соединенными Штатами.

На VI Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран (Коломбо, август 1976 г.) была принята Резолюция об Индийском океане, в которой государства — участники ДН резко осудили создание, поддержание и распространение таких военных баз, как Диего-Гарсия, и призвали великие державы воздерживаться от каких бы то ни было действий, могущих помешать претворению в жизнь Декларации об Индийском океане как зоне мира, положить конец бессмысленной эскалации военного соперничества, удалить военные и военно-морские базы, военные объекты и сооружения из района Индийского океана, прекратить их расширение, положить конец размещению ядерного и другого оружия массового уничтожения в этом районе.

Генеральная Ассамблея на своей 41-й сессии поручила Комитету ООН завершить в 1987 г. всю подготовительную работу по созыву не позднее чем в 1988 г. конференции по Индийскому океану. Социалистические страны, Индия и другие неприсоединившиеся государства прилагают максимум усилий, чтобы такая конференция состоялась в срок и на ней был рассмотрен весь сложный комплекс вопросов, связанных с океаном.

Конференция ДН в Хараре обязала главы государств и правительств приложить все усилия для того, чтобы конференция по Индийскому океану была проведена в Коломбо в кратчайший срок, т. е. не позднее 1988 г. В этой связи они призвали ко всестороннему и активному участию в этой конференции всех постоянных членов Совета Безопасности и ведущие морские страны, а также к сотрудничеству этих государств с приморскими и примыкающими к ним государствами, жизненно важному для успеха конференции.

Что касается позиции Советского Союза, то он готов начать в любое время переговоры с США о существенном сокращении в Индийском океане численности военно-морских сил, о мерах доверия в военной области применительно к Индийскому океану и к Азии в целом, о выработке гарантий безопасности морских коммуникаций, о подготовке соглашения по безопасности воздушных коммуникаций, о разработке международной конвенции по борьбе с терроризмом на морских и воздушных коммуникациях.

Решение этих и других вопросов, по мнению СССР, способствовало бы обеспечению мира и безопасности в зоне Индийского океана и в азиатско-тихоокеанском регионе в целом.

Обеспечение мира и международной безопасности тесно связано с существованием блоков и наличием многочисленных баз, опираясь на которые США угрожают миролюбивым народам, вмешиваются в их внутренние дела. Поэтому эти блоки должны быть распущены, а базы ликвидированы. Что касается Европы, то, как уже указывалось выше, радикальным средством оздоровления обстановки на континенте явился бы одновременный роспуск НАТО и ОВД, и прежде всего их военных организаций.

В Азии в настоящее время нет действующих военных блоков. СЕАТО, СЕНТО, АЗПАК фактически прекратили свое существование, а АНЗЮС дал серьезную трещину из-за позиции правительства Д. Лонги, объявившего Новую Зеландию безъядерным государством. Конечно, США не примирятся с таким развитием событий и будут делать все, чтобы свалить лейбористское правительство Д. Лонги и вернуть Новую Зеландию в лоно АНЗЮС. Но предстоит борьба, и борьба нелегкая, учитывая, что антиядерные настроения

сильны не только в Новой Зеландии, но и в соседней Австралии и особенно на островных государствах южной части Тихого океана, объединившихся на антиядерной основе в Южно-Тихоокеанский форум.

Оказавшись перед фактом развала блоков, США стали усиливать двусторонние связи со странами Азии, привязывая их к своей военной колеснице с помощью различных договоров. Такие военные договоры США имеет с Японией, Южной Кореей, Филиппинами, Пакистаном (секретное). С рядом других стран заключены соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве, которые содержат секретные статьи о военном сотрудничестве. Но стратеги из Пентагона не отказались и от идеи создания новых блоков. Вынашиваются планы сколачивания оси Вашингтон — Токио — Сеул. Делаются попытки подготовить общественное мнение азиатско-тихоокеанских стран к созданию так называемого Тихоокеанского сообщества, которое мыслится на первом этапе как «экономическое сообщество», куда США и Япония стремятся затянуть страны АСЕАН, Австралию, Новую Зеландию, Южную Корею и Канаду под предлогом налаживания экономического сотрудничества между развитыми и развивающимися странами якобы в интересах последних.

Особенно опасным для дела мира и безопасности в регионе является японо-американский Договор об обеспечении взаимной безопасности, который разросся в мощный военно-политический комплекс, охватывающий своим действием обширную акваторию Тихого океана. Военно-политический союз двух крупнейших государств — США и Японии — не может не вызывать тревогу у народов всего региона.

По данным иностранных источников, США имеют около 200 военных баз, разбросанных по всему периметру азиатско-тихоокеанской дуги — от Бахрейна до Японии. На американских базах несут боевую службу свыше 140 тыс. военнослужащих США. Только на территории Японии расположено 116 военных баз, крупнейшей из которых является Окинава, на которой хранится американское ядерное оружие. Опираясь на Окинаву, США осуществляют контроль над всей Юго-Восточной Азией. Другой крупной базой в Азии является вся Южная Корея, в которой размещено 40 тыс. солдат и офицеров США и где находится до 1000 ядерных зарядов различного назначения.

Важнейшими базами США являются Субик-Бей и Кларк-Филд на Филиппинах, Диего-Гарсия в Индийском океане, военно-морские базы на Бахрейне, на острове Мисра (Оман), на западном побережье Австралии, на Сейшельских островах, в Саймонстауне (ЮАР), в Джибути и на других стратегических пунктах, расположенных в азиатско-тихоокеанском регионе.

Страны — участницы движения неприсоединения являются принципиальными противниками всяких блоков. Неприсоединение к блокам — важнейший критерий участия той или иной страны в движении. Как отмечается в политической декларации Харарской конференции, «развитие международной обстановки в последнее время исчерпывающе подтверждает эффективность политики неприсоединения и ее принципов и целей как неблоковой, независимой, глобальной силы в международных отношениях, которая отвергает все формы подчинения»⁴⁰.

Советский Союз не имеет военных баз за пределами своей территории и является решительным противником создания таких баз на территории других государств. «Советский Союз, — подчеркивал М. С. Горбачев, — убежденный сторонник роспуска военных группировок и отказа от иностранных баз в Азии и на Тихом океане, вывода войск с чужих территорий. СССР — член Варшавского Договора, но это — европейский оборонительный союз и действует строго в договорных географических рамках. В свою очередь мы решительно выступаем против попыток США распространить «компетенцию» НАТО на

весь мир, включая Азию и Тихий океан»¹¹.

Совпадение или близость интересов и позиций социалистических и неприсоединившихся стран в вопросах разоружения были не раз продемонстрированы в ходе дискуссий и политической борьбы, которые ежегодно разворачиваются в стенах ООН. Можно было бы привести множество примеров, когда голосами этих двух групп государств принимались подавляющим большинством голосов важнейшие решения, направленные против гонки ядерных вооружений, за упрочение мира и международного сотрудничества. Можно также привести не один случай, когда США, выступая с позиций защиты гонки вооружений, оказывались в меньшинстве или даже в одиночестве.

Однако вопросы разоружения не являются единственной сферой, где плодотворно сотрудничают социалистические и развивающиеся страны. К числу таких вопросов можно отнести пресечение империалистической агрессии против неприсоединившихся или развивающихся стран, оказание помощи странам и народам, борющимся за свою свободу и национальную независимость, вопросы борьбы против расизма, колониализма и апартеида.

По мере развития борьбы вокруг вопроса о ядерном разоружении могут меняться позиции отдельных неприсоединившихся стран в ту или другую сторону, появляться новые акценты в их поведении, однако нет сомнения в том, что подавляющее большинство участников ДН будет идти в одном направлении со странами социализма до полной ликвидации этого варварского оружия, угрожающего всему человечеству. И чрезвычайно важно понимание ими того факта, что чем теснее будет взаимодействие между мировым социализмом и движением неприсоединения, тем быстрее будут решаться социально-экономические проблемы неприсоединившихся стран, тем активнее они будут действовать в качестве равноправных членов мирового сообщества.

Важно также отметить, что все большее количество государств — участников ДН начинают понимать, что разоружение и развитие тесно связаны между собой, что нельзя вырваться из вековой отсталости, не покончив с гонкой ядерных и иных вооружений. Вот почему можно полагать, что неприсоединившиеся страны будут становиться все более надежными и последовательными партнерами мирового социализма в борьбе за безъядерный мир, за выживание человечества.

¹ «Международная жизнь», 1987, № 2, с. 3.

² «Правда», 30.V.1973.

³ Non-Alignment: Retrospect and Prospect. Delhi, 1986, p. 79.

⁴ Ibid., p. 33.

⁵ Ibid., p. 37.

⁶ Ibid., p. 38.

⁷ Ibid., p. 38, 48.

⁸ «Международная жизнь», 1986, № 3, с. 20.

⁹ Док. ООН А/40/954, с. 14, п. 34.

¹⁰ Там же, п. 34.

¹¹ Там же, с. 15, п. 35.

¹² Док. ООН А/41/697, с. 16, п. 28.

¹³ Там же, с. 17, п. 32.

¹⁴ Там же, с. 18, п. 33.

¹⁵ См. там же, с. 18, п. 33.

¹⁶ Non-Alignment: Retrospect and Prospect, p. 44.

¹⁷ См.: Документы VIII Конференции неприсоединившихся стран в Хараре. М., 1986, с. 12.

- ¹⁸ «Международная жизнь», 1986, № 7, с. 47.
- ¹⁹ «Международная жизнь», 1986, № 1, с. 85.
- ²⁰ Документы VIII Конференции неприсоединившихся стран в Хараре. М., 1986, с. 15.
- ²¹ «Международная жизнь», 1987, № 6, с. 24.
- ²² См.: «Правда», 30.V.1987.
- ²³ См. там же.
- ²⁴ См. там же.
- ²⁵ Движение неприсоединения в документах и материалах. М., 1979, с. 56.
- ²⁶ Non-Alignment and Nuclear Disarmament. Delhi, 1986, p. 8.
- ²⁷ Фидель Кастро. Избранные произведения. М., 1986, с. 363—364.
- ²⁸ In: Non-Alignment: Retrospect and Prospect, p. 42.
- ²⁹ Ibid., p. 45, 56, 57.
- ³⁰ Ibid., p. 58—59.
- ³¹ Док. ООН A/41/697, с. 166.
- ³² Движение неприсоединения в документах и материалах, с. 64.
- ³³ «Известия», 4.XI.1986.
- ³⁴ «Правда», 4.XI.1986.
- ³⁵ Там же, 20.I.1987.
- ³⁶ Там же, 4.XI.1986.
- ³⁷ Там же, 24.X.1985.
- ³⁸ Программа Коммунистической партии Советского Союза (Новая редакция). М., 1986.
- с. 69.
- ³⁹ In: "International Herald Tribune", 25.VI.1976.
- ⁴⁰ Документы VIII Конференции неприсоединившихся стран в Хараре. М., 1986, с. 15.
- ⁴¹ «Правда», 29.VII.1986.

СССР — Япония: торгово- экономические отношения

Ю. С. СТОЛЯРОВ,
кандидат экономических наук
В. Г. ШВЫДКО

В большом и сложном комплексе советско-японских отношений торгово-экономические связи играют первостепенную роль. Они включают в себя взаимную торговлю, осуществление нескольких совместных проектов по разработке природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, отношения в области рыболовства и рыбохозяйственных исследований, научно-технические, транспортные, валютно-кредитные и другие экономические связи. СССР и Япония создали неплохую договорно-институциональную базу их осуществления.

Отмечая все положительное, что накопили стороны в торгово-экономической области, нельзя пройти мимо значительных трудностей, возникших с начала 80-х гг. Взаимная торговля потеряла устойчивую динамику развития, и образовался значительный дисбаланс. Начали топтаться на месте, а затем и сворачиваться научно-технические связи. Стали менее ясными перспективы экономического сотрудничества по разработке природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока и т. д. Другими словами, торгово-экономические связи между СССР и Японией подошли в своем движении к переломному рубежу: они либо будут топтаться на месте и даже сокращаться, или же страны сумеют переломить эту негативную тенденцию и придать своим отношениям в рассматриваемой области новую динамику. Для прогнозирования возможного движения в том или ином направлении необходимо прежде всего четко представлять причины возникших трудностей.

Причины трудностей

Наиболее рельефно проблемы выявились во взаимной торговле.

С начала 70-х гг., как это видно из таблицы, темпы прироста советско-японской торговли начали отставать от соответствующих показателей по группе развитых капиталистических стран, в результате чего Япония стала постепенно терять свои позиции на советском рынке. Одновременно начали ухудшаться позиции СССР во внешней торговле Японии. Если в 1975 г. на нее приходилось 3,8 % совокупного внешнеторгового оборота СССР и 12,1 % товарообмена с развитыми капиталистическими странами, то в 1986 г. — соответственно 2,4 и 11,0 %¹. Доля Советского Союза в японском экспорте за тот же период упала с 2,9 до 1,5 %, в импорте — с 2,0 до 1,6 %². В середине 70-х гг. Япония занимала 1—2-е места среди главных торговых партнеров СССР из числа стран Запада, в середине 80-х гг. — лишь 5—6-е. Одновременно в японском экспорте СССР опустился с 10-го на 13-е место, а в импорте — с 9-го на 22-е.

Динамика советско-японской торговли

	1961— 1965 гг.	1966— 1970 гг.	1971— 1975 гг.	1976— 1980 гг.	1981— 1985 гг.	1986 г.
Экспорт, млн. руб.	698	1547	2956	4 233	4 170	980
Импорт, млн. руб.	729	1066	3190	7 826	11 655	2205
Товарооборот, млн. руб.	1427	2613	6146	12 059	15 825	3185
Темпы прироста товаро- оборота, %	21,4	14,9	24,1	7,2	3,4	—1,0*
Темпы прироста товаро- оборота СССР с разви- тыми капиталистически- ми странами, %	8,0	10,8	27,5	14,8	6,7	—23,5*

* По сравнению с 1985 г.

Р а с с ч и т а н о п о: «Внешняя торговля СССР. Статистический сборник».

Советско-японская торговля стала терять также сколь-нибудь устойчивую динамику развития, для нее характерными стали резкие перепады в объемах экспорта и импорта.

Острый характер приобрела проблема несбалансированности. Если в 1971—1975 гг. общее отрицательное сальдо торговли с Японией составило 234 млн. руб., в 1976—1980 гг. — 3,6 млрд., то в 1981—1985 гг. — 7,5 млрд. руб. Дисбаланс стал серьезным лимитирующим фактором закупок в Японии, так как СССР ведет торговлю в конвертируемой валюте с большим количеством других капиталистических стран.

Вместе с тем, несмотря на развитие в советско-японской торговле неблагоприятных тенденций, по ряду позиций она продолжает играть важную роль для обеих стран. Так, для Японии Советский Союз остается одним из главных поставщиков лесоматериалов, особенно хвойных пород, ряда цветных и редких металлов, в том числе никеля, платины, палладия. Существенное место в японском импорте занимает ввоз из СССР коксующегося угля, калийных солей, хлопка. Все это положительно сказывается на «сырьевой безопасности» Японии, снижая потенциальный ущерб в случае сбоев в поставках или непредвиденных скачков в ценах других поставщиков.

Экспорт в СССР дает возможность облегчить положение ряда отраслей японской промышленности, переживающих сложный период структурной перестройки (черной металлургии, химической, текстильной), предоставляя им емкий и стабильный внешний рынок. Помогает он и ослаблению экономических и торговых трений Японии с ее главными партнерами, поглощая часть соответствующей продукции. В середине 80-х гг. на Советский Союз приходилось, например, около 10 % японского экспорта стального проката, пластмасс, синтетического каучука, значительная доля вывозимого текстиля, строительной техники, специализированных грузовых автомобилей и др.

Советский Союз в свою очередь в известной мере опирается на экономическое сотрудничество с Японией в разработке лесных ресурсов Советского Дальнего Востока, Южно-Якутского угольного бассейна и нефтегазовых месторождений сахалинского шельфа, в модернизации своей химической и нефтехимической промышленности, в реконструкции или строительстве новых предприятий по выпуску некоторых видов потребительских товаров. Все это тем не менее не смогло приостановить отмеченное выше нарастание неблагоприятных тенденций в советско-японской торговле, вызванных рядом причин экономи-

ческого, коммерческого, организационного и политического характера. Тесно переплетаясь, они в 80-е гг. в своем воздействии на взаимную торговлю приобрели эффект отрицательного резонанса.

Что касается экономических причин, то следует в первую очередь остановиться на крупных структурных сдвигах в японской экономике и внешнеэкономических связях в результате нового этапа научно-технического прогресса. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь, что в 70-е гг. произошел поворот, закрепленный в 80-х, от экстенсивного к интенсивному типу развития экономики, к массовому внедрению достижений научно-технического прогресса в производство, качественному изменению орудий и средств труда и технологии в промышленности, выпуску принципиально новых товаров³.

Во внешнеэкономических связях Японии отмеченные изменения нашли свое обобщающее выражение прежде всего в существенном изменении структуры экспорта и в известной мере импорта, в нарастании огромного положительного сальдо во внешней торговле страны, ставшей, по существу, самой несбалансированной в мире. Наконец, произошел решительный поворот к «интернационализации» японской экономики, базирующейся на массивном экспорте и отчасти импорте капитала. В результате поменялись приоритеты отдельных направлений во внешнеэкономических связях Японии, значение тех или иных регионов, стран и рынков. Все это не могло самым непосредственным образом не затронуть Советский Союз, переживавший иной этап своего экономического развития, тенденции которого далеко не всегда совпадали с имевшими место в японской экономике. В результате степень взаимодополняемости экономик двух стран за последнее десятилетие снизилась, объективно сузились возможности расширения взаимного торгово-экономического обмена, стали нарастать прочие отрицательные тенденции. В частности, крупные структурные сдвиги в японской экономике и внешнеэкономических связях тесно переплелись с нарастанием коммерческих трудностей в советско-японской торговле. Общее снижение темпов роста японской экономики, циклический кризис, пережитый ею в 1982—1984 гг., изменения в отраслевой и стоимостной структуре производимого национального продукта, режим всемерной экономии ресурсов, усиливающийся по мере их удорожания, — все это оказывает воздействие на японскую внешнюю торговлю в направлении относительного, а в ряде случаев и абсолютного уменьшения потребностей в импорте больших количеств сырья и топлива, составляющих основу советского экспорта в эту страну.

В 1985 г. общий импорт Японией сырья и минерального топлива (в текущих ценах) составил 82,4 % уровня 1980 г., а по лесу и лесоматериалам хвойных пород, спрос на который особенно сильно зависит от колебаний конъюнктуры, — лишь 53,5 %⁴. Учитывая, что от 30 до 40 % стоимости советского экспорта в Японию приходится на лес и лесоматериалы, можно представить, какие трудности это создало для советско-японской торговли.

Условия для советского экспорта, ухудшившиеся в результате происходящих в японской экономике структурных сдвигов, а также в результате ряда коммерческих трудностей, осложняются также из-за воздействия внешних по отношению к двусторонним связям факторов. Быстрый рост активного сальдо Японии в торговле с ее основными партнерами (США, странами Западной Европы и Юго-Восточной Азии, а в последние годы — и с КНР) вынуждает ее в интересах смягчения возникающих политических трений предпринимать усилия для увеличения ввоза товаров прежде всего из этих стран⁵. Так, в последние годы резко возрос импорт каменного угля, леса, сельскохозяйственных продуктов из США; нефти газа и лесных товаров из стран ЮВА; каменного угля, нефти и зерна из КНР и т. д.

Усилилась конкуренция советскому сырью на японском рынке со стороны

развивающихся стран. Сталкиваясь с проблемой задолженности и нехваткой валютных ресурсов для форсирования экономического роста, они активно выходят на мировые рынки сырьевых и промышленных товаров, даже если движение конъюнктуры не позволяет надеяться на существенное увеличение спроса на их продукцию. Все это не может не оказывать сдерживающего влияния на рост советских поставок в Японию.

На динамику и структуру взаимной торговли несомненное воздействие оказывает и изменение импортных потребностей СССР, связанное с решением конкретных народнохозяйственных задач. Так, осуществление масштабной программы развития газовой и нефтедобывающей промышленности, необходимость строительства крупных магистральных трубопроводов привели к резкому увеличению закупок труб большого диаметра, на долю которых приходилось в 1976—1982 гг. в среднем более 20 % импорта из Японии⁶. Завершение строительства основной части указанных трубопроводов вызвало и уменьшение соответствующего импорта — с 927 млн. руб. в 1982 г. до 556 млн. руб. в 1985 г.

Большое воздействие на формирование взаимной торговли оказывает положение дел в осуществлении совместных проектов по развитию природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Поскольку в 80-е гг. между двумя странами не были заключены столь масштабные экономические соглашения, как в 70-е, и не выделены соответствующие кредиты, то это, естественно, не могло не оказывать сдерживающего влияния на закупки японских машин и оборудования. С другой стороны, сузились рамки и для продаж советского сырья. Кроме того, имели место трудности с реализацией японских кредитов в области внутренних капиталовложений в Сибири и на Дальнем Востоке СССР, что заставило стороны неоднократно пересматривать сроки поставок сырья в счет погашения кредитов, условия реализации проектов, находящихся в стадии первоначального осуществления или проработки.

В немалой степени на динамику взаимной торговли оказывали также влияние препятствия, искусственно воздвигаемые японской стороной. Не секрет, что именно в начале 80-х гг. правительство Японии и находящиеся под его контролем учреждения и организации взяли курс на всемерную политизацию торгово-экономических отношений с СССР, т. е. на их увязку с решением политических вопросов как двусторонних отношений, так и в рамках взаимоотношений Восток — Запад. Правящие круги Японии, манипулируя надуманной «проблемой северных территорий», стали придерживаться принципа «неразделимости политики и экономики». Министр иностранных дел С. Абэ заявил: «Наша экономическая политика в отношении СССР будет более жесткой, чем западноевропейских стран. Япония будет использовать свою экономическую мощь в качестве оружия против СССР»⁷.

Движимое стремлением оказать нажим на Советский Союз, а также продемонстрировать свою верность курсу США во внешней политике, японское правительство резко ограничило кредитование Экспортно-импортным банком Японии экспорта в СССР, усилило контроль за соблюдением рекомендаций КОКОМ, ограничивающих продажу социалистическим странам высокосложного оборудования, создало препятствия для контактов деловых кругов Японии с советскими представителями, осуществило другие дискриминационные меры. В результате подобных действий не только оказались сорванными переговоры по ряду взаимовыгодных контрактов. По мнению многих японских специалистов, ухудшилась репутация японских фирм как надежных торговых партнеров. Эксперт Федерации экономических организаций Японии («Кэйданрэн») по японо-советской торговле К. Судзуки отмечал, что, хотя «оценки фактического воздействия «санкций» против Советского Союза на объем двусторонних сделок сильно различаются даже среди японских специалистов... несомненно,

что доверие Советского Союза к Японии как торговому партнеру было утрачено»⁸.

Особого рассмотрения требует активизация деятельности японских властей по ужесточению экспорта в СССР наукоёмкой и технически сложной продукции, а также новейшей технологии, подпадающей под ограничительные списки КОКОМ. В стране функционирует целая система органов и специальных процедур в этой области. Создается впечатление, что этот качественно новый элемент в советско-японских торгово-экономических отношениях возник не только и, может быть, не столько в результате давления извне, сколько в немалой степени из-за своего рода «технологического упоения», охватившего некоторые круги официального Токио. Более того, вопросы передачи наукоёмкой продукции и технологии Советскому Союзу стали одним из предметов взаимного торга в общем комплексе японо-американских отношений, отмеченных серьезными противоречиями в торгово-экономической области.

С начала 80-х гг. Япония трижды пересматривала, в основном в сторону увеличения, свой национальный список ограничений по экспорту. Проводя согласование итогового коммюнике IX совещания совместных комитетов по экономическому сотрудничеству СССР и Японии, проходившего в декабре 1984 г. в Токио, японская сторона не нашла ничего лучшего, как до подписания документа ознакомить с его содержанием американское посольство в Японии, лишь бы «не прогневать» американскую сторону. Законно гордясь высоким уровнем производимой продукции и стремясь продемонстрировать ее лучшие образцы на своей торгово-промышленной выставке, проходившей в Москве в октябре 1986 г., японская сторона самым подробным образом ознакомила со списком собственных экспонатов... американских экспертов и учла их соображения относительно того, что можно показать советским людям⁹. Эти и другие шаги японских властей в данной области не только роняют авторитет организаторов подобных акций, но и наносят прямой ущерб развитию отношений с Советским Союзом. Как писала близкая к деловым кругам газета «Майнити», ограничения КОКОМ «оказывают прямое влияние на японский экспорт в СССР... лимитируя возможности японского бизнеса в этой сфере»¹⁰.

Под этим углом зрения следует рассматривать невиданную в послевоенной Японии кампанию шпиономании, развернутую в 1987 г. вокруг фирмы «Тосибикай». К сожалению, серьезно пострадали и советско-японские отношения в целом, сведены на «нет» намечавшиеся в них положительные сдвиги.

В этой связи отметим также, что было бы ошибочным отрицать наличие в официальных и деловых кругах Японии трезво мыслящих представителей, которые хотели бы нормальных, добрососедских отношений с Советским Союзом, не понимали бы ошибочности курса на безоговорочную поддержку тех сил за пределами Японии, которые стремятся вести фронтальное наступление на СССР. Именно эта часть японских деловых кругов, обеспокоенная политизацией торгово-экономических отношений с СССР и нарастанием в них отрицательных тенденций, неоднократно предпринимала меры по выправлению сложившегося положения. С этой целью в разгар «экономических санкций» в феврале 1983 г. в Москву направилась самая представительная делегация японских бизнесменов, когда-либо выезжавшая за пределы страны. И если визит делегации в СССР практически не привел к ощутимым результатам, то сомнительная заслуга в этом принадлежала японскому правительству. Задача японской торгово-экономической делегации состояла в том, чтобы сохранить и по возможности даже повысить уровень экономического обмена между двумя странами, который пострадал из-за экономических санкций... Как раз в тот момент, когда делегация должна была отбыть из Японии, высокопоставленный сотрудник МИД заявил, что политические и экономические вопросы

не следует рассматривать в отрыве друг от друга: если предприниматели будут думать о прибыли, они будут играть на руку политике раскола Запада. Кроме того, правительством и ЛДП были предприняты и другие попытки как-то ограничить свободу действий делегации, как отмечала японская печать¹¹.

Тем не менее было бы упрощением считать, что официальный Токио не видит пределов, до которых можно вести дело к ухудшению отношений с СССР без ущерба для интересов страны. Японские правящие круги не могут пройти и мимо крупных советских инициатив по укреплению мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе, развитию отношений с Японией, наконец, игнорировать роль Советского Союза в мировых делах. С учетом этих, а также некоторых других внешне- и внутривластных факторов правящие круги Японии были вынуждены в середине 80-х гг. внести известные коррективы в отношения с Советским Союзом, предпринять ряд позитивных шагов, в том числе в торгово-экономической области.

Середина 80-х гг.: признаки поворота к лучшему

С 1985 г. в советско-японских торгово-экономических связях наметились признаки оживления, которое при наличии благоприятных условий может перерасти в достаточно устойчивый подъем.

В первую очередь это относится к взаимной торговле. Наиболее существенным здесь является постепенное увеличение с 1983 г. объема советского экспорта в Японию. И хотя почти весь прирост был достигнут в результате того, что начали осуществляться предусмотренные долгосрочным соглашением поставки коксующихся углей с Нерюнгринского разреза в Южной Якутии, тем не менее сам факт определенного сдвига в динамике экспорта имеет немало-важное значение.

Позитивные перемены коснулись также и других областей экономических связей. В декабре 1984 г., после пятилетнего перерыва, состоялось IX совместное совещание Советско-японского и Японо-советского комитетов по экономическому сотрудничеству. По оценке участников, оно сыграло чрезвычайно важную роль в восстановлении атмосферы доверия и заинтересованности в экономических отношениях между нашими странами, в активизации по скоров путях преодоления сложившейся здесь неблагоприятной ситуации.

12 мая 1985 г. было подписано межправительственное соглашение о сотрудничестве в области рыбного хозяйства, в соответствии с которым была создана и начала свою деятельность советско-японская смешанная комиссия по рыбному хозяйству. Соглашение включает такие важные аспекты сотрудничества, как научно-технический обмен, взаимное изучение биоресурсов 200-мильных зон, кооперацию в области рыбоводства, совместные исследования проходных видов рыб. На принципиально новой основе решены в соглашении вопросы использования лососей советского происхождения, учитывая особые права СССР на их запасы.

Сотрудничество советских и японских рыбаков базируется сегодня не только на межправительственных соглашениях, но и на договоренностях между Минрыбхозом СССР и заинтересованными японскими организациями, а также совместным участием в ряде международных организаций по рыболовству. Успешные контакты осуществляются, в частности, с такими японскими рыболовными фирмами, как «Тайё гёгё», «Ниппон суйсан», «Нитиро гёгё» и др. Опыт двух стран в использовании морских живых ресурсов, в частности в северо-западной части Тихого океана, а также советско-японский диалог по вопросам экономического и научно-технического сотрудничества в этой области, по осуществлению норм и принципов морского права можно с полным основанием рас-

смагивать в качестве примера для других государств, занимающихся проблемами использования биоресурсов Мирового океана.

5 декабря 1985 г. стороны заключили второе генеральное соглашение о поставках из СССР в Японию технологической щепы и балансового долготья листовых пород, а из Японии в СССР — соответствующих машин, оборудования и материалов. Определенные сдвиги наметились в области расширения туристического обмена: прошло несколько совещаний представителей «Интуриста» с японскими фирмами, открыто агентство «Интуриста» в Южно-Сахалинске, подготавливающее условия для расширения приема японских туристических групп на острове. Активизировался и научно-технический обмен. ЭИБ Японии возобновил кредитование экспорта в СССР стальных труб и проката.

Несомненную роль в активизации экономических связей, в выводе их из тупикового состояния, в котором они находились в предыдущие годы, сыграл официальный визит в Японию в январе 1986 г. министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе. Незадолго перед визитом, 26 ноября 1985 г., японское правительство приняло решение об отмене «экономических санкций» в отношении СССР, полагая, что продолжение их действия не будет способствовать успеху предстоящих переговоров, а японские фирмы будут нести убытки в результате потери советских заказов.

В ходе советско-японских переговоров вопросы взаимных экономических связей заняли большое место, был подписан ряд документов в этой области. В частности, министры иностранных дел СССР и Японии подписали соглашение о товарообороте и платежах на 1986—1990 гг. Частью этого документа стали обменные письма правительства о содействии развитию прибрежной торговли между краями и областями Дальнего Востока СССР и Сибири и заинтересованными японскими фирмами и кооперативами. Была заключена конвенция об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы. Стороны договорились также повысить уровень ежегодных консультаций по торгово-экономическим вопросам.

В результате переговоров были выведены из застоя отношения в области науки и техники, достигнута, в частности, договоренность о созыве после семилетнего перерыва очередной сессии советско-японской комиссии по научно-техническому сотрудничеству, которая была проведена в сентябре 1986 г. Обсуждались также вопросы рыболовства, сотрудничества в обмене передовой технологией, в освоении ресурсов Мирового океана, обеспечения безопасности на АЭС и др.

Выступая на пресс-конференции после переговоров, Э. А. Шеварднадзе подчеркнул, что достижение указанных договоренностей отвечает интересам Японии не в меньшей мере, чем Советского Союза. «...У нас одинаковая заинтересованность в развитии экономического сотрудничества... Мы не конкуренты, наши экономические и торговые структуры взаимодополняемы. В этом смысле ясно, что должна быть взаимная заинтересованность в развитии наших торгово-экономических связей, отсюда вытекает и их полезность»¹².

Отражением такого рода взаимной заинтересованности явилось проведение в Москве в марте 1986 г. очередного раунда торгово-экономических консультаций на более высоком, чем ранее, уровне. Советская сторона положительно отнеслась к пожеланиям японской стороны относительно условий деятельности представительств японских фирм в Москве, подписаны обменные письма о содействии выполнению второго генерального соглашения о поставках в Японию технологической щепы и балансов.

Наконец, определенное значение в плане закрепления тенденции к стабилизации и последующему укреплению взаимных экономических отношений имело

проведение в апреле прошлого года в Москве X совещания комитетов по экономическому сотрудничеству двух стран. В ходе его советская сторона представила целый ряд предложений, осуществление которых могло бы поднять торгово-экономические отношения на более высокий уровень. В октябре 1986 г. с большим успехом прошла в Москве японская торгово-промышленная выставка, в которой при содействии японского правительства и выражающей интересы деловых кругов Ассоциации содействия внешней торговле (ДЖЕТРО) приняли участие свыше 260 фирм.

Вывод из приведенного перечня положительных сдвигов в торгово-экономических связях между СССР и Японией напрашивается сам собой: при обоюдном желании и ясно выраженной политической воле можно преодолеть самые трудные ситуации, более того, придать нашим отношениям дополнительные импульсы развития.

Новые контуры перспектив

Разумеется, было бы неверно переоценивать значение сдвигов, наблюдающихся в двусторонних торгово-экономических связях, возлагать на них чрезмерные надежды. Масштабы и динамика этих связей испытывают воздействие слишком многих факторов, в том числе и не зависящих от непосредственных участников обмена. В результате в первом полугодии 1987 г. объем взаимной торговли вновь сократился более чем на 30 %, торгово-экономические связи опять подошли к опасной черте необратимого свертывания. Каковыми представляются их перспективы?

Принципиальный подход СССР к развитию торгово-экономических обменов с другими государствами был изложен на XXVII съезде КПСС, в материалах которого отмечалось, что в современном мире активное развитие экономических и научно-технических связей, участие в международном разделении труда насуточно необходимы, что Советский Союз в этом видит средство поддержания и укрепления мирных, добрососедских отношений между государствами, взаимного содействия в решении народнохозяйственных проблем. Разумеется, все это в полной мере относится и к отношениям с Японией.

Практика показала, что, какие бы благоприятные предпосылки для торгово-экономических отношений ни существовали, они могут быть перечеркнуты недружественными акциями в политической области, сведены на нет различного рода увязками и дискриминационными мерами. Поэтому для советско-японских торгово-экономических отношений наилучшим был бы отказ от подобных шагов в будущем.

Что касается чисто экономических факторов, определяющих рассматриваемые перспективы, то их следует разделить на кратко- и долгосрочные.

Краткосрочные факторы лежат прежде всего в области увеличения и качественного совершенствования советского экспорта в Японию на основе нынешней структуры: ведь ожидать ее быстрого изменения было бы нереалистично. В связи с этим вряд ли можно полностью согласиться с высказываемой иногда точкой зрения, что традиционные товары советского экспорта в Японию уже исчерпали свои возможности. На наш взгляд, недопустимо ослабление внимания к работе на этом направлении, ведущее к потере позиций, занимаемых на японском рынке этими товарами.

Немалые резервы имеет прибрежная торговля, динамика роста которой в последние годы была замедленной¹³. Можно полагать, что ускорение развития советского Дальнего Востока, товарами которого в основном обеспечивается вывоз по линии прибрежной торговли, осуществление коренного совершенствования внешнеэкономической деятельности в Советском Союзе, расшире-

ние в рамках хозяйственной реформы прав местных предприятий позволят увеличить экспортные ресурсы, поднять качество вывозимой продукции и соответственно увеличить импорт японских товаров. Прибрежная торговля, которая, по нашему мнению, имеет хорошие перспективы, может и должна сыграть важную роль в укреплении атмосферы доверия и добрососедства между народами СССР и Японии.

Далеко не исчерпала свои возможности такая испытанная форма долгосрочного сотрудничества, как компенсационные соглашения в добывающих отраслях. Япония по-прежнему нуждается в больших количествах сырья и топлива для промышленности, и использование советских поставок природных ресурсов там, где для этого имеются соответствующие предпосылки, является существенным элементом для поступательного движения советско-японских экономических отношений.

Самым важным здесь представляется безусловное и неукоснительное выполнение сторонами принятых на себя обязательств по уже подписанным соглашениям в этой области, недопущение срывов в поставках, произвольных изменений в ценах и т. д. Можно с чувством удовлетворения отметить поэтому, что упомянутый выше проект поставки южнокутских коксующихся углей после периода известных трудностей набирает силу и в полной мере начинает работать на расширение взаимных торгово-экономических отношений.

Подобного развития событий хотелось бы ожидать и от нового соглашения 1985 г., касающегося поставок в Японию технологической шепы, и особенно от сахалинского нефтегазового проекта. К сожалению, условия для выполнения плана обустройства месторождений и начала добычи природного газа и нефти в последние годы складывались неблагоприятно. К трудностям поиска конечных потребителей газа в Японии и согласования условий кредитования второй стадии проекта (обустройство месторождения, строительство газопровода, заводов по сжижению газа и погрузочных терминалов) добавились падение цен на энергоносители, а также повышение курса иены, удорожающее для советской стороны стоимость японского оборудования. Тем не менее сохраняется возможность найти приемлемое для обеих сторон решение существующих здесь проблем.

При анализе перспектив советско-японского сотрудничества в этой области было бы нереалистичным не видеть, что в нынешних условиях предпосылки для заключения новых крупномасштабных проектов компенсационного типа просматриваются недостаточно четко. Целесообразно поэтому, на наш взгляд, вновь вернуться к рассмотрению небольших компенсационных проектов, о чем стороны обменивались соответствующими предложениями во второй половине 70-х гг.¹⁴ Дополнительным стимулом могло бы стать подключение к реализации этих проектов нового законодательства о создании и деятельности на территории Советского Союза совместных предприятий с участием советских и иностранных предприятий.

Наконец, обе страны могли бы серьезно проработать вопрос о расширении сферы действия компенсационных соглашений, т. е. не ограничивать их лишь сферой добычи сырья, а распространить на обрабатывающий сектор промышленности, на сферу услуг, в частности на поставки в Японию ряда базовых химических товаров, нефтепродуктов, некоторых цветных металлов, в первую очередь алюминия. Ряд японских фирм уже реализуют через свою торговую сеть в третьих странах значительные количества химических продуктов, производимых на предприятиях, построенных в СССР с японским содействием. Все это говорит о том, что при определенных усилиях заинтересованных сторон можно найти формы плодотворного использования промышленного потенциала Советского Союза для расширения торговых связей с Японией.

Большим резервом для развития взаимных связей могла бы стать сфера услуг в самом широком понимании этого слова. Наши страны уже имеют опыт сотрудничества в области транспорта, где СССР предоставляет различные услуги японской стороне в качестве компенсации за ее участие в строительстве первой очереди порта Восточный. Планируемое расширение мощностей порта (строительство еще одного угольного пирса, комплекса для погрузки калийных солей, нового контейнерного терминала и др.) подтверждает немалые возможности этой формы деловых связей. Совместное участие в строительстве других объектов транспортной инфраструктуры могло бы в свою очередь дать толчок более широкому предоставлению транспортных услуг, в частности перевозкам грузов через территорию СССР в Западную Европу и из Европы в Японию.

Советский Союз и Япония могут существенно расширить туристический обмен, являющийся важным фактором укрепления доверия между странами, создания обстановки подлинного добрососедства. О возможностях и плодотворности такого обмена убедительно свидетельствует опыт советско-финских отношений. Основываясь на новом законодательстве СССР о создании и деятельности на территории страны предприятий с участием иностранных организаций, «Интурист» СССР и финская компания «Финнэйр» начинают работы по реконструкции одной из московских гостиниц с последующей совместной эксплуатацией¹⁵.

Неиспользованные возможности имеются и в области валютно-кредитных отношений между двумя странами. Речь идет, в частности, о необходимости открытия в обеих странах советских и японских банковских учреждений, заключения всеобъемлющего межправительственного кредитного соглашения, оживления контактов по этой линии. Не секрет, что кредит — это двигатель торговли машинно-технической продукции, совместных проектов, других форм торгово-экономических связей. Заинтересованность по этим вопросам обоюдная, поэтому для улучшения позиций японских экспортеров на советском рынке позитивное отношение правительства Японии к проблеме кредитования представляется особенно важным.

Существенное, на наш взгляд, значение приобретает поиск новых сфер и форм взаимных экономических связей. С этой точки зрения представляется важным проработка и последующее осуществление советских предложений, нацеленных на постепенное уменьшение несбалансированности торгово-экономических связей за счет более широкого использования научно-технического потенциала Советского Союза. Первым шагом на этом пути могло бы стать расширение импорта советских патентов и лицензий, получение на коммерческой основе технических услуг. Как отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, «почему бы также не наладить долговременное сотрудничество в исследовании и комплексном освоении ресурсов океана, не состыковать программы мирного изучения и использования космоса»¹⁶.

Еще одним шагом может быть научно-техническое сотрудничество, в том числе совместные разработки в таких областях, как общее и электротехническое машиностроение, автомобилестроение, металлургия, химическая индустрия, производство стройматериалов и легкая промышленность. По некоторым из этих направлений уже налажены контакты ГКНТ СМ СССР с японскими компаниями. В целом подход к этим и другим возможным направлениям экономических обменов в рассматриваемой области может строиться из соединения достижений советской науки в области фундаментальных исследований с большим опытом японских фирм в разработках прикладного характера.

Наконец, после создания соответствующих условий возможна и прямая производственная кооперация в крупных масштабах, совместное производство

промышленных изделий на основе использования советских научно-технических разработок. Уже обсуждается вопрос о привлечении производственной кооперации к изготовлению дорожного и строительного оборудования, металлообработке и т. п.

Новые возможности открываются в связи с принятием Президиумом Верховного Совета СССР 13 января 1987 г. Указа по вопросам, связанным с созданием на территории СССР и деятельностью совместных предприятий, международных объединений и организаций с участием советских и иностранных организаций, фирм и органов управления.

Эти совместные с иностранными партнерами начинания мыслятся советской стороной прежде всего как современные предприятия, обеспечивающие выпуск продукции на уровне лучших мировых образцов, часть которой непременно должна реализовываться за рубежом. При этом не исключается создание таких совместных предприятий, которые будут работать в основном на внутренний рынок. В настоящее время соответствующие советские организации изучают поступившие от японских компаний первые предложения о создании совместных предприятий в деревообрабатывающей, легкой и пищевой промышленности, в ряде отраслей машиностроения. По некоторым из них приняты положительные решения. Важно при этом иметь в виду не только значение отмеченного выше указа и соответствующего постановления Совета Министров СССР, но и то, что в Советском Союзе осуществляется сейчас реформа всей внешнеэкономической деятельности. С 1 января 1987 г. более чем 20 министерствам и ведомствам СССР, а также 70 крупнейшим объединениям и предприятиям предоставлено право непосредственно осуществлять экспортно-импортные операции. Готовятся новые крупные шаги в этом направлении¹⁷. Поэтому в практике советско-японских торгово-экономических отношений особо важное значение приобретает взаимное информирование друг друга о мероприятиях в этой области, экспортно-импортных возможностях, проблема рекламы.

Новой перспективной формой советско-японских деловых связей может стать совместная деятельность в третьих странах, прежде всего развивающихся, где объектами сотрудничества обычно являются строительство промышленных предприятий и объектов инфраструктуры, лизинг и обслуживание оборудования, услуги типа «инжиниринг».

Совместную деятельность в третьих странах можно развивать в более широком плане — плане сотрудничества СССР и Японии в решении крупных экономических проблем азиатско-тихоокеанского региона. Взаимные усилия могли бы быть направлены на развитие его производительных сил, подготовку кадров, более полное использование трудовых ресурсов, разработку новых источников энергии, в том числе ядерной; на совершенствование средств связи, новых форм торгово-экономического и финансового сотрудничества с учетом интересов развивающихся стран; на разработку мер по охране окружающей среды и рациональному использованию биологических и минеральных ресурсов Тихого океана; на сотрудничество в области медицины и здравоохранения, на борьбу со стихийными бедствиями и т. д. Почему бы нашим двум странам не объединить усилия в намечаемой к осуществлению с осени 1987 г. 10-летней программе изучения метеорологических и океанографических условий в Тихом океане, о которой объявлено в Японии?¹⁸

Складывающаяся ситуация в советско-японских торгово-экономических отношениях, необходимость решения в будущем крупных задач требуют, на наш взгляд, новых подходов к их организации и осуществлению. Следовало бы подумать о привлечении к этому процессу более широкого круга специалистов, представителей общественности, ученых, об организации, например,

«группы мудрецов» двух стран, которая бы занималась стратегическими проблемами советско-японских торгово-экономических отношений.

Не потерял своей актуальности и вопрос о заключении между двумя странами Соглашения о принципах экономического сотрудничества, проект которого был предложен СССР в 1973 г., или же другого, аналогичного по духу соглашения, отвечающего нынешнему состоянию взаимных связей в торгово-экономической области. Новый этап экономического развития СССР и реформа его внешнеэкономических связей открывают, по нашему мнению, возможности для установления прямых экономических связей между отдельными районами СССР (например, Приморского края) и Японии (в частности, Хоккайдо). Подобные связи уже вошли в хозяйственную практику ряда японских префектур и некоторых районов Канады и США.

Анализируя трудности, некоторые положительные сдвиги, а также перспективы советско-японских торгово-экономических отношений, следует исходить из того, что СССР и Япония — близкие соседи. Поэтому, как подчеркивал М. С. Горбачев, «объективное положение наших двух стран в мире таково, что требует углубленного сотрудничества на здоровой реалистической основе, в атмосфере спокойствия, не обремененной проблемами прошлого»¹⁹. Думается, что торгово-экономический обмен мог бы сыграть исключительно активную роль в установлении такой атмосферы в советско-японских отношениях, переживающих ныне сложный период.

¹ Рассчитано по: Внешняя торговля СССР. Статистический сборник. 1976—1987.

² Рассчитано по: Цусё хакусё (Белая книга по торговле). 1975—1986.

³ См.: И. П. Лебедева. Структурные изменения в японской промышленности. М., 1986; Государственно-монополистическое регулирование в Японии. М., 1985.

⁴ Рассчитано по: Цусё хакусё, 1986.

⁵ См.: М. И. Крунянко. Япония — КНР: механизм экономического сотрудничества. М., 1986.

⁶ См.: СССР — Япония: проблемы торгово-экономических отношений. М., 1984, с. 58.

⁷ «Майнити симбун», 1.II.1983.

⁸ «Сэйрон», 1986, апрель, спецвыпуск, с. 101.

⁹ См.: «Асахи симбун», 16.III.1986.

¹⁰ «Майнити симбун», 22.XI.1985.

¹¹ In: «Asahi Evening News», 4.III.1983.

¹² «Новое время», 1986, № 5, с. 13.

¹³ Подробнее см.: СССР — Япония: проблемы торгово-экономических отношений, с. 185—190.

¹⁴ См. там же, с. 189.

¹⁵ См.: «Правда», 24.II.1987.

¹⁶ Там же, 29.VII.1986.

¹⁷ См. там же, 24.IX.1986.

¹⁸ In: «Daily Yomiuri», 2.VII.1986.

¹⁹ «Правда», 29.VII.1986.

Проблемы народонаселения в КНР

---

*Е. А. КОНОВАЛОВ,
доктор экономических наук*

В течение целого тысячелетия Китай прочно удерживает первое место по численности населения среди всех других стран мира. В 1949 г. население КНР составляло 542 млн. человек, а в 1989 г. оно, по подсчетам демографов, достигнет 1088 млн. человек, т. е. за 40 лет удвоится. Его удельный вес в мировом населении в 1949 г. составлял 22 %, а в настоящее время — на уровне 20 %. Рост населения в КНР был неравномерным, он определялся двумя факторами — показателями рождаемости и смертности. Для старого Китая характерной формулой воспроизводства населения была высокая рождаемость, высокая смертность и низкий уровень естественного прироста. В результате население страны на протяжении последних веков росло крайне замедленными темпами. Так, со 156 по 755 г. н. э. (т. е. за 600 лет) численность населения страны почти не увеличилась, она колебалась вокруг 50 млн. человек. Да и в последние перед образованием КНР сто лет население Китая хотя и возросло на 136 млн. человек, но темп роста был всего лишь на уровне 3 промилей в год. Это было результатом очень высоких показателей смертности (32—37 промилей), что даже при высокой рождаемости (35—40 промилей) не давало устойчивого роста¹.

С образованием КНР страна вступила в качественно новый период воспроизводства населения. Он характеризовался исключительно быстрым снижением коэффициента смертности: с 20 промилей в 1949 г. до 6,2 промиля в конце 70-х гг. Особенно интенсивным снижением смертности было в первые годы КНР. В результате борьбы с остроинфекционными болезнями и налаживанием общегосударственной системы здравоохранения (при огромном содействии Советского Союза) смертность сократилась с 17 промилей в 1952 г. до 10,8 в 1957 г. Между тем показатель рождаемости в стране продолжал оставаться очень высоким (в 1949 г. он составлял 36 промилей, в 1952 г. — 37, в 1957 г. — 34 промиля). Абсолютным рекордом можно считать 1963 год, когда рождаемость достигла 43 промилей. Это обусловило резкое нарастание масштабов и темпов естественного прироста. Рост населения увеличивался с 10 млн. человек в год в начале 50-х гг., 14 млн. человек в середине 50-х гг. до 28—30 млн. человек в 60-х гг.² В течение 15 лет формула воспроизводства населения изменилась: очень высокая рождаемость, средняя смертность и высокий уровень роста. Именно в эти годы созрела потребность в строгом ограничении рождаемости, по стране прошла кампания по планированию семьи, которая предполагала повышение возраста вступления в первый брак и ограничение рождений в молодых семьях одним ребенком.

Известно, что в старом Китае средний возраст вступления в брак был низким. Так, в 1940 г. среди замужних женщин 51,4 % приходилось на возраст 15—17 лет, в 1950 г. — 48,3 %. Средний возраст женщин, вступающих

в брак, в 40-е гг. составлял 17,4 года, в 50-е гг. — 17,9 года. Лишь с начала 70-х гг. средний возраст вступления в брак удалось повысить до 21,5 года с 18,8 года в 60-е гг. С 1976 г. большинство женщин вступает в брак в 22—23 года, и средний брачный возраст в 1980 г. достиг 23 лет. При этом в городах он составлял 24,8 года, а в сельских районах — 22,1 года³. С помощью административных и экономических санкций рождаемость в стране удалось снизить с 38 до 18 промилей, что было беспрецедентным явлением в истории мирового населения. И хотя в масштабах всего общества удалось «погасить» высокий уровень рождаемости с 30 до 17 млн. человек в год, однако этот эффект был достигнут дорогой ценой принудительной ломки традиционных феодальных представлений о большой, многодетной семье как о большом счастье и явился итогом борьбы администрации в лице органов по планированию рождаемости с идеологией 800-миллионного крестьянства, еще не подготовленного к современным представлениям об оптимальной семье. К середине 70-х гг. модель воспроизводства населения стала временно (примерно на 6 лет) близкой к современной, схожей с моделью развитых в экономическом отношении стран: низкая рождаемость (17,8 промиля), низкая смертность (6,2 промиля) и сравнительно невысокий естественный прирост (11,6 промиля). Начиная с середины 80-х гг. уровень рождаемости начал вновь подниматься по двум причинам: во-первых, в связи с переходом сельских районов на систему дворového подряда, предполагающего возможно большее использование молодой рабочей силы, а следовательно, возрождение мелкокрестьянских идеалов большой патриархальной семьи, и, во-вторых, ввиду наступления второй волны высоких рождений (так называемого плоскогорья высоких рождений периода 1962—1973 гг.), когда большее число женщин в фертильном возрасте определяет и большее число рождений. Это заметно отразилось на общем числе рождений (до 21 млн. человек и более с 1986 г.). Тенденция сохранения больших контингентов рождений будет продолжаться вплоть до конца текущего столетия. При этом показатель смертности, находящийся на самом минимальном уровне в течение 10 лет (например, в период 1978—1986 гг. он варьировал в пределах 6,2—6,7 промиля), начинает подниматься в результате перехода от молодой к стареющей возрастной структуре. Процесс старения в Китае (т. е. изменение долей населения в возрасте до 14 и свыше 60 лет) будет нарастать с конца века и достигнет своего пика в пределах 2020 и 2040 гг. Как видим из этого краткого обзора процессов воспроизводства населения, структура населения КНР за какие-то 40—50 лет претерпела коренные изменения, которые двойным образом отразились и на численности населения.

В росте численности населения КНР можно выделить три этапа: 1950—1959 гг., 1960—1961 гг., 1962—1985 гг. На первом рост населения был результатом заметного увеличения рождаемости с 1954 по 1957 г. и резкого сокращения общей и особенно детской смертности. В этот период население возросло с 542 до 672 млн. человек, т. е. на 130 млн. человек. В период 1960—1961 гг. ввиду неурожая и голода рождаемость резко снизилась, а смертность резко возросла. В результате чего численность упала до 659 млн. человек, т. е. на 13 млн. человек. В период 1962—1985 гг. рост населения составил 352 млн. человек за 24 года, т. е. почти 15 млн. человек в год, хотя и колебался годами от 11 до 20 и более миллионов человек. В целом за 40-летний период среднегодовой рост численности населения составил 1,75 %, чистый прирост определяется в 546 млн. (в среднем в год 13 млн. человек) по сравнению со 136 млн. человек (1,36 млн. в год) за сто лет до образования КНР. Можно сказать, что за 40 лет население Китая значительно «обновилось»: число новых рождений составило 820 млн. человек, а смертей — более 280 млн. человек. Из 540 млн. общего населения в 1949 г. на долю лиц в возрасте свыше 40 лет (т. е. тех, кто составлял население

в 1949 г.) в настоящее время приходится менее 350 млн., т. е. около 1/3 всего нынешнего населения, а на родившихся после 1949 г. — более 700 млн. человек.

Средняя плотность населения (несмотря на бытующее представление о Китае как о густонаселенной стране) невысока и была в 1949 г. в несколько раз ниже, чем во многих странах Европы. Однако за 40 лет средняя плотность удвоилась и составляет ныне 110 человек на км². По отдельным территориям плотность населения сильно различается. Самая густонаселенная провинция Цзянсу заселена в 300 раз больше, чем Тибет (610 человек и 2 человека соответственно). Следует выделить три группы территорий: с наивысшей плотностью — свыше 500 человек на км² (Цзянсу, Шаньдун и Хэнань), со средней плотностью — от 60 до 500 человек (всего 18 единиц) и малой плотностью — от 2 до 85 человек (в общей сложности 5 единиц). В последней группе выделяются три района с минимальной плотностью (Тибет — 2 человека, Цинхай — 6 человек и Синьцзян — 8 человек на км²). Как показывает 40-летний период, плотность населения по-прежнему большими темпами нарастает в густонаселенных районах и в меньшей мере — в окраинных, отдаленных районах.

Неравномерность в размещении населения была и остается очень большой. В 1935 г. на 1/3 территории страны (главным образом в восточных приморских районах) проживало 96 % населения, а на 2/3 остальной территории — всего 4 %. Разница в плотности населения по зонам составляла 48 раз. Уже в то время в дельте Янцзы плотность населения достигала 500 человек, на Великой китайской равнине — 300 человек на км² ⁴. Через 40 лет плотность в среднем по стране удвоилась, причем изменялась она быстро как в редконаселенных, так и в отдельных густонаселенных районах. В прибрежных равнинных районах провинции Чжэцзян плотность населения уже достигала 800 человек, в отдельных уездах — 1 тыс. человек (что соответствует одной из высочайших в мире по плотности населения зон — Нильской долине). И наоборот, средняя плотность населения в западной зоне (в большинстве своем засушливой или полузасушливой) составляет всего 10 человек на км², в восточной зоне — свыше 200 человек на км², и даже на территории пустынь она достигает 20 и более человек на км². Лишь в Цайдамской высокогорной впадине, пустыне, плотность не превышает 1,5 человека. Эта тенденция сохранится и в ближайшие десятилетия, что породит огромные трудности с широким освоением окраинных территорий, обладающих уникальными запасами природных ресурсов, а с другой стороны, с сохранением окружающей среды и вызванной перенаселенностью чрезмерной эксплуатацией дефицитных видов ресурсов в густонаселенных районах. Поэтому в Китае проблема народонаселения прежде всего состоит из различных ее аспектов, порождаемых перенаселенностью одних и малым заселением других районов, а не перенаселенностью страны в целом. В Китае существуют обширные районы с экстремальными условиями для проживания людей. Например, в отдельных районах Тибета на высоте свыше 4500 м над уровнем моря, среднегодовыми температурами ниже 0 °С плотность населения предельно низка — 0,6 человека на км², а районе Али — 0,2 человека на км² ⁵.

Соотношение населения по полу в КНР типично для многонаселенных развивающихся стран мира — Индии, Индонезии, Пакистана, Египта и др. Оно выражается в значительном и нарастающем превышении мужского населения над женским. Это объясняется более высокой продолжительностью жизни мужчин, более высоким их социальным статусом. В старом Китае постоянно имел место значительный перевес мужского населения над женским. В 1938 г. соотношение полов в населении Китая составляло 119,4:100, а в 1947 г. — 110:100⁶. В 1949 г. численность мужчин составляла 281,5 млн., женщин 260 млн. человек (превышение — 21,5 млн.), а соотношение —

108,2:100. За 40 лет число мужчин увеличилось с 281,5 до 662 млн. человек (т. е. на 340 млн.), число женщин — с 260 до 526 млн. человек (т. е. на 260 млн.). В результате абсолютное превышение составляет уже не 21,5 млн., а 36 млн. человек. Даже в условиях улучшившегося здравоохранения и несомненного улучшения положения женщины в обществе в КНР в последние годы имеет место заметное превышение прироста мужского населения над женским. Так, в период 1980—1984 гг. прирост населения по годам составлял (в млн. человек):

Таблица 1

Год	Всего	Мужчины	Женщины	Превышение (мужч.: +)
1981	14,2	7,9	6,3	+1,6
1982	15,3	8,5	6,8	+1,7
1983	9,5	5,5	4,0	+1,5
1984	9,8	5,5	4,3	+1,2

Как видно из таблицы, постоянное и весьма значительное превышение мужского населения над женским свидетельствует о существующей еще большой разнице в смертности между полами. Соотношение состава по полу в отдельных возрастных группах неравномерно. По данным всекитайской переписи населения, в 1982 г. при общем соотношении мужчин и женщин 105,45:100 оно варьирует в детских возрастах от 105 до 107:100, в трудоспособных возрастах от 114:100 до 104:100, а в группах населения свыше 60 лет соотношение складывается уже в пользу женщин: в возрасте 60—64 года уравнивается, а затем доходит до 40:100 (например, в возрасте 90—94 года — 38:100). Очень характерным является различие в половом составе населения по отдельным территориям страны:

По данным переписи 1982 г., КНР можно подразделить на три группы территорий по соотношениям полов. I группа — с примерно равным соотношением мужчин и женщин. К этой группе относится Тибет и город Шанхай, где соотношение равно 97,8:100 и 99,3:100. При этом в Тибете превышение женщин остается уже на протяжении десятилетий. А в Шанхае произошла эволюция: от значительного превышения мужчин (115:100 в 1949—1953 гг.) до минимального (в 1959—1961 гг. — 102,1:100), а с 1961 г. начинается превышение женского населения над мужским (99:100). II группа включает 14 административных единиц с соотношением от 102:100 до 106:100⁷. К более выравненным и стабильным соотношениям относятся 4 провинции: Хэнань, Гуандун, Хэбэй и Хубэй. В провинции Шаньдун соотношение менялось от 99:100 в 1953 г. до 102,9 в 1982 г. Были провинции и с обратной тенденцией. Так, в провинциях Цзянсу и Гуйчжоу соотношение по годам менялось от превышения мужчин (105:100) до выравнивания численности полов в последующем.

III группа территорий включает 12 единиц с превышением среднего по стране соотношения полов. К ним относятся: Внутренняя Монголия (109:100), Шаньси (108,5:100), Хунань (108,1:100) и др. Различны соотношения полов в городском и сельском населении, хотя по годам эти различия и уменьшились. Так, в городском населении они составляли 131:100 в 1953 г. и 107,6:100 в 1982 г., а среди сельского населения соответственно 105,5:100 и 105,1:100⁸.

Резкое превышение мужского населения над женским в городах Китая в первые годы после образования КНР объясняется тем, что в поисках работы потоки сельских жителей, в большинстве своем состоящие из мужчин, хлынули

в города. Этот процесс продолжался в течение всей пятилетки и особенно усилился в годы «большого скачка» (в 1957 г. соотношение мужчин и женщин в городском населении составляло 116,9:100, а в 1959 г. — 119,4:100). В последние 20 с лишним лет соотношение стало выравниваться и к 1982 г. в целом по городскому населению мало чем отличалось от сельского (соответственно 107,6:100 и 105,1:100)⁹. При огромном общем перевесе мужского населения в целом по стране впервые за всю историю Китая возникли города и многие сельские уезды, где женское население численно превосходит мужское. К таким относится, как говорилось выше, город Шанхай, где женское население сравнялось с мужским, а в пределах городской черты значительно его превосходит. В связи с тенденцией старения населения (особенно интенсивной в больших городах) выравнивание полов по численности будет происходить в больших городах с ускорением. Уже сейчас на подходе к этому рубежу находятся Пекин и Тяньцзинь (разница в численности соответственно всего 170 и 150 тыс. человек). Среди провинций и автономных районов в Тибете на 1 млн. женщин приходится 970 тыс. мужчин. Относительно небольшой и быстро сокращающийся перевес мужчин имеет место в двух провинциях Северо-Востока (Цзилинь — 56 тыс. и Хэйлунцзян — 81 тыс. человек), а также в Северо-Западном Китае (Синьцзян — 30 тыс. и Цинхай — 10 тыс. человек). Вместе с тем в большинстве провинций и районов превышение мужского населения над женским (несмотря на миграцию преимущественно мужчин в редконаселенные районы) остается значительным. Например, в провинции Шаньдун это превышение в конце 1984 г. составляло 1370 тыс. человек, хотя за 30 лет из провинции переехало 4 млн. человек, в основном мужчин. В Сычуани мужчин на 3,4 млн. больше, чем женщин, в Хунани — на 2,3, Хэнани — на 1,8, Гуандуне — на 1,7 и Цзянсу — на 1,2 млн. человек.

Возрастная структура населения КНР адекватно отражает всю эволюцию процесса воспроизводства, ибо на возрастной пирамиде населения можно проследить все тенденции рождаемости и смертности по отдельным периодам, численность населения по молодым, трудоспособным и пенсионным возрастам. За период между переписями населения КНР 1953, 1964 и 1982 гг. произошли грандиозные изменения в численности и удельном весе каждой из возрастных групп. К примеру, численность основных групп по каждой из переписей изменялась следующим образом (в млн. человек):

Таблица 2

Группа	1953 г.	1964 г.	1982 г.
до 12 лет	185	249	285
16—59 муж. и 16—54 жен.	300	341	551
свыше 60 лет муж. и свыше 55 жен.	52	54	93

Из таблицы видно, что суммарная численность детских возрастов (до 12 лет) росла абсолютно на протяжении всех 30 лет между переписями, однако в последние годы из-за сокращения рождаемости начиная с 1973 г. эта группа начинает уменьшаться относительно (в 1964 г. — 36 %, в 1982 г. — 28 %), а в последние годы и абсолютно.

Следуя традиционной трехчленной структуре населения по возрастам (до 14, 15—64, свыше 65 лет), в КНР изменения в соотношении каждой из групп по материалам трех переписей и отдельным годам очень показательны:

Таблица 3

Изменения в возрастной структуре населения КНР за 1953—2000 гг.¹⁰ (в % к общей численности)

Год	Группы			Отношение III:I
	I до 14	II 15—64	III свыше 65	
1953	36,3	59,3	4,4	12,1
1957	38,8	56,5	4,7	12,1
1964	40,4	56,1	3,5	8,7
1978	35,8	59,4	4,8	13,4
1982	33,6	61,5	4,9	
2000 (оценка)	22,8	70,2	7,0	30,7

Как видно из таблицы, за 50 лет (т. е. за вторую половину XX в.) в Китае произошли грандиозные перемены в возрастной структуре населения. Это выразилось, во-первых, в циклическом характере динамики молодых возрастов — в их нарастании до максимума в 1964 г. и постепенном снижении к 2000 г. до 22,8 %. Во-вторых, в очень высоком (со сравнительно небольшими изменениями) удельном весе в трудоспособных возрастах, который с 1978 г. начинает устойчиво нарастать, и предполагается, что рост будет происходить вплоть до 2000 г. (с 59,4 % до 70,2 %). И в третьих, в низких долях лиц в пожилых возрастах (в течение 25 лет их доля увеличилась с 4,4 % до 4,8 %). Однако к 2000 г. эта доля возрастет до 7 %.

Иная картина с населением в трудоспособных возрастах. Китай — богатейшая страна мира по численности трудовых ресурсов. Доля лиц в трудоспособных возрастах (16—59 лет для мужчин и 15—54 года для женщин) очень высока (более 52 %). В трудоспособный возраст ежегодно вступают многие миллионы. Так, в 1953 г. число вступающих в этот возраст составляло 9,9 млн. человек, в 1964 г. — 13 млн., в 1978 г. — 23,5 млн. человек. В течение ближайших 10 лет это число в среднем останется на уровне 23 млн. человек и лишь за пределами 2000 г. начнет снижаться. В этой громадной по численности армии трудоспособных лиц, превышающих ныне 600 млн. человек, происходят последовательно процессы омоложения, зрелости и постепенного старения. Так, средний возраст рабочей силы в 1953 г. составлял 31,4 года, в 1964 г. он снизился до 31,1 и в 1975 г. до 29,7 года, однако с тех пор начал медленно повышаться и достиг 30 лет в 1978 г. Ожидается, что к 2000 г. трудовые ресурсы КНР «постареют» в среднем на 4,5 года¹¹.

В численности и внутренней структуре трудоспособного населения причудливо переплелись все этапы и повороты в рождаемости и смертности населения, которые пережила КНР за 40 лет. Общая численность людских ресурсов в этих возрастах увеличилась за 30 лет более чем на 250 млн. человек. В последующие годы (1983—1989) она продолжала интенсивно нарастать: до 2000 г. в эти возрасты войдет 440 млн. человек, а в пенсионные возрасты перейдет примерно 140 млн., таким образом, прирост запасов труда составит около 300 млн. человек (или почти 15 млн. в год).

Очень характерна динамика численности лиц в пенсионном возрасте. В течение первых 15 лет после образования КНР эта численность возрастала незначительно, а в период между II и III общегосударственной переписью она увеличилась почти на 40 млн. (т. е. по 2 млн. в среднем за год). Уже наметилась тенденция постарения населения, согласно которой эта группа растет как абсолютно, так и относительно. По расчетам, в 2000 г. на эту группу придется 120 млн. человек, что создаст дополнительную, постоянно увеличивающуюся нагрузку на общество, обязывая поддерживать огромную численность престарелых. До сих пор в Китае отсутствует общегосударственная пенсионная система и система социального страхования, что потребует в ближайшее время принятия необходимых и дорогостоящих актов социальной политики.

В условиях Китая, страны с огромным населением и традиционно высоким уровнем рождаемости, огромное значение имеет демографическая политика, которая формирует отношение к оптимальному в данных условиях режиму воспроизводства населения и размеру семей. Со времени образования КНР, а особенно с середины 50-х гг., этим вопросам стало уделяться большое внимание, хотя и велась борьба между сторонниками двух противоположных концепций: «много людей — это хорошо» и «ограничение рождаемости — единственный выход для Китая». Лишь после проявления первой волны высоких рождений (1954—1957) и трудностей с продовольствием в годы «большого скачка» стала очевидной необходимость активной политики на сокращение рождаемости. С большим опозданием эта политика начала осуществляться сначала в городах, а затем и в сельских районах. Основная задача состояла в повышении возраста вступления в брак, ограничении числа рождений в семье одним-двумя детьми, увеличении интервалов между рождениями.

Среднее число рождений в семье на одну женщину в старом Китае было традиционно очень высоким. В 1936 г. в деревнях Китая этот показатель составлял 5,5 на 1 замужнюю женщину. В 1950 г. он составлял для городов 5,0 и для сельских районов 6,0 на 1 женщину в фертильном возрасте. Вплоть до 70-х гг. среднее число рождений на 1 женщину в деревнях продолжало расти (до 6,4 в 1970 г.), а в городах несколько снизилось (до 3,3 в 1970 г.). Лишь замена одних поколений женщин другими, с более современными взглядами на деторождение и оптимальную семью, может постепенно снизить общий показатель детности по стране. Этого удастся достичь только в условиях жесткой политики ограничения рождаемости лишь по истечении многих лет в результате смены целых поколений женщин с высокой детностью на женщин, имеющих меньшее число детей. Изменения в средней детности по стране в целом и по городам и сельским районам происходили следующим образом¹².

Таблица 4

Снижение среднего числа детей у женщин
фертильного возраста в КНР

Год	По стране в целом	В том числе	
		по городам	по сельским районам
1952	6,5	5,5	6,7
1969	5,7	3,3	6,3
1979	2,7	1,4	3,0
1984	2,1	—	—

Как видно, после активного проведения демографической политики средняя детность вначале резко сократилась в городах (с 3,3 до 1,4), а затем и в сельских районах (с 6,3 до 3,0), хотя в деревне и остается высокой. Так, в 1979 г. средний показатель детности в городах Китая составил 1,4, в сельских районах — 3,0¹³. В 1981 г. средний по стране показатель составлял 2,6 на 1 женщину. Однако по отдельным районам он оставался очень различен: в Шанхае — 1,32, а в провинции Гуйчжоу — 4,36¹⁴. На восприятие новых представлений о количестве желаемых детей в семье огромную роль оказывает ряд факторов, но главным образом образовательный уровень женщин и доходы населения. По данным обследования образовательного ценза женщин в 1981 г., на женщин с высшим образованием приходится 1 ребенок, с полным средним — 1,5, с неполным средним — 1,6, с начальным образованием — 2,1 и на неграмотных и полуграмотных — 2,3 ребенка¹⁵. Несмотря на все решительные меры по пропаганде и осуществлению политики однодетной семьи, до сих пор значительная часть сельских жителей имеет многодетные семьи, а число повторных рождений увеличивается за последние годы. Этим и объясняется повышение коэффициента рождаемости с 17,5 промиля в 1984 г. до 20,8 — в 1986 г.

Смертность населения в старом Китае была постоянно очень высокой (на уровне 28 промилей в 1936 г.), а к образованию КНР несколько уменьшилась. Особенно высокой была детская смертность, а также смертность от острых инфекционных болезней. Так, в 1953 г. детская смертность составляла 175 человек на 1 тыс., в течение последних лет она стала сокращаться (исключение составил 1960 год, когда в результате голода она повысилась до 284 на 1 тыс.) и в течение 10 лет сократилась вдвое — со 175 до 89 на 1 тыс. детей. В последующий период, с 1962 по 1982 г., это сокращение хотя и несколько замедлилось, но в целом за 20 лет уменьшилось еще вдвое — с 89 до 44 на 1 тыс. детей. Отмечается, что наименьшей величины детская смертность достигла в 1978 г. (37 на 1 тыс. человек), а затем в течение ряда лет она стала повышаться и в 1982 г. достигла 46 человек на 1 тыс.¹⁶ В результате активных мер по налаживанию общегосударственной системы здравоохранения удалось погасить не только высокий уровень детской, но и общей смертности. Уже в 1957 г. коэффициент младенческой смертности сократился до 58 промилей, детской — до 42,6, а общей смертности — до 10,8 промиля (в городах — 8,5, в сельских районах — 11,1 промиля)¹⁷. В дальнейшем уровень смертности продолжал снижаться вплоть до 6,2 промиля в 1979 г., что отчасти статистически отражало молодую возрастную структуру населения. С этого времени уровень смертности начал повышаться.

Динамика коэффициента общей смертности КНР (в промилях)¹⁸

1978 — 6,3	1983 — 7,1
1979 — 6,2	1984 — 6,7
1981 — 6,4	1985 — 6,6
1982 — 6,6	1986 — 6,7

При среднем показателе смертности в 1981 г., равном 6,4 промиля, в городах он составлял 5,14, а в сельских районах — 6,53 промиля¹⁹. По отдельным районам страны смертность (в промилях) варьирует в очень значительной степени. Наименьшая смертность характерна для провинций Хэйлунцзян (4,95), Ляонин и Цзилинь (5,32), а наибольшая — для Тибета (9,92), Юньнани (8,6) и Гуйчжоу (8,48)²⁰.

Национальный состав населения очень пестр (около 60 национальностей), но при этом ханьцы по численности доминируют над всеми другими. По переписи 1964 г., на ханьцев приходилось 94,2 % всего населения, в 1982 г. — 93,3 %.

Численность национальных меньшинств, вместе взятых, за 30 лет увеличилась с 54,5 до 93,7 млн. человек (1953—1982), т. е. почти на 40 млн. Среди национальных меньшинств самыми многочисленными являются (по данным переписи 1982 г., млн. человек):

чжуанцы — 13,4	маньчжуры — 4,3
хуэйцы — 7,2	тибетцы — 3,8
уйгуры — 6,0	монголы — 3,4
лицзу — 5,5	туцзя — 2,8
мяо — 5,0	корейцы — 1,8

Из народностей, проживающих в КНР, следует отметить также русских (2900 человек), киргизов (113,7 тыс.), таджиков (26,6 тыс.), узбеков (12,2 тыс.), а также иностранцев, получивших гражданство КНР (4900 человек).

Распределение населения по городам и сельским районам КНР отражает общий уровень развития производительных сил и социально-экономическую структуру общества. Известно, что до освобождения Китай относился к одной из наименее урбанизированных стран мира. В 1949 г. городское население насчитывало 57 650 тыс. человек, или менее 11 % всего населения. За годы народной власти процесс урбанизации проходил неравномерно по периодам: на отдельных этапах прирост городского населения был достаточно высок (например, в годы первой пятилетки), в отдельные годы он замедлялся (в начале 60-х гг.). И тем не менее по мере развития промышленного производства и роста жизненного уровня урбанизация охватывала все новые и новые районы, число городов и численность городского населения постоянно росли. Следует иметь в виду, что к городскому населению официальная статистика относит все население, проживающее на территории города, включая пригороды, а также население поселков. В результате в численность городского населения попадают десятки миллионов лиц, занятых сельскохозяйственным трудом. О росте городского населения за 40 лет КНР свидетельствует следующая таблица (в млн. человек):

Таблица 5

Год	Численность	Прирост (в среднем в год)	Год	Численность	Прирост (в среднем в год)
1949	57,7	—	1981	201,7	10,3
1952	71,6	4,6	1982	211,5	9,8
1957	99,5	5,6	1983	241,3	29,8
1965	130,5	4,0	1984	330,1	88,8
1978	172,5	3,2	1985	370,1	40,0
1979	185,0	12,5	1986	380	10,0
1980	191,4	6,4	1987	390	10,0
			1988	400	

Обращает на себя внимание чрезмерно высокий прирост городского населения в 1983—1985 гг., что связано с включением в состав городских поселков большого числа сельских пунктов, получивших новый статус. В результате в конце 1984 г. в стране насчитывалось 6211 поселков с населением 134,5 млн. человек, в 1985 г. население 7 тыс. поселков насчитывало 171 млн. человек²¹. Число поселков и населения в них очень неравномерно по провинциям и регионам.

Наибольший уровень «сельской урбанизации» характерен для районов с развитой экономикой, с удобными средствами сообщения и с высокой плотностью сельского населения. На первом месте по концентрации населения в поселках стоит провинция Шаньдун (население поселков составляет около 20 млн. человек, что превышает суммарное население собственно городов, где проживает 18,3 млн. человек). Высокий уровень сельской урбанизации характерен для провинций Северо-Востока, а также для провинций Хэбэй, Шаньси, Гуандун и Сычуань. Наименьший уровень развития поселков — в редконаселенных районах страны (Внутренняя Монголия, Тибет), а также в пригородных зонах центральных городов — Шанхая, Пекина и Тяньцзиня. В целом на весь западный регион страны в 1984 г. приходилось 9 % общего числа поселков и 7 % населения городских поселков КНР. Эта неравномерность процесса урбанизации сохранится и на ближайшее будущее, как отражение степени развития товарного производства и товарного обращения, интенсивности высвобождения сельской рабочей силы из традиционных отраслей сельского хозяйства.

Число городов в Китае в 1984 г. составляло 295 (в соответствии с административным делением — 300), в 1985 г. оно увеличилось на 29 единиц, а в конце 1986 г. достигло 353 единиц. Численность жителей в них: в 1984 г. — 191 млн., в 1985 г. — 212 млн. человек. Если вычесть жителей, проживающих на городской территории, но занимающихся несельскохозяйственным трудом, то на собственно городское население приходилось соответственно 110 и 118 млн. человек. В поселках из 134 млн. населения в 1984 г. на несельскохозяйственное приходилось 52 млн. человек, или около $\frac{2}{5}$ всего населения²².

В настоящее время в стране складывается сложная система городов, включающая наряду с большими, средними и малыми городами множество поселений урбанизированного типа в сельских районах (рабочие поселки, туристические центры, административные пункты на уровне центров уездов, бывших народных коммун и т. д.). Структура городов по численности жителей в них была следующей:

Таблица 6

Структура городов КНР по числу жителей
(в тыс. человек):

Размеры городов	Число городов		Население	
	1984 г.	1985 г.	1984 г.	1985 г.
менее 100	69	77	465	513
100—300	137	150	2 430	26 780
300—500	39	45	1 482	16 960
500—1000	30	30	2 213	21 920
1000—2000	12	14	1 583	18 170
свыше 2000	8	8	2 864	29 300
Итого:	295	324	11 037	118 260

Как видно из таблицы, рост числа городов происходил в наибольшей мере за счет городов с населением в 500 тыс. человек и менее. Число городов-миллионеров в КНР быстро увеличивается. В конце 1984 г. их насчитывалось 20, в 1985 г. — 22, а в 1986 г. — 24. За один лишь 1985 г. численность населения

в них увеличилась на 3,3 млн. человек (с 44,5 млн. до 47,8 млн. человек). К наиболее крупным городам КНР относятся (в млн. человек):

Шанхай — 6,9	Ухань — 3,0
Пекин — 5,1	Гуанчжоу — 2,6
Тяньцзинь — 4,2	Харбин — 2,3
Шэньян — 3,3	Чунцин — 2,1

Из анализа динамики численности и структуры населения КНР следует, что проблемы народонаселения продолжают оставаться острыми, они влияют на многие социально-экономические процессы в стране. Часть этих проблем успешно решается, но возникают другие, углубляются противоречия, требующие срочного разрешения и разработки цельной стратегии развития.

¹ См.: «Цзинцзи синьлунь», 1986, № 3, с. 5.

² См.: «Чжунго тунци чжайяо», 1985, с. 18.

³ In: "Population Research", 1986, № 3, p. 20—21.

⁴ См.: «Жэнькоу», 1985, № 1, с. 8.

⁵ In: "Population Research", 1986, № 1, p. 42.

⁶ Ibid., 1986, № 2, p. 29.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid., p. 31.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid., 1983, № 1, p. 37.

¹¹ Ibid., p. 40.

¹² Ibid., p. 37.

¹³ См.: «Жэнькоу», 1985, № 1, с. 5—6.

¹⁴ См. там же, 1985, № 1, с. 7.

¹⁵ См. там же.

¹⁶ In: "Population Research", 1986, № 2, p. 43.

¹⁷ См.: «Жэнькоу», 1985, № 2, с. 1—2.

¹⁸ См.: «Чжунго тунци чжайяо», 1985, с. 18.

¹⁹ См.: «Жэнькоу», 1985, № 2, с. 1—2.

²⁰ См. там же, с. 3.

²¹ См.: Чжунго чэньчжэнь жэнькоу цзыляо шоуцэ. Пекин, 1985, с. 1.

²² См. там же.

Теория и практика «социалистической конкуренции» в КНР

Е. Ф. АВДОКУШИН

Поиски китайскими экономистами эффективного механизма хозяйствования в процессе осуществления реформы экономической системы привели их, в частности, к выдвижению концепции «социалистической конкуренции». Эта концепция с момента выдвижения, теоретического обоснования и попыток осуществления на практике до настоящего времени активно пропагандируется в теории и внедряется в практику хозяйствования в КНР¹. Теоретическое обоснование концепции, положительный и негативный опыт, накопленный в Китае в результате осуществления «социалистической конкуренции», представляют, на наш взгляд, значительный интерес.

Концепция «социалистической конкуренции» является одной из важнейших составных частей теории «плановой товарной экономики», выдвинутой в Китае в середине 80-х гг.² С момента выдвижения положения о необходимости конкуренции при социализме и до настоящего времени в развитии теории «социалистической конкуренции» можно выделить три этапа. На первом этапе (1979—1980) китайские экономисты, обосновывая объективную необходимость «социалистической конкуренции», показывая ее отличия от конкуренции при капитализме, в основном готовили почву для ее широкого общественного признания, использовали в механизме управления экономикой. На этом этапе сторонники «социалистической конкуренции» столкнулись с заметным сопротивлением ряда китайских экономистов, отрицавших конкуренцию при социализме, пропагандировавших социалистическое соревнование³. Определенным итогом весьма интенсивного обсуждения проблем конкуренции при социализме явилось принятие Госсоветом КНР «Временного положения о развертывании и охране социалистической конкуренции» (17 октября 1980 г.)⁴.

На втором этапе (1981—1984) по-прежнему осуществлялась активная пропаганда «социалистической конкуренции», ее особенностей, принципов, подчеркивались ее преимущества перед конкуренцией при капитализме и трудовым социалистическим соревнованием. Особенностью этого этапа явилось настойчивое внедрение принципов «социалистической конкуренции» в хозяйственную практику. В этот период практически отсутствовали публикации, в которых подвергалась бы критике «социалистическая конкуренция», что, однако, не означало, судя по материалам китайской печати, отсутствия ее противников на практике⁵.

После того как в Постановлении ЦК КПК (октябрь 1984 г.) была подчеркнута необходимость развертывания социалистической конкуренции между предприятиями⁶ и это положение было охарактеризовано китайской печатью как «огромный прорыв в теории», обсуждение и проведение в жизнь принципов «социалистической конкуренции» вступает в третий этап. Особенностью этого этапа является то, что вопрос о необходимости конкуренции считается решенным и практически не поднимается на страницах научной печати. Очевидной для китайских экономистов становится отличие «социалистической конку-

ренции» и конкуренции при капитализме⁷, недискуссионным объявляется и вопрос о стимулирующей роли «социалистической конкуренции» в деле повышения эффективности, развития производительных сил. Фактически всеми экономистами признается и двойственный характер «социалистической конкуренции», т. е. ее позитивный и негативный характер. Основным направлением обсуждения на нынешнем этапе становится вопрос углубленного познания механизма действия «социалистической конкуренции», выяснения особенностей действия разных форм конкуренции при социализме, выяснения роли закона конкуренции в системе экономических законов социализма, механизма взаимосвязи «социалистической конкуренции» и банкротства предприятий и др.

Китайские экономисты о причинах существования и особенностях «социалистической конкуренции»

Обсуждение проблем «социалистической конкуренции» началось в Китае в начале 1979 г. в рамках дискуссии китайских экономистов о «плане и рынке». Одним из первых в пользу конкуренции при социализме высказался китайский экономист У Тунгуан в статье «Социалистическая экономика и конкуренция», опубликованной на страницах журнала «Гуанмин жибао»⁸. Вслед за этой публикацией на страницах газеты «Цзинцзи яньцзю» большая группа экономистов, и среди них Сунь Шанцин, Лю Гогуан, Чжао Жэньвэй и др., выступила с обоснованием необходимости конкуренции при социализме⁹. Их поддержал на страницах журнала «Хунци» вице-президент АОН КНР Ма Хун¹⁰. В течение всего 1979 г. и в начале 1980 г. шла дискуссия между противниками и сторонниками «социалистической конкуренции» с явным преобладанием последних. С лета 1980 г. наметился явный перелом в дискуссии. Малочисленные (по публикациям) противники и сомневающиеся были буквально подавлены лавинообразным потоком разного рода публикаций, посвященных обоснованию объективной необходимости, полезности в деле развития производительных сил, а также принципов действия «социалистической конкуренции» в китайской экономике.

Следует подчеркнуть, что среди сторонников развертывания «социалистической конкуренции» в экономике Китая нет единства. Имеются как откровенные приверженцы всемерного развития «социалистического товарного производства» и «внутренне присущей» ему тотальной «социалистической конкуренции», так и их более умеренные коллеги, не отрицающие необходимости конкуренции при социализме, но видящие ее умеренной, жестко контролируемой, дозируемой и не переоценивающие ее роль в китайской экономике. Водораздел между сторонниками «социалистической конкуренции» проходит по линии отношения того или иного экономиста к проблеме соотношения плановых и рыночных рычагов при социализме, той или иной трактовки социалистической экономики как преимущественно плановой или товарной. Даже после официального одобрения формулы «социалистическая экономика — это плановая товарная экономика на основе общественной собственности на средства производства» число сторонников умеренного, контролируемого допуска конкуренции между предприятиями уменьшилось не намного. И тем и другим противостоят явные и скрытые противники «социалистической конкуренции», которые в противовес ей доказывают необходимость при социализме социалистического соревнования.

Китайские экономисты, которые выступают в пользу внедрения конкуренции в китайскую экономику, обосновывают ее объективную необходимость существованием товарного производства, обращения и закона стоимости при социализме. Причем некоторые из них необходимость конкуренции при со-

циализме выводят из внутренних противоречий товара, противоречия между стоимостью и потребительной стоимостью¹¹. Другие считают, что существование конкуренции при социализме определяется действием «закона материальной заинтересованности» при социализме, различием в материальных интересах между социалистическими предприятиями¹².

Многие китайские экономисты, обосновывая необходимость конкуренции при социализме, фактически рассматривают ее как внесоциальную, вечную категорию, возникающую благодаря «природным инстинктам товаровладельцев»¹³. Конкуренция, как считает Сунь Дэхуа, Лю Сюэюй и др., присуща любому товарному хозяйству вне зависимости от формы собственности на средства производства¹⁴. По мнению Ма Сюэчжана, конкуренция «не имеет классового характера»¹⁵.

Помимо отмеченных аргументов в пользу развертывания «социалистической конкуренции», отдельные китайские теоретики оперировали и категориями социал-дарвинизма — в духе выживания сильнейшего в процессе «справедливой конкурентной борьбы». Типичная аргументация представала в следующем виде: более бойкие цыплята на птицефермах отталкивают от кормушек других и в результате становятся здоровее, сильнее; в лесу деревья, которым удалось своей кроной пробиться к солнцу, растут быстрее и становятся выше других и т. п.¹⁶.

Обосновывая необходимость конкуренции при социализме, многие китайские обществоведы вынуждены были признать, что классики марксизма не связывали конкуренцию и социализм, четко различали капиталистическую конкуренцию и социалистическое соревнование. Однако, как считают Сунь Шанцин, Чень Цзюань, Чжан Эр и многие другие, классики марксизма, говоря о конкуренции, имели в виду прежде всего капиталистическую конкуренцию. Отсутствие у классиков марксизма положения о «социалистической конкуренции» было связано якобы с тем, что К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали социализм как общество, где будет господствовать единая общенародная собственность и товарное производство будет уничтожено, а значит, не будет и конкуренции. Между тем, указывают Сунь Шанцин и его сторонники, истории известно мелкотоварное производство, капиталистическое производство и «социалистическое товарное производство». Им соответствуют и различные виды конкуренции: конкуренция мелкотоварного производства, капиталистическая конкуренция и «социалистическая конкуренция»¹⁷. Истолковав таким образом взгляды классиков марксизма на судьбы товарного производства и конкуренцию при социализме, некоторые китайские теоретики пытаются доказать, что В. И. Ленин, говоря о конкуренции и социалистическом соревновании, не противопоставлял их друг другу¹⁸, не характеризовал конкуренцию как специфический продукт капитализма¹⁹. Между тем в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин прямо указывал на то, что «свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще...»²⁰. Поскольку социалистическую экономикку большинство китайских экономистов трактует как товарную, постольку приведенный тезис В. И. Ленина дал некоторым китайским теоретикам повод представить его фактически как провозвестника конкуренции при социализме²¹.

В целом ссылка на существование товарного производства, а также действие закона стоимости при социализме является, по существу, главным аргументом, посредством которого многие китайские экономисты выводят неизбежность, объективную необходимость существования конкуренции при социализме.

Необходимость конкуренции при социализме, по мнению ряда китайских теоретиков, появляется вследствие неодинаковых экономических интересов,

существующих между отдельными социалистическими предприятиями, которые необходимо учитывать. По их мнению, у более эффективно, рационально работающего предприятия имеется свой интерес, противостоящий интересу менее эффективно работающего предприятия. Поэтому более эффективно работающее предприятие должно получать более высокие материальные выгоды по сравнению с отстающими. Этот правильный вывод обуславливается тем, что действие механизма учета экономических интересов возможно только на основе развития товарных отношений, признания «относительной независимости» товаропроизводителей. При этом те китайские экономисты, которые трактуют социализм как товарное производство, а конкуренцию как его внутренний регулятор, считают, что «социалистическая конкуренция» и будет тем механизмом, который установит необходимую справедливость и объединит интересы государства, предприятий и отдельных работников²². Выдвигая на первый план конкуренцию, некоторые китайские теоретики через нее выдвигают на авансцену закон конкуренции, который становится главным регулятором общественного производства, вещдудим законом в системе экономических законов. В соответствии с таким подходом, по мнению Чжу Цзямина, государству следует «приспосабливать план к результатам конкуренции»²³.

На первом и втором этапах обсуждения проблем «социалистической конкуренции» китайские экономисты активно доказывали отличия конкуренции при капитализме и социализме. Указывая на идентичность причин существования конкуренции при капитализме и социализме — товарное производство и обращение, действие закона стоимости, — китайские экономисты подчеркивали, что товарное производство при социализме — это производство, основанное на общественной собственности на средства производства, и, исходя из этого, выводили различия между капиталистической и «социалистической конкуренцией». Эти различия можно свести к следующим.

По цели действия. Если при капитализме цель — это прибыль, то при социализме цель конкуренции — это рост производительности труда, увеличение выпуска высококачественной продукции для удовлетворения постоянно возрастающих материальных и культурных потребностей людей²⁴.

По сфере действия. В силу того, что социалистическое товарное производство — это «товарное производство особого рода», «социалистическая конкуренция» не является столь всеобъемлющей, как при капитализме. По мнению многих китайских экономистов, «социалистическая конкуренция» осуществляется «под руководством плана и обусловлена планом»²⁵. Другие же китайские экономисты, на словах соглашаясь с тезисом об ограниченности действия «социалистической конкуренции», вместе с тем весьма широко трактуют сферу ее распространения при социализме, представляя «социалистическую конкуренцию» фактически как всеобщий регулятор общественного производства, механизм, через который проявляются все другие экономические законы социализма²⁶. «Социалистическая конкуренция» в таких построениях фактически мало чем отличается от капиталистической конкуренции как формы борьбы производителей за более благоприятное положение, за большую выгоду, которая всегда связана с соперничеством на рынке. Неудивительно, что в этой связи некоторые китайские экономисты заговорили о роли конкуренции в образовании средней нормы прибыли и цены производства в социалистической экономике²⁷. Наиболее радикальные «товарики», толкуя о необходимости пройти «дополнительный урок капитализма», призывали использовать для этого «закон конкуренции».

При этом позитивная роль конкуренции усматривается, в частности, в том, что она помогла капитализму «создать огромные богатства и производительные силы в короткий период»²⁸. Автор этого тезиса Чжу Цзямин в

пылу обоснования конкуренции фактически берет под защиту и ее капиталистическую разновидность, забывая о том, что огромные богатства и производительные силы были созданы не только при помощи конкуренции, но и, главным образом и прежде всего, с «помощью» нещадной эксплуатации пролетариата, всех трудящихся масс. При этом конкуренция не только «помогла», но и в не меньшей степени способствовала растрате человеческой энергии и материальных ценностей. «Социалистическая конкуренция» отличается от капиталистической и по способам осуществления. Многие китайские экономисты подчеркивают, что «социалистическая конкуренция», основанная на общественной собственности на средства производства, «соответствует» экономическим законам социализма. Она должна носить «справедливый», в ряде случаев «ограниченный» характер²⁹, исключать воздействие таких факторов, как влияние денег, бюрократических привилегий и т. п. «Социалистическая конкуренция,— пишут Ван Гочэн, Чжун Эньчжэн, Лю Ган,— должна сочетать взаимопомощь и прогресс»³⁰.

Наконец, социалистическая и капиталистическая конкуренция различаются китайскими экономистами по своим результатам. Если при капитализме результатом конкуренции является банкротство, отсев отстающих и т. п., то при социализме, хотя и имеется проблема «естественного отбора», однако это не главное в действии «социалистической конкуренции». Результатом ее действия является создание состояния потрясения, в которое попадает отстающий, его стремление улучшить работу, постоянно прогрессируя. Важным результатом «социалистической конкуренции» должно быть повышение социально-экономической эффективности, прорыв всякого рода «блокад», «монополий», оживление деятельности предприятий и в конечном счете развитие производительных сил³¹. Кроме того, характеризуя положительные стороны «социалистической конкуренции», китайские экономисты считают, что внедрение ее в хозяйственную жизнь позволит поднять производительность труда, повысить качество продукции, расширить ее ассортимент, приведет к устранению уравниловки и в целом будет способствовать осуществлению политики «четырёх модернизаций».

Ряд китайских экономистов, говоря о «необходимости» конкуренции при социализме, трактуют ее весьма сдержанно, осторожно. Они всячески стремятся отмежевать ее от конкуренции при капитализме. К примеру, Сюе Муцяо ратовал за допущение лишь некоторой конкуренции в экономике Китая³². Особо подчеркивается, что «социалистическая конкуренция» — это «не свободная конкуренция». Она протекает под направляющим влиянием государственного планирования, на базе общественной собственности³³. По мнению Ху Цзююаня, «конкуренция полностью соответствует основному экономическому закону социализма, требованиям закона планомерного развития народного хозяйства». Конкуренция при социализме предстает у китайского теоретика «ограниченной», «единой», осуществляемой под руководством государственного плана³⁴.

Некоторые китайские авторы призывают не чураться конкуренции, так как она близка или даже идентична социалистическому соревнованию. По мнению известного китайского экономиста Цзян Сюемо, при социализме, помимо соревнования, необходима и определенная конкуренция, которая должна противодействовать «монопольным тенденциям», существующим в экономике Китая. Китайский экономист справедливо указывает на то, что при социализме то или иное предприятие, достигшее монопольного положения в производстве или реализации какого-либо продукта, часто не стремится вперед, «почивает на лаврах»³⁵.

В хозяйственной жизни Китая имеются и такие явления, связанные с насаж-

давшимся длительное время курсом на автаркию, как «блокада» чужих товаров, т. е. недопущение в пределы своей провинции, района товаров из других, «чужих» провинций страны. По мнению китайских экономистов, с помощью конкуренции можно добиться ликвидации подобных «монополий», прорвать «блокады».

Следует признать, что объективно конкуренция может способствовать ликвидации указанных негативных явлений, имеющих место в экономике Китая. Госсовет КНР в апреле 1982 г. издал циркуляр, запрещающий отдельным провинциям препятствовать ввозу промышленных товаров из других районов Китая.

Отмежевывая «социалистическую конкуренцию» от конкуренции при капитализме, китайские экономисты подчеркивают ее отличия от социалистического соревнования. Сторонники «социалистической конкуренции» при социализме фактически рассматривают трудовое социалистическое соревнование как неэкономическую, морально-политическую категорию, как неэффективный механизм, связанный только с моральным поощрением, не обладающий реальными рычагами в деле развития производительных сил. Основные отличия «социалистической конкуренции» от социалистического соревнования проявляются, по мнению Ван Гочэна и др., в том, что, во-первых, социалистическая конкуренция осуществляет отбор нерадивых и отстающих, а в процессе соревнования такой вопрос не поднимается. Во-вторых, «социалистическая конкуренция» в отличие от социалистического соревнования представляется как более действенный, внутренний, автоматический механизм в деле повышения производительности труда. В-третьих, социалистическое соревнование — это только духовная, стимулирующая сила, а «социалистическая конкуренция» — это мощная побудительная сила, эффективный экономический рычаг, благодаря которому предприятие способно либо получить импульс к развитию, либо подвергнуться вытеснению.

Ряд китайских экономистов (Ло Цзун, Цао Линьчжан и др.), рассматривая соотношение между конкуренцией при социализме и социалистическим соревнованием, придерживается, на наш взгляд, более плодотворного подхода, хотя также не во всем бесспорного. Прежде всего привлекает внимание то, что «социалистическая конкуренция» трактуется ими фактически как разновидность социалистического соревнования, как экономическое соревнование, единое по своей основе и направленности с социалистическим трудовым соревнованием. Авторы работы «Правильно развертывать конкуренцию, активно стимулировать объединение» Ло Цзун, Цао Линьчжан и Гу Гуанцин не умаляют роль социалистического трудового соревнования, трактуя его как форму соревнования при социализме со своей сферой деятельности и возможностями. Вместе с тем эти экономисты видят и существенные различия между социалистическим соревнованием и «социалистической конкуренцией». Прежде всего они подчеркивают слабую связь или полное отсутствие связи трудового соревнования с товарно-денежными отношениями, законом стоимости, материальной заинтересованностью, рынком. «Социалистическая конкуренция» воздействует на положение коллектива и предприятия именно через закон стоимости, рыночные связи. Авторы работы признают, что в условиях развертывания трудового соревнования можно добиться увеличения количества, повышения качества продукции. Однако это происходит не посредством использования экономических рычагов, а путем развертывания профессионального соревнования, соревнования в мастерстве. Ло Цзун и др. подчеркивают, что «социалистическая конкуренция» через экономические рычаги, использование объективных экономических законов приводит к уменьшению трудозатрат, выявлению слабых звеньев в

общественном производстве, вплоть до того, что предприятие может подвергнуться перепрофилированию, даже ликвидации³⁶.

Механизму действия «социалистической конкуренции» китайские экономисты стали уделять заметное внимание лишь в последние годы, после выхода в свет Постановления ЦК КПК (октябрь 1984 г.) о реформе хозяйственной системы³⁷.

Большинство китайских обществоведов считают, что «социалистическая конкуренция» должна действовать в увязке с плановой деятельностью государства. Однако объяснение механизма взаимодействия между планом и конкуренцией у китайских теоретиков различно. Оно поляризуется от четких заявлений о ведущей роли плана и подчинения ему товарно-денежных рычагов и конкуренции до заявлений о фактически ведущей роли «социалистической конкуренции», которая активно влияет на план, корректируемый и осуществляемый через механизм закона конкуренции, закона стоимости, спроса и предложения. Спектр мнений китайских экономистов о соотношении плана и конкуренции в основном идентичен высказанным точкам зрения в дискуссии о «плане и рынке».

В постановлении указывалось, что конкуренция при социализме «жизненно сопутствует товарному производству», однако ее «характер, масштабы и средства» иные, нежели при капитализме. Цель конкуренции при социализме состоит в устранении любых попыток «локализации и монополизации», препятствующих развитию производства. Конкуренция «будет способствовать улучшению техники производства и хозяйственно-оперативного управления предприятий, даст толчок развитию народного хозяйства и делу строительства социализма в целом». Вместе с тем в постановлении признавалось, что «могут возникнуть некоторые негативные явления и незаконные действия», которые необходимо «должным образом разрешать».

Признание постановлением правомерности конкуренции между предприятиями в условиях социализма явилось, как указывал Сунь Шанцин, «прорывом в традиционной теории политической экономии социализма»³⁸.

Многие из предлагаемых китайскими экономистами мероприятий по развертыванию «социалистической конкуренции» не выходят за рамки более активного, эффективного использования товарно-денежных отношений, закона стоимости и рассматриваются как определенные меры по оживлению деятельности предприятий, повышению их эффективности, росту прибыли и др.

У сторонников рыночного типа «социалистической конкуренции» механизм ее действия предстает как объективная внутренняя закономерность социалистической «плановой товарной экономики», как осуществление закона конкуренции, действующего через закон стоимости. По мнению Ван Юя и Шэнь Дуня, в определенном смысле закон стоимости — это и есть закон конкуренции, он пронизывает не только сферу производства, но и сферу обращения³⁹. Не Дэлинь и др. считают, что закон стоимости не может быть сознательно использован без конкуренции⁴⁰. Цзоу Дунтао настаивает на том, что независимо от того, «будь это законы развития производительных сил, законы развития производственных отношений или закон развития способа производства, будь то общие или специфические экономические законы или всеобщие законы человеческого общества, их роль неотрывна от конкуренции»⁴¹. Конкуренция, по мнению Цзоу Дунтао, является в условиях социализма «генеральным режиссером». Только конкуренция соединяет воедино движение всех «шестерен» экономических законов, «закон плана только регулирует скорость их движения», а основной экономический закон в свою очередь «обуславливает направление этого движения»⁴². «Социалистическая конкуренция» у экономистов, придерживающихся подобных взглядов, — это то-

тальная конкуренция, пронизывающая все составные части воспроизводственного процесса, регулирующая его характер. Ее механизм включает «противоборство цен», допуская их свободное колебание, погоню за прибылью и сверхприбылью, которая рассматривается как «внутренняя движущая сила предприятия»⁴³.

Раскрывая механизм конкуренции при социализме, многие китайские экономисты ставят вопрос о возможности ее межотраслевой формы. По мнению Хе Дэлиня, для существования межотраслевой конкуренции достаточно отсутствия монополии. Он считает, что идеи Постановления ЦК КПК (октябрь 1984 г.) о реформе хозяйственной системы дают основание заявить не только об отсутствии при социализме монополии, но и указывают на отношения сотрудничества и взаимопомощи между предприятиями⁴⁴. Следует заметить, что китайский экономист явно упускает из виду то обстоятельство, что для межотраслевой конкуренции необходимо не только отсутствие монополии, но и наличие полностью хозяйственно независимых предприятий, действующих на свой страх и риск, поведение которых диктуется не необходимостью реализации общенародных интересов, удовлетворением общественного спроса, а погоней за прибылью. Такой механизм функционирования социалистической экономики трудно отмежевать от механизма свободного частного предпринимательства.

Характеризуя другие черты механизма действия «социалистической конкуренции», Хе Дэлинь считает, что конкуренция является сильным рычагом в деле регулирования соотношения между спросом и предложением. Только через конкуренцию можно добиться баланса между спросом и предложением, утверждает китайские теоретики⁴⁵.

Трактуя плановую товарную экономику при социализме как по своей сути товарную, допуская лишь минимальное вмешательство плана в механизм регулирования экономики, многие китайские экономисты рассматривают «социалистическую конкуренцию» как основную составную часть этого механизма. В результате всеобъемлющего конкурентного регулирования экономики при максимальном использовании стоимости рычагов, закона стоимости, закона спроса и предложения, по мнению многих китайских экономистов, не только допустимо, но и крайне необходимо банкротство предприятий. «Банкротство — это продукт конкуренции, — пишет Чэнь Сянгуан. — Без угрозы банкротства движущая сила конкуренции не может полностью раскрыться»⁴⁶. Сходной точки зрения придерживаются и многие другие китайские экономисты⁴⁷. Вместе с тем некоторые китайские экономисты доказывают важную роль конкуренции в деле спасения банкротных предприятий путем их объединения с сильными предприятиями⁴⁸.

Значительная часть китайских экономистов, раскрывая механизм действия «социалистической конкуренции», трактует его лишь как важный рычаг, метод оживления деятельности социалистического предприятия, не возлагая на конкуренцию роль всеобъемлющего регулятора. Экономисты, придерживающиеся подобных взглядов, подчеркивают, что «социалистическая конкуренция» должна действовать в тесной увязке с плановой деятельностью государства, которая является ведущей силой, подчиняющей действие товарно-денежных рычагов и конкуренции⁴⁹. Вместе с тем, делая такие заявления, многие китайские теоретики не подкрепляют их реальным анализом конкретного соотношения «социалистической конкуренции» и плана, ограничиваясь общими заверениями о том, что они рассматривают конкуренцию в условиях общественной собственности на средства производства, когда действуют основной экономический закон социализма и закон планомерного развития, что значительно обедняет практическую ценность таких построений.

Раскрывая механизм «социалистической конкуренции», некоторые китайские экономисты особо выделяют неценовую конкуренцию. Чрезмерное выпячивание ценовой конкуренции при социализме, считает У Мин, означает преуменьшение значимости неценовой конкуренции⁵⁰. Между тем именно неценовая конкуренция играет все более важную роль, нежели ценовая, особенно в отношении развития мелких предприятий. При неценовой конкуренции упор делается не на снижение себестоимости продукции, а на постоянное обновление ассортимента. Поэтому в неценовой конкуренции на первый план выходит качество товара, его привлекательность для потребителя. Помимо этого, победу в неценовой конкуренции может обеспечить гибкость управления при том же техническом состоянии предприятия, лучшее обслуживание при сбыте продукции и послепродажное обслуживание, знание конъюнктуры рынка и т. п.⁵¹ Конечно, неценовая конкуренция не может полностью заменить ценовую конкуренцию, поскольку последняя связана с повышением эффективности производства, снижением себестоимости, гарантией качества, массовостью выпуска товаров. Особенно это присуще крупным предприятиям. В отношении же мелких предприятий, имеющих в современном Китае значительное распространение, именно неценовая конкуренция является «непосредственной движущей силой»⁵².

Конкретизируя анализ механизма действия конкуренции при социализме, китайские экономисты рассматривают ее отраслевые аспекты⁵³. Так, например, Чжу Динъюань, Ли Цзуншэн, Чжан Кайсян, характеризуют механизм конкуренции, выделяя шесть его составных частей. Прежде всего, считают эти экономисты, разворачивается конкуренция товаров посредством отбора потребителями наилучшего товара. Конкуренция осуществляется также за установление необходимых связей с поставщиками, за места торговли. Побеждает здесь тот, кто устанавливает горизонтальные и вертикальные связи с поставщиками, развивает кооперационные связи. Конкуренция разворачивается в сфере овладения информацией, рыночной конъюнктурой. Кто владеет информацией, тот побеждает в конкуренции. Весьма важной стороной конкуренции является конкуренция в качестве обслуживания клиента. И наконец, существует «конкуренция кадров», хотя все перечисленные составные части механизма конкуренции фактически, как считают Чжу Динъюань, Чжан Кайсян и др., и составляют «конкуренцию кадров», в которой «неизбежно будут победители и побежденные»⁵⁴.

Для эффективного функционирования «социалистической конкуренции» китайские экономисты предлагают «охранять» конкуренцию, создавать благоприятные условия для ее разворачивания, «здорового развития». Так, Гао Вэйу предлагает расчистить каналы обращения для конкуренции, освободив их от всякого рода «блокад» и «монопольей»; товарное производство повернуть лицом к рынку, развернуть конкуренцию товаров, научно-технической мысли и разработок⁵⁵. Эти вполне приемлемые предложения, которые могут привести к еще большему оживлению и развитию китайской экономики, дополняются, на наш взгляд, и весьма сомнительными идеями о внедрении конкуренции в денежный, финансовый оборот страны путем создания разного рода местных банков, меняльных контор, сберкасс, принадлежащих местным властям, коллективам, предприятиям⁵⁶. Эти местные финансовые организации будут выпускать, считает Гао Вэйу, акции, использовать учетные операции и т. п. в целях ускорения оборота финансовых средств, повышения эффективности использования заемного капитала. К конкуренции, оживлению хозяйственных операций, на наш взгляд, эти меры, видимо, приведут. Но они также могут привести и к росту спекулятивных сделок, финансовых и других нарушений. Что перевесит?

Практика «социалистической конкуренции»

Широкая пропаганда идеи «социалистической конкуренции» с начала 80-х гг. способствовала внедрению ее элементов в хозяйственную жизнь страны. В китайской печати появилась масса материалов, пропагандирующих опыт многих предприятий, добившихся существенных результатов вследствие включения в конкурентную борьбу. Знакомясь с деятельностью этих предприятий по имеющимся публикациям, можно видеть, что повышение эффективности, снижение себестоимости продукции, выход на передовые позиции в отрасли в основном связан с включением в действие предприимчивости руководства предприятий, добившихся успеха, углубленным экономическим анализом состояния предприятия, наведением элементарного порядка на производстве, приведением в действие скрытых резервов и т. п.⁵⁷. Однако все перечисленные факторы отнюдь не обязательно жестко связаны с конкуренцией как таковой, во многих случаях они представляют собой конкретные проявления результатов действия предприятия на основе хозрасчета, а повышение конкурентоспособности продукции и возвышение положения предприятия является следствием этих действий.

Вместе с тем внедрение в хозяйственную жизнь определенных элементов состязательности способствовало ломке сложившихся барьеров, своеобразных «таможенных границ» между отдельными провинциями, городами. Как указывал известный китайский экономист Сяо Лян, в прошлом сформировалась «собственность отраслей», «собственность мест», поэтому разворачивать конкуренцию было нелегко⁵⁸. Местные власти, проводя политику самообеспечения, всячески защищали местные предприятия от конкуренции со стороны «чужаков», фактически защищая отсталось. Многие предприимчивые, честолюбивые хозяйственные руководители, стремясь поднять престиж выпускаемых на их предприятиях товаров, стремились к заимствованию передового опыта, осуществлению технической реконструкции производства, выпуску более качественных товаров, активно проникали на рынки крупных городов страны, вступая там в конкуренцию с местными товарами⁵⁹. «Легко установить репутацию продукции, когда она в недостатке, — справедливо заметил один из руководителей легкой промышленности Пекина, — но трудно поддерживать репутацию, когда рынок наполнен»⁶⁰. В силу этого появление новых товаров из других провинций на многих локальных рынках способствовало повышению качества многих видов продукции.

Стремление удержать свои позиции или потеснить своих соперников способствовало модернизации оборудования предприятий, обновлению ассортимента продукции, повышению ее качества. Так, прядильная фабрика города Цицикар (район Фулаэрцзи) провинции Хэйлуунцзян еще в 1979 г. вышла на международный рынок. Однако в последующие годы вследствие изменившейся конъюнктуры сдала свои позиции, стала терпеть убытки. Руководство фабрики занялось модернизацией оборудования фабрики, закупив станки в Италии, Голландии, Японии и других странах, обновило ассортимент продукции. Кроме того, был образован информационный центр по изучению рыночных тенденций, изменены некоторые «традиционные» методы управления и др. Все это в конечном счете привело к снижению себестоимости продукции, резкому увеличению прибыли, возвращению фабрики в число передовых предприятий отрасли. Другое предприятие, также в провинции Хэйлуунцзян, компания по производству часов города Муданьцзян, улучшила качество выпускаемых часов посредством повышения точности их хода, совершенствования системы управления качеством продукции, организации специальной группы по ремонту оборудования и т. п. В результате эта фабрика перешла с девятого на четвертое место в отрасли.

Если указанные предприятия добились повышения конкурентоспособности своих товаров посредством осуществления комплекса технико-экономических мероприятий по улучшению производства, то фармацевтический завод в городе Датун провинции Шаньси добился того же через «конкуренцию кадров», т. е. путем привлечения на завод высококвалифицированных кадров, поощрения их премиями и т. п.

Приведенные примеры, которыми полна китайская печать, популяризуют главным образом опыт неценовой конкуренции, которая является вполне приемлемой для социалистического хозяйствования. Одновременно в китайской печати находят отражение и некоторые другие методы поощрения конкурентной борьбы, состязательности. В конце января 1985 г. министр электронной промышленности КНР Цзян Цзэминь объявил о стимулировании конкуренции в отрасли. В этих целях было предложено использовать подрядную систему в отношении отраслевых капиталовложений, отдавая предпочтение наиболее экономически эффективным предприятиям, с коротким сроком оборота средств, технически сильным. Поощряя конкуренцию, министерство брало на себя обязательства публиковать техническую информацию и правила, активно использовать экономические рычаги для оживления духа соревнования между предприятиями отрасли, способствуя разрыву традиционных рамок разделения труда в отношении самых ходовых изделий: бытовых калькуляторов, ЭВМ, гибких систем. Осуществление такой политики привело к насыщению китайского рынка рядом товаров электронной промышленности собственного производства. Вместе с тем появились и некоторые негативные центробежные тенденции.

Следует подчеркнуть, что поощрение развертывания «социалистической конкуренции» путем осуществления подрядных торгов, предложенное министром Цзян Цзэминем, является важным фактором в деле внедрения принципов состязательности. Китайские экономисты активно обсуждают эту проблему, предлагая широко поощрять конкуренцию при объявлении условий публичных подрядных торгов на строительство разного рода промышленных объектов.

Пропагандируя положительные стороны «социалистической конкуренции» в теории и на практике, китайские экономисты не умалчивают и о ее отрицательных чертах.

Конкуренция при социализме, считает Ван Ганьн, так же как в досоциалистических формациях, может играть тормозящую роль в деле развития производительных сил, социалистической плановой экономики. В настоящее время, пишет китайский экономист, в процессе конкурентной борьбы появляются производственные единицы и отдельные лица, занимающиеся спекуляцией, «блокадой технических достижений», осуществляющие «монополизацию производства, снабжения, сбыта, вплоть до создания кризисной ситуации с товарами»⁶¹. Кроме того, активное поощрение мелкочастного предпринимательства с использованием наемного труда, поощрение развития предприятий «коллективной собственности» создают питательную почву для конкурентной борьбы в ее классических вариантах. Так, китайские экономисты Хун Юаньнэн и Вэн Цицюань, отмечая возникшую конкурентную борьбу за ресурсы между коллективными и государственными предприятиями, пишут о появлении «угольных царьков», «энергетических царьков» и т. п.⁶² При этом, по мнению Шэнь Хайшаня, в условиях, когда «большие массы людей заняты на мелких предприятиях, конкуренцию и анархические тенденции полностью устранить невозможно...»⁶³.

Конкуренция при социализме не может полностью избежать «влияния стихийных сил», подчеркивает Линь Тун. Некоторые люди и предприятия

могут получить прибыль, пускаясь на различные уловки, не выбирая средств, некоторые могут нарушать закон, дисциплину, вредить потребителю. Китайская печать на протяжении последних лет регулярно освещает факты незаконно полученной прибыли путем подделки товаров известных марок (велосипедов, часов, телевизоров, продукции химической промышленности, сигарет, пива и др.) в процессе конкуренции⁶⁴. Особенно в этом неблагоприятном деле отличились предприятия провинций Хэбэй, Хэнань, Чжэцзян, Шаньдун, Цзилинь, Гуандун. Подделка высококачественных товаров путем их копирования, фальсификации, подтасовок, смены упаковки и т. п. приобрела значительный размах, вынудив газету «Жэньминь жибао» охарактеризовать сложившуюся ситуацию как «чрезвычайно серьезную»⁶⁵. В этой связи в китайской печати появились призывы о необходимости «защиты от незаконного использования новых товаров и техники» теми предприятиями, которые их не разрабатывали. Эффективным средством защиты наряду со «строгой секретностью» разработок предлагается патентование новых разработок. С апреля 1985 г. в Китае введен Закон о патентах.

Некоторые предприятия в процессе «конкуренции», стремясь увеличить выпуск продукции, допускали ухудшение качества товара, его недопоставку и т. п. Такого рода «конкуренция», вызывая справедливое возмущение у китайской общественности, несмотря на призывы осуществлять «справедливую конкуренцию», штрафы и наказания, тем не менее не идет на убыль. И это вполне объяснимо, поскольку действие по законам конкуренции включает в себя как неотъемлемый элемент обман соперника и покупателя.

Если оценивать ситуацию в отношении «социалистической конкуренции» между предприятиями в сфере государственной социалистической собственности, то ее осуществление на практике, на наш взгляд, не получило существенного размаха и должной глубины. Так, успех предприятий-лидеров, выдвинувшихся в процессе конкурентной борьбы, во многих случаях в действительности к конкурентной борьбе имеет косвенное отношение. В свою очередь ряд негативных явлений, возникающих в ходе внедрения конкуренции в экономику Китая, также нельзя безоговорочно отнести к влиянию конкуренции.

Несмотря на ряд мероприятий, способствующих «охране и развертыванию» конкуренции, начиная с конца 1980 г. в сфере государственной собственности не было создано многих условий для развития конкурентной состязательности. Китайские экономисты и в середине 80-х гг. призывали раскрывать роль «социалистической конкуренции», связывая ее с усилением «направляющего планирования» и хозяйственной самостоятельности предприятий⁶⁶. Для создания атмосферы экономической состязательности необходим переход государственных крупных и средних предприятий Китая на полный хозрасчет, на действительное функционирование предприятия как относительно независимого товаропроизводителя. Несмотря на циркуляр Госсовета КНР, запрещающий провинциям препятствовать ввозу промышленных товаров из других районов Китая (апрель 1982 г.), между отдельными районами страны не была прервана блокада и свободное товарообращение не налажено. По-прежнему требует активизации политика цен, хотя в этом отношении в конце 1984—1985 гг. были сделаны заметные шаги. Не была налажена действительная кооперация в технических разработках, слабо использовались конкурентность при разработке разного рода хозяйственных проектов, новой техники и т. п.

В результате широкого использования экономических методов хозяйствования, принятия «закона о банкротстве» механизм действия конкуренции становится более реальным, отношения между предприятиями могут привести

к большей состязательности. Однако для полнокровного формирования здоровых конкурентно-состязательных отношений, не противоречащих сущности социализма, необходим целый комплекс организационно-экономических, юридических и других мер. Следует также подчеркнуть, что использование конкурентного механизма в социалистической экономике представляется весьма сложным, противоречивым процессом и требует его дальнейшего изучения и определенной осторожности в применении.

¹ Проблемы использования конкуренции при социализме («социалистической конкуренции», экономического соревнования) рассматривались в середине 60-х гг. многими советскими экономистами, например П. Олдаком, Б. Ракитским, Л. Счастливецовой, М. В. Михайловым, а также экономистами ЧССР, ВНР и др.

² Впервые в Китае формулировка «плановая товарная экономика» была выдвинута еще в 1961 г. Чжо Цзюном. В 1980 г. другой экономист из провинции Гуандун, Чжан Чжичжэн, вновь использовал этот термин при характеристике социалистической экономики. В 80-е гг. эта формулировка получила широкое распространение и подробное обоснование в работах китайских теоретиков. В октябре 1984 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва концепция «плановой товарной экономики» при социализме получила официальное признание.

³ См.: «Сюешу юекань», 1980, № 4; «Beijing review», 1980, № 22; «Сюешу юекань», 1979, № 7; «Цзинцзиское дунтай», 1980, № 4.

⁴ См.: Чжунго цзинци няньцзянь, 1981. Пекин, 1981, с. 128—129.

⁵ См., напр.: «Бэйцзин жибао», 31.XII.1984; «Цзинци кэсюе», 1985, № 2, с. 52.

⁶ См.: Постановление ЦК КПК о реформе хозяйственной системы. Пекин, 1984, с. 28 (на кит. яз.).

⁷ См.: «Цзинци вэньти таньсо», 1986, № 9, с. 30.

⁸ См.: «Гуанмин жибао», 24.III.1979.

⁹ См.: «Цзинци яньцзю», 1979, № 5.

¹⁰ См.: «Хунци», 1979, № 10, с. 51.

¹¹ См.: Ли Юнь. О конкуренции в социалистической экономике. — «Шэхуэй кэсюе чжаньсянь», 1981, № 1; Ду И, Ван Юнцзян. Закон конкуренции — объективный закон социалистической товарной экономики. — «Бэйцзин шифань сюесяо сюебао», 1979, № 4; Гао Дичэн и др. Относительно обсуждения закона товарной конкуренции. — «Цзинци яньцзю», 1979, № 6, и др.

¹² См.: Ли Даопань. О конкуренции в социалистической экономике. — «Шэхуэй кэсюе яньцзю», 1979, № 5.

¹³ См.: «Сюешу юекань», 1980, № 4, с. 48; «Beijing review», 1980, № 22, р. 19.

¹⁴ См.: «Сысян чжаньсянь», 1979, № 6, с. 8.

¹⁵ См.: «Цзинци гуаньли», 1980, № 3, с. 8.

¹⁶ См.: «Бэйцзин жибао», 9.VIII. 1980.

¹⁷ См.: «Цзинци яньцзю», 1979, № 3, с. 62.

¹⁸ См.: «Сысян чжаньсянь», Куньмин, 1979, № 6, с. 17.

¹⁹ См.: Чжун Эпъчжэн, Чжан Цигуан и др. План и рынок. — «Шанхай жэньминь чубаньшэ», 1984, с. 62.

- 20 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 385.
- 21 См.: «Цзинцзи жибао», 24.XI.1984; «Цзинцзи кэсюе», 1985, № 2, с. 53.
- 22 См.: «Сюешу яньцзю», 1985, № 1, с. 19.
- 23 «Beijing review», 1980, № 22, р. 21.
- 24 См.: Чжун Эньчжэн, Чжан Цигуан и др. Указ. соч., с. 64—65.
- 25 См.: Ван Гочэн, Чжун Эньчжэн, Лю Ган. Пути повышения производительности труда.— «Шанхай жэньминь чубаньшэ», 1982, с. 48.
- 26 См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 2.VI.1985, с. 7; «Сибэй дасюе сюебао», 1986, № 4.
- 27 См.: «Цзинцзи яньцзю», 1979, № 11; «Сюешу яньцзю», 1985, № 1, с. 20.
- 28 «Beijing review», 1980, № 22, р. 21.
- 29 См.: «Хунци», 1980, № 13, с. 19.
- 30 Ван Гочэн, Чжун Эньчжэн, Лю Ган. Указ. соч., с. 48.
- 31 См.: «Цзинцзи жибао», 24.XI.1984; «Синьцзян шэхуэй кэсюе», 1985, № 2, с. 49.
- 32 См.: «Жэньминь жибао», 2.VIII.1980.
- 33 См.: «Хунци», 1980, № 13, с. 18—19.
- 34 См.: «Цзинцзи яньцзю», 1979, № 8, с. 57.
- 35 См. там же.
- 36 См.: Ло Цзун, Цао Линьчжан, Гу Гуанцин. Правильно развертывать конкуренцию, активно стимулировать объединение.— «Жэньминь чубаньшэ», 1982, с. 17—20.
- 37 См.: Постановление ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы, с. 28.
- 38 «Цзинцзи жибао», 24.XI.1984.
- 39 См.: «Синьцзян шэхуэй кэсюе», 1985, № 2, с. 48.
- 40 См.: «Цзинцзи кэсюе», 1985, № 2, с. 54; «Гуньжэнь жибао», 30.XII.1984; «Шэхуэй кэсюе чжаньсянь», 1985, № 1, с. 33.
- 41 «Сибэй дасюе сюебао», 1986, № 4, с. 12.
- 42 Там же.
- 43 «Цзинцзи кэсюе», 1985, № 2, с. 54—55.
- 44 См. там же, с. 55.
- 45 См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 6.VII.1986.
- 46 Там же, 16.III.1986, с. 7.
- 47 См., напр.: «Шицзе цзинцзи даобао», 7.I.1985; «Цзинцзисюэ чжоубао», 24.III.1985; «Цзинцзи яньцзю», 1985, № 10. Подробнее о проблеме банкротства социалистических предприятий в КНР см.: Е. Ф. Авдокушин. Китайские экономисты о банкротстве предприятий.— «Проблемы Дальнего Востока», 1987, № 2.
- 48 См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 10.VIII.1986, с. 7.
- 49 См.: «Цзинцзи кэсюе», 1986, № 1, с. 42, 46.
- 50 См.: «Цзинцзи вэньти таньсо», 1986, № 9, с. 30.
- 51 См.: «Цзинцзисюэ чжоубао», 22.VI.1986, с. 5.
- 52 «Цзинцзи вэньти таньсо», 1986, № 9, с. 32.
- 53 Заметное внимание китайских экономистов было привлечено к действию «социалистической конкуренции» в финансовой сфере. См., напр.: «Шаньси цзиньюн», 1985, № 5; «Шанхай цзиньюн», 1985, № 6; «Цзинцзи жибао», 16.V.1985.
- 54 «Цаймао гунцио яньцзю», 1985, № 1, с. 64.
- 55 См.: «Сюешу яньцзю», 1985, № 1, с. 20.
- 56 См. там же.
- 57 См.: «Жэньминь жибао», 18.III.1984; «Наньфан жибао», 18.III.1985.
- 58 См.: «Шицзе цзинцзи даобао», 7.I.1985, с. 3.
- 59 См.: «Хубэй жибао», 24.V.1985.
- 60 «China Daily», 2.V.1985.
- 61 «Шэхуэй кэсюе чжаньсянь», 1985, № 1, с. 36.
- 62 См.: «Цзинцзи гуаньли», 1980, № 1, с. 67.
- 63 «Наньцин дасюе сюебао», 1980, № 3, с. 19.
- 64 «Шэньси жибао», 10.II.1985.
- 65 «Жэньминь жибао», 24.VI.1985.
- 66 См.: «Цзинцзи вэньти», 1985, № 3, с. 29.

*В. И. ПЕТУХОВ,
кандидат исторических наук*

В неоглобалистской политике и военно-стратегических планах правящих кругов Америки все более важная роль отводится странам азиатско-тихоокеанского региона. США ставят своей задачей превратить АТР в один из основных фронтов борьбы против СССР и его союзников. С этой целью здесь расширяются масштабы военных приготовлений, наращиваются ядерные вооружения, сколачиваются новые военные группировки, создаются базы и опорные пункты для «сил быстрого развертывания».

Наряду с Японией, Южной Кореей и другими странами, идущими в фарватере американской политики, на службу агрессивным проискам США в регионе поставлен и остров Тайвань. Его значение в общей стратегической структуре Запада определяется прежде всего чрезвычайно выгодным географическим положением: занимая господствующие позиции на морских путях, соединяющих страны Тихого и Индийского океанов, Тайвань контролирует подступы к Китаю с востока, к Японии — с юго-запада и к Филиппинам — с севера. Площадь острова, отделенного от Китая Тайваньским проливом шириною от 150 до 300 км, составляет 36 тыс. кв. км, население превышает 20 млн. человек.

Согласно международным соглашениям периода второй мировой войны, Тайвань, являвшийся около 50 лет колонией Японии, должен принадлежать Китаю, но фактически существует как враждебное ему государственное образование, опекаемое США. С момента возникновения вооруженного конфликта в Корее в июне 1950 г. американцы фактически оккупировали остров, объявили созданный здесь режим Чан Кайши единственным представительным правительством Китая и более двадцати лет отстаивали его незаконное членство в Организации Объединенных Наций. В декабре 1954 г. между США и тайваньским режимом был подписан Договор о взаимной обороне, по которому американское правительство присвоило себе право размещать свои вооруженные силы на Тайване и прилегающих к нему островах, обязавшись защищать эти территории от нападения извне.

Со времени образования КНР воссоединение Тайваня с Китаем постоянно декларируется китайским руководством как одна из важнейших национальных задач, решение которой означало бы окончательное завершение гражданской войны и объединение страны под властью центрального правительства. Однако на практике острота и срочность этой задачи были в свое время приглушены: в поисках соглашения с Вашингтоном китайская сторона дала понять американским партнерам по переговорам, что не считает тайваньскую проблему требующей безотлагательного решения. При переговорах об установлении дипломатических отношений между КНР и США усилил Вашингтона, как это откровенно отметил тогдашний помощник госсекретаря Р. Холбрук, сводились к тому, чтобы найти такую формулу урегулирования, которая позволила бы отсрочить фактическое слияние обеих частей (Китая. — В. П.) на протяжении жизни одного или более поколений¹. Указанные усилия имели вполне определенную антикитайскую направленность, причем ставка делалась на фактор времени: чем дольше Тайвань существует отдельно, тем больше шансов у США постепенно легализовать его независимый от КНР статус.

Соглашение об установлении дипломатических отношений было достигнуто на основе формального компромисса, который не изменил ни существа политики США

в отношении Тайваня, ни фактического положения его режима. Подписанный президентом Картером в апреле 1979 г. Закон об отношениях с Тайванем обеспечил сохранение особых, по существу союзнических, связей между США и тайваньским режимом, поставил последний под вооруженную защиту Соединенных Штатов. Упомянутый закон не только не признает Тайвань частью Китая и ни словом не упоминает о возможности воссоединения острова с материковой территорией китайского государства, но, напротив, четко и безоговорочно противопоставляет их друг другу. Закон провозглашает, что цель политики США состоит в том, чтобы «сохранять и развивать широкие, тесные и дружественные связи между народами США и Тайваня, так же как и с народом материкового Китая и другими народами района западной части Тихого океана»². Иначе говоря, Тайвань ставится на одну доску с Китаем и другими странами как некое самостоятельное государственное образование.

Более того, согласно закону, «любая угроза безопасности или социально-экономической системе народа Тайваня» приравнивается к «угрозе интересам Соединенных Штатов» со всеми вытекающими из этого последствиями³. Как разъяснил президент Картер в интервью редакторам газет 11 февраля 1979 г., «ничто не мешает президенту или конгрессу, если мы сочтем, что для Тайваня возникла угроза, разместить тихоокеанский флот США в районе между этим островом и материковой территорией... нет ничего, что помешало бы даже начать войну»⁴.

Опираясь на указанный закон, правительство США по-прежнему препятствует воссоединению острова с КНР: оно продолжает укреплять военный потенциал тайваньского режима, поставлять ему новейшее оружие и боевую технику, расширять торгово-экономическое сотрудничество, которое способствует поддержанию тайваньской экономики на высоком уровне.

На этой почве между КНР и США периодически возникают осложнения, свидетельствующие о глубоком недовольстве китайской стороны позицией Вашингтона по коренному вопросу — о принадлежности Тайваня КНР. Китайская сторона считает, что данный вопрос в отношениях с США якобы уже решен, а Соединенные Штаты отрицают это и считают его открытым. Но на поверхности, как правило, данное противоречие проявляется в спорах по второстепенным, производным проблемам, практически не имеющим решающего значения для определения дальнейшей судьбы острова. Чаще всего это вопросы, касающиеся поставок тайваньскому режиму американского оружия, которые осуществляются в широких масштабах в соответствии с упомянутым Законом об отношениях с Тайванем.

Правительство КНР неоднократно предпринимало официальные демарши, требуя от Вашингтона прекращения поставок оружия, но администрация Рейгана фактически игнорировала эти требования. Правда, стремясь преодолеть спад в китайско-американских отношениях, наметившийся в 1981—1982 гг., она согласилась на переговоры по указанному вопросу, которые продолжались более семи месяцев. В результате переговоров в августе 1982 г. было опубликовано совместное китайско-американское коммюнике, которое зафиксировало договоренность о том, что «правительства двух стран приложат максимальные усилия для принятия мер и создания условий, способствующих полному урегулированию этой проблемы»⁵. В коммюнике предусматривалось, что в дальнейшем поставки оружия Тайваню не будут превышать ни в качественном, ни в количественном отношении уровень поставок оружия, имевший место в последние годы со времени установления дипломатических отношений между КНР и США (в неофициальном порядке стороны договорились, что точкой отсчета будет считаться уровень поставок в 1979 г., когда они оценивались в 598 млн. долл.).

Практика последних лет показала, однако, что упомянутое соглашение не имело реальных результатов. Как констатировал в одном из заявлений премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян, после опубликования совместного коммюнике «никакого количественного сокращения поставок американского оружия Тайваню не произошло, а их качественный уровень даже повысился». По существу китайская сторона примирилась с таким положением, заявив, что она приняла во внимание исторические узы, связывающие Вашингтон с Тайванем, и не настаивает на немедленном прекращении продажи оружия Тайваню⁶.

Тем временем Соединенные Штаты привели в действие обходные каналы содействия вооружения Тайваню, которые позволяют сократить их собственные военные

поставки и в то же время не допустить уменьшения боевого потенциала тайваньских вооруженных сил. Прежде всего Тайбэй с благословения Вашингтона начал увеличивать закупки оружия и военной техники в союзных и связанных с Соединенными Штатами странах (в том числе в Израиле и ЮАР). Одновременно США всемерно содействуют укреплению и расширению военной промышленности на самом Тайване, предоставляя ему новейшую технологию соответствующего назначения. Местные предприниматели в сотрудничестве с американскими компаниями разворачивают производство на острове реактивных самолетов ультрасовременных образцов, танков, управляемых снарядов, зенитных и корабельных ракет, вертолетов, военных катеров и пр.

Правительство КНР опротестовало действия администрации Рейгана, указав, что предоставление Тайваню американской военной технологии является нарушением двусторонней договоренности 1982 г. Но в Вашингтоне доказывают, что эта договоренность касалась якобы только оружия, а не технологии, в которой, дескать, нуждается Тайвань, и потому протесты китайской стороны не могут быть приняты во внимание. В связи с этим в июне 1986 г. в Вашингтон выезжал заместитель министра иностранных дел КНР Чжу Цижэнь, который во время встречи с вице-президентом Д. Бушем и помощником министра обороны Р. Перлом пытался уточнить позицию сторон по данному вопросу, имея целью склонить США к сокращению поставок оружия и военной технологии Тайваню. Результаты этих встреч в печати не освещались, но можно предполагать, что Чжу Цижэнь ничего не добился, поскольку споры и распри между КНР и США по этому вопросу продолжаются.

Примечательно, что китайская сторона, очевидно по тактическим соображениям, ограничивается в основном закрытыми представлениями правительству США, воздерживается от резких выступлений в печати, а порой даже изображает дело так, будто тайваньская проблема не является для Китая вопросом первостепенного значения. «Мы,— заявил бывший генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан в беседе с американским ученым С. Харрисоном,— не трубим постоянно и во всеуслышание о Тайване, потому что считаем, что есть более важные и более крупные вопросы... Мы не хотим, чтобы сложилось впечатление, что мы концентрируем внимание только на Тайване»⁷.

На данном этапе практическая политика китайского руководства в отношении Тайваня сводится в основном к разработке и пропаганде системы мер, которые способствовали бы установлению связей с тайваньским режимом, с тем чтобы склонить его к проведению переговоров о взаимоприемлемых формах воссоединения. Так, в сентябре 1981 г. от имени правительства КНР была провозглашена Программа из девяти пунктов, в которой Тайваню в случае воссоединения была обещана широкая автономия как особому административному району КНР. В программе, в частности, гарантировалось сохранение социально-экономической (капиталистической) системы, существующей на острове, неприкосновенность частной собственности тайваньцев, невмешательство центральных властей в местные дела. Более того, Тайваню разрешалось сохранить свои вооруженные силы и самостоятельно поддерживать экономические и культурные связи с другими странами. Тайваньские представители, говорилось в программе, смогут после воссоединения Китая «занять руководящие посты в политических учреждениях страны и участвовать в управлении государством», а местные промышленники и бизнесмены получат возможность «вкладывать капиталы и заниматься различного рода деятельностью на материке»⁸. Иными словами, существо предлагаемого урегулирования сводилось к тому, чтобы Тайвань признал суверенитет КНР и принял ее флаг, а в остальном существовал бы как государство в государстве, сохраняя свои социально-экономические порядки.

В дальнейшем в заявлениях Дэн Сяопина и других руководящих деятелей КНР указанный подход был концентрированно выражен в формуле «одна страна — две системы», которая легла в основу соглашения с Англией по Гонконгу и стала затем широко пропагандироваться как лучший образец решения тайваньской проблемы.

Примечательно, что в Программе из девяти пунктов и других заявлениях переговоры с Тайванем предлагалось провести не на правительственном уровне, а между соответствующими правящими партиями — КПК и гоминьданом; это следовало рассматривать как призыв к возрождению опыта сотрудничества между названными

партиями, имевшего место в годы борьбы против японской интервенции. Идея «третьего сотрудничества» между КПК и гоминьданом основывается на определенном сходстве их позиций: как одна, так и другая партии считают Тайвань неотъемлемой частью Китая, выступают за объединение страны, с той, однако, разницей, что единственным путем к объединению гоминьдановцы до сих пор считают ликвидацию КНР и распространение своей власти на весь Китай. Такая позиция исключает, разумеется, возможность достижения соглашения между сторонами. Но времена меняются. В условиях, когда господству гоминьдана на Тайване угрожает активизация сепаратистских сил, манипулирующих настроениями коренного тайваньского населения, китайское руководство, как видно, не оставляет надежды, что лидеры гоминьдана отступят от своих нереальных, явно обанкротившихся установок и пойдут на переговоры о воссоединении Тайваня с КНР. Во всяком случае, предложения о «третьем сотрудничестве» выдвигаются китайской стороной снова и снова. Например, выступая в ноябре 1986 г. на одном из мероприятий в связи с празднованием 120-летия со дня рождения Сунь Ятсена, председатель Постоянного комитета ВСНП Пэн Чжэнь вновь призывал провести с указанной целью переговоры между КПК и гоминьданом «на паритетных началах».

Как отмечали политические обозреватели на Западе, предложения о мирном урегулировании тайваньской проблемы были обращены не только к гоминьдановским лидерам на Тайване, но в известном смысле и к правительству США с целью заверить его в миролюбии китайской стороны и лишить оснований для проведения акций, направленных на поддержку тайваньского режима, в частности поставок ему оружия. Правительство США получило заверения, что в случае одобрения указанного предложения и осуществления воссоединения Тайваня с КНР позиции американского капитала на острове не подвергнутся никаким ограничениям. В Китае, вероятно, рассчитывали, что установление тесных отношений с Соединенными Штатами побудит их использовать свое влияние на Тайване для налаживания контактов между Пекином и Тайбэем. «Мы будем приветствовать,— сообщалось в китайской прессе,— если иностранные друзья различными путями помогут ускорить мирное воссоединение страны»⁹. Увы, такая идея оказалась чуждой Вашингтону. Как сообщала американская печать, «предложение о том, чтобы США сыграли какую-то роль в дружественном сближении (КНР и Тайваня.— В. П.), не пользуется поддержкой среди влиятельных членов правительства Рейгана»¹⁰. Официальная позиция по данному вопросу была вновь подтверждена в декабре 1986 г. помощником госсекретаря Г. Сигуром, который заявил, что Соединенные Штаты не будут служить посредником и не станут оказывать нажим на Тайвань.

Вполне очевидно, что США не только не содействуют мирному урегулированию тайваньской проблемы с учетом законных прав и интересов КНР, но, напротив, всячески противодействуют этому, подталкивая тайваньцев к отказу от воссоединения. Настроения администрации Рейгана по этому вопросу были недвусмысленно выражены в утвержденной съездом республиканской партии в августе 1984 г. избирательной программе, где говорилось: «Обеспечение свободы Тайваня по-прежнему остается одним из важнейших элементов нашей политики, и мы готовы помочь Тайваню защищать эту свободу. В традициях президента Вильсона мы поддерживаем принцип самоопределения». Еще ранее аналогичная позиция была декларирована, причем на официальном уровне, в резолюции комиссии по иностранным делам сената США, принятой 15 ноября 1983 г. В ней заявлялось, что вопрос о будущем Тайваня должен быть решен мирным путем, без принуждения, в духе, приемлемом для народа на Тайване, и непременно в соответствии с рассмотренным выше американским Законом об отношениях с Тайванем. Обращало на себя внимание то, что к подготовке и обсуждению проекта этой резолюции были привлечены лидеры функционирующих в США организаций тайваньских сепаратистов, которые открыто выступали в конгрессе за предоставление независимости Тайваню. Как видно, сепаратисты в своей деятельности опираются на поддержку влиятельных кругов в США (ряд западных специалистов высказывает мнение, что именно на эту категорию тайваньских деятелей делает ставку Вашингтон, хотя он пока и не раскрывает своих планов). Не удивительно, что сообщение об указанной резолюции было с возмущением воспринято китайским народом, который заклеил ее как «грубое вмешательство во внутренние дела суверенного китайского государства, имеющее своей целью

увечевчить отделение Тайваня от Китая под предлогом так называемого самоопределения»¹¹.

В условиях империалистического вмешательства США политика мирных инициатив, которую проводит китайское правительство, не дает положительных результатов. Как отметил Ху Яобан в упомянутой беседе с американским ученым С. Харрисоном, «некоторые элементы на Тайване при поддержке извне противятся воссоединению»¹². Руководство КНР вынуждено признать, что «политическая поддержка, которую Соединенные Штаты оказывают Тайваню, — это главная проблема, препятствующая воссоединению Китая и Тайваня»¹³. Опекаемый Соединенными Штатами тайваньский режим отвергает предложения китайского правительства и продолжает курс на противостояние ему.

Между тем внешнеполитическое положение тайваньского режима в последние годы резко ухудшилось. Число государств, признающих его, сократилось до 23; все крупные государства, поддерживавшие в прошлом тайваньский режим, прекратили дипломатические отношения с ним. Тайвань лишился членства во многих международных организациях. Антидемократический, репрессивный характер тайваньского режима критикуется в иностранной печати, в том числе в американской, что также наносит ущерб престижу как самого режима, так и поддерживающих его внешних сил.

Соединенные Штаты, естественно, заинтересованы придать «своим друзьям» на Тайване более респектабельный облик, поднять их международный престиж. С этой целью США стараются убедить местного диктатора Цзян Цзинго осуществить некоторые реформы. В августе 1986 г. Комитет по иностранным делам палаты представителей конгресса США принял резолюцию, содержащую призыв к тайваньским властям разрешить деятельность оппозиционных партий, отменить цензуру и гарантировать населению острова свободу слова и печати. Эта акция конгресса (прикрываемая, как обычно, заботой о демократии), видимо, была следствием расчета на то, что создание условий для деятельности оппозиционных партий на Тайване не только пресечет критику авторитарного режима, но и подготовит постепенный приход к власти в будущем, после ухода со сцены доживающего свой век гоминьдановского руководства, тех элементов, которые выступают за оформление независимости Тайваня и более устривают США как опора американской политики в регионе.

Цзян Цзинго был вынужден учесть в какой-то мере наставления Вашингтона. 15 июля нынешнего года на Тайване был отменен Закон о военном положении, который был введен 38 лет назад. На смену ему пришел Закон о национальной безопасности. Как отмечается в комментарии агентства Синьхуа, Закон о национальной безопасности и относящиеся к нему указы и положения мало чем отличаются от установок Закона о военном положении. Новый закон регулирует выезд с Тайваня и возвращение и особенно строг к тем, кто навещает родственников, живущих по другую сторону пролива. Законом о национальной безопасности предусматривается, что арестованные по Закону о военном положении не имеют права обжалования. Многие считают, что это положение еще более бесчеловечно, чем Закон о военном положении. Оно делает невозможным отмену приговоров, вынесенных по политическим мотивам. Закон лишает значительную часть политической оппозиции права участвовать в избирательных кампаниях. Поэтому многие на Тайване говорят, что новый закон — это «старое вино в новой бутылке»¹⁴. Иначе говоря, Цзян Цзинго, обходя обостряющиеся проблемы внутреннего устройства, прибег, как не раз и в прошлом, к политическому маневрированию, прикрывающему фактически отказ правящей элиты гоминьдана от радикальных преобразований на Тайване.

«Старая гвардия» чанкайшистов опасается, что ослабление жесткого контроля над жизнью тайваньского общества и легализация оппозиционных партий подорвут неограниченную власть гоминьдана, расшатают основы его однопартийной диктатуры. Дело в том, что местная буржуазия и связанная с нею интеллигенция, представляющие коренное население Тайваня, стремятся освободиться от засилья гоминьдана и установленных им политических, экономических и других ограничений для коренных тайваньцев¹⁵. Среди них преобладают настроения в пользу провозглашения Тайваня независимым государством, опирающимся на поддержку США. При этом

деловые круги острова рассчитывают, что после установления независимости тайваньцам легче будет вести переговоры с КНР о тех или иных формах сотрудничества с целью использования материкового Китая в качестве перспективного рынка сбыта. В то же время они настороженно относятся к маневрам нынешних правителей острова, поскольку не исключают возможности того, что последние, резко изменив свою традиционную позицию, тайно договорятся с правительством КНР о воссоединении, чтобы стяжать славу героев в истории Китая. Словом, расхождение интересов и противоречия между двумя основными силами тайваньского общества все более нарастают и угрожают вылиться в конфликт, который может нарушить нынешнюю относительно стабильность на острове.

Гоминьдановцам становится все труднее лавировать и подавлять оппозиционные настроения. Об этом свидетельствовали, в частности, состоявшиеся в декабре 1986 г. дополнительные выборы, которые определяли судьбу 73 из 324 мест в законодательном юане и 84 из 905 мест в Национальном собрании. Гоминьдановское руководство сделало все, чтобы не допустить значительных перемен в политическом положении на острове в результате выборов. Обещанная легализация оппозиционных партий не состоялась. На всякий случай Цзян Цзинго заблаговременно объявил, что такие партии при возобновлении своей деятельности должны соблюдать три условия: сохранять верность гоминьдановской конституции, выступать против КПК и не поддерживать сторонников отделения Тайваня от Китая. Однако созданная без разрешения властей так называемая Демократическая прогрессивная партия (ДПП) на своем первом съезде в ноябре 1986 г. приняла программу, в которой указанные условия были, по существу, обойдены. Вернувшиеся из эмиграции (в основном из США и Японии) тайваньские деятели, примкнув к ДПП, прямо заявили, что они будут выступать за независимость Тайваня.

Один из руководителей сепаратистов, Сюй Синьлинь, который в свое время бежал с острова и в течение последних семи лет издавал в Калифорнии журнал «Независимая Формоза», пытался накануне выборов вернуться на Тайвань, намереваясь возглавить оппозицию, но не получил разрешения на въезд и задержался в Токио. Его сторонники организовали в Тайбэе демонстрацию протеста с целью добиться отмены решения властей воспрепятствовать возвращению Сюй Синьлиня. Против демонстрантов были брошены полиция и воинское подразделение. По сообщению агентства Франс Пресс, произошли столкновения, в результате которых были ранены 50 полицейских и около 40 демонстрантов.

Как отмечают западные обозреватели, оппозиция, не имевшая прежде своей организации и страдавшая от внутренних разногласий (главным образом по вопросам тактики борьбы с господством гоминьдана), на последних выборах выступила единым фронтом и добилась существенных успехов. Если на предыдущих выборах в 1985 г. оппозиция получила менее 25 % голосов, то в 1986 г. — уже 30 %. В результате она более чем удвоила свое представительство в обеих палатах тайваньского парламента — Законодательном юане и Национальном собрании (в первом из них депутаты оппозиции имели до этого 5 мест, теперь — 12; во втором имели 4 места, теперь — 11)¹⁶. Гоминьдановцы, не ожидавшие такого исхода голосования, не решились накануне выборов использовать против ДПП и ее сторонников репрессивные меры, но предупредили, что не допустят оппозиционной деятельности, выходящей за рамки действующей конституции.

Понятно, что указанные результаты выборов не внесли существенных изменений в расстановку политических сил на Тайване. В ближайшей перспективе оппозиция, в рядах которой тон задают лидеры сепаратистов, вряд ли будет в состоянии подорвать господство гоминьдана. Но она активизируется, набирает силу, и это представляет собой новую важную тенденцию в развитии обстановки на острове. Сепаратисты начинают открыто выступать с заявлениями, которые еще недавно казались немислимыми в условиях военно-полицейской диктатуры. Так, оппозиционный депутат от столичного избирательного округа Ю Цин заявил во время выборов: «Мы выступаем за самоопределение: судьбу Тайваня должны решить его жители, и ни одно правительство не имеет права присваивать себе эту прерогативу»¹⁷.

Нетрудно заметить, что подобные выступления, по существу, повторяют не только публично высказываемые мнения разного рода американских деятелей, но и официальные заявления вашингтонской администрации, а также упоминавшиеся выше

законодательные акты конгресса США. Все более отчетливо выявляется стремление правящих кругов Америки обеспечить окончательный отрыв Тайваня от КНР. По мере естественного ухода старшего поколения гоминьдановцев, которые хотя и зависят от США, но все же не разделяют планов превращения острова в отдельное государство, Соединенные Штаты, нужно думать, активизируют усилия, направленные на реализацию такого рода планов.

Не случайно в трудах заокеанских политологов, в американской печати постоянно обсуждаются различные сложные проблемы, которые якобы преграждают дорогу к воссоединению Тайваня с КНР: противоположность социально-экономических систем двух частей Китая, резкое различие в уровнях их развития, исторически сложившаяся разобщенность идеологического, культурного, психологического и даже языкового порядка. Но при этом, однако, забывают указать на главное препятствие, не допускающее мирного урегулирования проблемы, — империалистическую политику правящих кругов США, которые стремятся удержать Тайвань под своим контролем.

Соединенные Штаты давно уже исподволь подготавливают почву для оформления независимости острова. Этот курс явственно прослеживается во всех сферах деятельности американцев на Тайване, и прежде всего в сфере вооружения местного режима и поддержки его экономики.

Благодаря содействию Пентагона Тайвань в настоящее время располагает крупными вооруженными силами общей численностью около 500 тыс. человек, которые по оснащенности современной боевой техникой и выучке личного состава занимают одно из первых мест в Юго-Восточной Азии. Как сообщил гонконгский журнал «Байсин» 16 марта 1986 г., Тайвань, опираясь на сотрудничество с Израилем и ЮАР, создал атомную бомбу и «современное оборудование» для запуска ее. При этом утверждается, что тайваньские власти проводили по данному вопросу тайный обмен мнениями с администрацией США и «добились понимания и поддержки» с ее стороны.

В военно-стратегическом планировании Пентагона Тайвань рассматривается как важное звено в цепи американских плацдармов, расположенных в западной части Тихого океана. Указывая на задачи, отведенные Тайваню в общей стратегии сил, объединяемых Соединенными Штатами, заместитель начальника генерального штаба гоминьдановской армии Е Чантун на одной из военных конференций летом 1986 г. заявил, что вооруженные силы острова «не ограничиваются защитой Тайваньского пролива, а занимаются разведывательной деятельностью в районе от Владивостока на севере до Тонкинского залива на юге»¹⁶.

С учетом этой роли Тайваня следует подходить и к оценке его экономического положения. Западная пропаганда, обходя теневые стороны тайваньского режима, на все лады трубит о его особых успехах в хозяйственной области. Действительно, благодаря содействию США, экономическая помощь которых тайваньскому режиму до 1985 г. составила в общей сложности 1,5 млрд. долл. (не считая чисто военной и других видов помощи), Тайвань стал одним из наиболее развитых районов Юго-Восточной Азии. На протяжении длительного времени ежегодные темпы прироста валового национального продукта на острове составляют 8—10 %. Уровень среднегодового дохода на душу населения превышает 3 тыс. долл. Несмотря на крайне скудные природные ресурсы, Тайвань занимает 15-е место среди капиталистических стран по объему внешней торговли. Резервы иностранной валюты к концу 1986 г. оценивались в 45 млрд. долл. — показатель, которым располагают лишь немногие страны мира.

США прочно удерживают за собой командные позиции в политической и экономической жизни Тайваня. На их долю приходится около половины внешнеторгового оборота острова — более 20 млрд. долл. Среди торговых партнеров США Тайвань занимает восьмое место по объему экспорта и десятое — по объему импорта из Америки. При этом из года в год увеличивается активное сальдо Тайваня в торговле с США, составившее в 1985 г. 13 млрд. долл.¹⁷ Характерно, что американцы мирятся с таким положением, в то время как дефицит в торговле с некоторыми другими странами (особенно с Японией) вызывает резкое недовольство в правящих кругах США.

В последние годы Тайвань становится объектом усиливающегося соперничества между Соединенными Штатами и Японией. Активно поддерживая антикитайскую политику Вашингтона в отношении Тайваня, Япония в то же время стремится по-

теснить позиции своего заокеанского союзника в экономике острова. Пока она отстает от США в торговле с Тайванем, но по объему инвестиций в его экономику (1,1 млрд. долл.) японский капитал уже значительно превосходит американский¹⁹. На острове обосновываются филиалы японских промышленных корпораций, создаются совместные японо-тайваньские предприятия. В целях поддержания конкурентоспособности своих товаров на внешних рынках японские корпорации переводят на остров, с его дешевой рабочей силой, отдельные сборочные предприятия, организуя многоступенчатую кооперацию с местными фирмами. Все это усиливает не только экономическое, но и политическое влияние бывшей метрополии на Тайване.

Понятно, что интересы американских и японских монополий расходятся с призывами и требованиями правительства КНР о воссоединении Тайваня. Сотрудничество Китая с Соединенными Штатами отнюдь не благоприятствует решению тайваньской проблемы. Как пишет журнал «Бэйцзин чжоубао», «американцы считают, что поскольку Китай нуждается в помощи Соединенных Штатов в деле модернизации, то ему придется примириться с проводимой Вашингтоном двойственной политикой»²¹. Это понимают, очевидно, и сами китайские руководители. Убеждаясь в тщетности попыток договориться о мирном урегулировании проблемы, они предупреждают, что сохраняют за собой право использовать против Тайваня силу. Но на данном отрезке времени для этого, по признанию самих руководителей КНР, нет необходимых условий. «Китай не располагает достаточными возможностями, чтобы принять какие-либо меры против Тайваня в ближайшие 7—8 лет», — заявил Ху Яобан в интервью, опубликованном в гонконгском журнале «Байсин» 1 июня 1986 г. — Военная мощь Тайваня сравнительно велика, и Китаю нелегко будет переправить свои войска через пролив. Но после того, как китайская экономика станет достаточно сильной и армия будет модернизирована, КНР может приступить к воссоединению Китая и Тайваня».

Во всяком случае, в ближайшей перспективе такая акция не представляется возможной, поскольку китайское правительство вынуждено считаться с опасностью возникновения конфликта с Соединенными Штатами, что противоречит нынешнему курсу КНР.

Что касается Советского Союза, то он неоднократно заявлял, что неизменно признает суверенитет КНР над островом Тайвань и отвергает концепцию «двух Китаев», в какой бы форме она ни преподносилась. Законные права Китайской Народной Республики должны быть ограждены от агрессивных посягательств империализма.

¹ In: "United States News and World Report", 21.XII.1978.

² "Taiwan Relations Act", 10.IV.1979. — "Weekly Compilation of Presidential Documents", vol. 15. Washington, 1979.

³ Ibid.

⁴ "New York Times", 12.II.1979.

⁵ «Жэньминь жибао», 18.VIII.1982.

⁶ "Christian Science Monitor", 6.XII.1985.

⁷ "Far Eastern Economic Review", 24.VII.1986.

⁸ «Жэньминь жибао», 1.X.1981.

⁹ "Beijing Review", 19.X.1981, p. 3.

¹⁰ "Business Week", 19.X.1981.

¹¹ «Жэньминь жибао», 20.XI.1983.

¹² "Far Eastern Economic Review", 24.VII.1986.

¹³ Из интервью Ху Яобана гонконгскому журналу «Байсин» от 6.VI.1985.

¹⁴ См.: «Московские новости», 9.VIII.1987.

¹⁵ Согласно американским источникам, из 20 с лишним миллионов человек населения острова 86 % составляет коренное население. — Taiwan: one year after United States — China normalization. Washington, 1980, p. 170; из 2 млн. членов гоминьдана около 70 % родились на острове уже после бегства чанкайшистов на Тайвань. — "Wall Street Journal", 31.XII.1985.

¹⁶ См.: "Le Monde", 9.XII.1986.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ «Санкэй симбун», 16.VII.1986.

¹⁹ In: "Far Eastern Economic Review", 4.X.1986.

²⁰ Ibid.

²¹ Цит. по: «За рубежом», 1986, № 3, с. 11.

Интернациональная помощь СССР в деле подготовки китайских партийных и революционных кадров в 20—30-е годы

---

*В. Н. УСОВ,
кандидат исторических наук*

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая эпоху перехода человечества от капитализма к социализму, в корне изменила и положение Китая, положила начало новому этапу в историческом развитии этой великой азиатской страны, гигантски ускорив процесс социально-политического обновления китайского общества. Победа революции в России побудила китайских революционеров пересмотреть прежние представления об исторических судьбах Китая, по-новому поставила вопрос о путях социального и национального обновления страны, дала мощный толчок антиимпериалистическому и антифеодальному движению.

Лучшие умы Китая приветствовали Октябрьскую революцию. Великий китайский революционер-демократ Сунь Ятсен летом 1918 г. послал телеграмму Советскому правительству и его главе В. И. Ленину, в которой выражал надежду, что «революционные партии Китая и России объединятся для совместной борьбы»¹.

Для китайских революционеров Советская Россия была неисчерпаемой сокровищницей революционной мысли. Многие из них стремились приехать в Советскую Россию для детального изучения опыта революции на месте. По пути в Москву видный китайский коммунист-интернационалист Цюй Цюбо писал: «К красному свету!.. Скорей! Скорее к цели! Советский народ — орган самовластия пролетариата, коммунизм, социализм, основанные на экономическом учении Маркса,— все это можно изучать там, на месте»².

Советское правительство, партия Ленина и Коминтерн понимали необходимость помощи революционерам Востока в подготовке партийных и революционных кадров, способных решать сложные проблемы, требовавшие глубокого теоретического осмысления и практического решения. Учитывалось также и то обстоятельство, что значительная часть населения России в силу протяженности ее границ находилась в постоянном экономическом, политическом и культурном взаимодействии с народами Китая, Кореи, Монголии, Ирана, Турции, Афганистана. Кроме того, Октябрьская революция захватила в пределах бывшей Российской империи сотни тысяч рабочих, крестьян, представителей других слоев населения из этих стран. Так, к началу 20-х гг. в различных районах Туркестана насчитывалось 279 тыс. китайских мусульман. Что касается численности собственно китайцев в России, то, по имеющимся оценкам, в 1918 г. в губерниях европейской части насчитывалось до 70 тыс. китайских рабочих, а в Сибири и на Дальнем Востоке — до 400 тыс. К середине 1922 г. на Дальнем Востоке проживало приблизительно 200 тыс. китайцев, а к началу 1923 г.— 150 тыс.³

Уже в годы гражданской войны органы советской власти предоставили революционно настроенным китайцам, проживавшим на территории нашей страны, возможность обучаться в военно-политических школах и на партийных курсах как в тылу, так и в

действующей армии. Например, в интернациональном полку 5-й армии Восточного фронта в августе 1920 г. действовала специальная инструкторская школа для подготовки командного состава, среди слушателей которой было 200 китайцев⁴.

В начале 1921 г. ЦК РКП(б) принял решение об организации при Наркомнаце восточных курсов. 21 апреля 1921 г. ВЦИК издал декрет о реорганизации курсов при Наркомнаце в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) «для подготовки политических работников из среды трудящихся Восточных договорных и автономных республик, автономных областей, трудовых коммун и национальных меньшинств»⁵.

Двери КУТВ с первых дней его существования были широко открыты не только для трудящихся советского Востока (хотя их и было большинство), но и для революционеров-эмигрантов из Китая, Кореи, Монголии, Ирана, Турции, Афганистана, Индокитая. Учитывалось и то, что еще до открытия КУТВ эти эмигранты (а их было не менее 1 млн.) неоднократно обращались в Наркомнац с просьбой организовать для них политическую школу⁶.

Следует вкратце остановиться на деятельности КУТВ, внесшего значительный вклад в дело подготовки партийных и революционных кадров Востока в 20—30-е гг., учитывая то, что как в советской, так и в зарубежной литературе почти нет работ, специально посвященных КУТВ⁷.

В марте 1924 г. Хо Ши Мин, который сам учился, а затем и преподавал в КУТВ, писал: «...Революционная Россия, ни на минуту не задумываясь, пришла на помощь народам, которые она уже самым фактом своей победоносной революции пробудила от летаргического сна. Одним из ее первых начинаний было создание Университета народов Востока... Можно без преувеличения сказать, что университет приютил под своей крышей будущее колониальных народов»⁸.

С момента открытия перед КУТВ стояли две задачи — подготовка национальных кадров для советского Востока и подготовка революционных работников для зарубежного Востока.

В первые годы после открытия занятия в КУТВ проходили в тяжелых условиях. Не хватало учебных материалов, не был укомплектован штат преподавателей, программы были слабо отработаны и довольно часто не увязаны между собой, остро ощущался недостаток марксистской литературы на восточных языках, студенты университета с трудом приспосабливались к непривычным для них климату и бытовым условиям. Но все это не пугало молодежь, которая тянулась к знаниям. Датский писатель-коммунист Мартин Андерсен-Нексе, беседовавший в Москве в 1924 г. с учащимися КУТВ, писал: «В Москву идут на паломничество из далеких стран феллахи, кули, малайцы... Я разговаривал недавно с двумя рабочими из Тибета, двумя молодыми рабами. Они шли пешком 14 месяцев, чтобы попасть в университет Востока. Такой притягательной силой обладает свет, идущий из Москвы на Восток»⁹.

Уже к концу 1921 г. в КУТВ числилось 662 слушателя¹⁰, представлявших 44 национальности. В их числе было 36 китайских революционеров. Через год количество студентов возросло до 933, включая 42 китайцев¹¹. Большая часть студенчества (490 человек) были выходцами из крестьян, 215 человек — из рабочих, остальные — из учащихся, служащих и интеллигенции. В университете в те годы училось более 140 женщин¹².

Довольно сложной была структура КУТВ. В нем были созданы специализированные группы: основная, инструкторская, лекторская и семинарская. По решению ЦК РКП(б) в феврале открылись естественно-исторические курсы для подготовки преподавателей естествознания для восточных республик. В КУТВ были организованы секторы, где занятия велись на родных языках студентов: тюркском, персидском, китайском, японском, корейском, французском, английском и других.

В 1922 г. был совершен переход от семимесячного к трехлетнему сроку обучения, создано годичное подготовительное отделение для слабо подготовленных абитуриентов. Несмотря на нехватку в стране специалистов по проблемам современного Востока, в 1922—1923 гг. в КУТВ уже насчитывалось 165 лекторов и кружковцев, из них 28 профессоров. Это говорило о том внимании, которое уделялось КУТВ со стороны ЦК РКП(б). Среди преподавателей были П. А. Миф, позднее ректор Университета трудящихся Китая; В. Н. Кучумов, впоследствии ре-

дактор журнала «Коммунистический интернационал»; выдающийся востоковед, впоследствии академик, А. А. Губер; Г. Н. Войтинский (Зархин), который, проведя по заданию Коминтерна несколько лет в Китае, был назначен заведующим Восточным отделом ИККИ. Лекции по национально-колониальному вопросу читал Л. И. Мадьяр, активный участник венгерской революции 1918—1919 гг., заместитель заведующего Восточным секретариатом ИККИ (1929—1934). Военруком КУТВ в 1928 г. был В. Е. Горев, советский военный советник в Китае, автор книги о китайской армии, а в более позднее время военный атташе СССР в революционной Испании¹³. Часть преподавателей была тесно связана с национально-освободительным движением восточных стран¹⁴. Так, в китайском секторе занятиями по изучению общественных наук, русскому языку, переводу руководил Цюй Цюбо¹⁵, курс лекций по истории партии и основам организационно-партийной работы во вьетнамской группе читал Хо Ши Мин¹⁶.

К началу 1924 г. КУТВ уже стал одним из самых крупных комвузов страны, в котором обучалось 1015 студентов более 60 национальностей¹⁷, а в 1925 г. в нем уже училась молодежь 73 национальностей, причем около одной трети студентов составляли представители колониальных и зависимых стран Востока. В 1924 г. китайские студенты КУТВ составляли около 9 % общей численности КПК¹⁸. В последующие годы китайская группа продолжала расти.

В 1921—1922 гг. в КУТВ учились Лю Шаоци, впоследствии Председатель КНР, Жэнь Биши, Ло Инун (Бухаров), дети Чэнь Дусю — братья Чэнь Цяонянь и Чэнь Яньнянь. В 1923 г. в КУТВ приехали Ван Жофэй, который до этого учился в Японии и Франции (кстати сказать, французский кружок ССМ, состоявший главным образом из хунаньцев, дал наибольшее количество будущих видных руководителей КПК и КНР), Сюн Сюн, Чэнь Цяонянь, Лю Боцзянь. В 1923—1924 гг. в КУТВ училась Цай Чан — руководитель женского движения в Китае (французский кружок).

В 1923 г. приехал из Франции и поступил в КУТВ Сяо Сань (Эми Сяо) — известный поэт, переводчик, политический деятель, который внес активный вклад в дело защиты мира во всем мире и содействовал дружбе между китайским и советским народами, являясь в 50-е гг. заместителем генерального секретаря Общества китайско-советской дружбы, постоянным членом правления Всемирного Совета Мира. В 1930 г. Сяо Сань в качестве постоянного представителя Лиги левых писателей Китая в Москве присутствовал на международной конференции революционных писателей, проходившей в Харькове. В СССР он редактировал китайское издание журнала «Интернациональная литература». В 1934 г. он участвовал в 1-м Всесоюзном съезде советских писателей, был членом парткома Союза советских писателей двух созывов. В январе 1924 г. Сяо Сань вместе с Жэнь Биши от имени партиячейки КПК присутствовал на церемонии прощания с телом В. И. Ленина и стоял в почетном карауле у гроба Ильича¹⁹. Это ему впоследствии Хикмет посвятил поэму «Джоконда и Си-у».

В 1924 г. в университет приехали учиться Чжан Хао, Ли Цюши, Го Лунчжэнь, Гуань Сянин, Е Тин, а в следующем году поступили — Дэн Сяопин, Ло Шивэнь, Юй Сюсун, Сян Цзиньюй (французский кружок). Через КУТВ в 1925 г. прошел китайский революционер, один из основателей китайской Красной Армии, ее главнокомандующий Чжу Дэ.

К 1925 г. университет настолько окреп, что в его стенах стали проводиться научные исследования. Была создана Научно-историческая группа при КУТВ, стремившаяся привлечь к научно-исследовательской работе не только преподавателей, но и наиболее подготовленных студентов, представители которых входили в состав бюро этой группы. Постепенно КУТВ становится и одним из научных центров советского востоковедения.

Весной 1924 г. при КУТВ был создан специальный кабинет, занимающийся проблемами востоковедения и колониальной политики, основные усилия которого были направлены на создание хорошей востоковедческой библиотеки.

В начале 1927 г. в КУТВ была организована Научно-исследовательская ассоциация, рассматривавшаяся как «научная лаборатория» вуза. Ассоциация создала две секции — секцию советского Востока и секцию зарубежного Востока²⁰. Ассоциация стала выпускать свой журнал «Революционный Восток», в редколлегия

которого вошли представители Восточного отдела ИККИ О. Куусинен, Л. Мадьяр, Б. Фрейер²¹. Всего был выпущен 41 номер журнала.

В конце 1927 г. при ассоциации открываются аспирантура с трехлетним сроком обучения и подготовительное отделение при ней. В аспирантуре функционировало четыре отделения: философское, экономическое, историко-партийное и историческое. Перед студентами и аспирантами выступали члены Политбюро ЦК ВКП(б), руководители Коминтерна и Профинтерна С. А. Лозовский, Д. З. Мануильский, И. А. Пятницкий, В. Г. Кнорин, Н. К. Крупская, В. Пик, П. Тольятти, Г. Поллит и др.²²

К 1925 г. в связи с большим наплывом китайских студентов созрела идея создания в Советской России специального высшего учебного заведения для трудящихся Китая. Оно должно было готовить квалифицированных общественных работников, активных и сознательных организаторов борьбы за новый, социалистический Китай, с хорошим уровнем марксистской теоретической подготовки.

С этой целью в ноябре 1925 г. в Москве был открыт Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (УТК), который в конце сентября — начале октября 1928 г. был переименован в Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК). Он просуществовал до осени 1930 г. В этот университет были переведены китайские студенты КУТВ²³, туда же перешли и некоторые преподаватели.

Для организации университета и оказания ему материальной и иной помощи было создано Общество содействия Университету трудящихся Китая им. Сунь Ятсена. Членами общества могли быть как отдельные лица, так и учреждения, платившие взносы²⁴. В УТК были привлечены наиболее сильные и опытные преподаватели, крупнейшие советские синологи Е. Д. Поливанов, В. С. Колоколов, А. А. Иванов, И. М. Ошанин, М. Волин (С. Н. Беленький), Е. С. Иолк, Л. И. Мадьяр, В. Н. Кучумов, М. Г. Андреев, П. А. Миф (проректор и ректор УТК, а затем и КУТК) и др.²⁵

«Университет им. Сунь Ятсена — продукт Октябрьской революции, он уникален и не имеет аналогов в истории. В узком смысле слова он воспитатель бойцов за освобождение китайской нации, в широком смысле — мощный импульс китайской и мировой революции», — писала в декабре 1925 г. газета «Цяньцзинь бао»²⁶.

Первоначально в УТК обучались как члены КПК, так и гоминьдана. Однако после поражения революции 1925—1927 гг., особенно после драматических событий в Китае летом 1927 г., обстановка в УТК осложнилась. 26 июля ЦИК гоминьдана специальным циркуляром запретил членам гоминьдана пребывание в УТК, студенты-гоминьдановцы стали возвращаться в Китай, а некоторые из левых гоминьдановцев вступили в КПК и остались в Москве. Обучение в университете длилось два года. Учителивая, что часть абитуриентов была очень слабо подготовлена, при университете работало подготовительное отделение. Учебный план был крайне напряженным. На основном отделении преподавались следующие узловые дисциплины: русский и один из западных языков как второй, история китайского революционного движения, история русской революции, история революционных движений на Востоке и Западе, история общественных формаций, философия, политэкономика, экономическая география, специальный курс ленинизма и военное дело²⁷. Русский язык изучался на протяжении всего времени занятий. Учебные задания, учебные пособия для студентов переводились на китайский язык и размножались в необходимом количестве экземпляров. Умело используя разнообразные методы обучения, университет добивался больших успехов в обучении русскому языку. Постепенно некоторые бывшие студенты, неплохо овладевшие русским языком, стали привлекаться к переводческой работе.

Однотипной учебной ячейкой был кружок. В феврале 1926 г. в УТК работало 11 кружков, в каждом из которых было от 20 до 40 человек, а общее количество китайских студентов превышало 300 человек. В конце года их насчитывалось уже более 500²⁸.

При УТК был организован кабинет китаеведения, преобразованный с 1928 г. в Научно-исследовательский институт по Китаю (НИИК). При университете было создано также переводческое бюро и издательство. Первым директором НИИК и заведующим группой истории стал М. Волин, затем его сменил П. А. Миф. Научными

исследованиями со студентами занимались также С. А. Далин, Г. С. Кара-Мурза, Г. Б. Эренбург и др.

Учащиеся УТК поддерживали тесные связи с многонациональным коллективом КУТВ, студенты обоих вузов проводили совместные заседания, устраивали концерты, театрализованные представления. Совместные мероприятия способствовали интернациональному воспитанию студентов, которому уделялось большое внимание со стороны партийного руководства. Можно с полным основанием утверждать, что оба университета являлись подлинными школами пролетарского интернационализма.

За годы учебы большинство студентов смогло приобрести довольно богатый опыт практической профессионально-технической работы на промышленных предприятиях Москвы. Администрация университета прямо ставила цель дать студентам, не имевшим рабочей специальности, профессии прядильщика, ткача, слесаря, электромонтера. Для этого при вузе были организованы слесарная и механическая мастерские.

С 1925 по 1930 г., то есть за пятилетнее существование университета, прослушали различные курсы свыше тысячи китайских студентов²³.

В конце 1925 г. на учебу в УТК прибыл Чжан Вэньтянь (Ло Фу), впоследствии член ЦК КПК, кандидат в члены Политбюро ЦК, депутат первых двух созывов ВСНП, член Постоянного комитета ВСНП, заместитель министра иностранных дел КНР. Чжан Вэньтянь быстро овладел русским языком и стал переводить на китайский язык марксистскую литературу, в частности «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, «Пролетарская революция и ренегат Каутский» и фрагменты работы «Государство и революция» В. И. Ленина. В 1927 г. он уже учился в лекторской группе с повышенной программой, которая рассматривалась как один из этапов подготовки к преподавательской работе. Одновременно он был устным переводчиком на семинарских занятиях студентов, а также занимался переводом учебных материалов и учебников. С сентября 1927 г. Чжан Вэньтянь после окончания основного курса стал преподавателем УТК. В сентябре 1929 г., продолжая преподавательскую работу в КУТК, он поступил для повышения квалификации в Институт красной профессуры. С момента поступления в институт он был прикреплен к работе в Восточном секретариате Исполкома Коминтерна, заведующим которого был О. Куусинен. В конце 1930 г. Чжан Вэньтянь выехал в Китай.

В 1925 г. 17-летним юношей в УТК приехал Сунь Ефан (настоящее имя Сюэ Эго), впоследствии видный китайский экономист, начальник Государственного статистического управления, директор Института экономики КНР.

В 1925 г. в УТК начали учиться Чэнь Шаоюй (Ван Мин), Дэн Сяопин, перешедший из КУТВ, Чжу Жуй, Хуан Ли, в 1926 г. — Цинь Бансян (Бо Гу), Шэнь Цзэминь, в 1927 г. — Ян Шанкунь, Цзэн Чжуншэн, Ху Наньшэн, Ли Гэнфу, Чжао Имань, ставшая впоследствии активисткой профсоюзного движения Китая. В это же время на учебу в университет приехал Ван Цзясян, впоследствии посол КНР в СССР, секретарь ЦК КПК. В 1928 г. в Москву в УТК — КУТК приехали Дун Биу, Линь Боцюй, который вместе с Цюй Цубо, У Юйчжаном и Лю Чаншэном работал над проблемами реформы китайской письменности, участвовал в сентябре 1931 г. в I и в 1932 г. — во II конференциях по латинизации китайской письменности во Владивостоке, куда он переехал после ликвидации КУТК осенью 1930 г. Там же он преподавал политическую экономию китайским слушателям Ленинской школы. В 1932 г. он вернулся в Китай. С зимы 1928 г. по конец 1930 г. в КУТК учились также будущий маршал КНР Е Цзяньин и один из основателей КПК, участник I съезда КПК Хэ Шухэн.

После ликвидации КУТК в течение ряда лет китайская революционная молодежь обучалась в Международной Ленинской школе, находившейся в Москве. В ней учились Дун Биу, Ван Жофэй, Юй Сюсун и Ли Лисань.

В середине 30-х гг. в КУТВ было вновь организовано китайское отделение. Заведовал этим отделением бывший студент КУТВ, китайский революционный эмигрант, член Восточного секретариата Исполкома Коминтерна Го Шаотан (А. Г. Крымов, известный ученый-китаевед, защитивший при Институте красной профессуры диссертацию по истории КПК). В 1937 г. произошло разделение КУТВ на две самостоятельные организации: на собственно КУТВ, где обучались только советские студенты,

и Научно-исследовательский институт по изучению национальных и колониальных проблем, при котором обучались зарубежные студенты³⁰. В конце 30-х гг. представители Китая составляли примерно половину всех его учащихся³¹. В 1938 г. в связи с общей реорганизацией системы партийного просвещения КУТВ был закрыт.

В нашей стране существовали в те годы и другие учебные заведения, в которых обучались китайские революционеры. По решению Отдела агитации и пропаганды ЦК РКП(б) летом 1922 г. было открыто отделение КУТВ в Иркутске. Оно предназначалось специально для обучения представителей народов Дальнего Востока, включая и китайцев.

В июне 1922 г. решением Дальбюро РКП(б) для китайских партизан в Маньчжурии, в отрядах которых коммунистическое влияние было ослаблено либо почти полностью отсутствовало, было создано отделение политграмоты при военно-политической школе Народно-революционной армии ДВР³².

Во Владивостоке с середины 20-х гг. функционировала Китайская Ленинская школа, а также совпартшкола для молодых китайских рабочих. Преподавательский состав последней был укомплектован в основном за счет выпускников УТК³³. В 1932 г. по инициативе генерального секретаря Красного Интернационала Профсоюзов А. Лозовского (С. А. Дридзо) для китайских выпускников советских учебных заведений, готовившихся к возвращению на родину, в Москве были открыты учебные курсы под названием «Рабочее движение»³⁴.

Подготовка кадров для КПК и Коммунистического союза молодежи Китая велась также в Центральной комсомольской школе.

По просьбе руководителей КПК (в частности, Чжоу Эньляя) Советский Союз организовал военную подготовку китайских революционеров, приехавших в Москву по коминтерновской и другим линиям, на специальных военных курсах. Для них был открыт прием в Военную академию им. М. В. Фрунзе, в которой, в частности, в 1929—1930 гг. учился Лю Бочэн, Военно-политическую академию им. В. И. Ленина, где учился Лю Боцзянь в 1928—1930 гг., Летнюю военно-теоретическую школу, Высшую артиллерийскую школу, военные учебные заведения в Киеве и др. Обучение китайских командиров осуществлялось также на курсах «Выстрел».

В директиве К. Е. Ворошилова руководству высших военных учебных заведений указывалось: «Академии должны готовить... руководителей крупными войсковыми частями в Китае»³⁵. Комплектованием китайских групп в советских училищах и академиях занималась китайская делегация при ИККИ. Так, в 1925 г. под Москвой Чжу Дэ участвовал в учениях военных учебных курсов по ведению партизанской войны, в июне 1926 г. он выехал во Владивосток, а оттуда в Китай³⁶.

В 1927 г. теоретический и практический военный курс закончили 50 китайских слушателей, в военных училищах проходили подготовку 86 человек. В том же году в советские учебные заведения были приняты 163 представителя Китая, из них восемь — в Военную академию. Окончившие военные учебные заведения возвращались в Китай и принимали активное участие в освободительной борьбе.

Таким образом, по данным советских и зарубежных исследователей, в целом из 118 руководителей КПК 20—40-х гг., обучавшихся за границей, 80 человек (около 70 %) прошли подготовку в Советском Союзе. Более половины из них в дальнейшем в разные годы являлись членами и кандидатами в члены ЦК КПК, членами Политбюро ЦК³⁷.

Следует отметить, что некоторые буржуазные синологи, повторяя троцкистские взгляды конца 20-х гг., пытаются сузить масштабы подготовки китайских партийных и революционных кадров, свести ее к подготовке лишь узкой группы «подобранных» лиц якобы для установления «контроля» над руководящими органами КПК. Чаще всего их именуют «28 большевиками», «студентами, вернувшимися из России». Тезис о «студентах, вернувшихся из России», является попыткой изобразить большую группу работников КПК и китайского комсомола, которые учились в СССР, в качестве оторванных от практики, незрелых «студентов» и противопоставить эту группу китайских революционеров «ветеранам-практикам»³⁸.

Факты свидетельствуют, однако, о той огромной роли, которую сыграли в воспитании марксистски подготовленных кадров для Коммунистической партии Китая Коминтерн, партия Ленина и Советское государство, организовавшие в СССР сеть интер-

национальных учебных заведений. Создал КУТВ, УТК — КУТК и ряд других учебных заведений, первое в мире социалистическое государство, несмотря на экономические трудности и разруху в стране, выполнило свой интернациональный долг в деле подготовки марксистских кадров для колониального и зависимого Востока.

- ¹ Пын Мин. История китайско-советской дружбы. М., 1959, с. 68.
- ² Цит. по: В. И. Глунин. Цюй Цюбо и его наследие.— «Проблемы Дальнего Востока», 1977, № 2, с. 187.
- ³ М. А. Персиц. Восточные интернационалисты в России и некоторые вопросы национально-освободительного движения (1918 — июль 1920).— В сб: Коминтерн и Восток. М., 1969, с. 55—56.
- ⁴ А. В. Панцов. Из истории идейной борьбы в китайском революционном движении 20—40-х годов. М., 1985, с. 47.
- ⁵ Собрание Узаконий и Распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. М., 1921, № 36, с. 194.
- ⁶ «Жизнь национальностей», 28.V.1921.
- ⁷ Специально посвящены КУТВ только две статьи Н. Н. Тимофеевой, опубликованные в журнале «Народы Азии и Африки» (1976, № 2; 1979, № 5).
- ⁸ Хо Ши Мин. Избранные статьи и речи. М., 1959, с. 95, 98.
- ⁹ Андерсен-Нексе. На рассвете. Очерки о Советской России. М.—Л., 1925, с. 108.
- ¹⁰ Н. Н. Тимофеева. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) (1921—1925).— «Народы Азии и Африки», 1976, № 2, с. 49.
- ¹¹ А. В. Панцов. Указ. соч., с. 47.
- ¹² В. Викторов. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ).— «Жизнь национальностей», кн. 1, 1923, с. 267.
- ¹³ В. Н. Никифоров. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970, с. 152.
- ¹⁴ Н. Н. Тимофеева. Указ. соч., с. 50.
- ¹⁵ Ван Шицзин. Биография Цюй Цюбо. Чэнду, 1985, с. 65.
- ¹⁶ Н. Н. Тимофеева. Указ. соч., с. 51.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Н. Н. Тимофеева. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) (1926—1938).— «Народы Азии и Африки», 1979, № 5, с. 37.
- ¹⁹ «Китай», 1983, № 5, с. 26—27.
- ²⁰ «Революционный Восток», 1929, № 7, с. 364.
- ²¹ Н. Н. Тимофеева. Указ. соч., с. 36.
- ²² Там же, с. 39—40.
- ²³ А. В. Панцов. Указ. соч., с. 48.
- ²⁴ Г. В. Ефимов. Из истории Коммунистического университета трудящихся Китая.— «Проблемы Дальнего Востока», 1977, № 2, с. 170.
- ²⁵ Там же, с. 171, 172; А. В. Панцов. Указ. соч., с. 49.
- ²⁶ Цит. по: А. В. Панцов. Указ. соч., с. 52.
- ²⁷ А. В. Панцов. Указ. соч., с. 50; Г. В. Ефимов. Указ. соч., с. 171—172.
- ²⁸ Г. В. Ефимов. Указ. соч., с. 172.
- ²⁹ Там же, с. 48.
- ³⁰ Н. Н. Тимофеева. Указ. соч., с. 41.
- ³¹ Там же.
- ³² М. А. Персиц. Указ. соч., с. 89.
- ³³ А. В. Панцов. Указ. соч., с. 48.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Цит. по: Р. А. Мировицкая. Советский Союз и КПК (конец 20-х — начало 30-х годов).— В сб.: Опыт и уроки истории КПК. (К 60-летию образования партии). М., 1981, с. 202.
- ³⁶ См.: Наш главнокомандующий. Чанша, 1980, с. 406 (на кит. яз.).
- ³⁷ А. В. Панцов. Из истории идейной борьбы в китайском революционном движении 20—40-х годов, с. 49.
- ³⁸ In: R. Thornton. The Comintern and the Chinese Communists, 1928—1931. Seattle — London, 1969, p. 120.

Японская агрессия против Китая и политика США

---

*А. М. ЛЕДОВСКИЙ,
кандидат исторических наук*

50 лет назад японский империализм совершил тяжкое преступление перед китайским народом, а затем и перед другими народами Азии. 7 июля 1937 г. милитаристская Япония развязала войну против Китая. Поводом для начала военных действий послужил спровоцированный японской военщиной инцидент у моста Лугоуцяо близ Пекина. Китайские войска оказали упорное сопротивление захватчикам, развернулись жаркие бои, вызвавшие подъем патриотических чувств китайского народа, для которого война носила справедливый, освободительный характер. В борьбе с захватчиками он опирался на помощь и поддержку трудящихся всех стран, и прежде всего Советского Союза.

За 50 лет, прошедшие с начала японской агрессии, историки и публицисты различных стран опубликовали об этих событиях большое количество книг и статей. Значительный вклад в освещение этих вопросов внесли советские ученые¹.

Историки КНР также посвятили многие свои исследования истории сопротивления японским захватчикам. В Китае опубликовано множество документов о беспрецедентных жестокостях японской военщины. В работах китайских историков справедливо отмечается, что в японской агрессии в немалой степени повинны правящие круги западных держав, и в первую голову — США, при попустительстве которых Япония решилась на развязывание захватнической войны. В Китае в свое время было сказано немало добрых слов о роли СССР в разгроме японской военщины. В частности, легендарный маршал Чжу Дэ, вспоминая тяжелые годы освободительной борьбы, подчеркивал: «Советский Союз и Советская Армия всегда были верными друзьями, от которых мы получали самую большую помощь»².

Следует отметить, однако, что далеко не все ученые на Западе в своих работах о японской агрессии и второй мировой войне руководствовались и руководствуются стремлением к отражению действительного хода событий. Одни из них стремятся реабилитировать фашистских агрессоров, что нашло отражение, в частности, в японских учебниках по истории. Другие пытаются оправдать неблагоприятную политику США, других западных держав, снять с них ответственность за развязывание второй мировой войны. Все же фальсификаторы сходятся в одном — в стремлении принизить решающую роль СССР в разгроме сил фашистского блока и в искаженном виде представить деятельность советской дипломатии накануне и в годы второй мировой войны, бросить тень на политику СССР в отношении Китая.

Против фальсификаторов есть весьма эффективное оружие. Это прежде всего факты. Обращаясь к ним, следует особо отметить, что японская агрессия на Дальнем Востоке, как и гитлеровское нашествие в Европе, зарождалась и развивалась в условиях резкого обострения общей международной обстановки.

Наша партия, Советское правительство ясно видели надвигающуюся мировую катастрофу и выступали с предупреждениями об этой опасности, призывали к принятию необходимых мер к ее предотвращению. Они обращались к правительствам,

к международному рабочему классу, к мировой общественности, ко всем, кому дороги судьбы цивилизации. СССР указывал на то, что под распространявшиеся мифы о «советской угрозе», о стремлении СССР к «мировому господству» и прочую ложь о Стране Советов фашисты и милитаристы разрабатывали планы покорения народов Европы, Азии и всего мира.

Реакционные круги Запада, в особенности США, рассчитывали использовать гитлеровскую Германию и милитаристскую Японию, чтобы подорвать возросшее влияние СССР на международной арене и добиться уничтожения его как социалистического государства и главного оплота демократических, национально-освободительных и всех миролюбивых сил планеты¹. Такова была основа «мюнхенской» политики западных держав, одной из первых жертв которой на Дальнем Востоке стал Китай.

Начиная агрессию против Китая, японские милитаристы планировали ее как «легкую прогулку», которую собирались завершить за 90 дней. Однако нападение захватчиков вызвало в Китае не страх и растерянность, как они ожидали, а решимость к сопротивлению, охватившую широкие слои населения.

Готовность и умение защищать свою страну от агрессора китайские патриоты убедительно продемонстрировали в боях за Шанхай еще в 1932 г., когда 19-я армия при поддержке городского населения оказала успешное сопротивление превосходящим силам японских войск, предпринявшим попытку высадиться и захватить этот крупнейший в Китае город сразу же вслед за оккупацией Маньчжурии. 30 июля 1937 г. «Правда» подчеркивала, что бои за Шанхай показали несостоятельность теории, распространяемой на Западе и в Японии, о том, будто китайский солдат — «плохой военный материал».

Следующим после обороны Шанхая значительным боевым успехом китайских войск явилось сражение под Суйюанем в 1936 г. Здесь они не только отбили наступление японо-маньчжуро-монгольских войск¹, но сумели перейти в контрнаступление. Шанхайская оборона и бои под Суйюанем помогли развеять синдром «японобоязни», который в течение многих лет умышленно создавался и поддерживался как самими японцами, так и их агентурой в Китае.

Новым этапом после Суйюаня явились события, развернувшиеся в Северном Китае после упомянутого военного столкновения, происшедшего 7 июля 1937 г. у Лугоуцяо. Несмотря на внезапность нападения и кровавые расправы японцев над военнопленными и мирным населением, войска дислоцированной в Северном Китае 29-й армии не только не разбежались и не капитулировали, как ожидало японское командование, а перешли в контрнаступление, отбили у японцев Лугоуцяо, ряд других объектов, показав, что они «при поддержке всей нации готовы до последней капли крови сражаться в защиту родины»².

Первые победы в Северном Китае вызвали огромную волну патриотизма в стране. Отовсюду в Нанкин шли телеграммы, петиции, направлялись многочисленные делегации с требованиями к правительству организовать решительный отпор японцам, капитулянтам, предателям.

Главной организующей силой выступила Коммунистическая партия Китая. Сразу же после событий у Лугоуцяо ЦК КПК обратился к населению страны с призывами: «Северный Китай в опасности!», «Все на войну сопротивления!»³. Вооруженным силам КПК было приказано оборонять линию Пекин — Тяньцзинь, защищать Северный Китай, «не отдавать японским милитаристам ни вершка китайской земли»⁴. 15 июля 1937 г. ЦК КПК обратился к ЦИК гоминьдана с предложением о совместных действиях. После некоторых колебаний гоминьдановское руководство было вынуждено пойти на соглашение с КПК. 22 сентября оно опубликовало предложенную коммунистами совместную декларацию об основных принципах сотрудничества. Все это создавало достаточно прочную политическую основу для организации отпора японским захватчикам. Для этого Китай располагал и немалыми вооруженными силами. К началу войны гоминьдановская армия насчитывала около 1,7 млн. солдат и офицеров⁵. В ходе войны в качестве резерва для пополнения было мобилизовано еще 14 млн. человек⁶. Регулярные войска насчитывали к концу войны более 260 дивизий. Войска, руководимые КПК, к моменту событий у Лугоуцяо состояли из 3 дивизий¹⁰. В ходе войны ее регулярные части возросли до 1,2 млн. человек¹¹. Кроме того, под руководством КПК дей-

ствовали партизаны и ополченцы, численность которых к концу войны достигла 2 млн. человек.

Япония направила в Китай 25 дивизий. Значительную часть своих вооруженных сил японцы держали в Маньчжурии, нацелив их на СССР, а также на острове Тайвань¹².

Японские войска были несомненно лучше оснащены технически и имели значительно более высокую боевую подготовку. Но в пользу Китая действовали другие важные факторы — морально-политические, наличие огромной территории, богатых сырьевых ресурсов в глубоких тыловых районах, куда были перебазированы многие промышленные предприятия, включая некоторые военные арсеналы, превосходство в численности войск. Кроме того, японцам приходилось использовать основные силы, чтобы держать под контролем крупные города и охранять крайне растянутые линии коммуникаций. Орган ЦК КПК газета «Синьхуа жибао» отмечала, что объективные факторы позволяли вести не только успешную оборону, но и «укрепляли уверенность в победе над врагом»¹³.

Однако развитие внутривойсковой ситуации в Китае не позволило эффективно использовать эти преимущества. Вследствие военно-экономической слабости страны, противоречивости политики гоминьдановского правительства, его боязни мобилизовать широкие народные массы на отпор японскому вторжению враг получил возможность быстрого продвижения в центральные районы Китая. Тем не менее, несмотря на огромные жертвы, китайский народ мужественно продолжал сражаться с японскими захватчиками.

Одним из примеров такого сопротивления стала оборона Шанхая. 13 августа японцы подвергли город жесточайшим бомбардировкам. Они рассчитывали, что захват Шанхая будет означать конец войны. Чан Кайши подтянул к городу крупные силы, но приказал им в сражение не вступать. Он был уверен, что США и Англия не позволят японцам захватить этот крупнейший центр западных монополий в Китае. Но западные державы не выступили. Китайские войска, несмотря на упомянутый приказ, дали японцам такое сражение, которого те никак не ожидали. На помощь солдатам, как и во время первой шанхайской обороны, пришли тысячи рабочих, ремесленников, студентов и других патриотов. Жестокие бои продолжались свыше трех месяцев. По приказу командования китайские войска вынуждены были оставить город, но отступили в полном боевом порядке. Это сражение еще раз показало, что японским захватчикам не сломить волю китайского народа. «Синьхуа жибао» писала, что «небольшим по численности вражеским военным силам нас не покорить... Мы, безусловно, полностью выбросим их из Китая»¹⁴.

К сожалению, несмотря на наличие у гоминьдановского командования значительных возможностей, оно не смогло организовать оборону даже на таком мощном водном рубеже, как река Янцзы. В результате вслед за Шанхаем пал Нанкин и многие другие крупные города.

После Шанхая наиболее значительные бои произошли в апреле — мае 1938 г. в районе Сюйчжоу — Таэрчжуань, а в июне того же года в районе Уханя. Под Таэрчжуанем японцы потеряли свыше 10 тыс. человек убитыми и ранеными. Еще более серьезный удар по японцам был нанесен гоминьдановскими войсками в боях за Ухань. Они длились более 5 месяцев. Большую помощь войскам оказало городское и сельское население. Стянув в район боевых действий свои главные экспедиционные силы, японцам удалось захватить Ухань. Но они были настолько обескровлены, что смогли возобновить крупномасштабные операции лишь в кампании 1939 г.

Одной из наиболее крупных операций, проведенных войсками КПК, было «сражение ста полков», длившееся с 20 августа по 5 декабря 1940 г. За три с половиной месяца боев народные армии вывели из строя более 20 тыс. вражеских солдат и офицеров, освободили от противника территорию с населением более 5 млн. человек. И хотя боевые действия вооруженных сил НОА не смогли нанести японским оккупантам решающих ударов, они отвлекали на себя значительную часть японских сил, что создавало благоприятные условия для крупных наступательных действий гоминьдановских войск. Но гоминьдановцы таких действий не предпринимали. В лучшем случае они ограничивались обороной отдельных городов. И так продолжалось вплоть до окончания второй мировой войны.

Наряду с позицией гоминьдановских правящих кругов крайне отрицательное влияние на ход антияпонской войны в Китае оказывали западные державы, и главным образом США.

Как уже отмечалось, политика правящих кругов США на Дальнем Востоке имела ярко выраженную антисоветскую направленность. Но эта стержневая линия сочеталась с другими их целями: стремлением путем войны Японии с Китаем, а более всего путем вовлечения ее в войну с Советским Союзом максимально ослабить Японию как своего главного соперника в азиатско-тихоокеанском регионе; достичь сделки с Японией за счет интересов Китая; использовать японскую агрессию против Китая для обогащения американских монополий.

Крупнейшие американские монополии и банковские корпорации были теснейшим образом связаны с крупнейшими японскими монополиями. Американские капиталы были вложены в важнейшие отрасли японской промышленности — сталелитейную, автомобильную, авиационную, нефтеперерабатывающую, химическую и другие, работавшие на японскую военную машину агрессии. В Японии функционировали смешанные или целиком американские предприятия¹⁵. Крупнейшие автомобильные заводы в Японии принадлежали американским компаниям¹⁵. «Дженерал моторс» и «Дуглас эйркрафт» участвовали в производстве в Японии самолетов¹⁷.

Немалый интерес для монополий США представлял также и Китай. Но по удельному весу в американской торговле и в части американских капиталовложений он в 2—3 раза уступал Японии. Именно поэтому в США преобладающее влияние имели круги, более связанные с Японией, чем с Китаем. Это обстоятельство сыграло, по-видимому, не последнюю роль в том, что США вместе с другими западными державами отказались осудить захват японцами Маньчжурии и спокойно реагировали на их продвижение в Северный Китай. 16 июля госдепартамент США опубликовал декларацию, в которой нападение Японии на Китай было названо «инцидентом», который Китаю и Японии рекомендовалось урегулировать «мирным путем». Жертва агрессии и агрессор, таким образом, ставились на одну доску. Декларация была разослана правительствам 60 стран с явной целью побудить их не препятствовать агрессии. Одновременно, действуя фактически заодно с японской дипломатией, госдепартамент принимался оказывать давление на правительство Чан Кайши, принуждая его к заключению соглашения с японцами, означавшего капитуляцию перед оккупантами.

14 сентября США опубликовали заявление, в котором фактически признавалась объявленная Японией морская блокада Китая. Формально объявлялся запрет на заход в японские и китайские порты американских торговых судов, но он, по существу, не распространялся на частных судовладельцев, при посредстве которых и осуществлялись военные поставки США в Японию.

События в Китае в печати США, как правило, изображались так, будто не Япония напала на Китай, а Китай — на Японию. В газетах печатались лживые японские версии антикитайского характера¹⁸.

Правда, определенная часть общественности США не поддавалась антикитайской пропаганде и обращалась к правительству с требованиями осудить Японию и поддержать Китай. Понимание опасности, которую японская агрессия таит в себе для дела мира и самих США, доходило до сознания и реалистически мыслящих американских деятелей. Так, президент США Ф. Рузвельт, выступая 5 октября 1937 г. в Чикаго, высказался за установление «коллективного карантина» против сил, «возбуждающих международную анархию»¹⁹. Это выступление встретило решительную оппозицию наиболее консервативных сил. В конгрессе США раздался даже голос, пригрозивший президенту так называемым «импичментом», то есть отстранением от власти.

Под давлением мирового общественного мнения и критических выступлений в самих США американская администрация время от времени делала податки Китаю в виде предоставления незначительных займов. Один из них в размере 25 млн. долл. был предоставлен Экспортно-импортным банком в декабре 1938 г., другой, в размере 50 млн. долл., — в октябре 1941 г.²⁰ В Китае это справедливо расценивалось не как желание помочь китайскому народу, а скорее как попытка использовать выделение кредитов Китаю в дипломатической игре Вашингтона

с Токио и как стремление путем небольших финансовых «инъекций» поддерживать Китай лишь настолько, чтобы китайско-японская война продолжалась как можно дольше, давая возможность американским монополиям зарабатывать на этой войне баснословные барыши. В соответствии с этой позицией значительно возросли военные поставки США в Японию. В 1937 г. они увеличились против 1936 г. на 124 %, в том числе самолетов и запчастей к ним — в 2,5 раза, сырой нефти и бензина — в 1,5, стали — в 16,3 раза и т. д.²¹ В 1938 г. США ввели в Японию 65,6 % всего японского импорта нефти и нефтепродуктов, 67,1 % — машин и инструментов, 90,9 % — меди, 76,9 % — самолетов и частей к ним, 64,7 % — автомобилей и частей к ним, 82,7 % — всего японского импорта ферросплавов, 99,3 % — других сплавов, 45,5 % свинца и т. д.²²

Продвижение Японии на юг Китая создавало угрозу расположенным поблизости колониальным владениям Великобритании и вызывало у нее растущую тревогу. Лондон настоятельно требовал от США перейти от заигрывания с Японией к демонстрации силы. В послании Ф. Рузвельту 15 мая 1940 г. У. Черчилль писал: «Я полагаюсь на Вас в том, чтобы заставить японскую собаку вести себя спокойно на Тихом океане»²³. В качестве конкретной меры он предлагал перебросить в район Сингапура американские военно-морские корабли, на что Ф. Рузвельт ответил отказом²⁴.

Аналогичные призывы в адрес Белого дома шли и от китайского правительства. Так, в послании Ф. Рузвельту 3 октября 1941 г. Чан Кайши, указывая на грозную обстановку на юге Китая, писал, что «...Америка не может занимать позицию стороннего наблюдателя...»²⁵.

Ф. Рузвельт ограничился обещанием оказания помощи Китаю по программе ленд-лиза. В послании же У. Черчиллю 7 ноября Рузвельт, отказываясь «одернуть» Японию, писал, что «выраженные на словах в официальной форме предостережения или протесты... могут иметь противоположный эффект»²⁶. Эти доводы и в Англии, и в Китае расценили как дипломатический камуфляж, прикрывавший происходившие переговоры между Вашингтоном и Токио.

На этих переговорах, как известно, рассматривалось предложение Японии о заключении так называемого «модус вивенди», то есть сепаратной сделки. Правительство США выдвинуло свой контрпроект, который предусматривал обязательства Японии «не продвигаться» со своими вооруженными силами в районы Северо-Восточной Азии, северной и южной части Тихого океана и Юго-Восточной Азии. Со своей стороны США выражали готовность ослабить введенные к тому времени некоторые ограничения на поставки отдельных стратегических материалов.

Чтобы заставить Японию быть более уступчивой на переговорах, Ф. Рузвельт был склонен припугнуть ее, но осуществить такой шаг он не решился. В середине октября 1941 г. Ф. Рузвельт подготовил было послание императору Хирохито, в заключительной части которого указывалось, что «если Япония начнет новые военные действия к северу или югу отсюда (то есть от Китая.— А. Л.), о США... будут весьма встревожены и попытаются помешать любому расширению такого рода военной обстановки»²⁷. В документах по этому поводу отмечается, что указанная инициатива встретила в правящих кругах США решительную оппозицию, поэтому Белый дом решил не направлять такое послание японскому императору. Вашингтон продолжал следовать курсу умиротворения милитаристской Японии, рассчитывая, что «Япония двинется против России и таким образом ослабит свое давление на Юго-Восточную Азию»²⁸.

События вскоре опрокинули эти недалекновидные расчеты. 7 декабря 1941 г. Япония нанесла удары по военным базам США на Филиппинах, а также по Малайе, Сингапуру, Гуаму, Гонконгу. 8 декабря японцы вступили в Индокитай и Таиланд. Началась война на Тихом океане. Так обернулась политика попустительства в отношении японских милитаристов для самих США и их западных союзников.

Воспользовавшись новой обстановкой, Чан Кайши стал добиваться от западных союзников, и главным образом от США, крупных военных поставок, а главное — осуществления в Китае боевых операций силами американских войск. Но США и Англия не спешили с разрывыванием крупного наступления на Тихом океане и не собирались направлять войска в Китай. Вопрос об этом был поставлен Китаем на Каирской конференции, состоявшейся в конце ноября 1943 г. Чан Кайши до-

бывался высадки в Китае нескольких американских дивизий и изгнания с их помощью японских оккупантов. Это требование было решительно отвергнуто, а взамен лишь дано обещание о проведении в Бирме операции «Бакканир» с целью открытия дороги в Китай. США согласились также несколько увеличить военные поставки гоминьдановскому правительству, которые использовались не столько для войны с японцами, сколько для борьбы с КПК. От обещания же относительно совместной с Китаем операции в Бирме Ф. Рузвельт и У. Черчилль через несколько дней отказались. Как писал У. Черчилль, получив в Тегеране согласие от СССР вступить в войну с Японией после разгрома гитлеровской Германии, они решили не тратить свои силы на освобождение Китая от японцев²⁹. Правда, в связи с войной на Тихом океане США направили в Китай авиационную часть, создали ряд аэродромов, предоставили китайскому правительству некоторое количество самолетов. Но это не привело к активизации боевых действий с целью освобождения Китая, поскольку Соединенные Штаты преследовали совершенно иные цели. В условиях резко обострившегося в стране внутривластного кризиса, который отвлекал основные силы гоминьдана и КПК от развертывания наступательных операций против японских войск, США стремились подчинить себе все вооруженные силы Китая, включая армии гоминьдана и КПК. Правительство Чан Кайши эти домогательства решительно отвергло, назвав их «неоимпериализмом»³⁰.

Прямо противоположный курс в отношении Китая проводил Советский Союз. Он был единственным, кто пришел на помощь китайскому народу в его борьбе с японской агрессией. Для поддержки Китая были использованы все средства, которыми располагала тогда Страна Советов: материальные ресурсы, свой международный авторитет, дипломатию, средства массовой информации и т. п.

СССР призывал мировую общечеловеческую солидарность с Китаем, а китайский народ — к единству и сплоченности. В противоположность Западу советская печать горячо пропагандировала способность и возможности Китая справиться с врагом, широко популяризировала каждый боевой успех китайских патриотов. СССР обратился к правительствам США, Англии, Франции с предложением о совместных усилиях для обуздания японских милитаристов на Востоке и фашистских агрессоров в Европе. СССР настаивал на заключении региональных пактов. Советская дипломатия вела активнейшую борьбу в Лиге Наций, добиваясь коллективных санкций вплоть до военных акций, и заявляла о готовности принять в них активное участие. СССР решительно поддерживал все требования Китая положить конец кровавым злодеяниям японских захватчиков³¹.

По инициативе СССР были восстановлены ранее разорванные по вине китайской стороны советско-китайские отношения и заключен договор от 21 августа 1937 г., который хотя и чисто тактических соображений и был назван договором о ненападении, но по существу представлял собой договор о дружбе и помощи Китаю. СССР предоставил китайскому народу льготные займы и кредиты на общую сумму свыше 250 млн. долл., направил в Китай оружие и боеприпасы для оснащения 20 дивизий, 885 боевых самолетов³². Для доставки оружия и других материалов в Китай был проложен из СССР через Синьцзян автомобильный тракт, на котором было занято перевозкой грузов более 5,2 тыс. советских автомашин. Свыше 4 тыс. советских людей обеспечивали бесперебойную доставку грузов по Синьцзянскому тракту³³. В Китай были направлены большие группы военных советников, летчиков-добровольцев, авиатехников и других специалистов. К февралю 1939 г. общее число их достигло 3665 человек. Они сыграли огромную роль в подготовке китайских военных кадров, реорганизации и повышении боеспособности вооруженных сил. Многие из них принимали непосредственное участие в военных операциях китайских войск. Свыше 200 советских добровольцев погибли в сражениях на китайской земле³⁴.

Однако после начала войны на Тихом океане советские специалисты вынуждены были постепенно покинуть Китай. Гоминьдановское правительство резко повернуло на сближение с США, усиленно готовилось к гражданской войне, блокировало создаваемые КПК освобожденные от японцев районы. Необходимость сопротивления гоминьдановцам отвлекла вооруженные силы КПК от борьбы с внешним врагом — японцами, органичивало их действия в основном операциями партизанского характера. При всей активности таких действий в тылу врага они не

в состоянии были изменить общего хода войны против оккупантов. Обстановка, сложившаяся в Китае на заключительном этапе войны, не оставляла никаких надежд на скорое изгнание японских захватчиков собственно китайскими вооруженными силами. Японским захватчикам противостояла не объединенная мощь всей китайской нации, а две самостоятельные и непримиримо враждебные по отношению друг к другу силы — гоминьдан и компартия. Несостоятельными также оказались и надежды на помощь англо-американских войск. Как показал ход событий, США и Англия рассчитывали нанести поражение Японии лишь с помощью Советского Союза. Вопросы, связанные с подготовкой разгрома Японии, были предметом переговоров на Ялтинской конференции глав правительств СССР, Англии и США в феврале 1945 г. Стремясь сократить сроки мировой войны и тем самым избавить человечество от излишних жертв, помочь борющемуся народу Китая и других стран, правительство СССР обязалось вступить в войну против Японии на стороне союзников после разгрома фашистской Германии. Тогда же были оговорены и условия вступления СССР в борьбу с Японией, подлежащие согласованию с Китаем.

Выполняя свои союзнические обязательства и желая помочь скорейшему освобождению китайского, корейского и других народов Азии, 8 августа 1945 г. СССР объявил войну Японии, а 9 августа Советская Армия вступила в сражения с находившейся в Маньчжурии миллионной группировкой японских войск, основу которых составляла Квантунская армия. 2 сентября 1945 г. Япония подписала акт о безоговорочной капитуляции, ознаменовавшей окончание второй мировой войны. Китайский народ вместе с другими народами мира торжествовали победу. Вступление СССР в войну против Японии явилось справедливым актом, направленным на защиту интересов не только Советского Союза, но и всех народов, которых угнетали японские оккупанты.

В речи, посвященной 40-летию Победы, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев сказал, что в борьбе с японскими милитаристами «мы действовали в тесном боевом сотрудничестве с великим китайским народом»⁵. Он отметил огромный вклад в эту борьбу воинов МНР, а также народов Вьетнама, Кореи и других стран Азии.

Разгром милитаристской Японии был последней страницей второй мировой войны и восьмилетней национально-освободительной войны китайского народа против японских захватчиков. Китайский народ был освобожден от ига японских империалистов, от угрозы колониального порабощения. Эта победа была завоевана борьбой всего китайского народа при решающей боевой поддержке Советского Союза. Самоотверженная борьба советского народа против фашизма и японского милитаризма явилась мощной поддержкой освободительной войны китайского народа, служила вдохновляющим примером для китайских коммунистов-интернационалистов, для всего китайского народа. Она создала необходимые международные условия для победы китайской революции после окончания второй мировой войны.

Братская помощь СССР китайскому народу в его борьбе за свободу и независимость вошла яркими страницами в летопись советско-китайских отношений и, несомненно, всегда будет служить интересам дружбы между СССР и Китаем.

¹ См., напр.: История второй мировой войны. 1939—1945. В 12-ти т. М., 1973—1982; История внешней политики СССР. Т. I. 1917—1945. М., 1980; История дипломатии. Т. IV. М., 1975; Б. Г. Сапожников. Китайский фронт во второй мировой войне. М., 1971; А. М. Дубинский. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны, 1937—1945. М., 1980; Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., 1968.

² «Жэньминь жибао», 24.II.1950.

³ См.: Сопrotивление Китая японской агрессии.— «Правда», 30.VIII.1937.

⁴ Имеются в виду войска созданного в тот период японцами марионеточного режима во Внутренней Монголии.

⁵ «Правда», 19.VII.1937.

⁶ От 7 июля до 15 августа. Сборник документов. Харбин, 1948, с. 1—2 (на кит. яз.).

⁷ Там же.

- ⁸ In: B. Tuchman. *Stilwell and the American Experience in China, 1911—45*. New York, 1972, p. 195.
- ⁹ Chiang Kaishek. *Soviet Russia in China*. New York, 1965, p. 90.
- ¹⁰ См.: От 7 июля до 15 августа, с. 1—2.
- ¹¹ См.: Мао Цзэдун. Избр. произв. Т. IV. Пекин, 1969, с. 63.
- ¹² «Синьхуа жибао», 2.IV.1938; Чжан Хунчжи. Канжи чжаньчжэнды чжаньлюэ фаньюй. Пекин, 1985, с. 53, 69, 87, 171.
- ¹³ «Синьхуа жибао», 2.IV.1938.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Подробно об этом см.: Б. И. Марушкин. *Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае, 1937—1939 гг.* М., 1957.
- ¹⁶ См.: *Торговая экспансия Японии*. М., 1936, с. 78—79.
- ¹⁷ См. там же.
- ¹⁸ In: «New York Times», 8, 10, 14.VII.1937.
- ¹⁹ Ibid., 6.X.1937.
- ²⁰ От 7 июля до 15 августа, с. 54.
- ²¹ US Congress. *Hearings before the Committee on foreign affairs. House of Representatives*, Washington, 1939, p. 637—639.
- ²² In: «China Today», 1939, July.
- ²³ Roosevelt and Churchill. *Their Secret Wartime correspondence*. London, 1975, p. 96.
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ FRUS, *Diplomatic Papers, 1941, vol. V., Far East*. Washington, 1956, p. 740.
- ²⁶ Roosevelt and Churchill..., p. 164.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ Ibid.
- ²⁹ W. Churchill. *The Second World War*. London, 1952, vol. V, p. 364.
- ³⁰ B. Tuchman. *Stilwell and the American Experience in China*, p. 637.
- ³¹ Подробно об этом см.: *Ленинская политика СССР в отношении Китая*. М., 1968.
- ³² См. там же, с. 103.
- ³³ См. там же.
- ³⁴ См.: *История внешней политики СССР*. М., 1968, с. 330.
- ³⁵ «Правда», 9.V.1985.

НАУКА.
КУЛЬТУРА

Социология

Почему Китай не может идти по капиталистическому пути?

---

*ХУ ШЭН,
президент АОН КНР*

Вступление Китая на социалистический путь является фактом объективной действительности. Однако некоторые думают или открыто утверждают, что социалистический строй неприемлем для Китая, что Китаю с самого начала следовало строить капитализм. По такого рода ошибочным суждениям следует провести серьезную дискуссию.

Почему Китаю следует идти по социалистическому пути, и только по социалистическому? Иными словами, почему Китай не может идти по капиталистическому пути? Сказать, что причиной тому является превосходство социалистического строя над капиталистическим, будет неполным научным объяснением.

Уже на заре развития капитализма в Европе некоторые прогрессивные мыслители выступили против капиталистического строя, считая, что только социализм и коммунизм представляют собой разумную систему для человечества. Однако благих намерений недостаточно, чтобы определить ход общественного развития, и капиталистический строй продолжал развиваться в западноевропейских странах.

Только марксистская теория научного социализма доказала неизбежность гибели капитализма как следствия его внутренних противоречий и неизбежность прихода ему на смену и расцвета социализма.

Социалистический строй обладает всем необходимым, чтобы, развивая общественное производство, употребить его результаты на благо человечеству, и тем самым создает условия для свободного развития всех людей. Это невозможно при капитализме. Но чтобы ответить, почему Китай должен идти по социалистическому пути и не должен идти по капиталистическому, мало общих сравнений двух систем. Мы должны ответить на этот вопрос, исходя из конкретных условий общественно-исторического развития Китая.

I

Китай пережил исторически длительный период феодализма. К 40—50-м гг. XIX в. западные страны, развязав одну за другой две «опиумные» войны, вторглись в Китай, нанеся ему поражение. В самом Китае к тому же произошла крестьянская революция, длившаяся 14 лет и закончившаяся поражением «небесного государства» тайпинов. И только тогда в китайском обществе стали возникать невиданные прежде изменения. Китай вступил в новый период своей истории. С той поры многие деятели пытались строить капитализм, чтобы способствовать прогрессу страны, вывести ее из состояния упадка, нищеты и поражений. Вообще говоря, капитализм может привести к усилению и обогащению. Несмотря на то что при капитализме существует эксплуатация трудового народа, он является все же более прогрессивным строем, чем феодализм. Но в исторических условиях Китая нового времени капитализм не прижился.

Машинная индустрия и пароходный транспорт появились в Китае не ранее 50-х гг. XIX в. Они принадлежали иностранному капиталу и были немногочисленны (лишь в конце XIX столетия их масштабы значительно возрастут). В 60-е гг. в Китае появляются первые контролируемые феодальной бюрократией новые отрасли промышленности.

в основном для военных нужд. Примечательно появление на рубеже 60—70-х гг. различных частнокапиталистических предприятий. Это означало, что в феодальном обществе возникли зачатки капиталистического способа производства. Но в Китае нового времени эти зачатки развивались медленно и не превратились в самостоятельную силу.

В китайской деревне безраздельно господствовали феодальные земельные отношения. Какая бы власть ни приходила на смену другой, она неизменно опиралась на феодально-помещичий класс как на основной (или один из основных) и всеми силами оберегала феодальные земельные отношения. Хотя в китайском обществе капитализм уже присутствовал, но господствующее положение занимал феодализм, поэтому оно называется полufeодальным.

Почему же появившаяся в Китае капиталистическая экономика и представляющие ее политические силы не смогли одержать победу над феодализмом? В западноевропейских странах XVII—XVIII вв. эти новые силы, пройдя через все сложности и трудности борьбы, в конце концов добились победы. Китай нового времени пошел по иному историческому пути: под воздействием империалистической агрессии он превратился в полуконию.

В конце XIX — начале XX в. горстка империалистических держав почти полностью закончила раздел мира. В дележе участвовали Англия, царская Россия, другие государства Европы, а также США и позднее поднявшаяся на Востоке Япония. Почти все экономически отсталые районы на земле эти страны превратили в свои колонии. С XVI в. начинается история «первопроходства» западных колонизаторов, история огня и крови. Где появлялись колонизаторы, там отсталые племена и народы подвергались варварскому грабежу и эксплуатации, вплоть до такой степени, что они теряли средства к существованию, уничтожались. Если же их нельзя было уничтожить, проводилась политика колониального господства. Капиталистические агрессоры изменяли мир себе на потребу. Ради своих колонизаторских интересов они внедряли в зависимых странах новый способ производства и в то же время в тех же целях сохраняли и закрепляли докапиталистические общественные отношения. Во многих колониях налицо был контраст между раем для богатых и адом для бедных. В не многих городах и районах, где обосновались колонизаторы, присутствовали «прогресс» и «культура», в большинстве же районов царил нищета и мрак, народ испытывал на себе всю тяжесть гнета и эксплуатации. Вот почему после окончания второй мировой войны многие колониальные страны, одна за другой получившие независимость, оказались в крайне неравном состоянии.

Империалистические державы использовали политику канонерок, чтобы подчинить себе правителей Китая. Их политическая и экономическая мощь проникала в глубь страны. Они захватили несколько портов на китайском побережье, основали в некоторых городах так называемые «сеттльменты» и уже задумывались над тем, как «поделить» весь Китай. Они не смогли полностью превратить Китай в колонию главным образом потому, что, во-первых, в широких слоях китайского народа накапливались мощные силы противодействия агрессии. Несмотря на то, что эти силы вначале проявили себя лишь в незрелой, стихийной форме, они уже тогда дали понять завоевателям, что установить непосредственное господство над сотнями миллионов им будет трудно. Во-вторых, если бы какая-либо страна попыталась безраздельно властвовать в Китае или если несколько стран захотели «поделить» его, то это неизбежно привело бы к ожесточенным столкновениям между державами. Поэтому империалистические государства стремились поддерживать в Китае статус-кво, установить сферы влияния в соответствии с теми силами, которыми располагало каждое из них, и пропорционально им извлекать выгоду, совместно определяя судьбу страны. По форме Китай являлся независимым государством. Фактически же он утратил свою целостность, самостоятельность и суверенитет. Китай превратился в полуконию, в грабеже которой принимали участие почти все большие и малые империалистические страны мира. В 30-е гг. нашего века японский империализм попытался силой единолично завладеть Китаем, но потерпел полный провал. Это было первое крупное поражение в истории империалистической агрессии в Китае. Объясняется это поражение главным образом вышеуказанными двумя причинами (а также победой международных антифашистских сил во второй мировой войне.— Ред.).

Иностраный империализм монополизировал внешнюю торговлю Китая, создал горнопромышленные предприятия, морские торговые компании, банки и т. д. Но это не

значило, что он стремился превратить Китай в развитое капиталистическое государство. Наоборот, главная причина затрудненного развития национального капитализма заключалась в подавлении и оттеснении его мощными империалистическими силами. В период первой мировой войны все империалистические страны, кроме Японии, были заняты ею в Европе и не обращали внимания на Восток. Тогда и в течение одного-двух послевоенных лет наметился расцвет национальных торгово-промышленных предприятий Китая, получивший название «золотого века». Однако, когда после войны империалистические страны вновь активизировались в Китае, «золотой век» быстро окончился. Эта ситуация полностью подтверждает, что без национальной самостоятельности капитализм в Китае не мог свободно развиваться. С потерей Китаем независимости и суверенитета не могло быть и речи о том, чтобы учитывались его потребности, развивалась внешняя торговля, привлекался иностранный капитал и т. д.

Империалистические государства создали в Китае служащий им класс компрადоров и в то же время постарались сохранить феодальные земельные отношения и соответствующие им общественные отношения. Милитаристские клики, бюрократию и политические партии, опиравшиеся на мощь компрадоров и феодально-помещичий класс, — вот кого выбрал империализм представителями своего господства в Китае. Империализм оказывал этим представителям всяческую поддержку в военной и финансовой области и, сверх того, с их помощью высасывал пот и кровь китайского народа. После падения одного из этих представителей или группы представителей империализм тут же находил им замену. Хотя устои феодализма прогнили, он благодаря поддержке империализма вкуче с влиянием компрадоров превратился в трудноразрушимый бастион.

Основная причина того, что в новое время Китай пребывал в состоянии нищеты и упадка и не смог перейти в своем развитии от феодализма к капитализму, заключалась в империалистической агрессии и угнетении.

II

Чтобы выйти из упадка и нищеты, добиться прогресса в полукOLONIALном и полуфеодальном Китае, нужно было освободиться от гнета империализма и стать независимым государством. Не выполнив антиимпериалистические задачи, нельзя было решить и антифеодальные. Таковы были основные задачи китайской демократической революции. Кто мог решить эти проблемы? Если бы их смог выполнить класс буржуазии, Китай ступил бы на путь самостоятельного капиталистического развития.

Движение за реформы 1898 г. во главе с Кан Ювэем явилось политическим течением, которое впервые в новой истории Китая носило буржуазный характер. Его участники испытывали глубокую горечь от агрессии и гнета со стороны империализма, обладали высоким патриотическим настроением, выдвигали программу капиталистических преобразований в политике и экономике и пытались осуществить ее сверху донизу с помощью императора. Но они очень скоро потерпели поражение.

Созданная в 1905 г. Сунь Ятсеном Союзная лига выдвинула более стройную революционную программу, целью которой было создание буржуазно-демократической республики, и она вела активную борьбу за осуществление этой программы. Сунь Ятсен уже видел пороки капиталистического строя на примере западных государств. Более того, испытывая влияние развернувшегося на Западе движения за социализм, он пытался придать своей программе некоторые черты социализма. Однако целью его и его товарищей оставалось развитие капитализма в Китае. Под руководством Союзной лиги была достигнута победа в Синьхайской революции 1911 г. Эта революция свергла династию Цин, превратившуюся в орудие империализма. Образовалась Китайская республика, что уже было победой. Однако влияние империализма в Китае отнюдь не ослабло. Плодами революции воспользовались Юань Шикай и другие представители бэйянской милитаристской клики, которые пришли по душе империализму. В Китае по-прежнему сохранялось полукOLONIALное полуфеодальное общество, оно все еще оставалось в состоянии крайнего упадка и нищеты. Синьхайская революция не смогла достигнуть намеченной цели.

Появилось великое множество крупных и мелких политических партий. Большинство из них представляли собой политико-бюрократические группировки, которые то появлялись, то исчезали. Ряд мелкобуржуазных течений и общественных организаций, выступавших под вывесками анархизма или социализма различного толка, оказались

нежизнеспособными вследствие оторванности от практики, оторванности от масс. Помимо гоминьдана, который был расширенной и реорганизованной Союзной лигой, довольно влиятельной стала прогрессивная партия, участвовавшая в реформах 1898 г. Идейным вождем ее был Лян Цичао. Лян Цичао и другие члены этой партии склонялись к развитию капитализма в Китае. При этом они не выступали ни против империализма, ни против влияния феодализма, а, наоборот, опирались на силы феодальной военщины. Прогрессивная партия со всеми своими многочисленными названиями в конце концов превратилась в мелкую группировку, которая то и дело меняла свои взгляды и симпатии, гоняясь за славой и выгодой.

После образования республики в гоминьдан проникло множество бюрократов, примазавшихся элементов. Революционный характер, присущий Союзной лиге, был утрачен. Под давлением Юань Шикая гоминьдан раскололся, и Сунь Ятсен с группой сторонников создал Китайскую революционную партию. Но она была очень слаба и не могла сыграть руководящую роль в борьбе против Юань Шикая. После смерти Юань Шикая Сунь Ятсен распустил Китайскую революционную партию, а в октябре 1919 г. заново создал Китайский гоминьдан. Эта партия была многочисленной, но весьма пестрой по составу, страдала дезорганизованностью, внутренним разладом, который вплоть до 1924 г. фактически парализовал ее деятельность. Партия не смогла выдвинуть политическую платформу, способную мобилизовать широкие слои народа. Только благодаря историческим заслугам в Синьхайской революции, благодаря тому, что Сунь Ятсен и несколько его товарищей — ядро партии — решительно выступали против бэйянской милитаристской клики, боролись за прогресс Китая и после нескольких неудачных попыток все-таки установили в Гуандуне свою власть, противостоящую правительству северных милитаристов, гоминьдан оставался важной прогрессивной силой в политической жизни Китая.

В 1923 г. Сунь Ятсен решил принять помощь Советской России, стал на путь сотрудничества с недавно созданной Коммунистической партией Китая, осуществил реорганизацию гоминьдана. Это вдохнуло в его партию новую жизнь. В январе 1924 г. был проведен I Всекитайский съезд гоминьдана с участием коммунистов. Подобный съезд был проведен впервые за тринадцать лет после Синьхайской революции. В марте 1925 г. Сунь Ятсен умер. Некоторое время еще поддерживалось сотрудничество между гоминьданом и КПК, благодаря которому стало возможным объединение революционных баз в Гуанси и Гуанчжоу. После создания национально-революционной армии и подъема рабоче-крестьянского движения стал возможным Северный поход. Только тогда гоминьдан завоевал политическую репутацию и стал пользоваться авторитетом среди китайского народа. Каким был бы Китай, если бы национальная революция в условиях сотрудничества гоминьдана и КПК смогла добиться окончательной победы? Основные требования программы, выдвинутые в декларации I Всекитайского съезда гоминьдана, — это отмена привилегий империализма в Китае, свержение власти милитаристов, предоставление земли крестьянам. Безусловно, осуществление этих требований не превратило бы Китай в социалистическое государство, но могло создать благоприятные условия для развития национального капитализма. Правда, в программе содержался пункт об «ограничении капитала», означавший, что Китай не будет таким государством, где горстка капиталистов монополизирует все народное хозяйство. Однако это был еще далеко не социализм.

Из-за предательства правых в гоминьдане национальная революция, осуществлявшаяся при сотрудничестве гоминьдана и КПК, была прервана на полпути. В 1927 г. гоминьдан захватил власть по всей стране, воспользовавшись результатами национальной революции при сотрудничестве гоминьдана и КПК, истребляя коммунистов и другие революционные элементы. Не будем рассматривать результаты политической деятельности гоминьдана за 22 года его пребывания у власти. Поставим лишь один вопрос: привела ли власть гоминьдана к развитию национальной промышленности и торговли, к развитию национального капитала в Китае? Ответ может быть только отрицательным. Попробуем пояснить это на примере развития хлопкопрядильной промышленности в первое десятилетие господства гоминьдана, до вступления страны в период антияпонской войны (1927—1936). Мы взяли хлопкопрядильную промышленность в качестве примера, потому что в то время не могло быть и речи о тяжелой промышленности (производство стали в 1933 г. составляло всего 35 тыс. т), а в легкой промышленности хлопкопрядение издавна было наиболее развитой отраслью.

В 1927 г. число веретен в стране составляло 3675 тыс. штук, в 1936 г. оно увеличилось до 5103 тыс. При этом число веретен, используемых иностранным капиталом (большей частью японским, затем английским), увеличилось с 1575 тыс. до 2356 тыс., прирост составил почти 50 %, а доля в общем количестве возросла с 42,9 до 46,2 %. Число веретен на фабриках китайских коммерсантов увеличилось с 2099 тыс. до 2746 тыс., рост составил лишь 31 %, а доля в общем количестве снизилась — с 57,1 до 53,8 %.

Сходная картина была с числом ткацких станков: в 1927 г. — 29 788, а в 1936 г. — 58 439. Здесь позиция иностранного капитала увеличилась с 16 329 до 32 936 штук, т. е. более чем в 2 раза, а доля от общего количества по стране — с 54,8 до 58,1 %. Количество станков на китайских предприятиях увеличилось с 13 459 до 25 503, примерно на 90 %, однако их доля снизилась с 45,2 до 41,9 % [см.: «Иньхан чжоубао саньши чжоунянь цзинянь кань» («Специальный сборник статей, посвященный 30-летию издания газеты «Иньхан чжоубао»). 1948, с. 335—336]].

Человек, хорошо знавший ситуацию того времени, отмечал: «Хлопкопрядение в нашей стране начиная с 21-го года республики (1932) вследствие непосильных налогов и поборов, дороговизны хлопка и падения цен на пряжу держалось на волоске. Ко второй половине 24-го года республики (1935) из 59 прядильных фабрик китайского капитала полностью прекратили работу 24, а 14 сократили производство. Поэтому по увеличению числа прядильных веретен нельзя судить о процветании данной отрасли» (см. там же, с. 255). Это говорит о том, что реальная ситуация была намного хуже, чем показывают вышеприведенные цифры. Хлопкопрядильная промышленность, как и весь национальный капитал в период господства гоминьдана, находилась в крайнем упадке, а процветающим в Китае был капитал империалистов.

Власть гоминьдана не смогла разрешить проблему освобождения Китая от господства империализма и приобретения независимости, т. к. его собственное существование зависело от поддержки империализма. Гоминьдановская власть не смогла также добиться единства страны, внутри партии существовало множество группировок, каждая из которых с позиции силы боролась с другой за главенствующее место, что приводило даже к гражданским войнам в крупных масштабах. Власть гоминьдана оказалась не в состоянии осуществить не только принцип Сунь Ятсена «Каждому пахарю — свое поле», но и собственный лозунг «Снижение на двадцать пять процентов арендной платы». Поэтому феодальные земельные отношения абсолютно не изменились. Власть гоминьдана не смогла изменить полуколониальное полуфеодальное положение Китая и, конечно, не смогла привести Китай к развитию капитализма. Овладев политической властью в стране, гоминьдан не только изменил основной цели I Всекитайского съезда гоминьдана, который осуществил сотрудничество гоминьдана и КПК, но изменил и Союзной лиге — предшественнице гоминьдана.

Когда гоминьдан еще добивался политической власти в стране, среднее сословие надеялось, что оно сможет развивать капиталистическую экономику Китая. Однако его ждало полное разочарование. Антияпонская война и послевоенный период еще более усугубили это разочарование.

III

Когда в 1921 г. создавалась Компартия Китая, это была маленькая партия, состоящая всего из нескольких десятков человек. В то время коммунисты считали своей насущной задачей осуществление социалистической революции. Но они очень быстро поняли, что революцию надо начинать с борьбы за прогресс Китая, с борьбы против империализма и феодализма. Благодаря активному участию в национальной революции 1925—1927 гг. ряды компартии выросли почти до 60 тыс. человек. В 1927 г. гоминьдановский террор вновь резко сократил ее численность. Коммунисты своим бесстрашием поднимали на борьбу народные массы деревни, проводили аграрную реформу, создали Красную Армию и опорные базы. Почему возник раскол между КПК и гоминьданом? Ведь в то время не стоял вопрос о социализме в Китае. Лишь конечной целью КПК были социализм и коммунизм, но тогда коммунисты хотели лишь одного — разрушить феодальные аграрные отношения. Без аграрной реформы невозможно было развитие капитализма и невозможен следующий шаг — к социализму. Поэтому Мао Цзэдун в статье «О коалиционном правительстве» говорил: «Спор между двумя партиями по своему социальному смыслу является, в сущности, спором об аграрных отношениях»¹.

Другой коренной задачей демократической революции в Китае была борьба против империализма. Когда агрессия японского империализма поставила на первый план проблему национальной независимости, КПК выступила за прекращение гражданской войны, за единый отпор Японии, а также за переход от политики конфискации помещичьих земель к снижению арендной платы и снижению ссудного процента. Все это способствовало, при условии согласия господствующей группировки гоминьдана вместе противостоять Японии, созданию единого национального антияпонского фронта. Вторичное сотрудничество КПК и гоминьдана в антияпонской войне хотя и шло извилистым путем, но в конце концов продержалось до полной победы. Поскольку КПК в наитруднейших условиях придерживалась политики сопротивления в неприятельском тылу и политики единого национального антияпонского фронта, объединяющего самые широкие народные массы всей страны, то в конце войны КПК превратилась в многочисленную партию, в которой состояло более 1200 тыс. человек. Гоминьдан и КПК стали двумя крупнейшими политическими партиями, решающими судьбу Китая.

После окончания антияпонской войны между КПК и гоминьданом (при участии других демократических группировок) был проведен ряд переговоров. КПК в целях осуществления чаяний всего народа о мире в стране и демократическом прогрессе общества выдвинула предложение создать демократическое коалиционное правительство. Гоминьдан вначале согласился с этим предложением, но затем изменил своему слову и при поддержке американского империализма развернул гражданскую войну по всей стране. Справедливо заметить, что если выступление гоминьдана против КПК в 1927 г. привело национально-демократическую революцию к неудаче на пороге успеха, к тому, что Китай упустил первую возможность создать благоприятные условия для развития капитализма, то теперь, когда после завершения антияпонской войны гоминьдан воспротивился созданию демократического коалиционного правительства, это привело к тому, что Китай вновь упустил такую возможность.

В 1945 г. Мао Цзэдун писал: «Некоторые не понимают, почему коммунисты не только не боятся развития капитализма, но, наоборот, при определенных условиях ратуют за это развитие. Наш ответ очень прост. Когда на смену гнету иностранного империализма и собственного феодализма приходит некоторое развитие капитализма, это явление не только прогрессивное, но и неизбежное. Это выгодно не только буржуазии, от этого выигрывает также и пролетариат и, пожалуй, даже в большей мере, чем буржуазия. Современный Китай страдает от избытка иностранного империализма и собственного феодализма, а вовсе не от избытка отечественного капитализма. Наоборот, капитализма у нас слишком мало»². Это и было в то время основанием для продолжения сотрудничества КПК с гоминьданом в строительстве государства после сотрудничества в отпоре врагу. Слова коммунистов о «некотором развитии капитализма» отнюдь не означали того, что Китай стал бы капиталистическим государством. Основоположник демократической революции в Китае Сунь Ятсен уже изучал проблему, какое государство будет установлено после победы демократической революции в Китае. С одной стороны, он стремился к развитию капитализма, с другой — полагал, что не следует идти по западному пути, так как опасался, что социалистическая революция может привести еще к одному кровопролитию. Китайские коммунисты также неоднократно изучали эту проблему и в 30-х гг. поддержали перспективную концепцию «некапиталистического развития». Поскольку класс капиталистов не может довести до конца демократическую революцию, а пролетариат в такой революции играет важную и даже ведущую роль, следовательно, после победы этой революции не может быть установлено государство диктатуры буржуазии. Однако «некапиталистический» — это запутанное, нечеткое понятие. В 40-х гг. Мао Цзэдун выдвинул концепцию новодемократической революции и новодемократической республики. Это был ясный ответ, исходящий из национальных условий Китая. Мао Цзэдун пояснял, что новодемократическая республика является «республикой диктатуры союза нескольких революционных классов». Экономический строй такого государства заключался в следующем: «В государственную собственность этой республики должны быть переданы крупные банки, крупные промышленные и торговые предприятия». «Но в этой республике вовсе не будет конфисковываться капиталистическая частная собственность и отнюдь не будет запрещаться развитие такого капиталистического производства, которое не может «держаться в своих руках жизнь народа», так как экономика Китая все еще крайне отстала»³. Безусловно, создание новодемократической республики требовало и выполнения антиимпериалистических, антифеодалных задач.

Однако руководящая группировка гоминьдана не признавала, что в Китае имеет место засилье иностранного империализма. Наоборот, она приветствовала господство американского империализма, пришедшего на смену японскому. Гоминьдан рассчитывал получить его поддержку и действительно получил ее. Руководящая группировка гоминьдана также не признавала, что в Китае господствует феодализм, не допускала проведения демократической аграрной реформы и демократической политики, поэтому была не в состоянии создать благоприятные условия для развития национального капитализма. Зато она создала себе на потребу огромный бюрократический капитал. Этот бюрократический капитал сложился еще до антияпонской войны и широко разросся во время войны. Он использовал антияпонскую войну для монополизации финансов, воспользовался трудностями частного капитала в военное время для его поглощения, присвоил его долю американской финансовой помощи. После войны путем конфискации имущества врагов и их марионеток на оккупированных территориях, путем беззастенчивого присвоения имущества народа бюрократический капитал достиг апогея своего разбухания. До и после 1947 г., по китайским оценкам, личное богатство, сосредоточенное в руках четырех крупных фамилий, Чан, Сун, Кун, Чэнь, достигло 10—20 млрд. долл. 80 % промышленного капитала всей страны находилось в их руках. Капитал «четыре семьи» размещался не только внутри страны, но и в Европе, Северной и Южной Америке. К моменту окончания антияпонской войны члены семей Кун и Сун держали в Южной Америке, помимо огромных вкладов в банках Каракаса, Буэнос-Айреса, Сан-Паулу, акции предприятий нефтяной и горнодобывающей промышленности, морских перевозок, железнодорожных и авиакомпаний. По свидетельству одного из друзей Сун Цзывэня, к 1944 г. капитал Суна только в США превысил 47 млн. долл. В 1949 г. американские банкиры сообщили членам конгресса, что семьи Сун и Кун скопили на Манхэттене 2 млрд. долл. ФБР США провело расследование, но результаты его не были обнародованы. Обнаружены данные о том, что супруга Чан Кайши поместила в Чейз нэшнл бэнк и Нью-Йоркский банк 150 млн. долл., супруга Кун Сянси и Сун Цзывэнь поместили в нью-йоркские банки соответственно 80 и 70 млн. долл.

Засилье иностранного империализма и собственного феодализма не только не наносило вреда бюрократическому капиталу гоминьдана, но, напротив, приносило ему выгоду. Поэтому не в интересах правящих кругов гоминьдана было создание демократического коалиционного правительства, и они предпочли развязать гражданскую войну. Их изначальный просчет заключался в переоценке своего превосходства по количеству войск и вооружения, в оценке стратегической обстановки, включая роль США. Но если бы они и одержали победу, то Китаю пришлось бы по-прежнему оставаться полукOLONиальной полуфеодальной страной.

Почему же гоминьдан потерпел поражение в развязанной им самим гражданской войне? Потому что он потерял доверие народа. Против него выступили не только широкие народные массы рабочих, крестьян, учащейся молодежи, но и многие интеллигенты из высшего сословия и университетской профессуры, большое число национальных промышленников и торговцев. Совершенно очевидно, что многие из тех, кто прежде надеялся на капиталистическое развитие Китая, оставили гоминьдан, так как убедились, что эта власть бюрократического капитала, связанная с классом феодалов-помещиков и опирающаяся на иностранный империализм, не дает Китаю возможности пойти по свободному, независимому капиталистическому пути. Гоминьдан оказался полностью изолированным среди китайского народа, он не мог не потерпеть поражения. Таким образом, наконец определился следующий исторический вывод: Китай не мог довести до конца демократическую революцию, опираясь на какие-либо силы, представленные классом буржуазии.

IV

Китай не пошел по капиталистическому пути, потому что в полукOLONиальной полукOLONиальной стране, кроме партии пролетариата — Коммунистической партии Китая, — не было другой политической партии или политической силы, способной решить вопрос независимости страны (освобождения от гнета империализма), земельный вопрос (освобождение крестьян от феодальных отношений), вопрос демократии и объединения (этот вопрос находится в прямой связи с двумя предыдущими, без решения которых невозможно было провести как демократизацию государства, так и решить проблему объединения на справедливой основе).

Помимо компартии, все остальные политические силы в старом Китае либо угнетали рабоче-крестьянские массы, либо боялись полной мобилизации сил рабочих и крестьян, либо были неспособны мобилизовать силы рабочих и крестьян. Поэтому эти силы могли находиться лишь в состоянии зависимости от империализма или страха перед ними. Для того чтобы одержать победу над могучими силами империализма и силами внутренней реакции, которые поддерживал империализм, нельзя было обойтись без мобилизации сил широких масс рабочих, крестьян, мелкой буржуазии и сплочения всех сил, с которыми это сплочение было возможно. Только КПК смогла это сделать. Крестьянство представляло собой самую большую часть населения страны. Это была сила, действительно требовавшая революцию, однако его экономические и культурные условия носили несколько консервативный характер. Как мобилизовать эту силу и вывести ее на правильный путь — таков был ключевой вопрос демократической революции в Китае. Только КПК сумела решить этот вопрос.

Именно под руководством КПК и при участии рабочих, крестьян и мелкой буржуазии, которые выступали в качестве основных (движущих) сил, была достигнута победа в демократической революции. Поэтому, естественно, невозможно было создание государства под властью буржуазии и развитие капитализма в условиях господства буржуазии.

Попробуем, вспомнив историю, построить некую гипотезу. Что было бы, если бы в самый пик победы революции 1949 г. компартия, допустим слабая и колеблющаяся, отказалась от руководства, а какие-то буржуазные силы возглавили государство? Завершить задачи демократической революции оказалось бы невозможным, и это неизбежно вызвало бы противодействие масс рабочих, крестьянства, мелкой буржуазии. Такая ситуация отнюдь не способствовала бы спокойному развитию капитализма. Не говоря уж о том, что гоминьдановские силы могли бы взять реванш, силы империализма — воспользоваться удобным случаем для вторжения, а Китай снова обрел бы статус полуфеодалного, полукOLONиального общества.

Победа новодемократической революции под руководством КПК еще не означала непосредственного осуществления социализма. КПК ясно сознавала, что субъективного желания недостаточно для построения социализма. В соответствии с историческими условиями того времени единственно правильным было идти к социализму через новую демократию. В канун победы 1949 г. КПК обнародовала триединую экономическую программу новой демократии: 1) конфискация земель феодалов и передача их крестьянам; 2) конфискация монополистического капитала реакционных гоминьдановских правителей (бюрократического капитала) и передача его в распоряжение государства новой демократии; 3) защита национальной промышленности и торговли.

Национализированная экономика государства новой демократии была первичной составной частью социалистической экономики, она занимала руководящее место во всем народном хозяйстве. Мао Цзэдун писал: «Бюрократический капитал подготовил полные материальные условия для новодемократической революции». Разъясняя пункт программы о защите национальной промышленности и торговли, Мао Цзэдун говорил: «В связи с отсталостью китайской экономики капиталистическое хозяйство, представляемое широкими массами мелкой и средней буржуазии, будет еще существовать длительный период даже после победы революции во всей стране, и мы должны допустить это. Кроме того, из-за необходимости распределения функций между отраслями народного хозяйства все те отрасли капиталистического хозяйства, которые приносят пользу народному хозяйству в целом, нужно еще развивать. Они еще являются необходимой частью народного хозяйства в целом»⁴. Привилегии империализма в Китае были аннулированы, перестал существовать гнет со стороны бюрократического капитала. Аграрная реформа во всем Китае была завершена, поэтому развитие национальной капитала обрело выгоднейшие условия, которых никогда не было в старом Китае. Конечно, оно не могло быть повторением подобного развития в капиталистическом обществе. Программа НПКСК периода образования КНР четко определяла: «Частная экономика полезна экономике страны и жизни народа, народное правительство должно заботиться о ее хозяйственной активности и помогать ее развитию». «В необходимых и возможных условиях нужно заботиться о развитии частного капитала в государственном капитализме». Это означало, что его развитие должно идти в рамках «пользы для экономики страны и жизни народа». Такая направленность развития также не приуща капиталистическому обществу.

Может возникнуть вопрос: почему нельзя было ограничиться новой демократией, не переходя к социализму?

Это было невозможно. В обществе новой демократии уже присутствует социалистическая экономика — в основном государственный сектор (социалистической кооперативной экономики в то время было еще очень мало). Частнокапиталистическая экономика не могла не пользоваться поддержкой государства, не могла не установить различные связи с государственным сектором. Поворот к государственному капитализму, основанному на сотрудничестве государственного и частного, являлся неизбежной тенденцией. В 1956 г., после того как в основном было завершено социалистическое преобразование сельского хозяйства, кустарной промышленности и капиталистической промышленности и торговли, был осуществлен переход от новой демократии к социализму со значительным опережением ориентировочного прогноза, данного в 1952—1953 гг. Это произошло благодаря тому, что объективная ситуация создала для этого возможность и сделала это необходимостью, а вовсе не из-за волевого решения какого-либо одного человека. Процесс социалистических преобразований происходил столь успешно, что подтвердил полное соответствие курса, проводимого партией и народом, объективным потребностям общества.

Возможно, найдутся люди, которые скажут: поскольку Китай не прошел капиталистической стадии развития, создание социалистического общества ему не подходит. Такие высказывания ошибочны. Китай действительно не прошел этапа самостоятельного капиталистического развития, тем более этапа развитого или сравнительно развитого капитализма. Как мы уже убедились, конкретные исторические условия Китая определили, что он не мог пройти этот этап. Однако Китай прошел капитализм особым образом. Хотя полуфеодальное полуколониальное общество не может рассматриваться как капиталистическое общество, однако в недрах этого общества все же был капитализм (иностраный империалистический капитал, бюрократический капитал и национальный капитал). А значит, был и пролетариат, буржуазия и мелкая буржуазия. В противном случае невозможна была бы новодемократическая революция под руководством пролетариата, невозможно было бы через новую демократию вступить в социализм.

Возможно, найдутся люди, которые скажут, что Китай все же пострадал от того, что он не прошел через этап развитого капитализма. Выйдя на дорогу социализма, мы столкнулись со многими трудностями, возникли также и многие ошибки. Эти трудности и ошибки были связаны с исходным уровнем «нищеты и неграмотности» (экономическая и культурная отсталость), и эти «нищета и неграмотность» объяснялись тем, что Китай не прошел через этап развитого капитализма. На это мы должны сказать: если это и есть «страдание», то нам только и остается, что «страдать». История не позволила нам пройти этап развитого капитализма, мы только могли перешагнуть этот этап, и с уровня «нищеты и неграмотности» начать создание социалистического общества.

Очевидно, что исторические условия Китая нового времени дали китайскому народу два пути: первый — по-прежнему играть роль колонии и вассала империалистических стран (это могло случиться в том случае, если бы компартия не смогла возглавить народ для ведения решительной борьбы или если бы велась неизменно ошибочными методами, что привело бы к поражению); другой путь — это фактически уже пройденный нами путь через новую демократию к социализму.

Были ли какие-либо другие пути? Положим, существовала бы возможность превратиться в самостоятельное капиталистическое государство, но это еще не означало превращения в государство развитого капитализма. Начинать пришлось бы с уровня крайне неразвитого капитализма, не говоря уже о том, позволила бы международная обстановка стать Китаю самостоятельным государством неразвитого капитализма, а затем в рамках капиталистической системы из неразвитого постепенно превратиться в развитое. Нетрудно представить себе, сколько возникло бы в такой большой стране при ее крайней экономической и культурной отсталости, кое-как ковыляющей по капиталистическому пути, социальных противоречий и классовых столкновений, какова была бы цена, которую пришлось бы заплатить потом и кровью народа. В старом обществе сотни миллионов людей становились бездомными бродягами, миллионы бедняков умирали от голода, миллионы женщин превращались в проституток. Все это наблюдалось в истории не один раз.

Таким образом, избавление от положения полуфеодальной, полуколониальной страны, переход через новую демократию к социализму отнюдь не означало, что Китай выбрал «ущербный путь». Путь капитализма был бы в несколько раз, в несколько десятков раз

труднее, извилистее, к тому же он был бы бесперспективным (или, как нетрудно предположить, ведущим к длительной кровопролитной борьбе).

Мы идем по пути социализма уже тридцать лет, действительно столкнулись с многими трудностями, было и немало ошибок, но сейчас Китай уже достиг таких успехов в экономическом и культурном развитии, которых он бы не достиг на пути капиталистического развития.

Люди могут играть активную роль в историческом развитии, однако они не произвольно выбирают путь, а лишь с учетом реальных, уже созревших исторических условий. Путь, избранный китайским народом, — это самый лучший путь, который можно было найти в рамках возможного.

V

Бытует и такое суждение: поскольку Китай миновал стадию развитого капитализма, то ему следует отказаться от социализма и вернуться на капиталистический путь, чтобы «восполнить пробел». Ошибочность этого суждения достаточно очевидна из сказанного выше.

Однако было бы правильно сказать, что в период социалистического строительства нам следует пополнить наши знания тем, чему многие народы научились при капитализме и что необходимо для социалистического строительства.

Здесь уместно коротко изложить существо связи между капиталистическим обществом и обществом социалистическим. Лишь уничтожив буржуазную собственность, господствующую при капиталистическом строе, можно установить социалистическую общественную собственность. Поэтому социалистическая система и система капиталистическая по сути своей представляют собой две противоположности. Но, с другой стороны, материальной основой окончательного упразднения частной собственности является крупное обобщественное производство, а обобществление крупного производства подготавливается именно капитализмом. Пролетариат, свергая господство буржуазии, наследует и использует крупное обобщественное производство для строительства социализма. А это говорит о том, что система социализма и система капитализма имеют и связь преемственности. В этом заключается основная причина того, что вообще к социализму можно прийти лишь от капитализма. К. Маркс и Ф. Энгельс указывают: «История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями...»⁵ Социалистическое общество тоже не может иначе соотноситься с обществом капиталистическим.

В. И. Ленин, касаясь множества готовых институтов, которые формируются капитализмом и необходимы социализму, говорил: «Капитализм создал *аппараты* учета вроде банков, синдикатов, почты, потребительных обществ, союзов служащих. *Без крупных банков социализм был бы неосуществим*».

Крупные банки есть тот «государственный аппарат», который нам *нужен* для осуществления социализма и который мы *берем готовым* у капитализма, причем нашей задачей является здесь лишь *отсечь* то, что *капиталистически уродует* этот превосходный аппарат, сделать его *еще крупнее*, еще демократичнее, еще всеобъемлющее»⁶.

Социалистическая система общественной собственности способна перенять крупное обобщественное производство, оставшееся от старого общества, чтобы в интересах народа развивать его до еще более высокой ступени, недостижимой для капиталистической системы. В этом и заключено основное преимущество социалистической системы. Однако превращение такой возможности в действительность осуществляется в различных странах разными путями и в разные сроки. Только с учетом этого цель настоящего достижения. Для строительства социализма тем, естественно, выгоднее, чем богаче получаемое от капитализма «наследство». Развитой капиталистической стране после победы пролетарской революции строить социализм теоретически сравнительно проще. Однако в эпоху мирового господства капиталистической системы нельзя было только на основании такого показателя, как уровень развития производительных сил той или иной страны, определить, в каком именно звене будет прежде всего разорвана цепь капитализма. Здесь вступают в силу фактор международной обстановки, а также расстановка классовых сил внутри страны и состояние классовой борьбы. Факты говорят о том, что со времени Октябрьской революции 1917 г. вступившие на путь социализма страны были не самыми развитыми капиталистическими государствами.

Как отмечал В. И. Ленин, из-за того, что Россия прежде была «самой отсталой страной в Европе», после революции она столкнулась с особыми трудностями. «...По сравнению с передовыми странами русским было легче *начать* великую пролетарскую революцию, но им труднее будет *продолжать* ее и довести до окончательной победы, в смысле полной организации социалистического общества»⁷. Тем более это относится к Китаю.

Уже после Октябрьской революции в России появились «левые коммунисты». Они рассматривали абсолютно все, присущее буржуазии как несовместимое с социализмом, от чего необходимо полностью отрешиться. По поводу этих наивных воззрений В. И. Ленин отметил: «...Социализм невозможен без использования завоеваний техники и культуры, достигнутых крупнейшим капитализмом...»⁸ Он говорил также: «Без наследия капиталистической культуры нам социализма не построить. Не из чего строить коммунизм, кроме как из того, что нам оставил капитализм»⁹. (Термин «капиталистическая культура» в цитате подразумевает культуру в широком смысле.— Авт.)

Таким образом, В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что после свершения социалистической революции возникает задача «учиться у организаторов трестов», учиться у «делаяг и купцов», «обладающих опытом организации крупного производства». Он указывал: «...Теперь мы будем учиться у них, потому что у нас не хватает знаний, потому что этих знаний у нас нет. Знание социализма у нас есть, но знания организации в масштабе миллионном, знания организации и распределения продуктов и т. д.— этого у нас нет. Этому старые большевистские руководители не учили нас. Этим партия большевиков в своей истории похвалиться не может. Этому курса мы еще не проходили. И мы говорим, пусть он будет хоть архижуликом, но раз он организовал трест, раз это купец, который имел дело с организацией производства и распределения для миллионов, и десятков миллионов, раз он обладает опытом,— мы должны у него учиться. Если мы этому у них не научимся, то мы социализма не получим, тогда революция останется на той ступени, до которой она дошла»¹⁰.

С победой революции в Китае Мао Цзэдун вновь указывал: «Перед нами стоит серьезная задача экономического строительства. Дела, к которым мы привыкли, скоро будут оставлены в стороне, и мы вынуждены взяться за дела, нам неизвестные. В этом трудности». И далее: «Мы должны преодолеть трудности и освоить то, чего мы еще не знаем. Мы должны учиться работать в области экономики у всех (кто бы он ни был). Мы должны признать их в качестве наших учителей и учиться у них почтительно и добросовестно. Мы не должны делать вид, что мы все знаем, если мы чего-нибудь не знаем. Мы не должны становиться бюрократами» («О диктатуре народной демократии»). Вне всякого сомнения, это верные слова.

Как отмечалось выше, старое китайское общество оставило некоторое капиталистическое наследие, однако оно слишком незначительно.

Если экономический базис, имеющийся в стране, отсталый, но конкретные исторические условия дают возможность пролетариату стать во главе народа в великом деле свершения социалистической революции и строительства социализма, то он не должен отступать. Так поступила Компартия Китая, и поступила совершенно правильно.

Однако, приступая к осуществлению социализма, нужно в полной мере оценить трудности, возникающие из-за недостаточного «наследия» капитализма. Поэтому для строительства социализма необходимо умело использовать все возможные переходные формы хозяйствования. Кроме того, следует внимательно изучать опыт и знания крупного капиталистического производства, включая науку, технику, методы управления. При строительстве социализма в нашей стране долгое время не принимали во внимание необходимость поступать таким образом, более того, считали, что изучение этого опыта означает нарушение социалистических принципов. Это совершенно ошибочно.

Реальная экономическая мощь Китая как государства и общества в настоящее время значительно возросла по сравнению с периодом 30-летней давности. Тем не менее мы со всей откровенностью признаем, что пока еще находимся на начальной ступени социализма. Со времени 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978) мы разбили застойные концепции в отношении [нашей] модели социализма, которые прежде формировались в течение определенного времени. Мы осуществили реформу экономической структуры и занялись проведением различных установок и мер по оживлению экономики города и деревни. Мы решали, например, как ввести на селе систему производственной ответственности, как в условиях соединения плановой экономики и товарного хозяйства

стремиться к всестороннему развитию товарного хозяйства, как использовать разного рода индивидуальные, частные хозяйства в качестве дополнения к предприятиям общественной собственности и т. д. По этим мерам можно увидеть, что мы отнюдь не отказываемся от экономического опыта прежнего классового общества, и в особенности капиталистического, что, однако, вовсе не означает, что мы стремимся наверстать какой-то «пропущенный урок» капитализма. Это говорит о том, что, исходя из конкретных национальных условий, в нашей стране в соответствии с задачами начального этапа социализма осуществляются социалистические установки и мероприятия.

Пока КНР находится на начальном этапе социализма, особенно важное значение имеет открытая внешняя политика. В решении ЦК КПК о реформе экономической системы говорится: «Необходимо перенимать и заимствовать у всех стран современного мира, в том числе у развитых капиталистических государств, все передовые методы управления, отражающие законы современного обобществленного производства». В решении ЦК КПК о строительстве социалистической духовной культуры также подчеркивается: «...Необходимо преисполниться твердой решимости и приложить огромные усилия для того, чтобы овладеть передовой наукой и техникой, опытом хозяйственного и административного управления, имеющими всеобщее значение, а также всем полезным, что есть в культуре зарубежных стран, в том числе и развитых капиталистических стран, к тому же проверять и развивать их в практической работе»¹¹. Значение открытой внешней политики, помимо всего прочего, в том и состоит, что нам необходимо учиться у всех стран мира, включая и развитые капиталистические государства, учиться многому из того, что требуется социализму и чего у нас недостает.

Чтобы научиться всему этому, нам не нужно возвращаться на капиталистический путь, да это и невозможно. При социализме мы можем сделать это и быстрее, и лучше. Это наш первый вывод.

Нам нужно перенимать только то, что требуется для строительства социализма. Как говорится в решении ЦК КПК о строительстве социалистической духовной культуры, мы должны решительно отвергать капиталистический общественный строй угнетателей и эксплуататоров, а также его идеологическую систему — все тлетворное и прогнившее в капитализме. Это второй вывод.

Социалистический строй уже пустил глубокие корни на китайской земле. И эта пока еще молодая поросль показала, что обладает кипучей энергией и полна жизненных сил. Социалистический строй не может возникнуть и окрепнуть стихийно. Лишь при умелом выращивании он может стать большим высоким деревом. Это третий вывод.

*Перевод с китайского Д. Л. АДАМОВОЙ,
Н. Ю. ДЕМИДО, С. А. КУЧУМОВА, А. А. МАСЛОВА,
А. А. САЙДУМОВА*

*«Жэньминь жибао», 5.III.1987.

¹Мао Цзэдун. Избр. произв., т. 4. М., 1953, с. 539.

²Там же, с. 509.

³Там же, т. 3, с. 224.

⁴Мао Цзэдун. Текущий момент и наши задачи. Доклад на заседании ЦК КПК 25 декабря 1947 г. Харбин, 1948, с. 21.

⁵К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 44—45.

⁶В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 307.

⁷Там же, 38, с. 306.

⁸Там же, 36, с. 310.

⁹Там же, т. 38, с. 142.

¹⁰Там же, т. 36, с. 258.

¹¹«Проблемы Дальнего Востока», 1987, № 1, с. 193.

В. Н. РЕВИН

Революционные процессы перестройки, затрагивающие все стороны жизни советского общества, оказывают значительное влияние и на характер двусторонних связей нашего государства с другими странами. Перед организациями, осуществляющими контакты с зарубежными партнерами, стоит важная задача — тщательно проанализировать свою деятельность на международной арене, отойти от формализма и шаблона в работе, активно вести поиск новых, неординарных путей развития более эффективных форм сотрудничества, прежде всего со странами социализма.

Эти задачи во всем своем многообразии стоят и в повестке дня дальнейшего совершенствования многосторонних советско-монгольских отношений, охватывающих практически все отрасли экономической, политической, научной и культурной деятельности в соответствии с решениями очередных форумов братских партий — XXVII съезда КПСС и XIX съезда МНРП.

Когда в Монголии происходили сложные процессы формирования рабочего класса и народной интеллигенции, изменялась классовая суть аратства, создавались основы национальной промышленности, по сути новое развитие получало земледелие, — в эти годы Советский Союз оказывал интернациональную братскую помощь монгольскому народу. Ныне советско-монгольские связи во все больших масштабах приобретают характер двустороннего сотрудничества, превращаясь в важнейший фактор взаимного обмена опытом, кооперации в основных сферах экономики, тесного взаимодействия на международной арене.

Вместе с тем на нынешнем уровне развития советско-монгольского сотрудничества, как это откровенно и прямо было подчеркнуто во время состоявшейся 12 августа 1986 г. встречи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Генеральным секретарем ЦК МНРП, Председателем Президиума ВНХ МНР Ж. Батмунхом, далеко еще не полностью используются имеющиеся здесь резервы, сохраняет актуальность задача дальнейшего повышения эффективности двусторонних связей¹.

Именно поэтому для дальнейшего развития наших связей с МНР так жизненно важна задача, сформулированная XXVII съездом КПСС. — «все более активное взаимодействие, которое дает эффект не просто сложения, а умножения наших потенциалов, служит стимулом ускорения общего движения вперед»². Для ее решения определяющим становится поиск новых эффективных форм сотрудничества во всех областях двусторонних отношений. Эти же проблемы характерны и для дальнейшего развития советско-монгольских связей в области культуры.

I

Контакты между нашими странами в области культуры имеют богатую историю, прошли в своем развитии несколько этапов.

Выдающийся пролетарский писатель А. М. Горький проявлял большой интерес к рождающейся социалистической литературе Монголии. О том, сколь велико было влияние этого человека, литератора и общественного деятеля, на монгольских писателей, говорят многочисленные факты их обращения к статьям и работам А. М. Горького, где они находили подтверждение собственным взглядам на развитие

национальной литературы, ее роль и место в процессе строительства новой жизни на древней земле Монголии. Его творчество, близкое и понятное монгольскому читателю, всегда соотносилось с проблемами, имеющими принципиально важное значение для развития монгольской литературы.

С уважением вспоминают в МНР многих деятелей советской культуры. Режиссер А. А. Ефремов и кинооператор С. Е. Гусев, заслуженный деятель искусств РСФСР А. М. Волошин, художник К. Померанцев, композитор Б. Ф. Смирнов — с этими именами непосредственно связана история развития профессионального искусства Народной Монголии, зарождение школы социалистического реализма. То было время становления социалистической культуры в Монголии. В стране, народ которой, по мнению специалистов-историков и по убеждению некоторых политиков, в начале нынешнего века был обречен на исчезновение, закладывались основы театра и кинематографии, создавалась система образования, рождалась национальная оперная классика, возрождались многовековые традиции живописи и графики.

Четверть века, прошедшие с момента победы Народной революции в Монголии, в истории советско-монгольского культурного сотрудничества можно рассматривать как ее начальный этап — этап становления советско-монгольских связей в области культуры. Его основным содержанием явилось оказание Советским государством разносторонней помощи монгольскому народу, который первым встал на неизведанный в то время путь некапиталистического развития. КПСС претворяла в жизнь указания В. И. Ленина, который говорил: «Мы все усилия приложим, чтобы с монголами, персами, индийцами, египтянами сблизиться и слиться, мы считаем своим долгом и своим интересом сделать это, ибо иначе социализм в Европе будет *непрочен*. Мы постараемся оказать этим отсталым и угнетенным, более чем мы, народам «бескорыстную культурную помощь...»³.

В феврале 1946 г. в Москве было подписано Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве между Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой. В этом документе нашла свое отражение решимость сторон «развивать и укреплять существующее между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой сотрудничество в области народного хозяйства, культуры и просвещения». С его подписанием начался новый период развития советско-монгольского сотрудничества, характеризующийся юридическим оформлением и плановым развитием связей, что выразилось в заключении отдельных договоров и соглашений между «надлежащими хозяйственными, научными и культурно-просветительными учреждениями и организациями СССР и МНР»⁴.

Логическим продолжением этого документа стало первое Соглашение о культурном сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой, подписанное в 1956 г. Создана комиссия, в обязанности которой входила разработка ежегодных планов культурного сотрудничества, которые представляются на утверждение правительств договаривающихся сторон⁵. Это означало, что был сделан новый важный шаг в направлении дальнейшего развития советско-монгольских культурных связей — от отдельных межведомственных соглашений и планов к ежегодно подписываемым межправительственным актам, что положительно сказалось на уровне и характере наших двусторонних отношений в сфере культуры.

Подписанное 20 июля 1971 г. Соглашение о культурном и научном сотрудничестве между нашими странами способствовало дальнейшему расширению и углублению советско-монгольских культурных связей. Этот документ еще раз подтвердил, что культурные связи служат интересам строительства коммунизма и социализма в наших странах, укрепляют идеологическое единство на основе принципов марксизма-ленинизма, способствуют сближению народов, играют важную роль во взаимном обогащении национальных культур.

Важнейшей особенностью развития советско-монгольских культурных связей стал переход к пятилетнему комплексному планированию культурных обменов. Возросли масштабы сотрудничества, в его сферу были вовлечены отдельные предприятия и учреждения культуры и искусства, устанавливались непосредственные связи между творческими организациями и коллективами. С 1971 г. в практику взаимоотношений наших стран в области культуры вошла такая интересная форма сотрудничества,

как взаимное проведение раз в пять лет Дней культуры СССР в МНР и МНР в СССР. Значительным событием в общественно-политической жизни наших государств стало проведение в Советском Союзе в июле 1986 г. Дней культуры Монгольской Народной Республики, посвященных 65-летию победы народной революции в Монголии. Открывшийся в Большом театре Союза ССР большим праздничным концертом фестиваль искусств братской Монголии, в котором приняли участие ведущие солисты и исполнители, лучшие творческие коллективы республики, прошел во многих городах и республиках Советского Союза. Любители оперного искусства Одессы и Ленинграда смогли по достоинству оценить исполнительское мастерство народных артистов МНР Х. Уртнасан и Ч. Пурэвдоржа, минчане аплодировали солистам балета народной артистке МНР Ю. Оюун и О. Батсайхану, якутяне тепло принимали народного артиста МНР А. Хавлаша, других мастеров культуры и искусства братской Монголии.

В рамках Дней культуры в Москве были открыты многочисленные выставки, убедительно рассказывающие об успехах монгольского народа за годы народной власти в развитии экономики и культуры. В Государственной библиотеке им. В. И. Ленина была развернута книжно-иллюстративная выставка, посвященная юбилею. В Музее Революции посетители могли познакомиться с фотовыставкой «МНР сегодня», а в Государственном музее искусства народов Востока осмотреть экспозицию, рассказывающую о творческих достижениях монгольских живописцев, скульпторов и графиков. На суд советских зрителей и слушателей были представлены лучшие работы монгольских кинематографистов и композиторов. Не будет преувеличением сказать, что Дни культуры МНР в Советском Союзе стали впечатляющей демонстрацией преимуществ социалистического строя, сделавшего возможным расцвет монгольской нации и ее самобытного искусства.

Интересной формой сотрудничества стало проведение взаимных консультаций по различным вопросам культурного сотрудничества, двусторонних семинаров, научно-практических конференций и симпозиумов по отдельным проблемам культуры и искусства. Хорошие результаты дает проводимый поочередно в СССР и МНР семинар по актуальным вопросам культурно-просветительской работы.

Новым моментом, характеризующим советско-монгольские связи в области культуры, явилось создание в 1980 г. Межправительственной советско-монгольской комиссии по культурному сотрудничеству, призванной стать его главным координирующим центром. Комиссия призвана изучать и обобщать опыт сотрудничества, разрабатывать рекомендации по совершенствованию культурных и научных обменов, повышению их эффективности и улучшению координации зарубежных культурных связей обеих стран, оказывать необходимое содействие в подготовке и проведении наиболее важных мероприятий, способствовать расширению контактов между деятелями культуры и искусства, науки и образования, объединению усилий в совместной разработке актуальных научно-теоретических и практических проблем культурного строительства, дальнейшему развитию сотрудничества в подготовке и повышении квалификации научных кадров и специалистов, творческих работников.

В 1981 г. в рамках Дней культуры МНР в Москве и Казахстане впервые прошли Дни монгольской литературы, а в следующем году советские писатели провели подобное мероприятие в Улан-Баторе и Эрдэнэте, в Завханском аймаке. Традиционными стали творческие встречи монгольских и советских писателей, литературоведов, критиков, совместные научные конференции, беседы за «круглым столом», семинары, которые позволяют осуществлять широкий обмен мнениями по узловым вопросам развития литературы, повышения идейно-художественного уровня произведений, выполняют важную задачу по подъему социальной и творческой активности писателей. В 1981—1985 гг. проведены встречи советских и монгольских писателей под девизами: «Дружба народов, дружба литератур», «Социалистическое строительство на селе и литература», «Традиции устного народного творчества в современной литературе», «Образ советского воина-освободителя в литературе» и др. Встречи молодых литераторов предоставили широкую возможность для ознакомления с героической историей народов наших двух стран, их созидательным трудом, оказали благотворное влияние на творчество молодых.

За последние годы в МНР побывали такие видные представители советской многонациональной литературы, как В. Астафьев, С. Баруздин, Ю. Воронов, Ю. Верченко,

А. Иванов, Е. Исаев, Р. Казакова, В. Карпов, Ж. Мулдагалиев, П. Проскурин, А. Софронов, В. Солоухин, Н. Шундик и др.

В свою очередь монгольские литераторы выезжают с творческими целями в Советский Союз. Результатом знакомства с достижениями советского народа стало издание в МНР книг «Огни Башкирии», «Сказание об обновленной пустыне», «В Краю Синих Гор».

Все эти новые формы сотрудничества направлены на то, чтобы еще больше оживить контакты в области культуры, расширить процесс взаимообогащения культур наших народов.

Монгольские зрители за последние годы познакомились с мастерством таких известных советских коллективов, как Государственный ансамбль танца СССР под руководством народного артиста СССР И. А. Моисеева, Ансамбль песни и пляски Советской Армии, Ленинградский государственный мюзик-холл, Рязанский русский народный хор, Государственный академический Малый театр Союза ССР, Государственный русский народный хор им. Пятницкого, Центральный государственный театр кукол под руководством народного артиста СССР С. Образцова и многие другие. На сценах монгольских театров и концертных залов выступили известные советские исполнители В. Дударова, Е. Беляев, М. Кондратьева, М. Лиєпа и др. Любители эстрадного искусства могли познакомиться с программами популярных коллективов из Советского Союза.

В свою очередь в СССР гастролировали Государственный ансамбль песни и танца МНР, симфонический оркестр, Государственный академический театр драмы им. Д. Нацагдоржа, эстрадные ансамбли «Соел Эрдэнэ» и «Баян Монгол», артисты цирка и др.

В практику наших взаимоотношений прочно вошли такие формы сотрудничества, как взаимная организация кинофестивалей, художественных экспозиций и фотовыставок, издание произведений советских и монгольских писателей, проведение совместных заседаний секретариатов творческих союзов и т. д.

Как правило, ежегодно, в соответствии с рабочими планами культурных обменов, стороны обменивались двумя коллективами, цирковой программой, организовывали по 2—3 кинофестиваля советских и монгольских фильмов, взаимно направляли делегации или рабочие группы для знакомства с состоянием дел и обмена опытом работы по разным направлениям развития профессионального искусства.

Таким образом, советско-монгольские контакты в области культуры постоянно развивались. Имел место и поиск более эффективных форм двустороннего сотрудничества. Однако уже к 1985 г. со всей очевидностью перед соответствующими министерствами и ведомствами СССР и МНР встали вопросы необходимости пересмотра некоторых принципиальных подходов к вопросам дальнейшего совершенствования советско-монгольского сотрудничества, более активного поиска новых путей его совершенствования, отказа от некоторых устаревших стереотипов. Толчком к развитию этих процессов послужил состоявшийся 23 апреля 1985 г. Пленум ЦК КПСС, призвавший без фальшивой идеализации, без пустых словопрений подвести итоги того, что сделано, по крупницам собрать положительный опыт, безбоязненно вскрыть недостатки, выявить конкретные пути улучшения дела⁶. Именно в этом ключе стороны подошли к вопросам осуществления двусторонних связей в области культурных обменов в 1986 г.

II

Важным событием прошлого года, оказавшим положительное влияние на ход тех позитивных перемен, которые начали осуществляться в советско-монгольском культурном сотрудничестве, стало проведение третьей сессии Межправительственной советско-монгольской комиссии по культурному сотрудничеству, обсудившей комплекс вопросов по состоянию, перспективам и повышению эффективности двустороннего сотрудничества в области кинематографии, о роли культуры и искусства в идеологическом воздействии на молодежь, о перспективах развития международного культурного сотрудничества в свете итогов Культурного форума (Будапешт, 1985) и т. п.

Отличительной особенностью этого заседания было весьма предметное рассмотрение включенных в повестку для вопросов, конкретный характер рекомендаций, принятых по итогам обсуждения. Отметив, что советско-монгольское культурное

сотрудничество достигло высокого уровня, что оно носит живой и многогранный характер, что в его рамках идет интенсивный обмен культурными ценностями, участники заседания заявили, что достигнутые результаты являются благоприятной основой для дальнейшего его углубления, повышения его качества и эффективности.

Рекомендации третьей сессии содержат целый ряд новых, не использовавшихся ранее форм двусторонних связей. Признано целесообразным рассмотреть возможность направления монгольских кинематографистов в СССР на высшие режиссерские и сценарные курсы, организовать стажировку молодых монгольских режиссеров и операторов на ведущих киностудиях Советского Союза, содействовать укреплению материально-технической базы монгольской кинематографии с целью производства высококачественных фильмов и улучшения технического уровня кинообслуживания населения и т. д.

Отметив актуальность проблем идейно-воспитательной работы с молодежью, комиссия в качестве главной задачи сотрудничества в этом направлении определила воспитание активных, всесторонне развитых строителей коммунизма, подчеркнув необходимость большего внимания к возрастающим запросам молодежи, к формированию у молодых людей зрелых социальных потребностей и высоких эстетических вкусов, обеспечению их нормального досуга. Исходя из важной роли в этой работе молодых представителей творческой интеллигенции, участники заседания призвали объединить усилия сторон в исследовании вопроса о росте значимости культуры и искусства в идейно-воспитательном воздействии на молодежь. По просьбе монгольской стороны решено оказать ей содействие, необходимую консультативную и практическую помощь в научной разработке единой системы эстетического воспитания детей и молодежи. Намечено вести в практику совместные выступления молодых артистов СССР и МНР, творческие встречи и дискуссии молодых писателей, художников, композиторов, работников театра и кино.

Выполнение этих рекомендаций, несомненно, способствует значительному обогащению советско-монгольских культурных связей, дает возможность вести активный поиск с целью повышения их эффективности. И сегодня можно с удовлетворением констатировать, что этот процесс получил хорошее развитие уже в прошлом году.

В ходе подготовки к составлению рабочих планов сотрудничества на 1986 г. и к заседанию Межправительственной комиссии по культурному сотрудничеству были глубоко и всесторонне проанализированы опыт и состояние культурных связей между СССР и МНР, тщательно, под критическим углом зрения рассмотрены все практикуемые формы сотрудничества, что позволило выбрать из них наиболее перспективные и полезные, опробовать некоторые новые идеи и предложения. Итогом этой работы стало изменение характера формирования планов культурных обменов, комплектования гастрольных групп для поездок в МНР. Министерство культуры СССР, учитывая специфику Монголии, увеличило количество художественных коллективов, направляемых на гастроли в МНР, и уменьшило их численный состав. Возросло их жанровое разнообразие. В Монголии пока еще не хватает хорошо оборудованных и вместительных концертных площадок для приема крупных коллективов. Большие ансамбли гастролеровали только в столице республики, а жители сельских районов не имели возможности ознакомиться с искусством советских артистов. Возникали и финансовые проблемы.

Благодаря происшедшей в 1986 г. переориентации уже не два художественных коллектива гастролеровали в МНР, а пять концертных групп и ансамблей из СССР. В республике выступали народный артист РСФСР Л. Лещенко, государственный эстрадный ансамбль Белорусской ССР «Песняры», вокально-инструментальный ансамбль «Верасы», группа артистов филармонического жанра, в состав которой входили народная артистка СССР С. Данилюк и заслуженный артист Азербайджанской ССР В. Каримов. Вырос качественный уровень выступлений. Все это привело к увеличению числа монгольских зрителей, посетивших концерты советских артистов (вместе с цирковыми программами), с 83,2 тыс. в 1985 г. до 321,4 тыс. в прошлом году. Расширилась география выступлений. В 1986 г. с искусством советских артистов познакомились жители Увурхангайского, Баян-Хонгорского и Завханского аймаков, городов Дархан и Эрдэнэт. Увеличилась и длительность гастролей. Обычно советские ансамбли выступали в МНР в течение 14 дней, для поездок

на периферию оставалось мало времени. В 1986 г. «Песняры» гастролеровали 21 день. Как показал опыт, это оптимальный срок.

Выступления этих коллективов и исполнителей получили широкий положительный резонанс как среди специалистов, так и среди многих тысяч монгольских зрителей в городах и аймаках. Высокую оценку заслужили, например, выступления лауреата премии Ленинского комсомола ансамбля «Русская песня». По мнению народного артиста МНР, солиста Государственного академического театра оперы и балета МНР А. Хавлаша, концерты этого коллектива «доставили истинное удовольствие. Они воссоздают все краски яркой палитры русской народной песни. Голоса артисток чисты, звучны. Слышится в них и печаль, и радость, словом, богатство чувств, которые народ веками вкладывал в свои песни»⁷. Коллектив ансамбля имел творческие встречи со своими монгольскими коллегами — артистами Государственного ансамбля песни и танца МНР, в ходе которых состоялся откровенный заинтересованный разговор об актуальных проблемах развития фольклорного искусства в наших странах. Это и понятно, ведь задача у советских и монгольских артистов единая — хранить, развивать и пропагандировать жемчужину фольклора — народную песню.

Очень важным явлением двустороннего сотрудничества стала активизация непосредственных контактов между театральными коллективами наших стран. В марте 1987 г. в заглавных партиях спектакля «Жизель» Государственного академического театра оперы и балета МНР выступили солисты ГАБТ народная артистка СССР Н. Павлова и заслуженный артист РСФСР В. Анисимов. В феврале гостями главной оперной сцены монгольской столицы были свердловские артисты — заслуженный артист РСФСР А. Жилкин и Т. Бобровицкая, исполнившие партии в операх Дж. Верди «Риголетто» и «Травиата». Их приезд в Улан-Батор и выступления вместе с монгольскими артистами в оперных и балетных спектаклях стали значительным событием в культурной жизни столицы МНР. Монгольские органы массовой информации, солисты театра оперы и балета МНР, многочисленные зрители дали исключительно высокую оценку их исполнительскому мастерству, охарактеризовали эти гастролы как знаменательное явление в нашем культурном сотрудничестве.

Как яркий пример творческого сотрудничества в области культуры наших двух стран, свидетельство братской дружбы советского и монгольского народов расценила выступление на монгольской сцене выдающейся балерины, солистки Государственного академического Большого театра Союза ССР Н. Павловой орган ЦК МНРП газета «Унэн». «Приезд этой замечательной танцовщицы, — писала газета, — ее выступления в спектаклях вместе с нашими артистами балета стали настоящей школой высокого профессионального мастерства»⁸ для всей балетной труппы Государственного академического театра и балета МНР. «Н. Павлова и В. Анисимов продемонстрировали не только филигранную технику танца, но и исполненное вдохновения актерское мастерство. Благодаря этому спектакль получился поистине блестящим, стал праздником для любителей балета и школой большого искусства для наших артистов»⁹ — так оценил выступление советских солистов главный балетмейстер театра, заслуженный деятель искусств МНР, лауреат Государственной премии МНР Б. Жамьяндагва. Специалисты были единодушны во мнении, что выступления советских артистов на монгольской сцене знаменуют собой начало процесса более активных творческих контактов деятелей культуры Советского Союза и Монгольской Народной Республики.

«Остается пожелать, — писал на страницах центральной монгольской прессы заслуженный артист МНР Д. Банди, — чтобы такой подлинно творческий союз и в дальнейшем постоянно укреплялся, рос, рождая новое вдохновение, дарил радость постижения прекрасного, объединяя и обогащая культуры наших народов»¹⁰.

Интересно развивались традиционные контакты цирковых организаций наших двух стран, которые в 1986 г. отметили свой полувековой юбилей. Заметно повысился исполнительский и профессиональный уровень направляемых в МНР цирковых коллективов. В 1985 г. программу советского цирка, гастролеровавшего в Улан-Баторе, посетили 52 тыс. зрителей, а на 61-м представлении артистов советского цирка в феврале — марте прошлого года присутствовало уже 109 тыс. человек. Практически все выступления шли при полном аншлаге.

В яркий праздник дружбы наших народов вылились представления совместной советско-монгольской цирковой программы «Солнечный юбилей», приуроченной к 50-ле-

тию сотрудничества цирков двух стран. Эта программа, художественным руководителем и участником которой являлся народный артист Советского Союза О. Попов, собрала 105-тысячную аудиторию в Улан-Баторе. Она пользовалась заслуженным успехом у зрителей Новосибирска, Фрунзе и Москвы.

Монгольские средства массовой информации особо подчеркивали ту большую роль в становлении и развитии циркового искусства в Народной Монголии, которую сыграли советские мастера арены в 30-е годы. А сегодня — и это ярко продемонстрировали совместные выступления — монгольские артисты цирка выступают на равных с ведущими советскими мастерами, что и предопределило успех юбилейной программы. На одном из представлений, посвященных юбилею, присутствовали руководители МНРП и Правительства МНР во главе с Генеральным секретарем ЦК МНРП, Председателем Президиума ВНХ МНР тов. Ж. Батмунхом¹¹, давшие высокую оценку мастерству советских и монгольских артистов.

Союзгосцирк в феврале — марте 1987 г. показал в Улан-Баторе интересную молодежную программу «Волшебников добрая семья» (художественный руководитель Ю. Кукес), которую смогли посмотреть более 120 тыс. монгольских зрителей. Артисты выступали полных два месяца, а не 45 суток, как практиковалось ранее.

В 1986 г., одновременно с выступлениями в Улан-Баторе программы «Солнечный юбилей», в 3 аймаках и 2 городах Монгольской Народной Республики выступил ташкентский коллектив «Цирк на сцене», что стало новым явлением в культурном сотрудничестве наших стран. Такая форма является одной из наиболее перспективных в условиях Монголии, где цирк — один из самых популярных жанров искусства, а имеется лишь одно стационарное здание цирка — в Улан-Баторе. Сейчас артисты могут демонстрировать свое мастерство на сцене любого клуба и даже под открытым небом.

Свой вклад в активный поиск новых, более эффективных видов двустороннего сотрудничества внесли кинематографисты Советского Союза и МНР. С большим успехом в Улан-Баторе в мае прошлого года прошел ретроспективный показ фильмов известного советского режиссера, народного артиста СССР, лауреата Ленинской и Государственной премий Ю. Н. Озерова, приуроченный по инициативе Министерства культуры МНР и Госкино СССР к 41-й годовщине победы советского народа в Великой Отечественной войне. Мероприятие было открыто премьерой фильма «Битва за Москву». Монгольский кинозритель достаточно хорошо знаком с лучшими произведениями советского кино. На сегодняшний день советские фильмы занимают до 80 процентов всех лент кинорепертуара республики. Каждый житель Монголии ежегодно в среднем по 16 раз посещает кинотеатры. Именно поэтому актуальнейшей проблемой становится поиск новых форм работы, к которым следует отнести организацию торжественных премьер новых советских фильмов, ретроспективные показы работ ведущих советских кинорежиссеров и популярных актеров, встречи с ведущими деятелями кино.

С большим успехом прошла в Улан-Баторе в Доме советской науки и культуры творческая встреча кинорежиссера М. Юзовского и заслуженной артистки РСФСР Л. Удовиченко с монгольскими кинематографистами. Состоялся откровенный товарищеский обмен мнениями по проблемам кинорежиссуры и актерской работы в кино, сопровождавшийся разбором созданных ими кинолент. Подобная форма работы также является новой. По мнению монгольских кинематографистов, такие творческие встречи содействуют профессиональному росту, особенно молодых монгольских кинематографистов.

После большого перерыва между Госкино СССР и Министерством культуры МНР достигнута договоренность о создании нового художественного произведения — киноэпопеи «Халхин-Гол — 39», рассказывающей о героических днях 1939 г., когда советские и монгольские воины в ходе необъявленной войны, развязанной против МНР японской военщиной, остановили, а затем наголову разгромили войска Хайларского укрепрайона, вторгшихся на территорию дружественной нам Монголии. Кинорежиссеры В. А. Чеботарев и Г. Жигжидсүрэн намерены завершить работу над этой двухсерийной кинолентой к 50-летию разгрома японских войск на Халхин-Голе, которое советские и монгольские народы будут торжественно отмечать в августе 1989 г. Успешно завершается работа над первым в истории сотрудничества кинематографистов наших стран совместным мультипликационным фильмом «Мышь и верблюд».

Нельзя не упомянуть и еще об одном интересном начинании в области подготовки кадров для монгольского кинематографа. На съемках двухсерийной исторической киноленты «Мудрая Мандхай», которые в настоящее время близки к завершению на студии «Монголкино», возникла необходимость участия в батальных сценах большой группы конных каскадеров. До недавнего времени в МНР не было людей такой редкой кинематографической специальности. На помощь пришли специалисты «Мосфильма». В течение месяца режиссер-постановщик трюковых съемок В. Любомудров сумел подготовить группу монгольских каскадеров.

Начал меняться характер сотрудничества писательских организаций двух стран в области перевода произведений советских и монгольских авторов на языки народов СССР и МНР. В Улан-Баторе состоялась первая встреча переводчиков монгольской и советской литератур. Ее участники с критических позиций проанализировали состояние дел, обсудили меры по дальнейшему улучшению качества перевода. Решением секретариата Союза писателей СССР создан специальный Совет по монгольской литературе, который станет главным центром координации столь важной работы по широкому знакомству читателей всех республик нашей страны с интересными работами монгольских литераторов.

Таков краткий итог первых шагов перестройки в советско-монгольских культурных связях, содержание которых все более отвечает высокой оценке наших двусторонних отношений, данной Генеральным секретарем ЦК МНРП, Председателем Президиума ВНХ МНР Ж. Батмунхом на XIX съезде Монгольской народно-революционной партии: «Сегодня наше сотрудничество — это новые грани расцвета науки и культуры»¹².

Однако это лишь начало. Основной вопрос дальнейшего развития культурных связей заключается не столько в увеличении количественных показателей, хотя и здесь есть немалые резервы, сколько в повышении их качественной стороны. Более того, уже сегодня на первое место выходит не сам факт обменов и встреч, а творческая сторона дела, совместная работа на сцене, в литературе и т. д. На современном этапе советско-монгольского культурного сотрудничества речь может и должна идти о постоянной, систематической творческой связи деятелей культуры и искусства наших двух стран.

¹ См.: «Правда», 13.VIII.1986.

² М. С. Горбачев. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля 1986 года. М., 1986, с. 90.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 120.

⁴ «Правда», 28.II.1946.

⁵ Там же, 25.IV.1956.

⁶ См.: М. С. Горбачев. Избранные речи и статьи. М., 1985, с. 17.

⁷ «Новости Монголии», 21.XI.1986.

⁸ «Унэн», 3.III.1987.

⁹ «Новости Монголии», 10.III.1987.

¹⁰ Там же, 27.II.1987.

¹¹ См.: «Унэн», 5.XI.1986.

¹² Там же, 29.V.1986.

Р. С. БЕЛОУСОВ

В августе этого года исполнилось 90 лет известному переводчику советской литературы, давнему нашему другу профессору Цао Цзинхуа. В связи со славным юбилеем и за заслуги в деле укрепления китайско-советского культурного сотрудничества и пропаганды советской литературы товарищ Цао Цзинхуа награжден орденом Дружбы народов, ему присвоена почетная степень доктора Ленинградского государственного университета.

Профессор Цао Цзинхуа неоднократно бывал в нашей стране, подолгу жил у нас в 20—30-е гг., в течение многих лет переписывался с нашими писателями. Последний раз он посетил Советский Союз в 1959 г. В тот приезд он встретился с председателем Союза писателей СССР К. А. Фединым, литераторами столицы, посетил редакцию «Литературной газеты». Во время беседы, в которой приняли участие главный редактор С. С. Смирнов, а также Б. А. Галин, автор этих строк и др., Цао Цзинхуа много рассказывал о Лу Синь, которого лично хорошо знал, о том, как Лу Синь, «один из благороднейших гуманистов мира», возглавлял в Китае фронт пропаганды советской литературы. Цао Цзинхуа сказал, что в его архиве хранятся многие письма советских писателей, и любезно предложил прислать их фотокопии.

Спустя несколько месяцев, в канун 10-летия КНР, подборка этих писем была опубликована в «Литературной газете» — письма А. Серафимовича, А. Толстого, К. Федина, Л. Леонова. Они свидетельствуют о давних плодотворных связях советских и китайских литераторов, о благодарности наших писателей за тот труд, которому Цао Цзинхуа посвятил многие годы жизни. Как говорил Лу Синь, он «без шума», несмотря на преследования, неутомимо переводил и издавал книги советских авторов.

Продолжая говорить о Лу Синь, Цао Цзинхуа заметил, что Лу Синь считал издание книг наших писателей задачей огромной важности и сам, несмотря на гоминьдановский террор, преследования и цензурные рогатки, много сил отдавал переводу произведений советских авторов. «Чтобы убедиться в том, какой интерес питал Лу Синь к советской литературе, достаточно заглянуть в его дневниковые заметки, — сказал Цао Цзинхуа. — Они расскажут о многом: об истории перевода советских книг, о том, с каким трудом удавалось их тогда издавать».

Раскроем, по совету Цао Цзинхуа, дневники Лу Синя и попытаемся проникнуть за строки его лаконичных записей.

Три бездельника

Противники, литературные враги Лу Синя, с пренебрежением относились к той работе по пропаганде советской книги в Китае, которую он вел неуклонно много лет подряд. Они обвиняли его в напрасной трате времени. Он же на это отвечал одним: трудился еще напряженнее. Лу Синь понимал, что только вера в себя и в свое дело дает смелость в труде.

У него была привычка заносить в дневник сведения о приобретенной или полученной от кого-либо книге. А книги, как путники в непогоду, стекались к нему на огонек. Много лет изо дня в день Лу Синь вел свои записи. Они лаконичны, почти телеграфны. Излишняя откровенность и многословие могли оказаться роковыми. Писателю ведь не раз приходилось в то время, когда он опасался ареста и не желал подводить друзей, «совершать большие аутодафе» — жечь письма, книги — все, что могло как-то скомпрометировать его друзей. Поэтому дневниковые записи Лу Синя, где он отмечает поступление к нему новых книг, предельно лаконичны.

«Получил от Цзинхуа брошюру, посвященную памяти В. Ф. Комиссаржевской, портрет Толстого и одну гравюру»¹, — помечает Лу Синь в дневнике 28 июня 1930 г.

Запись от 1 мая 1932 г.: «От Цао Цзинхуа получил книгу «Лицо международного меньшевизма»². 29 января 1933 г.: «Получил экземпляр «Последнего из Удэгэ», книга прислана Цзинхуа»³. И только, пожалуй, однажды сдержанный Лу Синь изменил себе.

Осенью 1930 г. он получил из Ленинграда от Цао Цзинхуа посылку. В ней, кроме повести В. Яковлева «Октябрь», находились три альбома гравюр. В одном из них не оказалось портрета Ленина. Портрет был вырван. Чьих рук это дело, легко было догадаться по печати на пакете: «Проверено почтовым цензурным комитетом г. Шанхая». Лу Синя сильно возмутила эта наглость, и он, обычно скупой на какие-либо записи, так как хорошо знал нравы реакционеров, с возмущением рассказывал об этом случае в дневнике⁴.

Когда читаешь дневник Лу Синя, поражает обилие поступавших к нему советских книг, журналов, альбомов, гравюр, плакатов. Помимо тех произведений советских писателей, которые ему удавалось купить в Китае (это были главным образом издания на японском, немецком и английском языках), немалая часть советской литературы приходила от его друга, Цао Цзинхуа, жившего тогда в Ленинграде. По просьбе Лу Синя Цао Цзинхуа постоянно держал его в курсе литературной жизни Советского Союза, присылал книжные новинки, номера «Литературной газеты», журнала «Интернациональная литература», портреты русских и советских писателей. Постепенно в руках Лу Синя скопилось огромное количество советских книг и материалов о советских писателях.

С годами русская библиотека Лу Синя все расширялась, превратившись в ценное собрание. Здесь книги, приобретенные Лу Синем в Пекине и Шанхае, присланные Цао Цзинхуа.

Не удивительно, что Лу Синь был в курсе всех событий литературной жизни Советского Союза. Прекрасно знал он также и географию России, ее историю. Причем настолько глубоко и в деталях, что его осведомленность в этих вопросах кажется иногда просто поразительной. Несомненно, богатейшим источником его знаний по этим вопросам были книги русских и советских писателей. Если Лу Синь не мог почему-либо использовать полученную из Советского Союза книгу, он передавал ее переводчику. А сам с этого момента становился как бы опекуном книги, следил, как идет перевод, писал предисловие или послесловие, а часто и то, и другое, брал на себя заботу о заключении договора с издательством и, наконец, очень часто был редактором перевода на китайский язык. При его содействии были изданы «Тихий Дон», «Бронепоезд 14-69» и др.

Дневник Лу Синя, несмотря на всю краткость записей, раскрывает перед нами ход работы над подготовкой к изданию «Железного потока» А. Серафимовича и «Разгрома» А. Фадеева, «Тихого Дона» М. Шолохова и «Цемент» Ф. Гладкова.

Перелистываешь страницу за страницей дневник — и вновь задумываешься над тем, какую роль суждено было сыграть многим и многим книгам советских писателей в революционной борьбе китайского народа, какой сложный и порой тяжелый путь проделали эти книги в вешевых мешках вместе с бойцами китайской революции, долгие годы боровшимися за свой, китайский Октябрь. Недаром профессор Цао Цзинхуа сказал однажды о наших книгах, что они были «факелами, которые держали в своих руках попираемые и презираемые, освещая себе путь к освобождению»⁵.

Летом 1931 г. Лу Синь получил от Цао Цзинхуа из Ленинграда очередную посылку. В ней оказалась долгожданная рукопись перевода «Железного потока». В то время Лу Синь задумал издать серию книг советских писателей. Одним из первых он предполагал выпустить роман Серафимовича, считая, что книгу эту надо напечатать во что бы то ни стало.

Не откладывая в долгий ящик, Лу Синь принялся за работу. В своем дневнике он изо дня в день повторяет лаконичную запись: «Редактировал «Железный поток». А тем временем неутомимый Цао Цзинхуа, страстный пропагандист советской книги, присылал из далекого Советского Союза материалы, которые должны были войти в будущую книгу.

Август в то лето выдался особенно знойным. Жара не спадала даже по ночам. Духота стояла нестерпимая. Несмотря на это, Лу Синь, как обычно, трудился до

рассвета. Он не любил, чтобы его беспокоили. Крепкий чай и сигарета — вот все, что ему было нужно в это время. Дневник Лу Синя раскрывает перед нами ход работы над подготовкой к изданию «Железного потока». 15 августа Лу Синь, как всегда, коротко записал: «Получил от Цзинхуа книгу «Железный поток». Это был русский текст романа, необходимый для сверки перевода. В одну из ночей он делает такую запись: «Получил письмо от Цзинхуа и примечания к «Железному потоку». Через три дня, 24-го, добавляет: «Получено письмо и комментарии к будущей книге». Наконец, 2 сентября пришел текст предисловия к первому китайскому изданию «Железного потока». Позже, в 1933 г., и сам автор, А. Серафимович, специально для одного из китайских изданий написал короткое предисловие.

А. Серафимович рассказывал китайским читателям о том, как тяжело жилось русским рабочим и крестьянам до Октябрьской революции, как их жестоко эксплуатировали и как понемногу глаза бедняков раскрылись, они восстали и в упорной схватке завоевали себе «возможность начать строить социалистическое общество, то есть такое общество, в котором все трудящиеся будут жить так хорошо, как они никогда не жили».

«Мой роман,— писал А. Серафимович,— лишь один штрих этой величественной схватки. В нем показано, как революционные войска без боеприпасов, голодные, вынужденные продвигаться вместе с женщинами, с детьми, со стариками, совершили героический прорыв сквозь плотное кольцо врагов. Они прошли через невероятные испытания, закалились в жестокой борьбе и стали поразительной силы организацией, с железной воинской дисциплиной».

Обращаясь к китайским читателям своего романа, А. Серафимович говорил: «То, что произошло с этой частью Красной Армии, может произойти в любом другом буржуазно-помещичьем государстве: рабочие и крестьяне непременно разобьют и уничтожат своего врага, высасывающего из них кровь, и построят новое общество, в котором не будет ни богачей, ни бедняков, в котором вся власть и все богатства, создаваемые трудящимися, будут принадлежать самим трудящимся».

Получив предисловие для первого издания «Железного потока», Лу Синь передал его Цюй Цюбо, попросил сделать перевод на китайский язык. Таким образом Цюй Цюбо стал третьим участником издания книги. Он выполнил свою часть работы тщательно и точно.

И вот в начале декабря, после того как получена была карта похода Таманской армии, работа была завершена. «Железный поток» готов был разлиться по китайской земле. Темпы издания книги были повсюду стремительными. И это в то время, когда, по словам самого Лу Синя, для гоминьдановских реакционеров самым спокойным и надежным было, мягко говоря, задержать выход книги. Поэтому мало было перевести и отредактировать, надо было еще выпустить книгу в свет, что сделать было весьма нелегко.

Гоминьдановская цензура сплошь и рядом запрещала революционные книги; ее пугал, например, даже красный цвет обложек, не говоря о таких словах, как «Россия», «Советский Союз», «класс», «идеология», которые вызывали ненависть у реакционных властей и могли послужить причиной запрещения всей книги.

Но велика была тяга китайцев к свету, к правде, которую несли им советские книги. Нельзя было, говорил Лу Синь, преградить путь советской литературе, для нее не существовало национальных границ.

Какой же китайский издатель осмелился в этой крайне неблагоприятной обстановке выпустить роман «Железный поток»? Кто был тот смельчак, не испугавшийся преследований и решивший пойти на риск в то время, когда «издательства одно за другим шарахались в сторону от испуга» и расторгли договоры, когда хозяева книжных магазинов «в панике разбежались кто куда»?

В объявлении, напечатанном в конце ноября 1931 г. в газете «Вэнь синьвэнь» («Литературные новости»), сообщалось, что перевод «Железного потока» выходит в издательстве «Саньсянь», что по-русски можно перевести как «Три бездельника».

Что же это было за издательство с таким странным названием? И кто стоял во главе его? Оказалось, что название издательства «Три бездельника» было просто-напросто вымышленным, такого никогда не существовало. Это была та необходимая спасительная ширма, за которой скрывались подлинные издатели — трое друзей Лу Синь, Цао Цзинхуа и Цюй Цюбо — и под вывеской которой удалось выпустить столь крамольную в глазах китайских реакционеров книгу.

История мифического издательства такова. Опасаясь репрессий, китайское издательство, ранее намеревавшееся напечатать «Железный поток», вынуждено было расторгнуть договор. Ни один издатель не рискнул выпустить книгу. Тогда Лу Синь решил издать «Железный поток» на свои деньги. Для этой цели он пошел на хитрость и придумал название «Три бездельника», вложив в эти слова иронический смысл. На самом деле тираж книги был тайно отпечатан в частном японском книгоиздательстве «Утияма», с владельцем которого у Лу Синя были хорошие отношения. Под вывеской этого же фиктивного издательства позже вышел еще ряд книг советских писателей, в том числе «Разгром» А. Фадеева и «Цемент» Ф. Гладкова, а также сборник советских гравюр «Иньюй» и альбом гравюр немецкого художника Мефферта к роману «Цемент».

Первое издание было напечатано тиражом в одну тысячу экземпляров. Как говорит Цао Цзинхуа, книга «по каплям просочилась к читателям». Но уже этого небольшого «заряда» было достаточно, чтобы власти поняли, какой огромной взрывной силой обладает «Железный поток». Не удивительно, что два следующих издания романа были почти полностью конфискованы. И еще в течение ряда лет с большим трудом пробивался «Железный поток» сквозь гоминьдановскую цензуру, долго он «был словно скован льдом». И только в конце 30-х годов, по свидетельству Цао Цзинхуа, постепенно «Железный поток» начинает «выливаться из подводного течения наружу».

Выдающийся критик-марксист Цюй Цюбо, как уже говорилось принимавший непосредственное участие в издании книги, откликнулся на выход в свет «Железного потока» статьей. В ней он приводит такой интересный факт. Когда роман А. Серафимовича печатался во французской газете «Юманите», читатели засыпали редакцию этой газеты письмами: были ли на самом деле такие герои, о которых рассказано в романе? Где они сейчас? Что делают? В одном из старых номеров «Юманите» Цюй Цюбо случайно обнаружил письмо французского рабочего с завода Рено. Прочитав на французском языке роман Серафимовича, рабочий спрашивал: «Неужели действительно был такой Кожух? Неужели мог быть на самом деле такой герой?» Французскому рабочему на страницах «Юманите» ответил живой прототип героя романа — Епифан Ковтюх. Взволнованный этой перепиской французского рабочего с героем гражданской войны в России, Цюй Цюбо писал об огромной революционизирующей роли книги «Железный поток». Его статья полна раздумий о судьбе Китая, о путях китайской революции. Он верил, что недалек день, когда в Китае «железный поток» революции превратится в «железные морские валы», что грядет всемирный «железный поток».

И действительно, для солдат китайской революции наш «Железный поток» стал, говоря словами А. В. Луначарского, «прообразом всего великого наступления», книгой, которая звала к борьбе.

Когда рабоче-крестьянская Красная Армия Китая начала легендарный Великий поход в 25 тыс. лн, в вещевых мешках бойцов вместе с самым необходимым лежала книга Александра Серафимовича. Они были особенно близка по духу героям похода, преодолевшим с боями крутые горы, болота и непроходимые лесные чащи. Великий поход китайских бойцов вошел в историю революционной борьбы как китайский «железный поток». Этот беспримерный подвиг взволновал весь народ Китая. Лу Синь, внимательно следивший за судьбой революционной армии, гордясь мужеством сыновей Китая, послал в Яньань китайским коммунистам приветственную телеграмму по случаю завершения похода. Приблизительно к этому же времени относится и его замысел создать книгу о героях китайской революции. Зорким глазом художника Лу Синь, как подметил впоследствии А. Фадеев, увидел настоящего героя на китайской земле. Долгое время он собирал материал, мечтая создать, подобно Серафимовичу, эпопею героического похода китайской Красной Армии. Для этого он встречался и беседовал с участниками похода, с героями-революционерами. Только огромная требовательность, с которой Лу Синь относился к литературному творчеству, предельная добросовестность художника заставили его в конце концов отказаться от выполнения своего замысла. Для того чтобы осуществить его, надо было много разъезжать, самому все расследовать. «Но в настоящее время,— писал с сожалением Лу Синь,— я лишен таких возможностей». Он был тяжело болен, да и гоминьдановская охранка зорко следила за каждым шагом писателя.

Так и осталось не претворенным в жизнь намерение Лу Синя написать книгу о китайском «железном потоке», замысел которой был несомненно подсказан ему произведением советского писателя.

Раскрывая книгу А. Серафимовича, бойцы китайской революции вспоминали свой трудный путь, так напоминающий события, описанные в романе.

Три раза перечитывал книгу Александра Серафимовича Тянь Хун — участник многих сражений за новый Китай. Первый раз эта потрепанная, без обложки книжка попала ему в партизанском отряде. Он читал ее во время похода в свободные минуты. «Она открыла мне глаза, рассказала, что такое настоящий гнет, что такое настоящее горе. Я плакал, читая: мне было безумно жаль страдающих людей, бедных, обездоленных ребятшек...»⁶

Второй раз он прочел эту книгу во время трудного марша партизанского отряда. Шли бесконечные дожди, и книгу приходилось прятать под плащом. Когда же становилось невозможно идти дальше, вспоминает Тянь Хун, он вынимал «Железный поток» и читал рассказ о походе.

Шли годы. Партизану Тянь Хуну приходилось проносить эту книгу сквозь кольцо вражеского окружения, взбираться с ней под огнем противника на высокие горы, стоять с ней на посту...

«И вот теперь,— говорит Тянь Хун,— передо мной снова лежит книга Серафимовича. Но уже не то плохонькое издание, а новый, аккуратный томик. Как много говорит мне эта книга! «Ты помнишь,— спрашивает она меня,— те трудные годы? Ты помнишь товарища, которому ты передал тот, старый экземпляр? Товарищ был взят гоминьдановцами в плен и расстрелян. Ты помнишь его последние слова: «Да здравствует коммунистическая партия!»?»

Да, я помню. Мне никогда не забыть товарищей, отдавших свою жизнь в бою, мне никогда не забыть нашего трудного похода, такого же, какой описан Серафимовичем...»

Автор «Железного потока» знал о столь необычной судьбе своей книги в Китае, и, может быть, именно поэтому ему особенно было дорого ее китайское издание. Рассказывают, что Александр Серафимович всегда с гордостью снимал с полки экземпляр «Железного потока», изданный в Китае, и, ласково поглаживая книгу, показывал ее друзьям.

Впервые этот экземпляр попал к Серафимовичу в декабре 1932 г. Вот как это было. Переводчик книги Цао Цзинхуа навестил писателя у него на даче под Москвой. Зашел разговор о влиянии советской литературы на китайских читателей. Во время беседы Цао Цзинхуа извлек из портфеля два экземпляра «Железного потока», изданного к тому времени в Китае. Лу Синь переслал их Цао Цзинхуа с просьбой передать автору в подарок.

— Вот и ваш «Железный поток» перевалил через Великую стену, до Китая докатился,— сказал Цао Цзинхуа.

— Неужели вам удалось ее издать? — обрадовался Александр Серафимович.

Он с благодарностью принял обе книги, рассказывает Цао Цзинхуа, стал перелистывать. Его лучистые глаза подолгу задерживались на каждой иллюстрации.

— Благодарю вас от всего сердца! — сказал он наконец, горячо пожимая руку переводчика.— Прекрасное издание! Я впервые вижу такое после выхода в свет моей книги. Замечательно! Подумать только, в Китае!⁷

Цао Цзинхуа рассказал ему историю издания «Железного потока» Лу Синем. Участие великого китайского писателя было особенно дорого Серафимовичу. К автору хорошо известной ему «Подлинной истории А-Кью» он питал огромное уважение и всегда помнил о нем. Как-то, незадолго до смерти, вспоминает писатель Вл. Лидин, несмотря на плохое самочувствие, А. Серафимович пришел в клуб московских писателей на вечер памяти Лу Синя. «Это была дань уважения писателю, а когда речь шла об оценке достойного в литературе, для Александра Серафимовича не могло быть препятствий»⁸.

Во время той встречи на подмосковной даче А. Серафимович радовался каждому слову своего китайского друга. Особенно радовало его, что «Железный поток», несмотря на гонения цензуры, вдохновляет читателей, идейно вооружает их. Радовался Серафимович потому, что был он, как его называл Цао Цзинхуа, «борцом пером и винтовкой за интересы пролетариата». И еще потому, что книга его помогла

сближению наших сердец. Много лет спустя в одном из своих писем к Цао Цзинхуа А. Серафимович подчеркнул, что ничто так не сближает народы, как литература. Он считал это «огромным негаснувшим делом»⁹. Его «Железный поток» стал одной из первых связующих нитей двух наших литератур. Об этом хорошо сказал в своем письме к переводчику романа писатель Борис Полевой: «Сейчас, когда между нашими литературами существует большая, широкая дорога, нельзя забыть ту маленькую тропинку, которую Вы протоптали когда-то, переведя для китайских читателей «Железный поток».

Странички дневника Лу Синя... Огромный, богатый духовный мир, в котором жил писатель, раскрывается перед нами; короткие записи доносят бытие лусиневского сердца, за ними слышится пульс его напряженной деятельности. И с уважением думаешь о том, каким мужеством надо было обладать, чтобы в условиях жесточайшей реакции стать глашатаем советской литературы, ее страстным, неутомимым пропагандистом. Таким был Лу Синь.

Начинай с фундамента

Поезд шел в Харбин. За окном — знакомый с детства пейзаж, граница, дальше — стена тайги. Тоскливо защемило сердце — нахлынули воспоминания юности. «Эта поездка, — писал потом Александр Фадеев, — вообще была волнительна для меня — и не только потому, что волнительно все, что видели мы в Китае».

В тех самых местах, где шел поезд, в декабре 1920 г. Саша Фадеев, девятнадцатилетний комиссар полка, преследовал банды атамана Семенова. А путешествие вместе с друзьями-подпольщиками в Харбин, состоявшееся несколько раньше, в сентябре того же года! Разве можно было забыть эту «феерическую поездку»? Ехали по фальшивым документам. Цель поездки — по заданию партии через Северный и Северо-Восточный Китай пробраться в Благовещенск — город, тогда уже свободный от японцев, в распоряжение штаба Амурской армии. Добирались поездом, в Харбине пересели на пароход китайской компании «Утун». Плыли по Сунгари, потом по Амуру. Путешествие было действительно необычным. Не раз пароход садился на мель. Дважды его обстреляли. «Но самое комичное было в том, — рассказывал А. Фадеев, — что уже на Амуре нас остановил наш военный катер, проверил у пассажиров документы, и мы вынуждены были предъявить наши подложные документы, поскольку настоящие были в ботинках, под стелькой. Проверка производилась в присутствии многих пассажиров, и мы не могли шепнуть о себе. К тому же нам надо было во что бы то ни стало добраться до Благовещенска. Видно, документы были достаточно хороши, ибо нас оставили в покое... Впоследствии мы узнали, что, хотя проверка документов советским катером на китайском пароходе была «незаконной», наши амурские власти были обязаны это делать. В Сахалине скапливались белые...»

Спустя почти тридцать лет, взволнованный воспоминаниями о тех далеких боевых днях, А. Фадеев записал: «Что я переживал, пока доехал до Харбина!.. Не спал всю ночь, вылезал на каждой станции, смотрел, смотрел и все вспоминал юные годы...»

...Тайга отступила от окна поезда, подалась к горизонту, замелькали домишки, на клочках полей — фигурки китайцев... Вспомнился одноклассник по Владивостокскому коммерческому училищу Ся Дунху — один из самых способных учеников, он увлекался философией и занимался дополнительно древнекитайским языком с сяньшэном — учителем-китайцем. А Паша Цой! Спортсмен, быстрый, смекалистый, прекрасно знавший, кроме своего родного корейского, еще и китайский.

Цепочка ассоциаций протянулась в памяти дальше, к тому времени, когда работал над «Последним из Удэгэ». Знакомый голос партизана советует китайцам: «Вам бы сложиться всем гуртом, сложиться бы вам всем да как вжахнуть, ка-ак вж-жахнуть по вашей, по всей власти!..» Видно, совет не пропал даром...

И вот снова, через тридцать лет, Харбинский вокзал. Здесь на перроне осенью 1949 г. состоялась встреча с деятелями китайской культуры, которые выехали из Пекина навстречу советской делегации, прибывшей в Китай по случаю предстоящего провозглашения Китайской Народной Республики.

Об одном из эпизодов во время встречи на Харбинском вокзале рассказывает китайский поэт Сяо Сань (Эми Сяо): «Мы шли с Фадеевым вдоль платформы, и он го-

ворил мне, улыбаясь: «Сколько раз мечтал, что встречу с тобой в Китае, и вот наконец сбылось...» И еще одна встреча в гостинице в Пекине. Фадееву нездоровилось, и Сяо Сань заехал навестить его. Уходил он от него с дорогим подарком — экземпляром «Разгрома», на обложке которого рукой автора было написано: «С радостью преподношу эту книгу моему дорогому другу Эми Сяо. Пусть она напомнит ему о нашей молодости. А. Фадеев. 7.10.1949. Пекин».

«Разгром». Кто в Китае не знает этой книги! Ею зачитывались в 30-х годах бойцы революционных опорных баз, ее тайно передавали из рук в руки студенты университетов, ее бережно хранили шанхайские портовые грузчики, пекинские рабочие, гуанчжоуские моряки.

Когда, как и при каких обстоятельствах книга Александра Фадеева была переведена на китайский язык?

В сказках и притчах многих народов Востока, в фольклоре разных стран встречается сюжет о старике садовнике, заботливо и терпеливо высаживающем плодовые деревья, несмотря на то, что ему самому не удастся насладиться их дарами — слишком стар он, не дожить ему до того дня, когда они начнут приносить людям пользу.

В индонезийских сказках старик сажает кокосовую пальму, в японских — вишню-сакуру, в индийских — манговое дерево. В Китае распространена притча о старике садовнике, сажающем персиковые деревья. На замечание прохожего о том, что труд его напрасен, что ему не придется отвесть плодов, старец мудро отвечает: «У меня есть сыновья и внуки...»

Не однажды Лу Синь, имея в виду переводчиков, говорил о том, как важна трудная, самоотверженная и кропотливая работа этих людей, прокладывающих путь к свету. Главное в этой работе, считал Лу Синь, — фундамент, основа. Он верил, что посаженное дерево непременно принесет плоды, которыми насладятся потомки. «Если хочешь любоваться красивыми цветами — позаботься о почве: без почвы не вырастут ни деревья, ни цветы, значит, почва важнее цветов. Цветы так же невозможны без почвы, как и полководец без армии». В другой раз он высказал ту же мысль, приведя слова из индийской «Сутры притч»: «Хочешь строить высокую башню — начинай с фундамента». Тех, кто пролагал людям путь к свету, Лу Синь называл «камнем в фундаменте башни, шепотью земли в саду».

А сам Лу Синь? Разве он не был одним из них?

Масштаб проделанной им работы по пропаганде и изданию произведений советских писателей огромен. Из двадцатитомного полного собрания его сочинений десять томов — переводы и предисловия к книгам зарубежных писателей. Большая часть этого наследия посвящена русской и советской литературе.

Кабинет Лу Синя в маленьком шанхайском домике был лабораторией, через которую Китай соприкасался с передовой революционной культурой новой России, здесь возникла мысль о многих переводах произведений советских писателей. Это был центр пропаганды советской литературы, откуда по всей стране расходились наши книги.

Одной из книг, родившейся в этой лаборатории, был и роман Александра Фадеева «Разгром», переведенный Лу Синем и изданный на его личные деньги. Работа над переводом «Разгрома», начатая им в январе 1930 г., была завершена через год, в феврале 1931 г. Одновременно некоторые главы романа публиковались в журнале «Мэнъя»¹⁰. Как видно из дневника писателя, время до конца года ушло на редактирование перевода. И только 26 ноября Лу Синь наконец, после многих дней утомительной работы, записал в своем дневнике, что полностью закончил работу над «Разгромом». А через несколько дней, в начале декабря, он уже отправил своим друзьям первые, еще пахнувшие типографской краской свежие экземпляры отпечатанного китайского издания романа Александра Фадеева.

Интересно заглянуть в лабораторию Лу Синя, проследить, как шла работа над переводом книг советских писателей, как скрупулезно, с любовью собирал он дополнительные справочные материалы, которые должны были войти в книгу. Он придавал этому большое значение. Каждую переведенную им самим советскую книгу или ту, которая выходила при его участии, Лу Синь выпускал в жизнь с богатым «подсобным хозяйством». В этом смысле характерно и издание «Разгрома». Лу Синь предпослал роману автобиографию автора, включил статью известного литературоведа Курахары Корэхито, переводчика романа на японский язык, поместил предисловие, написанное советским критиком В. М. Фриче. Сам Лу Синь написал послесловие «Впе-

чатления от "Разгрома... Таким образом, он не ограничивался лишь переводом, а стремился расширить рамки знакомства с автором издаваемой книги, познакомить с его биографией, оценками критики, дать анализ творчества.

В послесловии Лу Синь подчеркнул мастерство автора «Разгрома», создавшего яркие и глубокие образы борцов революции. Главную причину успеха произведения А. Фадеева он видел в том, что автор хорошо знал все, о чем рассказал, сам участвовал в борьбе, которую описал. Только основываясь на личном опыте, а не на игре воображения, говорил Лу Синь, можно написать такую правдивую, волнующую книгу. Он назвал ее «каплей крови в канун новой жизни, важным уроком, преподанным настоящим борцам». Внимание Лу Синя прежде всего привлекли два полярных друг другу характера, два антагониста — Левинсон и Мечик. Первый — олицетворение стойкости, человек непреклонной воли, но в то же время очень мягкий, живой. И второй — мечтатель, себялюбец, далекий от народа, лжегерой, случайно ввергнутый вихрем революции в ее круговорот. Таких Лу Синь нередко видел вокруг себя. Поэтому для Китая тех лет, для борьбы, которая шла в этой стране, было очень важно разоблачить подобный тип «революционера», показать его сущность и корни его псевдореволюционности.

Начал Лу Синь переводить «Разгром» по японскому изданию. Вскоре ему в руки попали два других перевода этой книги — немецкий и английский. Они были подсобными, по ним он делал сверку.

Поступать так он был вынужден, поскольку, к своему большому сожалению, не владел настолько русским языком, чтобы переводить с оригинала. По русскому изданию он мог проверить заголовки, которые отсутствовали в японском издании, дать более точное деление на главы, но сверить весь текст не мог. Перевод с трех иностранных изданий сразу, писал Лу Синь, заполняет лишь пробел «между полным отсутствием перевода и чем-то более совершенным». Всей душой он хотел, чтобы как можно больше появлялось переводов советских книг, сделанных с оригинала. Для этого он рекомендовал молодым переводчикам изучать из иностранных языков прежде всего русский и в великой скромности своей не сомневаясь, что появляющиеся переводы более высокого качества, чем его. Свои Лу Синь выполнял с необыкновенной ответственностью, тщательно; он говорил, что над переводом «следует поработать зубами, а не проглатывать его, словно чай или кашу».

И не удивительно, что такой знаток русского языка, как Цюй Цюбо, дал самую высокую оценку лусиневскому переводу «Разгрома». «Ваш перевод очень верен. — писал он в письме к Лу Синю в первых числах декабря 1931 г., — и совсем не будет преувеличением сказать, что он нисколько не уводит читателя от оригинала. По Вашему переводу чувствуется честный человек с пламенным сердцем, борющийся за светлое будущее, упорный и сознающий свою ответственность за то, что он делает»¹¹.

В ответ на письмо своего друга Цюй Цюбо, в котором тот восхищался «Разгромом», Лу Синь признавался, что тоже любит это произведение, «словно собственного сына».

Выход в свет «Разгрома» Цюй Цюбо назвал «выдающимся событием в литературной жизни Китая». «Каждый боец революционного литературного фронта, — писал Цюй Цюбо, — каждый революционный читатель должен отметить как праздник эту победу, пусть пока маленькую, но победу».

Какие же ощущения должен был вызвать у китайских читателей этот роман, омытый кровью горячего сердца, это повествование о новых людях? Книга Александра Фадеева, по словам Цюй Цюбо, давала ответ, почему русские рабочие и крестьяне, плохо вооруженные, голодные, разбили белогвардейцев и японских захватчиков. «Прежде всего потому, — писал Цюй Цюбо, — что налицо были Советы, и потому, что в процессе упорной, героической борьбы выковывались люди нового типа... Кто же руководил этой борьбой? Шахтеры, батраки и прежде всего промышленные рабочие. Да, именно так. Массы трудящихся под руководством пролетариата выступили, чтобы перестроить мир, уничтожить своих врагов и в процессе этой великой борьбы — перевоспитать самих себя»¹².

В своей статье, посвященной выходу в свет романа А. Фадеева на китайском языке, Цюй Цюбо призывал обратить захваченное революционными войсками оружие против врага — империалистов, японских захватчиков, в то время вторгнувшихся в Северо-

Восточный Китай, и восклицал, что «китайские Левинсоны уже родились и продолжают рождаться».

Автор «Разгрома» Александр Фадеев не раз с благодарностью говорил, что никогда не забудет того, что Лу Синь перевел на китайский язык его книгу. И, возможно, желая хоть чем-то отблагодарить его, он с большой охотой принял в 30-х годах предложение быть редактором одного из изданий произведений Лу Синя на русском языке. Через много лет, посетив Китай, он признается, что это был его скромный ответ великому китайскому писателю, потратившему столько времени на перевод его романа. Так книга проложила мост дружбы между двумя писателями — советским и китайским, стала посредником в их заочном знакомстве.

Как и Лу Синь, которому было хорошо известно творчество Фадеева, последний в свою очередь любил и ценил китайского писателя — большого мастера слова, гуманиста и борца.

Вскоре после смерти Лу Синя в московском Доме литераторов состоялось траурное собрание. Находившийся в зале видный переводчик советских книг Гэ Баоцюань рассказывает: на сцене — большой портрет Лу Синя, в фойе — выставка его книг, фотографии, репродукции. В президиуме Л. Леонов, Эми Сяо (Сяо Сань), С. Третьяков, Джерманетто. Председательствовал А. Фадеев. В тот вечер он сказал: «В июне мы потеряли нашего дорогого Горького... И вот через четыре месяца «китайский Горький» — Лу Синь — также ушел от людей. Это огромная потеря для Китая, для Советского Союза, для мировой литературы».

Фадеев назвал тогда Лу Синя «мужественным, талантливым, неподкупным», он говорил, что советские люди, сочувствующие китайской революции, советские писатели, тесно связанные с китайской литературой, выражают свое глубокое соболезнование китайскому народу, понесшему огромную потерю.

Позже, побывав в Китае, Фадеев написал немало хороших слов о Лу Сине — одном из благороднейших гуманистов мира, как он называл его.

Статья Фадеева о Лу Сине небольшая — всего несколько страничек. В ней автору удалось скупно, но с удивительной точностью проникновения в суть творчества Лу Синя охарактеризовать его основное содержание, подметить в «светлом таланте» Лу Синя то, что делает этого писателя близким миллионам читателей. Лу Синь, писал А. Фадеев, был глубоко китайским писателем. Но он внес много национального и неповторимого в мировую литературу.

Точно определив главные качества творчества Лу Синя, Фадеев назвал его человеком чуткой общественной совести, «светочем человечества». Лу Синь — гуманист, по мнению Фадеева, в одном ряду с Чеховым и Горьким. Личность настоящего писателя формируется народом, его породившим. К таким писателям, говорил А. Фадеев, принадлежал и Лу Синь, близкий нам характером своего гуманизма. «Лу Синь близок нам, русским читателям, и тем, что он, подобно нашим классикам, был писателем — критическим реалистом, то есть писателем, разоблачавшим и бичевавшим силы старого общества, силы, угнетавшие народ и подавлявшие личность «маленького человека». Именно своим шедевром о маленьком человеке, которого он любил всеми силами души, знал его слабости и его силу, вошел он во всемирный пантеон гуманистической литературы»¹³.

В этой же статье, написанной к тринадцатой годовщине со дня смерти Лу Синя, А. Фадеев от имени советских писателей выразил бесконечную благодарность человеку, отдавшему столько сил переводу и пропаганде советской художественной литературы.

С чувством глубокой симпатии вспоминают в Китае автора мужественной истории небольшого отряда дальневосточных партизан — книги, которая помогала добывать в боях победу. Его знают в Китае, говоря словами Сяо Саня, как писателя нового типа, сочетавшего художественное творчество с общественной деятельностью. В своих воспоминаниях Сяо Сань писал о том, с какой активностью и принципиальностью работал А. Фадеев во Всемирном Совете Мира. «Он проявлял здесь весь свой огромный организационный талант. Мне было особенно радостно видеть, с какой необыкновенной теплотой и участием относился он к китайскому народу, ко всем народам Востока».

Сяо Сань познакомился и подружился с Александром Фадеевым — замечательным

писателем и замечательным человеком, как он назвал его, — еще в молодые годы. Знакомство это состоялось осенью 1930 г. на Конференции революционных писателей в Харькове. «Я участвовал в этой конференции как представительевой лиги китайских писателей, — пишет Сяо Сань. — При разделении на секции, соответствующие определенным районам, мы с Фадеевым и с одним из японских писателей оказались в одной группе. С большим удовольствием мы работали вместе с ним над резолюцией о положении революционной литературы в странах Дальнего Востока. Уже тогда на меня произвели огромное впечатление его талант, его темперамент». Впоследствии Сяо Саню не раз доводилось в разное время встречаться и работать с Фадеевым. И в секции китайских писателей Советского Дальнего Востока, где А. Фадеев не раз выступал с докладами, и позже, в Москве. Китайский поэт вспоминает о Фадееве как о человеке исключительной честности, прекрасном товарище, верном друге. «Фадеев был писателем, необычайно образованным политически, научно, литературно. Он писал прозу, но безумно любил стихи. Помню одно из заседаний секции поэзии Союза советских писателей, на котором был и Фадеев. Он выступил с длинной взволнованной речью. У него были интереснейшие и свежие мысли о развитии поэзии. Поразило слушателей то обстоятельство, что Фадеев в этом своем выступлении наизусть цитировал большие отрывки из Некрасова и не только нигде не ошибся, но и увлек нас всех своим замечательным чтением. До сих пор помню, как горячо тогда ему все аплодировали. К нему подходили друзья-поэты и спрашивали: «Саша, почему ты не пишешь стихов? Из тебя получился бы такой поэт!» Фадеев отвечал лишь улыбкой. Мне и в дальнейшем приходилось не раз слушать блестящее чтение Фадеевым стихов наизусть».

В день пятидесятилетия А. Фадеева в потоке поздравлений на его стол легла и телеграмма из Китая от Сяо Саня: «Крепко целую тебя, старого друга, земляка. Здравствуй еще пятьдесят лет для дела мира, дружбы народов».

Земляком, другом своим считали автора «Разгрома» в Китае.

А-Кью говорит по-русски

Около шанхайского дома Лу Синя, где сейчас помещается музей писателя, был крошечный участок земли. Однажды Лу Синь, в последние годы жизни часто болевший и вынужденный подолгу не выходить из дома, решил посадить на этом клочке земли персиковое дерево. Весной неожиданно персик зацвел. Правда, цветов на нем было немного. «Но все же я ими полюбовался», — говорил довольный Лу Синь.

Этот незначительный на первый взгляд эпизод говорит о многом: Лу Синь, которого некоторые современники считали суровым, несколько замкнутым, нелюдимым, на самом деле был большим жизнелюбом.

Друзья писателя рассказывают, что это был очень мягкий, сердечный и добрый человек. Непримирым и гневным он становился только в борьбе. Суров он был с теми, кого презирал, в особенности с наемными писаками, постоянно, словно назойливые мухи, нападавшими на Лу Синя. Но с друзьями, с теми, кто был мил его сердцу, он был всегда приветлив и ласков.

Сохранилось немало фотографий Лу Синя, относящихся к разным периодам его жизни. Но они, как всякое фото, статичны, в них как бы отсутствует внутреннее движение. Иное дело портреты Лу Синя, сделанные художниками. Выполнены они различными мастерами, в том числе современниками писателя. Им удалось гораздо глубже выразить его облик. В каждом таком портрете выявлена графически чаще всего какая-либо одна черта Лу Синя — человека, писателя, борца. По существу, и невозможно выразить в одном портрете все богатство характера, все грани разносторонней и сложной натуры Лу Синя. И все же из многих зорко подмеченных и подчеркнутых художниками черт Лу Синя выделяется в каждом его портрете главная, основная черта — перед нами человек большого сердца.

По своей природе Лу Синь был скорее оптимистом, а ему приходилось писать о несчастьях и горе человеческом, страдать за людей. В этом он близок нашему Чехову. Унылая, однообразная жизнь, китайские пришибеёвы, хамелеоны и белковые, точно так же коптившие небо в Китае, как и в старой России, вызывали у Лу Синя, как и у Чехова, большую обиду за человека, рождали печаль и гнев. Может быть, отчасти потому, что обоим писателям была близка медицина, они умели зорко разглядеть болезни

старого общества, оба страдали, видя страдания людей, стремились помочь, вселить надежду, верили в человека, в силу его разума.

Близость творчества этих двух писателей, идейная и духовная, сказалась и в том внимании, которое оба уделяли «маленькому человеку», и в том, что оба они говорили об ответственности интеллигенции перед народом. У Чехова-реалиста Лу Синь учился не только глубине и зоркости писательского видения жизни, но и умению строить сюжет, не задерживаться на второстепенном, побочном. Как и Чехов, Лу Синь «бунтовал против длиннот», так же старался писать компактно, как бы прессованно, безжалостно вычеркивал слова, фразы, отрывки. Лучше сократить рассказ до сценки, говорил он, чем растягивать до рассказа материал, которого может хватить только на сценку. Отсюда и лаконичность лусиневской прозы, его стиля, который точно, на наш взгляд, определил советский литературовед В. Днепров: «страсть сквозь сдержанность».

Гуманизм Лу Синя привел его еще в молодые годы к русской литературе, которую он называл литературой «служения человеку». Интерес и любовь к произведениям русских писателей Лу Синь сохранял на протяжении всей своей жизни. «Мы загорались надеждой, — писал он, — читая произведения сороковых годов. Мы горевали вместе с героями произведений шестидесятников... Из произведений Леонида Андреева мы познали ужас, зато у Короленко мы учились гуманности, у Горького — борьбе»¹⁴.

За два дня до смерти, 16 октября 1936 г., Лу Синь трудился над предисловием к «Сборнику семи советских авторов». А первые высказывания Лу Синя о русской литературе относятся к началу века.

В статье «О силе сатанинской поэзии», написанной в 1907 г., Лу Синь дал восторженную оценку творчества нескольких русских писателей, в то время уже известных по переводам китайским читателям, и прежде всего Пушкина.

Надо сказать, что к тому времени, т. е. к 1907 г., когда появилась статья Лу Синя, в Китае из произведений Пушкина знали лишь одно, переведенное несколько ранее, в 1903 г., и известное китайцам под названием «Русская романтическая история». Это было, как теперь установлено, первое произведение русской литературы, переведенное на китайский язык.

Какое же создание Пушкина скрывалось под таким странно звучащим названием? Вопрос этот много лет оставался неразрешенным, поскольку не удавалось найти сам перевод. Загадка была разгадана Гэ Баоцюанем — исследователем русской и советской литературы. Он говорит: «Исследуя этот вопрос, я обнаружил, что первым русским произведением, вышедшим на китайском языке в 1903 г., был «любовный роман» — «История Смита и Мэри, или Сон бабочки среди цветов». Я долго недоумевал, что бы это могло быть: переводное название ставило в тупик»¹⁵.

На протяжении долгого времени китайский литературовед пытался разгадать тайну названия. Гэ Баоцюаню было лишь известно, что под заголовком «Русская романтическая история» появилось на китайском языке одно из произведений Пушкина. И это все. В библиотеках книги с таким названием не числилось. И еще совсем недавно считалось, что «в настоящее время перевод этот утрачен и трудно судить, какой именно из рассказов был тогда переведен...».

Изучая различные литературные источники того времени, Гэ Баоцюань просматривал и книгу «История художественной прозы последних лет Цинской династии». В ней-то ему и встретилось полное название пушкинского произведения, под которым оно было издано в Китае. Оно звучало так: «Русская романтическая история. Рассказ о Смита и Мэри». Тут же приводился второй вариант названия: «Сон бабочки среди цветов». Если упоминание о Смита и Мэри вселяло некоторую надежду, то слова «Сон бабочки среди цветов» вновь обескураживали и ставили в тупик. Но и имя Мэри, если считать, что под ним подразумевалось русское имя Мария, мало что давало. Ведь имя Мария носят несколько пушкинских героинь. Под таким названием с одинаковым успехом в Китае могли быть изданы «Дубровский», «Метель», «Выстрел», «Капитанская дочка».

Какое же из этих четырех произведений появилось в 1903 г.? Вопрос этот продолжал занимать Гэ Баоцюаня.

Через некоторое время был сделан еще один шаг к разрешению вопроса. Удалось выяснить дополнительные подробности о характере издания.

Из старого библиографического справочника стало известно, что книга вышла в одном томе в издательстве «Цзосинь шуцзюй». Переплет был сделан по иностранным

образцам. Подтверждалось, что автором книги был Пушкин, переводчиком — Цзи Ихой. Выяснилась еще одна деталь — на китайский язык книга была переведена с японского перевода, выполненного Дзискэ Такасу. Книга состояла из 13 глав. Другое заглавие ее было «Сон бабочки среди цветов»¹⁶.

Эти сведения многое проясняли. Но самое, пожалуй, важное в этой краткой библиографической справке следовало ниже: «В книге рассказывается о судьбе русских людей Смита и Мэри. Они оказались вовлеченными в перипетии войны, испытали много трудностей, но в конце благополучно соединились». Далее говорилось, что произведение относится к романтическому жанру. «Сюжет очень трогательный, стиль и язык весьма привлекательны».

Теперь можно было строить более точные предположения о том, какое из пушкинских творений и вообще из произведений русской литературы было первым переведено в Китае. И все же пока сама книга не обнаружена, делать окончательный вывод было преждевременно. Необходимо было во что бы то ни стало отыскать само издание. Не могло же быть, чтобы ни один экземпляр этой редкой книги не сохранился. Если ее нет в книгохранилищах, то, возможно, книга имеется у кого-нибудь в частном собрании? И действительно, в библиотеке одного книголюбца вскоре случайно был обнаружен редкий экземпляр китайского пушкинского издания. Но, как на грех, обложка книги не сохранилась. Тем не менее эта потрепанная книжка подтвердила самое главное. Первым произведением А. С. Пушкина, переведенным на китайский язык, оказалась знаменитая его повесть «Капитанская дочка». А вскоре на развалах у пекинских букинистов был куплен полный, хорошо сохранившийся экземпляр первого китайского издания «Капитанской дочки».

И тогда стало ясно, что повесть была переведена на японский язык с английского Дзискэ Такасу и в 1883 г. издана в Японии под названием «Сон бабочки среди цветов». Три года спустя книга была переиздана под названием «Рассказ о Смите и Мэри». Видимо, еще переводчик повести на английский язык превратил Гринева в Смита, а Марию в Мэри. Затем имена эти перекочевали сначала в японское, а потом и в китайское издание.

Китайскому изданию «Русской романтической истории» было предпослано предисловие. В нем, в частности, хотя и несколько наивно, но интересно разъяснялись цели, которые преследовал перевод этого произведения, говорилось о том, какую пользу должна была принести эта книга в Китае.

«Произведения художественной прозы,— писал автор предисловия,— выполняют определенную задачу. В нашей стране художественные произведения ставят в пример народу так называемых «верных сановников», «почтительных детей», «целомудренных дев». Чтение таких произведений постепенно приводит к оправданию рабского мира. Таким образом, вина за вредные обычаи и нравы, царящие в нашей стране, в первую очередь ложится на авторов произведений художественной прозы. Поэтому на переводах новой художественной литературы непременно должна лежать задача по улучшению обычаев и нравов».

В этих словах автора предисловия отразилось мнение тех, кто полагал, что с помощью литературы возможно перестроить старое общество, излечить его от социальных болезней, «раскрепостить дух нации». Русская литература, народная по своему духу, могла, как считали эти люди, помочь китайцам в переустройстве жизни. «Похождения сыщиков, авантюристов, сказки про английских мисс, африканских негров могли шекотать нервы лишь жирным, сытым и пьяным людям,— писал позже Лу Синь,— а часть нашей молодежи уже почувствовала гнет, ей не нужны были шекочущие нервы произведения, она мучилась и металась в поисках насущных указаний. И тогда она нашла русскую литературу».

Здесь мне хочется, как говорится, перекинуть мостик из Китая тех далеких дней начала XX в. в Советский Союз 20-х годов и спросить, какая из книг современного китайского автора была первой после Октябрьской революции переведена на русский язык? Если иметь в виду не только художественную литературу, то, по-видимому, следует назвать брошюру «О друзьях и друзьям», рассказывающую о китайской наборной кассе и изданную у нас через год после революции.

Ну, а если все же говорить о художественной литературе? С какой книги началось наше знакомство с современной китайской литературой? Здесь вновь придется назвать

имя Лу Синя. Именно этот крупнейший мастер слова, просветитель, гуманист и революционер стал первым из современных писателей Китая, творчество которого мы узнали. А книгой такой была его «Подлинная история А-Кью» — повесть о Китае начала нашего века. И это очень знаменательно, что наше открытие новой китайской литературы началось с такого выдающегося по своей художественной ценности произведения, стоящего в ряду крупнейших мировых литературных памятников нашего века. (Ромен Роллан, например, прочитав повесть Лу Синя, был поражен художественной силой этого произведения, его глубокой правдивостью. Он говорил, что «никогда не забудет печального образа А-Кью».)

Обращаясь однажды к молодым литераторам, Лу Синь призвал их «писать для настоящего». Для настоящего он и сам переводил и писал. Это означало: писать правду. Ведь, как никто другой, Лу Синь ясно видел «нутро Китая». Отчетливо понимал он, и какую опасность сулит ему его прозорливость. Как-то он привел слова древнего философа Чжуанцзы о том, как опасно бывает «разглядеть рыбу в омуте», ибо это всегда «плохое предзнаменование». за это начинали ненавидеть многие. А он, несмотря на угрозы и гонения, неуклонно шел своим путем, был, как он о себе говорил, разрушителем словом. И действительно, свое слово он приравнял к мечу, который поражал ложь и клевету, предательство и угодничество. Лу Синь наносил удары по лжепатриотам, по мракобесам и реакционерам. Он был непримиримым борцом, с юношеских лет мечтал помочь людям, знал, что нет ничего более прекрасного для человека, чем отдать народу свое сердце. Всю жизнь он упорно шел по дороге к свету и вел за собой других. Это был трудный путь через бесконечные лишения и борьбу, но это был путь самоотверженности и горения, путь во имя жизни.

Сегодня на наших книжных полках стоят многие издания книг Лу Синя. Революционно-гуманистическое, прометеевское содержание новелл Лу Синя, их разоблачительный пафос завоевали сердца многих наших читателей. Помимо отдельных сборников рассказов, однотомников, у нас вышли четыре тома собрания сочинений писателя. О Лу Сине нашими литературоведами написано немало исследований, статей, брошюр, некоторые из них специально посвящены повести «Подлинная история А-Кью».

Когда же именно впервые была переведена эта повесть на русский язык?

В 20-х годах в Пекинском университете работали русские преподаватели: С. М. Третьяков, А. Ивин (А. А. Иванов), Б. А. Васильев. Борис Александрович Васильев, хорошо знавший китайский язык, пользовался большой популярностью среди студентов. Они произносили его фамилию на китайский лад, транскрибируя ее из трех иероглифов, — Вансили.

Б. А. Васильев был одним из первых советских ученых-китаеведов, кто наряду с классической литературой начал переводить современных писателей.

Однажды, это было в конце 1924 г., в разговоре с Цао Цзинхуа Б. Васильев высказал неперенное желание перевести на русский язык какую-нибудь из книг современного китайского писателя.

— Посоветуйте, — обратился Б. Васильев к Цао Цзинхуа, — с каким произведением следовало бы прежде всего познакомить русских читателей?

В ответ он услышал название лусиневской «Подлинной истории А-Кью»¹⁷.

Уже весной 1925 г. первый вариант перевода был готов. Сознывая всю сложность и ответственность задуманного дела, Б. Васильев решил написать автору повести письмо. Он сообщал, что завершил работу над черновым вариантом перевода «Подлинной истории А-Кью» на русский язык, и просил Лу Синя разъяснить ряд непонятных в тексте мест. Вскоре от Лу Синя был получен ответ с подробными пояснениями. Интересно, что в добавление к своим письменным разъяснениям Лу Синь сделал ряд пояснительных рисунков. К сожалению, переписка Лу Синя с первым переводчиком его произведений на русский язык не сохранилась. О ней известно лишь по воспоминаниям современников и дневнику писателя, где очень скупо говорится об отправлении письма Васильеву.

Тогда же, то есть в мае 1925 г., Лу Синь по просьбе Б. Васильева написал свою краткую автобиографию и послал ее вместе с фотокарточкой переводчику для русского издания книги.

Несколько лет спустя, в 1929 г., перевод «Подлинной истории А-Кью» вышел в свет, почти одновременно его выпустили два наших издательства: московское — «Молодая гвардия» и ленинградское — «Прибой».

С тех пор «Подлинная история А-Кью» издавалась у нас неоднократно, был сделан новый ее перевод, она выходила отдельными изданиями, неизменно включалась во все лусиневские сборники и даже однажды была инсценирована. Об этом рассказывает участник спектакля писатель Борис Полевой. Пьеса по повести Лу Синя была сыграна в конце 20-х годов комсомольцами города Твери (ныне город Калинин). Ребята, по словам Б. Полевого, воодушевленные борьбой китайского народа, решили поставить какую-нибудь пьесу из китайской жизни. И вот на клубной сцене одной из фабрик города был поставлен спектакль. Инсценировка, сделанная по повести Лу Синя, только что появилась в переводе на русский язык. «Но нас,— вспоминает Б. Полевой,— не удовлетворял конец. Наш А-Кью не умирал бездомным бродягой».

В этой наивной инсценировке, говорит писатель, выражалась любовь нашей молодежи к китайским труженикам и вера в их окончательную победу.

В предисловии к русскому изданию своей повести Лу Синя писал, что он испытал глубокую радость, узнав о том, что его повесть будет напечатана на русском языке.

Лу Синь надеялся, что советские читатели, не имеющие в отличие от некоторых китайских критиков предвзятого мнения на его счет, по достоинству оценят «Подлинную историю А-Кью».

В печати тотчас появились отклики на книгу Лу Синя. Журнал «Новый мир» отмечал глубокое знание китайской жизни автором повести, его мастерское использование художественной детали, его иронию и сарказм и вместе с тем лиризм, присущий писателю¹⁸. Автора повести «Литературная газета» называла «лидером реалистической школы современного Китая». В другой рецензии той же газеты говорилось, что в повести Лу Синя «индивидуальное как бы перерастает себя, начинает говорить об общем, о массовом».

Появление блестящей повести китайского писателя еще больше повысило интерес наших читателей к китайской литературе. Прямым откликом на перевод повести Лу Синя, как писал журнал «На рубеже Востока», явились статьи о литературной жизни Китая, опубликованные в различных органах печати.

Мечтал Лу Синь и о встрече со своими советскими читателями, хотел приехать в нашу страну, чтобы воочию убедиться, какие успехи достигнуты на ее огромных просторах.

В книге воспоминаний о Лу Синь вдова писателя Сюй Гуанпин рассказывает о том, как Лу Синь собирался поехать в Советский Союз. Китайского писателя, вспоминает она, пригласил М. Горький приехать на съезд писателей, а потом остаться отдохнуть, подлечиться — со здоровьем у Лу Синя было неважно. И Лу Синь, страстно желавший увидеть своими глазами страну рабочих и крестьян, начал летом 1932 г. собираться в дорогу. Вместе с ним готовились ехать жена и сын. В связи с предполагаемой поездкой домашние строили различные планы. Жена думала, например, поступить на одну из московских ткацких фабрик и овладеть профессией ткачихи. Но потом было решено, что поедет один Лу Синь — ведь дорога предстояла дальняя и тяжелая...

К сожалению, Лу Синю не удалось осуществить свою мечту — давняя болезнь вновь приковала его к постели. Да и гоминьдановские агенты, следившие за каждым шагом писателя, делали все возможное, чтобы не дать ему выехать за пределы Китая.

Последнее письмо

Произведения Бориса Лавренева давно пользуются большой любовью в Китае. Еще в конце 20-х — начале 30-х годов в Китае уже были известны такие рассказы, как «Сорок первый», «Звездный цвет» и некоторые другие. Гоминьдановцы пытались их запретить; в глазах цензоров они выглядели крамольными. На читателей же рассказы Б. Лавренева производили большое впечатление своим эпическим стилем, взволнованностью и правдивостью повествования. Лу Синь писал, что рассказ «Звездный цвет» настолько захватывает, что книгу не хочется закрывать, пока не прочтешь всю до конца.

В конце 1924 г. в журнале «Звезда» был опубликован рассказ Бориса Лавренева «Сорок первый». Потом вышло его отдельное издание. А уже в 1927 г. рассказ был переведен на китайский язык неутомимым пропагандистом наших книг Цао Цзинхуа. Приблизительно тогда же состоялась и первая встреча молодого китайского энтузиаста-

переводчика с известным советским писателем. Крепкая дружба, завязавшаяся между ними в те далекие дни, длилась более тридцати лет.

«Сорок первый» — по-китайски «Ди сышнн». Этот рассказ Б. Лавренева — одно из первых советских произведений, переведенных в Китае. В апреле 1927 г. Лу Синь писал письме: «Надо бы поспешить с выпуском в свет «Сорок первого». Он вынужден был топиться: ведь в Китае тогда лишь говорилось о революционной литературе, но не было еще ни одного настоящего революционного произведения. «Если так будет продолжаться, — писал Лу Синь, — то литература погибнет». Поэтому важнее всего, по его мнению, было сейчас же, немедленно познакомить читателей с лучшими произведениями других стран, и в первую очередь с книгами советских писателей. Ведь в них говорилось о борьбе! «Перед их железными героями и кровопролитными сражениями меркнет «изящная литература» с печальными, болезненными юношами и соблазнительными красавицами».

После того как на страницах китайского издания «Сорок первого» состоялась встреча советского писателя с китайскими читателями, Борис Лавренев получил немало взволнованных писем от китайских читателей. В своих письмах, вспоминал Борис Лавренев, они выражали автору признательность за этот небольшой рассказ¹⁹. Они писали, что «Сорок первый» помог им в борьбе, рассказывали о том, как в неизменно тяжелых условиях партизанской войны, в глухих районах опорных баз революции им приходилось читать его рассказ. В типографии одной из таких баз «Сорок первый» был выпущен в виде небольшой брошюры. Было это в тот период войны, когда части революционных войск попали в окружение в районе Тайханшаньских гор. Здесь полкустарным способом рассказ был отпечатан, причем из-за недостатка бумаги его набирали самым мелким шрифтом, о качестве же бумаги не приходится говорить.

Но не в этом было тогда главное. В те боевые дни рассказ Лавренева был не просто художественным произведением, но и учебником, руководством к борьбе. Вырвавшиеся из окружения товарищи, рассказывает Цао Цзинхуа, подарили ему несколько отпечатанных в партизанском отряде экземпляров «Сорок первого». Они говорили, что в самые напряженные минуты, когда решался вопрос жизни и смерти, боец мог бросить все, что было при нем, мог расстаться с самыми дорогими для него вещами, но только не с книгой и винтовкой. Даже находясь на волосок от смерти, истекая кровью, пробиваясь сквозь вражеское окружение, боец выносил их с собой или умирал, не расставаясь с ними до последнего вздоха.

Популярность рассказа Лавренева была настолько велика, что он был инсценирован и поставлен в театре, его печатали в газетах в виде серии рисунков с короткими подписями. Борис Лавренев мог вполне гордиться и радоваться, что его книга нашла столько друзей в далеком Китае, была их спутником и другом. В одном из своих писем он с гордостью написал Цао Цзинхуа, что на Западе и на Востоке его «Сорок первый» совершает триумфальное шествие²⁰.

Тридцать лет дружбы связывали советского писателя Бориса Лавренева и китайского переводчика Цао Цзинхуа. Тридцать лет почти непрерывной переписки по поводу издания книг, обмен творческими планами, мнениями по литературным вопросам.

И вот — последнее письмо Б. Лавренева в Китай. Он писал его, будучи уже тяжело больным. Но как ему ни было трудно, он не хотел обидеть друга и промолчать, не поблагодарить за память, за внимание. Оригинал письма хранится в Пекине в личном архиве Цао Цзинхуа. На письме дата: Москва, 25 апреля 1958 г.

«Дорогой старый друг, Цао Цзинхуа! Большое спасибо Вам за присланные фотоснимки и афиши китайских спектаклей «Разлома». Они стали ценным вкладом в мое собрание.

Я долгое время не мог написать Вам потому, что очень тяжело болел, да и сейчас чувствую себя плохо. Вся беда в сердце. Незаметно подошла старость и своей костлявой лапой навела слои извести на сосуды. И улучшения уже не будет, возможно только ухудшение, а жить все еще хочется. Прожита ведь хорошая большая жизнь в хорошее боевое время. Все чаще вспоминаю сейчас чудесные строки Багрицкого:

Нас водила молодость
В сабельный поход.
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед!

И много бы дал за то, чтобы хоть на несколько мгновений снова увидеть то время, услышать веселый шум победоносных знамен. Но, увы, молодость не возвращается. А жизнь идет вперед, и сколько еще впереди яркого, замечательного и счастливого, но любоваться им, видимо, осталось недолго.

Очень хотелось мне побывать на Вашей родине, но, по всей вероятности, инвалиду так и придется уйти в неведомое, не выпив воды из китайских рек.

Искренне желаю Вам, дорогой друг, много сделавший для меня, познакомив Ваших читателей с моими работами, всего доброго, хорошего здоровья, успехов во всех делах и долгой жизни.

Крепко жму Вам руку горячим товарищеским пожатием друга...»

В предисловии к первому китайскому изданию своего рассказа Б. Лавренев написал такие слова о значении литературных связей: «Литература — первый цветок на дереве дружбы». И дальше: «Мы, советские писатели, отдаленные десятками тысяч километров, протягиваем братскую руку дружбы вам, нашим далеким друзьям и читателям, надеясь, что эта дружба в будущем станет прочной и вечной».

Прошло тридцать лет. И вот в написанном Борисом Лавреным незадолго до смерти предисловии к новому китайскому изданию «Сорок первого» мы читаем: «Сколько событий произошло за эти годы, как сильно изменилась судьба наших стран: дружеские связи Советского Союза и Китая перестали уже быть делом отдельных людей, они стали делом миллионов»²¹.

Винтовка и книга

У современного китайского художника-гравера Ван Ци, темпераментного мастера, есть одна совсем небольшая работа, пожалуй, даже вернее назвать ее эскизом или заставкой. Выполнена она почти плакатно. И, может быть, именно поэтому не очень приметное на первый взгляд творение художника так запоминается. Ван Ци изобразил винтовки, составленные в козлы, а между ними — раскрытую книгу.

Винтовка и книга!

Так же как бойцы подпольного фронта, воины, сражавшиеся с винтовкой в руках за новый Китай, знали и ценили пламенное слово, ощущали вдохновляющую силу советской литературы. Она была для них не только источником мужества, но подчас и учебником боевых действий.

Широко известен факт из истории народной войны в Китае, когда бойцам вместо инструкции по ведению боя в городских условиях раздавали страницы повести Константина Симонова «Дни и ночи». Книга Александра Бека «Волоколамское шоссе», в китайском переводе названная «Страх и бесстрашие», была хорошо известна бойцам Народно-освободительной армии. Глубина мысли этой книги, ее доходчивость, острота слова вызвали огромный интерес у китайских читателей. Книгу эту был обязан прочитать каждый, начиная от верховного командования до младших командиров. Ее считали не только прекрасным литературным произведением, но и ценным военным пособием. Во фронтовых газетах «Народный солдат», «Солдаты — дети народа», «Боевой товарищ» и других специально публиковались статьи, призывающие тщательно изучать книгу А. Бека.

Молодой боец Чжоу Даюн — герой романа Ду Пэнчэна «Битва за Яньань» — записал в своем дневнике мысли о «Волоколамском шоссе», книге, которую ему приходилось читать отрывками во время передышек между боями. Запись об этой книге он сделал рядом со словами: «Идти! Бить! В этом сегодня вся жизнь, вся без остатка».

Все эти факты относятся к более позднему времени. Ну, а раньше? В те годы, когда освобожденные районы только-только возникали и приходилось неустанно отбивать атаки наседавшего противника, разве в то время было до издания книг? Тогда не только книгу, газету можно было добыть часто лишь дорогой ценой. Из центра в освобожденные районы нелегко было доставлять прессу, а свои газеты выходили еще не везде, бойцы иногда месяцами их не получали. И нередко приходилось решаться на боевую операцию, чтобы добыть свежий номер. А что же говорить о книгах? «Они были еще более редкими гостями для солдат китайской революции. И все-таки они были», — говорил Жоу Ши, друг Лу Синя, писатель-коммунист, расстрелянный гоминьдановцами в 1931 г. Их печатали в походных типографиях, в пещерах Яньани, в горах Тайханшань. Их распространяли в списках, тщательно и аккуратно переписывая иероглиф за иероглифом.

строку за строкой. Дальше книги продолжали свою жизнь в рукописном виде, переходили из рук в руки: раненый передавал книгу тем, кто оставался в строю, она была достоянием всей солдатской семьи.

Писатель Чжоу Либо вспоминает: «Нередко приходилось, прорываясь сквозь окружение врага, оставлять снаряжение. Некоторые товарищи расставались даже с лишней одеждой и письмами родных, но сохраняли советскую литературу, рассматривая ее как оружие».

В солдатском вещмешке всегда находилось место для «Железного потока», «Разгрома», «Дней и ночей», «Волоколамского шоссе». Эти книги были верными друзьями китайских бойцов.

Когда строители нового Китая решили пройти по нехоженным тропам Циньлинских гор, пробиться сквозь скалы и бурные реки, чтобы проложить через горы стальной путь, среди первых, кто пришел на стройку, был Янь И — в прошлом боец, а затем строитель, поэт. Его биография, пройденный им путь — это биография страны, ее путь. Воевал на фронтах Китая, сражался в рядах бойцов Народно-освободительной армии. Потом, сменив гимнастерку на спецовку, встал в ряды строителей. Он шел вместе с ними через горы и реки нехоженными, неизведанными путями-дорогами. Романтика трудовых будней, полная героизма, пробудила его поэтическое воображение. Так на стройку пришел свой поэт, ставший ее певцом.

Однажды ночью у костра Янь И читал свои стихи о стройке, о своих товарищах, об их жизни. Кто-то спросил: «Скажи, Янь И, как ты стал поэтом?» В ту ночь Янь И рассказал товарищам об одном случае из своей жизни, которому, по его словам, он и был обязан тем, что начал писать стихи.

«Далеко не все, что происходит в жизни человека, остается в его памяти, но есть события, которые никогда не забываются», — начал Янь И свой рассказ.

Это случилось зимой 1945 г. Только что кончился бой за небольшой городок провинции Шаньдун. Враг отступил, потеряв много солдат убитыми и пленными. Усталость, о которой бойцы не думали во время боя, теперь давала себя знать. Казалось, они могли бы тогда проспать несколько суток подряд.

«Медленно шли мы по направлению к небольшой деревушке вблизи города. Вдруг Лю, командир нашей роты, вытащил из кармана небольшую книжечку: «Янь И, вот тебе еще подарок!» Товарищи мои знали, что я, с тех пор как выучился грамоте, не выпускаю книгу из рук. Но в то время я был так утомлен, что, даже не посмотрев на заголовок, сунул книгу в вещмешок.

Только на следующий день, раскрыв книгу, я увидел, что на обложке ее крупными иероглифами выведено: «За правду!» Передо мной был переписанный от руки сборник стихов советского поэта Янки Купалы. Фамилии переводчика я не нашел.

Так произошла первая встреча китайского солдата, будущего поэта Янь И с советской поэзией.

«Перелистав страницы, я невольно подумал о прежнем владельце книжки, — продолжал Янь И. — Мы занимали позиции 58-го полка. Может быть, тот, кто читал эти стихи, погиб в бою — ведь на обложке кровь! Сколько я ни листал страницы — подписи владельца книги мне найти не удалось. Расспросы товарищей ни к чему не привели, все было безрезультатно. С тех пор этот подарок неизвестного друга хранился у меня.

Стихи Янки Купалы крепко запали мне в душу. В свободные минуты я доставал книгу и читал ее сам или вслух товарищам...

Это было время, когда только что кончилась карательная экспедиция японцев. Наша часть была недавно сформирована. Большинство бойцов — молодые крестьянские парни с не очень высоким классовым сознанием. Стихи Янки Купалы как нельзя более пришлись им по душе — они будили классовые чувства и мечты о лучшем будущем. Я помню, что самыми любимыми нашими стихотворениями были: «Мужик», «Вот тут и живи...», «За правду!», «Будь смелым».

Чтение стихов вошло у нас в привычку. Помню, как-то собрались бойцы на собрание, а политрука еще не было. Я уже собирался запеть песню, как вдруг начальник взвода связи предложил: «Товарищ Янь И, а ну-ка, почитай нам из своей книжечки!»

Нету хлеба, нету соли,—
Ни клочка земли;
Нету счастья, нету доли,—
Вот тут и живи!

...Я читал о горькой доле белорусского крестьянина и видел, как суровые лица бойцов вспыхивают гневом. «Нет, мы не можем так жить дальше!..»

Как-то мы сидели в траншеях и ждали сигнала к наступлению. Вместе с командиром я отправился по окопам. Повсюду меня просили прочитать любимые стихи.

Будь смелым!.. Не доли ярмо разбивай!

Вперед выходи и других поднимай!

...Прозвучал сигнал: в атаку! Бойцы со штыками наперевес бросились вперед. Я бежал вместе со всеми. Раздался оглушительный треск. Очнулся я на носилках и понял, что ранен...

К сожалению, любимой книжки у меня в кармане не оказалось. Может быть, я потерял ее во время атаки, а может быть, она выпала, когда меня несли санитары. Кто знает — поднял ли ее кто-нибудь из бойцов или она так и осталась лежать на поле боя засыпанная землей? Но, как бы то ни было, стихи Янки Купалы навсегда останутся в моем сердце и в сердцах всех, кто слушал их тогда. Они были с нами в бою, в самые трудные дни нашей жизни»²².

Магическое свойство

В новогодней телеграмме, посланной как-то в Китай, Михаил Шолохов, горячо поздравляя и сердечно обнимая своих китайских читателей, очень сожалел, что «человеческие руки коротки, а то бы обнял всех китайских друзей...».

Писателю, чьи книги читают и любят в разных странах, это может оказаться под силу. Его слово согревает сердца миллионов. Книги Михаила Шолохова обладают таким магическим свойством.

Те, кому приходилось читать роман китайского писателя Чжоу Либо «Ураган», не могли не заметить, что манера письма автора во многом близка Шолохову. Шолоховские мотивы звучат и в романе Оуян Шаня «Слуга народа», и в других произведениях китайских писателей. Едва ли стоит говорить, что это не подражание, тем более не калька. Слишком различна творческая манера авторов этих книг, слишком самобытен уклад жизни, о которой они рассказывают, нравы, обычаи, характеры. И все же, читая «Ураган», подчас угадываешь шолоховские интонации, иногда как бы слышатся отдаленно голоса его героев.

Еще Лу Синь предсказывал, что шолоховское творчество окажет влияние на художников слова многих стран. Более полувека назад, когда был переведен на китайский язык первый том «Тихого Дона», Лу Синь, редактировавший это издание, в своем небольшом послесловии заметил, что эта книга откроет в Китае новых писателей. И Лу Синь оказался прав.

Один из таких писателей — Чжоу Либо. Первой его крупной литературной работой, оказавшей заметное влияние на все последующее творчество писателя, был перевод на китайский язык «Поднятой целины».

Не все в переводе тогда одинаково удалось, но в то время это был единственный китайский перевод, и свою службу он сослужил.

«Именно советскую литературу избрали мы нашим учителем,— писал Чжоу Либо.— Наши писатели нашли в ней самый прогрессивный, творческий метод, который учит глубокой идейности, тесной связи с народом, правдивому изображению жизни и борьбы».

Роман М. Шолохова, несомненно, подсказал китайскому писателю замысел его собственного произведения. «Поднятая целина» была опубликована в Китае в апреле 1946 г. А книга самого Чжоу Либо о том, как поднимали китайскую целину, была написана им менее чем через два года — она вышла в середине 1947 г.

«Поднятая целина» — одна из первых советских книг, отпечатанных в центре китайской революции — Яньани сразу же после того, как там появились печатные машины. Но мне хочется рассказать о другом издании этой книги и о той роли, которую она сыграла в Китае позднее, в период проведения аграрной реформы. Речь пойдет о популярном сокращенном издании романа «Поднятая целина», осуществленном в апреле 1948 г. харбинским издательством «Гуанхуа шудянь». Это небольшого формата брошюра. Если в китайском издании полного текста «Поднятой целины» около трехсот тысяч иероглифов, то в этой книжечке их раза в три-четыре меньше. Тираж был тоже небольшим — всего три тысячи экземпляров. Книга была издана специально для агитаторов, направленных партией в деревню для проведения аграрной реформы

на территории освобожденных районов. И чтобы «Поднятую целину» узнали как можно больше людей, чтобы она была доступна даже малограмотным, ее и издали в сокращенном изложении. Автор изложения специально отмечает этот момент в своем послесловии. Во время когда произведений китайских писателей на эту тему было еще мало, он верил: книга такого мастера, как М. Шолохов, принесет несомненную пользу. Харбинскому изданию предпослана статья «Почему мы рекомендуем это произведение». В конце книги дается очерк «Рост колхозного движения в СССР»²³.

Во вступительной статье, открывающей книгу, мы и находим подробный рассказ о том, как появилось это издание шолоховского романа. В ней говорилось, что вот уже два года (т. е. с 1946 г.) в освобожденных районах Северо-Восточного Китая проводится аграрная реформа, рушатся вековые устои феодализма, движение развивается все шире, идет вглубь, охватывая все большие и большие районы и массы крестьян. В ходе этой работы особую пропагандистскую и воспитательную роль должны играть не только доклады и речи, выступления и статьи, но также и произведения художественной литературы: романы, рассказы, пьесы. Нелегко быстро и своевременно отражать события, которые происходят на селе. Как же следовало поступить в таком случае? — спрашивает автор статьи. И тогда решено было обратиться к роману М. Шолохова.

Может показаться странным: ведь у Шолохова описаны события периода создания колхозов. Чем же его книга могла помочь китайским товарищам, целью которых в тот момент была лишь аграрная реформа? Автор статьи объясняет это так. Опыт коллективизации в Советском Союзе независимо от этапа заслуживает самого серьезного внимания и изучения.

Автор вступительной статьи подробно останавливается на образе Давыдова, подчеркивая, что агитаторам, направляющимся в деревню, будет очень полезно познакомиться с его стилем работы и руководства. Статья призывала китайских коммунистов быть такими же непримиримыми к врагу, укреплять народную власть в деревне, стремиться к знаниям, быть всегда впереди, как Давыдов, личным примером увлекая за собой массы.

Так в период величайших сдвигов в китайской деревне роман М. Шолохова помогал агитаторам и сельским активистам, служил пособием в изучении разностороннего и богатейшего опыта тех, кто впервые поднял знамя новой жизни над деревней. Сяо Сань пишет по этому поводу: «Не приходится говорить о том, какую пользу оказал нам в период проведения аграрной реформы и позже, во время движения за кооперирование сельского хозяйства, роман М. Шолохова «Поднятая целина».

В то время в деревню шли тысячи китайских пропагандистов, агитаторов, партийных работников. И как знать, может быть, именно это издание шолоховского романа, о котором только что говорилось, держал в руках Фэн Цзяньнань — партийный работник из Чжанцзякоу, посланный в деревню, чтобы, как и герой Шолохова, питерский слесарь Давыдов, делать трудное, но необходимое народу дело — создавать новую жизнь на селе. Этими словами Фэн Цзяньнань и начал свое письмо к Михаилу Александровичу Шолохову.

«У меня в руках первый том «Поднятой целины» на китайском языке. Чтобы было легче в дороге, я взял с собой только те книги, которые считал совершенно необходимыми. И первой среди них была «Поднятая целина»... В этом письме мне особенно хотелось остановиться на том, какую огромную помощь оказал мне Ваш Давыдов — один из наших любимых образов коммунистов в литературе. Мы восхищаемся его твердостью и решимостью выполнить задание партии, его умением близко сойтись с простыми людьми, понять душу народа... Многие его слова кажутся мне обращенными не только к крестьянам деревни Гремячий Лог, а непосредственно к нам, китайским крестьянам и сельским коммунистам...»²⁴

Фэн Цзяньнань говорил только о первом томе «Поднятой целины». Из второго тома ему удалось прочитать лишь несколько глав и отрывков. «Я мечтаю о том, что в ближайшее время смогу прочитать второй том полностью».

Мечтали об этом и те юноши и девушки, которые собрались к кануну 1960 г. в Коммунистической аудитории МГУ. Предстояло знаменательное событие — встреча с Шолоховым, на которой он должен был впервые ознакомить слушателей с только что завершенной им последней главой «Поднятой целины».

«Задолго до назначенного часа громадная Коммунистическая аудитория была запол-

нена до краев,— рассказывает об этой встрече один из очевидцев.— Даже заядлые курильщики терпеливо сидели на своих местах: пробиться к выходу было трудно...

Появился Шолохов. Он не произносил ни речей, ни вступительных слов. Просто открыл рукопись и негромко начал читать заключительную главу романа... Мы, затаив дыхание, следили за судьбами дорогих нам еще со школьных лет героев.

Если можно так сказать, мы заглянули в будущее: ведь мы услышали из уст самого автора последние слова книги, окончания которой все ждали с таким нетерпением».

Вместе с Фэн Цзяньнанем и тысячами других китайских читателей ждала этого и студентка Шэнь Нин. Ей посчастливилось быть в МГУ на этой встрече с писателем. Уходила Шэнь Нин с этого вечера, унося с собой драгоценный подарок — книгу Михаила Шолохова с надписью автора: «Дорогой студентке из братского Китая на память».

Осуществилось и желание Фэн Цзяньнана, и он тоже прочитал шолоховскую эпопею до конца — вскоре в переводе на китайский язык вышли оба тома «Поднятой целины».

¹ Лу Синь. Дневники, т. 2. Пекин, 1958, с. 780.

² Там же, с. 871.

³ Там же, с. 913.

⁴ См. там же, с. 789.

⁵ Воспоминания о Серафимовиче. Сталинградское книжное издательство, 1959, с. 183.

⁶ Благодарю советскую литературу за помощь. Пекин, 1958, с. 39 (на кит. яз.).

⁷ Воспоминания о Серафимовиче, с. 175.

⁸ Там же, с. 41.

⁹ «Литературная газета», 12.IX.1959.

¹⁰ Подробнее см.: В. В. Петров. Советская литература в Китае в 1928—1930 гг.— В сб.: Литература стран зарубежного Востока и советская литература. М., 1977.

¹¹ Цюй Цюбо. Очерки и статьи. М., 1959, с. 156.

¹² Там же, с. 159—160.

¹³ А. А. Фадеев. О Лу Сине.— «Литературная газета», 29.X.1949.

¹⁴ Лу Синь. Собр. соч., т. 2. М., 1955, с. 100.

¹⁵ «Иностранная литература», 1984, № 3, с. 23.

¹⁶ Подробнее см.: А. И. Мамонов. Пушкин в Японии. М., 1984, с. 168—171.

¹⁷ См.: «Жэньминь жибао», 8.VI.1959.

¹⁸ См.: «Новый мир», 1929, № 11, с. 255.

¹⁹ См.: Б. Лавренев. Сорок первый. Пекин, 1958, с. 1 (на кит. яз.).

²⁰ См.: «Литературная газета», 12.IX.1959.

²¹ Б. Лавренев. Указ. соч., с. 2.

²² Благодарю советскую литературу за помощь, с. 85—91.

²³ См.: М. Шолохов. Поднятая целина. Пересказал Мэн Фань. Харбин, 1948 (на кит. яз.).

²⁴ Благодарю советскую литературу за помощь, с. 92—99.

Война сопротивления японской агрессии

Сегодня, когда исполнилось 50 лет с начала национально-освободительной войны китайского народа против японской агрессии (1937—1945), отмечая мужество и самоотверженность китайского народа в войне сопротивления Японии, мы предлагаем еще один раздел из воспоминаний маршала Пэн Дэхуая, красноречиво описывающего события тех героических лет.

Крупнейшая в антияпонской войне операция 8-й армии, названная «битвой ста полков», относится к наиболее значительным сражениям того периода. Об этой битве у нас и за рубежом написано много¹. Оценки ее были в КНР неоднозначны — от признания ее роли в изданиях 50-х гг. до официальных заявлений в ходе «культурной революции» о том, что Пэн Дэхуай без ведома Мао Цзэдуна «самочинно развязав «битву ста полков», тем самым поддержал Чан Кайши и оказал помощь гоминьдану, а росту опорных баз КПК в Северном Китае и ее армии был нанесен серьезный ущерб»². Чэнь Бода заявлял в те годы, что «битва ста полков» никоим образом не отвечала стратегическому плану и оперативному курсу председателя Мао, что упорные и лихие бои причинили значительные потери нашим войскам, что «битва ста полков» преждевременно раскрыла силы КПК, побудив японских захватчиков усилить оперативные направления против коммунистов (75 % своих вооруженных сил, вторгшихся в Китай, они бросили против опорных баз КПК, применяя тактику «окружения железными стенами», «политику трех дочиста», «тактику обгрызания», карательные походы). «Битва ста полков» дала возможность Чан Кайши быть еще пассивнее в сопротивлении японским захватчикам и активнее бороться с коммунистами»³. Тогда же в причастности к «битве ста полков» обвинили Чжу Дэ и Дэн Сяопина⁴.

Лишь на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), на котором был реабилитирован Пэн Дэхуай, была реабилитирована и «битва ста полков». «8-я полевая армия, взяв на себя миссию защиты страны и народа, развернула «битву ста полков» с целью защиты 200-миллионного населения, оказавшегося в глубоком тылу врага,— говорилось в статье «Восстановить историческую правду о «битве ста полков»». — Одновременно она защищала и режим Чан Кайши, но разве это позволяет говорить об ошибке правооппортунистического толка?»⁵

По свидетельству Чэнь И, решение о «битве ста полков» было принято ЦК КПК. Целью его было «укрепить веру всей страны в окончательную победу и приостановить мутную волну капитулянтства». План операции был составлен за месяц до ее начала под непосредственным руководством Чжу Дэ и Пэн Дэхуая. По данным Главного политического управления 8-й армии, в операции «участвовало 115 полков 8-й армии общей численностью 400 тыс. человек совместно с многочисленными отрядами народного ополчения»⁶. Среди них были 46 полков пограничного района Шаньси — Чахар — Хэбэй во главе с заместителем командира 115-й дивизии Не Жунчжэнем, 47 полков района Шаньси — Хэбэй — Шаньдун — Хэнань во главе с командиром 129-й дивизии Лю Бочэном, 22 полка пограничного района Шаньси — Суйюань во главе с командиром 220-й дивизии Хэ Луном. «Битва ста полков» имела целью внезапным одновременным ударом по гарнизонам противника дезорганизовать его тылы, связь, разрушить шоссейные и железные дороги, уничтожить отдельные гарнизоны, рас-

* Продолжение. Начало см.: «Проблемы Дальнего Востока», 1987, № 4. Примечания китайской редакции.

ширить территорию партизанских баз. Операция, продолжавшаяся более трех месяцев, прошла три этапа: первый — 20 августа — 10 сентября; второй — с 20 сентября до первой декады октября; третий — 6 октября — 5 декабря 1940 г. В целом за три с половиной месяца «битвы ста полков» части 8-й армии провели 1824 боя, в результате которых было убито и ранено свыше 20 600 японских солдат и офицеров; более 25 тыс. военнослужащих марионеточных войск, 47 японских солдат и 1845 солдат марионеточных войск перешли на сторону 8-й армии. Было уничтожено около 3 тыс. укрепленных пунктов противника, захвачено свыше 5400 винтовок, более 200 пулеметов и другое вооружение. Было разрушено около 500 км железнодорожных путей и 1,5 тыс. км шоссейных дорог, свыше 260 мостов, тоннелей и железнодорожных станций. В этой операции части 8-й армии установили постоянный контроль над 26 уездами, население освобожденной территории превысило 5 млн. человек⁷. Потери 8-й армии составили около 22 тыс. убитыми, ранеными и отравленными газами⁸.

Отмечая 50-летие начала национально-освободительной войны китайского народа против японской агрессии, хочется напомнить те цели, которые ставило японское командование, развязав 7 июля 1937 г. полномасштабные военные действия против Китая.

6 июня 1937 г. начальник штаба Квантунской армии генерал Кодзио, через месяц развязавший «инцидент на мосту Лугоуцяо», довольно откровенно докладывал в Токио: «Оценивая нынешнее положение в Китае с точки зрения подготовки военных действий против Советской России, я убежден, что мы должны первыми нанести удар по Нанкинскому правительству, чтобы избавиться от угрозы нашему тылу». И не случайно, что за наступлением в районе Лугоуцяо последовали события у озера Хасан в 1938 г. и на реке Халхин-Гол в 1939 г.

В эти годы большую роль играла разносторонняя военная и дипломатическая помощь, оказываемая Китаю Советским Союзом. С октября 1937 г. до середины 1941 г. китайский фронт борьбы с японским агрессором получил из СССР большое количество оружия, военного снаряжения, в том числе более тысячи самолетов, около ста танков, 1600 орудий разного калибра, а также пулеметы, винтовки, снаряды, автомашины, тягачи, запчасти. Помощь СССР в целом укрепляла Китай, предотвращала опасность капитуляции перед японскими захватчиками.

В. Н. УСОВ,

кандидат исторических наук

Красная Армия реорганизована в 8-ю армию

После инцидента у Лугоуцяо⁹ китайская рабоче-крестьянская Красная Армия была реорганизована в 8-ю армию в составе национально-революционной армии. Был создан главный штаб 8-й армии с командующим Чжу Дэ, я стал заместителем командующего, Жэнь Биши — начальником политотдела, Цзо Цюань — заместителем начальника политотдела. В партии были организованы подкомиссии военного совета. Чжу Дэ стал секретарем подкомиссии Северного Китая¹⁰. Жэнь Биши по совместительству исполнял обязанности начальника секретариата, постоянный комитет был организован из нас троих. Все командиры и политкомиссары дивизий, а также Цзо Цюань, по-моему, являлись членами подкомиссии военного совета (сейчас я точно не помню). В то время основные силы Красной Армии составляли 32 тыс. человек. Мы сформировали из 4 тыс. человек бригаду, несшую охранные функции в Северной Шэньси вместе с небольшим полком, охранявшим пограничный район Шэньси — Ганьсу — Нинся. 1-й фронт в составе 14 тыс. человек был преобразован в 115-ю дивизию под командованием Линь Бяо, 2-й фронт в составе 6 тыс. человек — в 120-ю дивизию, ее командиром стал Хэ Лун; 4-й фронт в составе 8 тыс. человек был преобразован в 129-ю дивизию под командованием Лю Бочэна.

Штаб фронта созвал в городке Юньяне первое совещание кадровых работников на уровне полка и выше для обсуждения линии, принятой на совещании ЦК КПК в Лочуани¹¹, и выступления председателя Мао. Я выступил в Юньяне по вопросам единого национального антияпонского фронта. После реорганизации, подчеркнул я, мы должны

особенно серьезно бороться с военщиной, бюрократизмом и не отрываться от масс. Я говорил о необходимости четырех гарантий: абсолютного руководства 8-й армией со стороны КПК, абсолютного преобладания в армии солдат рабоче-крестьянского происхождения, продолжения наших замечательных традиций политической работы, решительной поддержки нашей системы политучебы. На совещании также выступили товарищ Жэнь Биши и ответственные товарищи от всех дивизий.

В сентябре товарищ Чжоу Эньлай попросил меня сопровождать его в Тайюань для встречи с Янь Сишанем¹². По дороге до нас дошли толки, показавшие, как все, особенно в Тайюани, надеялись на скорое вступление Красной Армии в войну против Японии. Народ верил, что КПК и Красная Армия будут сотрудничать в этой войне со всеми антияпонскими силами.

Чтобы укрыться от бомбардировок японской авиации, Янь Сишань расположился в деревушке уезда Госянь, что севернее Тайюани. После переговоров с ним Чжоу Эньлай пригласил меня поехать с ним под Датун для встречи с Фу Цзон¹³. В то время японские войска только вышли из города Чжанцзякоу и двигались к Датуну. Когда мы прибыли в Датун, японская армия уже захватила Тяньчжэнь и Янтао. Войска Фу Цзон поспешно отступали. На второй день мы вернулись в Госянь, где условились снова встретиться с Янь Сишанем и обсудить наши предложения относительно обороны Шэньси, создания долговременных оборонительных сооружений в Яньмэньгуане, Жуюекоу, Пинсингуане и Нянцзыгуане, а также вопросы обороны Пинсингуаня и Яньмэньгуаня (этого требовал Ян Сишань).

Покинув штаб в Северной Шэньси, я стал обдумывать, как 8-й армии одержать первую победу в войне сопротивления японской агрессии. Она была очень нужна, чтобы поднять авторитет КПК и 8-й армии, помочь рассеять ежедневную боязнь прихода японцев, поднять боевой дух всех войск в антияпонской войне, развернуть движение масс. В уезде Госянь, когда Янь Сишань обсуждал с нами вопросы защиты Пинсингуани армией Ван Цзинго, Жуюекоу — армией Чэнь Чжанцзе и Яньмэньгуани — еще одной армией, я сказал: «Вы защищаете Пинсингуань с фронта, наша же 115-я дивизия выйдет из Утая, Линцю и района Вэйсянь, скрытно сосредоточится с двух сторон дороги, по которой будет наступать противник. Когда наступление начнется, мы вместе атакуем его с флангов и тыла. Наша 120-я дивизия организует засаду на северо-западе Шаньси, дождется, когда противник начнет наступление на Яньмэньгуань, и также атакует его с флангов». Янь был вполне удовлетворен моим планом.

Вскоре в районе Пинсингуани бригада моей 115-й дивизии напала из засады на сводный японский отряд (около полка) дивизии Итагака и уничтожила большую его часть. Мы одержали первую победу. Это было и первым поражением японской армии после «инцидента 7 июля» 1937 г.

Воодушевленный победой под Пинсингуанью, Вэй Лихуан¹⁴, возглавив около пяти соединений, стал закрепляться в районе Синькоу. Японская армия после задержки у Пинсингуаня и Яньмэньгуаня возобновила движение в направлении города Тайюань. Под Синькоу она встретила довольно решительное сопротивление гоминьдановских войск. А тем временем полк Чэнь Силяня и Се Фучжи нашей 129-й дивизии ночью, воспользовавшись темнотой, атаковал аэродром противника в Янминбао. Было сожжено более 20 японских самолетов, уничтожено около батальона из гарнизона противника. Этот успех значительно поднял боевой дух частей Вэй Лихуана под Синькоу. Две военные победы сыграли немалую мобилизующую роль для народных масс Северного Китая, авторитет 8-й армии рос день ото дня, росло и число желающих вступить в нашу армию.

Товарищ Чжоу Эньлай вновь попросил меня сопровождать его в город Баодин для встречи с Чэн Цянем¹⁵. По пути в главный штаб мы проехали городок Синькоу, где еще шли бои. Обороняющиеся не сдавались. Они стояли насмерть на своих позициях, но не решились собрать силы для атаки там, где противник слабее, и тем более не думали ударить по нему с флангов и тыла. Войска Вэй Лихуана придерживались жесткой догмы: нельзя сражаться без огневого прикрытия, даже когда атакуешь с фланга или тыла. Когда мы прошли Шицзячжуан по дороге в город Тайюань, товарищ Чжоу Эньлай пригласил меня поехать в Нянцзыгуань и встретиться с Хуан Шаохуном¹⁶.

В то время я как представитель 8-й армии много ездил для связи и занимался формированием единого антияпонского фронта.

Относительно инструкции подкомиссии военного совета

8 октября 1937 г. подкомиссия военного совета в Северном Китае издала директиву, родиншуюся под влиянием победы, одержанной 115-й дивизией 8-й армии, когда наши войска уничтожили часть японской дивизии Итагаки. В директиве город Тайюань значился как оплот антияпонской борьбы в Северном Китае. В действительности же Тайюань вскоре пал.

Совершенно очевидно, что директива нереально оценивала подготовленность Японии к агрессии против Китая во всех областях (в политической, экономической и особенно военной). В то же время она переоценила силы гоминьдановских войск и их прогрессивный характер. Все это расслабляюще действовало на проведение политики опоры на собственные силы, на мобилизацию масс, на организацию партизанской войны и на подготовку к длительной и упорной борьбе. Расслабляюще это действовало и на меня.

В тот период товарищи из подкомиссии еще не уяснили себе, что партизанскую войну в тылу противника надо понять как стратегическую задачу. Мы еще представляли довольно туманно курс, который товарищ Мао Цзэдун выдвинул на совещании в Лочуане: «Партизанскую войну считать главным, не расслабляться и в благоприятных условиях вести маневренную войну». Мы еще не понимали, что это был курс на длительное сопротивление Японии в тылу противника. Я тоже в тот момент довольно смутно представлял, что главное, а что — второстепенное: «маневренная война» или «партизанская война». Это было причиной, почему я в одних случаях употреблял термин «маневренная партизанская война», а в других — «партизанская маневренная война».

Директива от 8 октября была написана на основе поверхностной информации и исходила из субъективных пожеланий. Поэтому она не могла выдержать проверки практикой и оказалась ошибочной. Я не присутствовал при ее разработке и обнародовании, так как сопровождал товарища Чжоу Эньлая в поездках в Баодин, Шичзячжуан и другие пункты по вопросам создания единого фронта. Прочел я ее после возвращения из резиденции Вэй Лихуана в штаб 8-й армии. Я не знал, кто ее составлял, однако после ознакомления с ней не стал возражать. И хотя взгляды, отраженные в директиве, не были моими, с некоторыми из них я был согласен. Эта директива исходила из того, что противник скоро будет побежден. Перед поездкой в Баодин я как-то беседовал с несколькими товарищами, в том числе с Чжу Дэ, Жэнь Биши, Цзо Цюанем. «Говорить, что японская императорская армия непобедима, — это миф, — заявил я. — Если бы 8-я армия постоянно имела 20 тыс. человек, вооружение и снаряжение, как у Чан Кайши, и если бы гоминьдановские войска как следует обороняли свои стратегические позиции, а наши войска вели бы маневренную войну, ловко били противника и мобилизовали массы на борьбу с японцами, то противнику было бы очень трудно войти в Шаньси». Такая склонность к недооценке противника, идея быстрой победы, видимо, имели влияние и на других товарищей. Я был одним из членов постоянного комитета подкомиссии военного совета, поэтому я тоже нес ответственность за ошибки этой директивы...

«Битва против треней»

В 1940 г. 8-я армия провела два крупных сражения в Северном Китае: одно — «битва против треней»¹⁷, другое — крупное наступление, предпринятое против японских захватчиков. Эти сражения были необходимы для продолжения антияпонской войны в Северном Китае.

Я хотел бы немного пояснить обстановку тех лет и рассказать, как все это происходило. Вначале остановлюсь на «битве против треней». Летом 1939 г., после того как японские войска приостановили стратегическое наступление по фронту, гоминьдан начал раздувать антикоммунистическую пропаганду, распространяя слухи о каком-то «беспорядке, вносимом КПК», заявляя, что «8-я армия кочует с места на место, но не

ведет сражений и отказывается слушать приказы». В июне гоминьдановцы убили, закопав живьем, товарищей из отдела связи Новой 4-й армии в Пинцзяне (провинция Хунань). Ши Юсань и Цинь Цижун в провинции Шаньдун, Чжан Иньбу, Чжу Хуайбин и Хоу Жуюн¹⁸ в провинции Хэбэй прикрывались антияпонским знаменем, не делая ни одного выстрела по японцам, однако нападали на тылы 8-й армии, убивая местных кадровых работников, которые вели борьбу против Японии. В Шаньси Янь Сишань развязал «цюлиньский инцидент»¹⁹, уничтожал антияпонски настроенных кадровых работников и коммунистов, напал на «антияпонские отряды, не боящиеся смерти».

Кровавая резня кадровых работников Новой 4-й армии в провинциях Хэнань и Хубэй была еще более серьезной. Специальный уполномоченный в Суйдэ (провинция Шэньси) Хэ Шаонань был завербован для подрывной деятельности на границе особого района Шэньси — Ганьсу — Нинся. Он организовал пост проверки в Саньюани, задерживая транспортные средства и персонал 8-й армии. Подобных инцидентов было в то время такое множество, что их трудно перечислить.

Зимой 1939 г. Чан Кайши начал первый антикоммунистический штурм, пытаясь поставить под свой контроль горный район Тайхан. Он приказал губернатору провинции Хэбэй Лю Чжунминю отнять у 8-й армии «захваченные территории». Чан Кайши назначил Чжан Иньбу командующим войсками провинции Хэбэй, специально предназначенными для внезапных нападений на тылы 8-й армии и антияпонские партизанские отряды.

Ранее, в июне, Чан Кайши обнародовал свою теорию «спасения нации окольным путем»²⁰. Во время остановок в Сиани и Лояни в ноябре, на обратном пути из Яньани в горный район Тайсин, я остро ощутил, как нагнеталась антикоммунистическая атмосфера. Я арестовал двух спецагентов на контрольном пункте у Саньюаня, когда они хотели обыскать и задержать грузовик, в котором я ехал, и отправил все машины 8-й армии, задержанные здесь. Я спросил гоминьдановцев: «Кто приказал обыскать и задержать машину заместителя командующего 18-й армейской группой — генералиссимус Чан Кайши или начальник Чэн Цянь?» Затем я передал арестованных Чэн Цяню, потребовав их наказания, и сказал ему, что «инцидент 12 апреля» в Шанхае и «инцидент 21 мая» в Чанша превратили первую великую революцию в десятилетнюю гражданскую войну против коммунистической партии и народа. «А в результате, — заявил я, — Китай потерял свою восточную часть, японцы получили Ухань. Сейчас твердолобые элементы — тайные ванцинвэи — еще хуже, чем явные ванцинвэи». Я обратился к Хэ Шаонаню, который находился в кабинете Чэн Цяня, и сказал: «Ты являешься скрытым Ван Цзинвэем. Сколько ты причинил вреда в Северной Шэньси, подрывая антияпонский тыл 8-й армии!» Затем прямо сказал Чэн Цяню: «Сегодня тот, кто выступит против коммунистов и сделает первый выстрел, немедленно получит от нас ответный выстрел. Как говорят, на подарок надо ответить подарком. А затем получить от нас и третий выстрел». Чэн Цянь ответил, что не нужно стрелять третий раз. На что я сказал, что если полностью уничтожить противника, то больше не будет и трений. На прощание я сказал Хэ Шаонаню: «Вернись в Суйдэ специальным уполномоченным, народ схватит и публично осудит тебя!» Хэ Шаонань уже не вернулся в Суйдэ, который в это время стал частью пограничного района Шэньси — Ганьсу — Нинся.

Товарищ Линь Боцуй, в то время начальник канцелярии 8-й армии в Сиани, сопровождал меня, когда я ездил на встречу с Чэн Цянем. Когда мы вернулись в наше расположение, почтенный Линь спросил: «Почему ты сегодня так горячишься?» Я ответил, что если мы не будем горячиться, то не пресечем антикоммунистические атаки и не помешаем Хэ Шаонаню вернуться в Суйдэ. У Юньфу, сидевший рядом с нами, заметил, что мое волнение понятно: твердолобые в гоминьдане действительно внушают большое отвращение.

Был запущен пробный политический шар, чтобы узнать, осмелится ли Чан Кайши развязать гражданскую войну. Ведь для этого ему пришлось бы порвать с Англией и Америкой и капитулировать перед Японией, а это было не так-то просто. Мой маневр сработал. Чэн Цянь был ветераном гоминьдана, типичным представителем центристской группировки. Его реплика «не нужно стрелять третий раз» означала, что центристская группировка одобряет нашу «борьбу против трений», включая и вооруженную борьбу. Однако нам не следовало заходить слишком далеко.

Из Сиани на машине я доехал до Лояня, там встретился с Вэй Лихуаном, а

также нанес визиты нескольким демократическим деятелям, включая Ли Сицзю. В резиденции Ли я неожиданно встретил Сунь Дяньбина (командующего «новой 5-й армией»). Я изложил им обстановку, связанную с «антикоммунистическими тренингами». Ли Сицзю, беспринципный добряк, очень разволновался. Сунь Дяньбин, выходец из туфеев, повел себя коварно. «Имеются ли какие-либо способы у вашей 8-й армии справиться со всем этим?» — спросил он многозначительно, ему явно хотелось столкнуть нас с гоминьданом. «Мы нуждаемся и в твоей помощи», — ответил я. «Действуйте по принципу: не тронь меня, и я не трону вас», — заявил он. Это означало, что «новая 5-я армия» сохранит нейтралитет. Позже, когда мы разбили армию Чжу Хуайбина и преследовали остатки его разбитых войск, «новая 5-я армия» занималась муштрой, не обращая внимания на происходящее.

Я несколько раз беседовал с Вэй Лихуаном. Он говорил о перспективе возобновления гражданской войны с опасением. (Вэй в период антияпонской войны стал центристом, а в гражданскую войну был сторонником решительной борьбы с коммунистами. В период третьего «карательного похода» на Центральный советский район он командовал специальной колонной. Гоминьдан, превознося заслуги Вэя в борьбе с коммунистами, переименовал уезд Цзиньцзячжай в уезд Лихуан. Тогда его отряды наступали на советский район Хубэй — Хэнань — Аньхуэй.) Я просил Вэй Лихуана высказать мнение об антикоммунистической деятельности гоминьдана, но он уклонился от ответа, лишь призвал к взаимотерпимости ради интересов нации. «Мы терпимы, но что делать, если твердолобые элементы не проявляют терпимости! Существует опасность развязывания гражданской войны?» — прямо спросил я. «Больше не может быть гражданской войны! — воскликнул он. — Еще одна гражданская война — это конец всему».

После Сианьского инцидента, в ходе которого был арестован Чан Кайши, Вэй Лихуан считал, что борьба против коммунистов — хорошая идея, но делать этого не следует (18-я армейская группа находилась под его командованием только формально). Его заявление «еще одна гражданская война — это конец всему» выражало тогдашнее настроение всей антияпонской группировки в гоминьдане. На прощание он сказал, что я могу пообедать в штабе 10-й армии, когда переправлюсь через реку Юаньцю, и что командующий армией Чэнь Те уже послал своего человека к реке, который ждет меня там. Это был еще один жест, показавший его неприятие гражданской войны. Но когда я сел в машину, молодой офицер лет тридцати сообщил мне, что готовится нападение с трех сторон на главный штаб 8-й армии. Как видно, среди подчиненных Вэя были и те, кто симпатизировал 8-й армии. По дороге в штаб армии Чэнь Те я задавал себе вопрос, почему он пригласил меня к себе. Чэнь был родом из Лилина, его жена учительствовала в Сянтане. «Сейчас атмосфера нехорошая», — говорила мне при встрече жена Чэнь Те. — Господин Пэн, вы должны быть осторожнее во время своих поездок». Между Юаньцю и Янчэном около 30 ли тянулась узкая горная дорога среди отвесных скал и нависших утесов. Со мной были шифровальщик-радист с небольшой радиостанцией и отделение охраны, всего чуть более десятка человек. Избегая открытой дороги, пошли маленькой горной тропинкой. Вечером, когда мы расположились на ночлег, я дал телеграмму, чтобы подготовили семь бригад к «сражению против тренингов».

К моему возвращению бригады были уже готовы. Две из них, под командованием Не Жунчжэня из пограничного района Шаньси — Чахар — Хэбэй, уже прибыли в Усян. Наше контрнаступление против «антикоммунистических тренингов» началось в конце января 1940 г. Сражение длилось три дня, мы уничтожили более 10 полков, включая две дивизии из армии Чжу Хуайбина, бригаду Хоу Жуюна и колонну войск Чжан Инью. В результате этого сражения была укреплена база в горном районе Тайхан и обеспечена связь этой базы с Шаньдунем, Северной Цзянсу, Северной Аньхуэй и Хэбэйской равниной. Эта была большая победа. С тех пор пришел конец вооруженным тренингам в горном районе Тайхан, мы отразили первый антикоммунистический штурм. Это был и первый полученный нами опыт единого национального фронта. Когда гоминьдан с помощью вооруженной силы провоцировал тренинги, мы также отвечали вооруженной силой. Борясь, мы стремились к сплочению — только так можно было одержать победу. Если бы мы не отбили первого антикоммунистического штурма, то не смогли бы создать демократическую опорную базу сопротивления Японии в горном районе Тайхан и это отрицательно сказалось бы на всех анти-

японских силах Северного Китая. Если бы мы не дали решительного отпора твердолобым антикоммунистам, то не смогли бы завесовать на свою сторону центристские силы. Поэтому первое сражение «против тренний» было необходимым и правильным. Одно сплочение без борьбы не позволило бы сохранить единый фронт. Сплочение было условным, оно было направлено именно на сопротивление японской агрессии, на развитие, а не на ослабление революционных сил. Это были идеи Мао Цзэдуна, его революционная линия. Все на сопротивление Японии, всё для антияпонской борьбы! «Сражение против тренний» явило собой единство противоположностей.

Я не обращался за директивами в ЦК перед началом этого сражения. Конечно, мне следовало бы получить санкцию Центрального Комитета, а затем уже провести эту первую операцию «против тренний». Но мы в то время были в очень трудной ситуации, каждую минуту могли быть атакованы противником. У меня просто не было времени обращаться за указаниями. Уже после сражения я доложил ЦК и получил его одобрение.

Крупное сражение (также именуемое «битвой ста полков»)

В феврале 1940 г., после первой победы, одержанной над антикоммунистическим наступлением гоминьдана, японские марионетки и твердолобые элементы стали распространять провокационные слухи в различных районах Северного Китая. Основной целью этих слухов была попытка вызвать раздоры между 8-й армией и местным населением. Говорили, что «8-я армия кочует, не воюя», что она «ведет бой только с союзниками и не сражается с японской армией». Кое-кто попался на эту удочку. У этих людей стали возникать сомнения относительно 8-й армии. Гоминьдан с помощью теории «спасения нации окольным путем» подстрекал часть своих войск сдаваться японцам, переформировываться в марионеточные войска и тайком признал статус этих марионеточных войск.

К тому времени японская армия приостановила наступление на фронте, сконцентрировала живую силу на севере Китая и вела непрерывные карательные походы против опорных баз, находившихся в тылу противника. Японские и марионеточные войска, используя железнодорожные коммуникации, расширяли оккупационную зону, захватывая районы наших опорных баз. Японская военщина осуществляла многоплановую политику, сочетая прямые военные действия с политическим стимулированием капитуляции, экономической блокадой и обманом населения. После того как агрессоры стали проводить политику так называемой общественной безопасности²¹, количество марионеточных армий и организаций увеличилось, территории, захваченные противником, расширились, а наших антияпонских баз становилось все меньше и меньше; возникли трудности в снабжении наших войск провиантом. Японские войска блокировали наши базы, нарушали связь между ними. Обстановка стала особенно серьезной, когда Япония начала проводить в юго-восточной Шаньси «политику строительства тюрем для заключенных»²². Базируясь на свои опорные пункты, японские и марионеточные войска с лета 1939 г. повсюду проводили политику «трех начисто» («начисто все сжигать, всех убивать, начисто все разграбить») и причинили огромный ущерб населению. Широкие народные массы настоятельно требовали нанести по противнику и его марионеткам сокрушительный удар. Некоторые, хотя и далеко не повсюду, заколебались и капитулировали, не устояв перед угрозами противника.

С марта по июль 1940 г. большие территории, где находились стабильные антияпонские базы в Северном Китае, стали превращаться в партизанские зоны. Накануне «битвы ста полков» мы полностью удерживали в своих руках только два сельских района — Пиншунь в горном районе Тайхан и Пяньгуань на северо-западе Шаньси.

Жители, которые раньше платили налоги только одной стороне — антияпонскому правительству, сейчас вынуждены были платить налоги и другой стороне — марионеточным властям. Усиление черной опасности «Восточного Мюнхена» в Азии также оказывало влияние на население оккупированных районов, особенно на интеллигенцию. После того как японские агрессоры и их марионетки углубились в районы наших баз, повсеместно строя блокады, их живая сила рассредоточилась и создалось положение, когда тылы противника, а главное — коммуникации ока-

зались слабо защищенными. Это создало благоприятные возможности для наших боевых действий и побудило нас организовать «битву ста полков». С другой стороны, решение о начале этой битвы было принято, исходя из ошибочно определенного направления движения противника. Мы считали, что в связи с изменением общей обстановки на азиатском театре военных действий, с разрывом международной коммуникации на юго-западе Китая усилились колебания гоминьдана²³. Кроме того, японцы распространили слухи, что в августе атакуют Сиань и перережут наши коммуникации на северо-западе. В этой напряженной обстановке гоминьдан действительно заколебался и опасность его капитуляции значительно возросла. Поэтому мы сочли необходимым нанести серьезный удар по противнику. Главный штаб 8-й армии решил в первой декаде июля начать подготовку к крупной операции, а в первой декаде августа осуществить ее. Мы хотели воспользоваться тем, что высокий и густо разросшийся к этому времени гаолян создает дополнительное зеленое укрытие для войск. По первоначальному плану в операции должны были участвовать 22 полка (10 полков из пограничного района Шаньси — Чахар — Хэбэй, 8 полков 129-й и 4 — 120-й дивизии). Главный удар предполагалось нанести по дороге Чжэндин — Тайюань, затем по дороге Бэйпин — Ханькоу и по северной части дорог Датун — Пучжоу и Байгуй — Цзиньчэн. Мы планировали начать наступление на коммуникации противника, приурочив их к годовщине «событий 13 августа»²⁴. Задачи были поставлены следующие: наши отряды в горном районе Тайхан должны были разрушить железнодорожную линию между Нянцзыгуанем и Тайгу, а затем между Шинцзячжуаном и Синьсяном; в горном районе Утай — разрушить железнодорожные линии от Шинцзячжуана до Лугоуцяо, недалеко от Пекина, а затем от Нянцзыгуаня до Шинцзячжуана, а также западную и восточную части железной дороги на Ханькоу; в районе Шаньси — Суйюань — разрушить линию к северу от города Тайюань до Яньмэнгуаня; в горном районе Тайюэ — разрушить всю дорогу Байгуй — Цзинчэн. Наконец, отряды, находящиеся в районе южного и центрального Хэбэя, должны были разрушить всю линию от Шинцзячжуана до Дэчжоу. После того как было принято это решение, главный штаб 8-й армии 22 июля разослал телеграммы во все районы, а также доложил военному совету. Мы полагали, что с началом операции значительная часть японских и марионеточных войск отступит с территории наших опорных баз в окрестные районы. Поэтому мы просили другие военные районы и подрайоны заранее изготавиться, воспользоваться тем, что противник покидает районы своих инженерных сооружений, бросить все силы на его уничтожение, а также разрушить и сровнять с землей его блокгаузы, заградительные рвы и стены.

Как только наши отряды на местах получили приказ, они вышли на заранее намеченные позиции и приступили к активным действиям. В то время густой высокий гаолян, разросшийся вокруг блокгаузов японцев и их марионеток, действительно создал естественную маскировку для наших войск, дав им возможность скрытно приблизиться к противнику. Чтобы обеспечить внезапность одновременных и многочисленных ударов и еще больше поразить его, мы начали наступление на 10 дней раньше намеченных сроков, в последней декаде июля²⁵. Правда, мы не дождалась одобрения своих планов военным советом, и это было ошибкой.

После того как было начато сражение и одержаны первые успехи, многие вооруженные отряды других баз воспользовались паническим отступлением японцев и их марионеток и по своей инициативе стали преследовать и уничтожать противника. Всего в боевых действиях участвовало 104 полка, включая 22 полка, о которых говорилось выше. Поэтому мы и назвали в опубликованных военных сводках это сражение «битвой ста полков». Операции свидетельствовали о том, что вооруженные силы под руководством коммунистической партии обрели высокую политическую сознательность, развернули инициативу. В штабе японских войск в Северном Китае эта битва была названа «сражением, в котором Япония сделала харакири». Впоследствии этот день ежегодно отмечался как день памяти о «сражении с совершенным харакири».

Всего в этих боях мы уничтожили около 30 тыс. человек из японских и марионеточных войск. Намного больше было марионеточных войск, их формирований и организаций, которые распались и рассеялись. Противнику потребовалось больше месяца, чтобы восстановить сообщение по железным дорогам Чжэндин — Тайюань и Бэйпин — Ханькоу. Мы вернули себе множество городов и уездов. Но были не только плюсы, но и минусы. В ходе сражения мы вернули себе сразу 40—50 уездов, но в конце концов

смогли прочно удержать лишь 26, а остальные вынуждены были отдать. Мы удерживали 6 уездов в горном районе Тайхан (Юшэ, Усян, Личэн, Шэсянь, Линчуань и Сянюань), 3 — в горном районе Тайю (Цинъюань, Фукань и Аньцзэ), 4 — в горном районе Утай (Фунин, Линцю, Лайюань и Хунъюань), 8 — в районе Северной Шаньси (Линьсянь, Синсянь, Кэтань, Ланьсянь, Учжай, Пинлу, Цзоюнь и Ююй), вернули себе Хэцзян и другие уезды в Центральном Хэбэе, Наньлэ, Цинфэн, Нэйхуан и др. — в районе Хэбэй — Шаньдун — Хэнань, Наньчун и др. — в южной части Хэбэя. Это показывает, какое большое поражение было нанесено японским агрессорам и их марионеткам. Мы провели нашу операцию вдоль железнодорожных коммуникаций против ослабевшей обороны противника сравнительно успешно. Это было связано с тем, что войска противника и его марионеток, углубившись в районы наших опорных баз, рассредоточились для обороны своих многочисленных блокгаузов. В этой битве мы серьезно расстроили коммуникации противника, уничтожили большое количество марионеточных войск, их формирований и организаций, разрушили много блокгаузов и укрепленных пунктов, созданных противником на территории наших опорных баз, отвоевали много уездов и городов, захватили самое большое количество трофеев с начала антияпонской войны.

Это сражение намного повысило веру народных масс Северного Китая в успех борьбы за линией фронта. Оно нанесло сильный удар по политике японских агрессоров, направленной на капитуляцию Китая, по их плану «Восточного Мюнхена». «Битва ста полков» вызвала большой патриотический подъем среди населения районов, контролируемых Чан Кайши. Это сражение нанесло еще один удар по группировке капитулянтов, повысило авторитет антияпонских отрядов, руководимых коммунистической партией, перечеркнуло клеветнические домыслы, распускаемые гоминьданом, о том, что 8-я армия «кочует, не воюя». Армия Чан Кайши получала международную помощь и имела поддержку своего тыла. 8-я армия, сражаясь в глубоком тылу противника, не имела никакой помощи и поддержки. Но ради общих интересов она смогла организовать «битву ста полков», поддержала священное дело сопротивления японской агрессии и спасения нации. Мы дали народу всей страны возможность оценить реальность и сделать выводы. В этом крупномасштабном сражении с японцами наши войска накопили значительный опыт по штурму сильно укрепленных фортификационных сооружений. Позже это помогло нам развернуть в тылу противника деятельность вооруженных рабочих отрядов. Вскоре мы также смогли организовать работу по разложению марионеточных войск и их органов власти в Северном Китае. В широких масштабах восстанавливались освобожденные районы, были облегчены страдания народа, прекращен сбор налогов для двух властей.

Когда вести об этой победе дошли до Яньани, председатель Мао сразу ответил телеграммой следующего содержания: «Битва ста полков действительно вызвала у всех радостное возбуждение, можете ли организовать еще одно-два подобных сражения?» Это показывало, что «битва ста полков» была вполне успешной.

Однако я совершил некоторые ошибки, связанные с этими событиями. Основная ошибка выражалась в том, что я неверно определил направление наступления японских войск. Первоначально противник готовился наступать на центральной равнине, с целью установления полного контроля над железными дорогами Гуанчжоу — Ханькоу и Хунань — Гуанси. По данным наших разведчиков, выходило, что японские войска атакуют Сиань, и я опасался, что после захвата Сиани будет прервана связь между ЦК (в Яньани) и районами Юго-Западного Китая. Эти опасения оказались напрасными. Я не знал, что японские фашисты намеревались пробиться на юг и захватить железную дорогу Ханькоу — Гуанчжоу, чтобы развязать войну на Тихом океане²⁶. Если бы мне был тогда известен это стратегический план противника, я мог бы подождать с началом операции месяцев шесть. Противник, захватив Чанша, Хэньян и Гуйлинь, еще более распыхал бы свои силы, и мы смогли бы добиться более внушительных результатов, значение нашего крупномасштабного сражения еще более бы возросло. Однако битву мы начали раньше, и хотя одержали победу, однако упустили время (примерно около месяца), когда японские войска пробились на юг и установили контроль над железными дорогами Ханькоу — Гуанчжоу и Хунань — Гуанси. Было в целом ослаблено давление японских войск на Чан Кайши, что дало основания говорить о помощи Чан Кайши. В связи с этой битвой японские войска

вынуждены были перебросить около дивизии из Восточного и Центрального Китая для наступления на наши опорные базы в Северном Китае, особенно в горном районе Тайхан. Противник, проводя свою политику «трех дочиста», нанес населению большой ущерб, который можно было предотвратить. Более того, мое командование в этой битве было недостаточно продуманным, особенно на последнем этапе. Сражение в горном районе Тайхан затянулось почти на месяц, наши отряды не успели отдохнуть и перегруппироваться до начала карательных операций вновь прибывших японских и марионеточных войск.

Во время этих карательных операций каждая колонна противника обычно включала усиленный японский батальон, поддерживаемый марионеточными войсками. Я всегда стремился уничтожить колонну противника целиком, чтобы в дальнейших операциях она не участвовала. Это давало нашим войскам и населению больше времени для отдыха и осуществления маневра в передышке между карательными операциями. Однако мои замыслы не всегда осуществлялись. Наши войска устали, их боевая мощь была невелика, и они не смогли выполнить тех задач, которые я ставил. В результате мы потеряли почти всю 129-ю дивизию. Однако это вовсе не означало, как ныне утверждают некоторые, что сражение «было предпринято для защиты господства Чан Кайши» и демонстрировало «стратегический курс ориентации на идеи буржуазии». В целом наша победа тогда была намного значительнее, чем наши потери.

В период «великой культурной революции» кое-кто злобно чернил «битву ста полков». Они говорили, что «инцидент в Южном Аньхуэ»²⁷ произошел потому, что наши силы были раскрыты в «битве ста полков», это вызвало наступление Чан Кайши и что за уничтожение 8—9 тыс. человек из состава Новой 4-й армии должен нести ответственность Пэн Дэхуай. Уважаемые товарищи, от лица какого класса выступают эти люди? Я очень сомневаюсь, знают ли они вообще историю. «Битва ста полков» была не до первого антикоммунистического штурма Чан Кайши, а после него. Скажите, кто организовал кровавую резню в 8-й и Новой 4-й армиях перед первым антикоммунистическим штурмом? Может быть, найдутся и такие, которые скажут, что Чан Кайши после капитуляции Японии развязал беспрецедентное наступление на народные освобожденные районы потому, что его беспокоили наши силы, обнаруженные еще в «битве ста полков»? У таких людей либо плохая память, либо они умышленно искажают историю. А кто выдал наши силы перед «инцидентом 12 апреля» 1927 г. в Шанхае и «инцидентом 21 мая» в Чанша? Разве «битва ста полков» была до «инцидента 12 апреля»? Чан Кайши 10 лет вел гражданскую войну. Разве «битва ста полков» началась до того, как он развязал ее? Ответ может быть совершенно определенный: не было тогда еще «битвы ста полков». Почему группировка Чан Кайши вела десятилетнюю гражданскую войну? Это определялось тем, что по своей сути она являлась кликой помещиков и компрадорской буржуазии. Чан Кайши представлял собой антикоммунистическую, антинародную группировку, и даже в период антияпонской войны он развязал три антикоммунистических штурма²⁸. А после окончания антияпонской войны он держал многомиллионную армию и продолжал пользоваться услугами империалистов. Почему же ему было не выступать против коммунистической партии и против народа, не атаковать освобожденные районы? Те, кто злобно клеветает на «битву ста полков», встали на сторону японского империализма и клики Чан Кайши. Извольте прочесть телеграмму, присланную мне председателем Мао! Почему же ваша точка зрения так разнится с точкой зрения председателя Мао? Забравшись на трибуну, вы кричите что есть мочи: «Долой Пэн Дэхуай!» Вы кричите: «Долой то, долой это!» А вы подумайте немного! Подумайте о себе! Вместо того чтобы нам втроем-впятером собраться в комнате и спокойно поговорить об этих вещах, вы, выступая на многочисленных митингах, распространяете эту ядовитую клевету перед десятками тысяч людей!

Я считаю, что «битва ста полков» в военном отношении была успешной. После «сражения против треней» мы тем более должны были организовать подобную антияпонскую битву, чтобы показать, что мы против треней, что мы за сопротивление японской агрессии. Только так мы могли склонить на свою сторону большее число центристских сил. Только так можно было захватить инициативу в тылу противника, где он был слаб, внезапно и энергично атаковать его, заставить отступить и очистить обширные территории опорных антияпонских баз. Это было нелегким делом — организовать такое сражение по единому плану, когда противник повсюду у

себя в тылу разместил многочисленные блокаузы. Наша победа в «битве ста полков» помогла разоблачить клеветнические измышления японских захватчиков и Чан Кайши. Победа была также необходима и для накопления революционных сил. Если бы в тот момент мы не нанесли столь нужного удара по японским захватчикам и их марионеткам, наши районы антияпонских баз могли превратиться в партизанские районы, а наши силы не смогли бы вырасти до 1 млн. человек регулярной армии и 2 млн. кадровых народных ополченцев, мы не смогли бы превратить обширные освобожденные районы в оплот народно-освободительной войны и нанести своевременный удар по вторгшейся армии Чан Кайши.

В период антияпонской борьбы народная война получила дальнейшее развитие по сравнению с периодом Красной Армии Китая. Мы стали широко применять различные формы борьбы, включая минную войну, «воробьию войну», туннельную войну. Мы стали применять всевозможные виды оружия. Мы имели различные формы вооруженных организаций. Назовем для примера обычную структуру народного ополчения, состоявшую из кадровых народных ополченцев. В деревнях у нас были небольшие группы минбинов, в районах — роты кадровых ополченцев, отдельные полки, батальоны и в уездах — отряды. После «битвы ста полков» появились вооруженные рабочие отряды. Они были организациями, соединявшими в себе партийную, административную и военную власть. Члены этих отрядов имели довольно высокий уровень политического сознания и могли самостоятельно анализировать конкретную обстановку. Они проявили удивительную гибкость в подходе к каждому объекту борьбы, повсюду отстаивали интересы народа и очень искусно сочетали легальные и нелегальные методы борьбы. Очень жаль, что этот опыт всесторонне еще не изучен и не систематизирован.

Перевод с китайского В. Н. УСОВА

¹ См.: Очерки истории Китая в новейшее время. М., 1959, с. 332; М. Ф. Юрьев. Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе китайского народа. 20—40-е годы. М., 1983, с. 199, 233—238; Новейшая история Китая. 1928—1949. М., 1984, с. 199—200; «Проблемы Дальнего Востока», 1982, № 1, с. 131—142; В. Г. Ульянов. Пэн Дэхуай и битва «ста полков» (1940). Общество и государство в Китае. М., 1986, ч. III, с. 209—216; Цзинь Гуньминь. Восстановить историческую правду о «битве ста полков». — «Ляонин дасюэ сюэбао», 1979, № 6, с. 38—44.

² «Цзефанцзюнь бао», 17.VIII.1967.

³ Сборник критических материалов о Пэн Дэхуае, изданный хунвэйбинами полка Цзинганьшань университета Цинхуа в ноябре 1967 г.

⁴ См.: «Вэйдун» (орган хунвэйбинов Нанькайского университета Тяньцзиня), № 52, IV.1967, с. 5—7.

⁵ «Ляонин дасюэ сюэбао», 1979, № 6, с. 40.

⁶ Новейшая история Китая. 1928—1949, с. 198.

⁷ См.: М. Ф. Юрьев. Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе китайского народа, с. 236; «Хуншн», 1985, № 17, с. 6.

⁸ См.: Народно-освободительная армия Китая в период войны против японских захватчиков (Боевые действия 8-й и Новой 4-й армий). М., 1957, с. 128—140.

⁹ Мост Лугоуцяо находился в 10 с лишним километрах к юго-западу от Пекина. 7 июля 1937 г. войска японских агрессоров атаковали здесь китайский гарнизон. С этого времени и началась антияпонская война, которую героически вел китайский народ в течение 8 лет. Для мобилизации всей нации на антияпонскую борьбу и окончательную победу над японским империализмом в результате политических переговоров между нашей партией и гоминьданом основные силы Красной Армии 25 августа 1937 г. были преобразованы в 8-ю армию национально-революционной армии Китая. Чжу Дэ был назначен главнокомандующим, Пэн Дэхуай — его заместителем, Е Цзяньин — начальником штаба, Цзо Цюань — его заместителем, Жэнь Биши — начальником политотдела, Дэн Сяопин — его заместителем. Красная Армия и после изменения названия оставалась народной армией, руководимой КПК.

¹⁰ Это была подкомиссия Северного Китая при военном совете ЦК КПК. Чжу Дэ был ее секретарем, Пэн Дэхуай — заместителем секретаря, членами подкомиссии были Жэнь Биши, Чжан Хао, Линь Бяо, Не Жунжэнь, Хэ Лун, Лю Бочэнь, Гуань Сянин. Подкомиссия являлась высшим военным органом партии в регионе. Создана она по решению ЦК КПК 29 августа 1937 г., вскоре после нападения агрессора на Северный Китай.

¹¹ Лочуаньское совещание (расширенное совещание Политбюро ЦК) было созвано ЦК КПК в августе 1937 г. в Лочуани, провинция Шэньси.

¹² *Янь Сишань* (1883—1960) — милитарист, длительное время контролировал провинцию Шаньси. В августе 1937 г. он был назначен командующим 2-й военной зоной, выступил за сопротивление Японии.

¹³ *Фу Цзюи* (1894—1974) — в то время командующий 7-й армейской группой гоминьдановской армии.

¹⁴ *Вэй Лихуан* (1896—1960) — в то время заместитель командующего 2-й военной зоной.

¹⁵ *Чэн Цянь* (1881—1968) — в то время начальник главного штаба военного комитета гоминьдана. Чжоу Энлай от имени ЦК КПК вел с ним переговоры о создании единого антияпонского фронта с гоминьданом.

¹⁶ *Хуан Шаохун* (1895—1966) в начальный период антияпонской войны был заместителем начальника штаба 2-й военной зоны.

¹⁷ «Трешня» в то время было распространенным словом. Оно означало все реакционные действия, которые совершал гоминьдан против КПК и других прогрессивных сил, подрывая единый национальный антияпонский фронт.

¹⁸ *Ши Юсань* в то время был командующим 39-й армейской группой гоминьдана. *Цинь Цижун* — командующим 3-й гоминьдановской партизанской колонной в провинции Шаньдун, *Чжан Иньбу* — командующим гоминьдановским «народным ополчением» провинции Хэбэй, *Хоу Жуюн* — командиром «4-й ударной партизанской колонны Северного Китая главного отряда особого назначения военного комитета гоминьдана», *Чжу Хуайбин* — командующим 99-й армией гоминьдана.

¹⁹ В марте — июне 1939 г. Янь Сишань в городке Сюлине уезда Сюаньчуань провинции Шаньси собрал совещание высших военных, провинциальных и местных чиновников провинций Шаньси и Суйюань, замышляя уничтожить «Новую армию» («молодежные отряды, не боящиеся смерти и борющиеся с врагом») и «Лигу самопожертвования во имя спасения Родины», развернуть бой против коммунистов и капитулировать перед противником.

²⁰ В период антияпонской войны гоминьдан подстрекал часть своих солдат и офицеров сдаваться японцам и становиться марионеточными солдатами и офицерами, чтобы вместе с Японией наступать на освобожденные районы. Это и называлось «спасти нацию окольным путем». Эта подлая «теория» была создана чанкайшистским гоминьданом для прикрытия своих антикоммунистических преступлений и капитулянтских настроений.

²¹ С марта 1941 г. японские агрессоры и китайские изменники в Северном Китае стали проводить так называемое движение за усиление общественной безопасности путем карательных походов против освобожденных районов, кампании «больших изобличений» в районах партизанских действий, а в районах захваченных противником, введением системы «баоцзя», используя ее для подавления антияпонских сил сопротивления.

²² «Политика стронтельства тюрем для заключенных» была элементом системы жестокого подавления японским империализмом борьбы коммунистов и антияпонских баз в тылу противника. Используя железные и шоссейные дороги, они окружали наши базы блокгаузами, заградительными рвами и стенами.

²³ Международной коммуникационной линией в Юго-Западном Китае являлась дорога Юньнань — Бирма, которая была открыта для движения в 1938 г. Она начиналась от Куньмина в Юньнани, проходила через Чусюн, Сягуань, Баошань, Луси до Вантина, соединяясь с дорогой в Бирме. В период войны с Японией эта дорога была важнейшей коммуникацией, связывавшей Китай с внешним миром. 17 июля 1940 г. Англия, подавляя давление японского империализма, заявила о закрытии сообщения по дороге Юньнань — Бирма.

²⁴ Имеются в виду события 13 августа 1937 г., когда шанхайский гарнизон отбил масштабную атаку японских захватчиков. — Прим. перев.

²⁵ «Битва ста полков» началась 12 августа.

²⁶ 7 декабря 1941 г. Япония без объявления войны совершила внезапное нападение мощными военно-воздушными и военно-морскими силами на американскую базу Пёрл-Харбор на Тихом океане, чем нанесла серьезный урон американским военно-морским силам на Тихом океане. 8 декабря США официально объявили, что они находятся в состоянии войны с Японией и Германией.

²⁷ В январе 1941 г. Новая 4-я армия в Южном Аньхуэе, получив согласие от гоминьдановских властей, двинулась на север. Однако в городке Маолинь уезда Цзинсянь провинции Аньхуэй неожиданно была предательски атакована войсками гоминьдана. 7 дней и ночей длилось кровопролитное сражение. Командующий армией Е Тин был взят в плен, более 9 тыс. бойцов и командиров, за исключением небольшого числа вырвавшихся из кольца, геройски погибли. Это сражение и получило название «инцидента в Южном Аньхуэе».

²⁸ После падения Ухуя (октябрь 1938 г.) в политике чанкайшистского гоминьдана начались изменения. Их суть сводилась к тому, что Чан Кайши стал переходить от пассивного сопротивления Японии к активной борьбе с КПК. С зимы 1939 г. по осень 1943 г. чанкайшистский гоминьдан развернул три крупномасштабных наступления на КПК.

СТРАНЫ. ОБЫЧАИ. ТРАДИЦИИ

Китай: время далекое и близкое

---

*Н. Т. ФЕДОРЕНКО,
член-корреспондент АН СССР*

Китайская каллиграфия — самобытное искусство, начало которого уходит в глубокую древность. Уникальное это искусство совершенствовалось на протяжении веков и тысячелетий. Оно всегда служило источником творческого вдохновения и эстетической радости. Эмоциональное воздействие каллиграфического искусства в Китае и Японии огромно.

— Однако у каллиграфии,— сказал Бай Лун, мыслящий масштабами культуры,— не просто древние традиции. У этого искусства есть настоящее и будущее, по крайней мере до тех пор, пока существует иероглифическая письменность.

Говорил Бай Лун негромко, но басовито.

— Рано или поздно время это должно наступить. Иероглифика во все времена китайской истории являлась серьезным препятствием для просвещения народа и научно-технического прогресса страны. Овладение ею всегда было серьезной социальной проблемой. Неграмотность в Китае на протяжении веков была едва ли не самой высокой в мире. Хотя, с другой стороны, существует опыт японского народа, который, как известно, заимствовал иероглифику у Китая, пользуется ею до сих пор и достиг огромных успехов в области современной технологии и промышленности.

— Все это, конечно, так,— продолжал Бай Лун.— Но решение иероглифической проблемы сопряжено с необычными трудностями. Помнится, мы мечтали в Яньане ликвидировать иероглифическую письменность и обещали это сделать на второй день после победы народной революции. И что же? Когда практически приступили к этой проблеме, то оказалось, что ликвидация иероглифической письменности может привести к серьезному хаосу в стране. При существовании в Китае многочисленных диалектов и местных говоров, когда, к примеру, пекинец не понимает гуанчжоусца (кантонца) и нуждается в переводчике, иероглифика в силу своей универсальности служит надежным средством языкового общения для всех китайцев. Литература и все средства массовых коммуникаций доступны в любом уголке Китая благодаря единой иероглифической письменности.

Слушая Бай Луна, человека внутренне независимого, я думал про себя о трудностях изучения китайского языка, особенно иностранцами. Всю жизнь занимаюсь китайским языком и иероглификой. Но каждая встреча с живым носителем китайского языка для меня трудный экзамен, который, как мне всегда кажется, я не смогу осилить. Ибо тебя постоянно поджидает незнакомый диалект или какое-либо головоломное сочетание иероглифических знаков в тексте. В Гуанчжоу, Гонконге или в районе Южных морей китайцы говорят на диалекте, который почти ничего общего не имеет с северным

диалектом. В лучшем случае они могут не без труда понять тебя, но договориться с ними почти невозможно. Не бойтесь окунуться в языковую стихию, как в воду, наставлял меня мой академический куратор в Институте востоковедения. Объясняйтесь только по-китайски. И я добросовестно пытался это делать. Но в первое время это вызывает только головную боль и желание вышвырнуть учебник в окно. Однако другой путь искать было невозможно. В овладении китайским языком и грамотой его нет. Каково же было мое огорчение, когда при первом столкновении с сычуаньским и гуанчжоуским произношением я столкнулся с непреодолимой китайской стеной. Диалекты эти в устах живых китайцев звучали для меня непонятным иностранным языком, хотя за плечами были уже Институт востоковедения и филологическая аспирантура. В дальнейшем я имел немало случаев убедиться в обманчивости сходства, которое заставляет невнимательный взгляд и слух путать китайца с китайцем. Не без причины в Китае сложилась поговорка: «Не страшны ни земля, ни небо, страшен лишь гуанчжоуский диалект».

Особая сложность для синоведа состоит в точном прочтении текста, главным образом древнекитайского поэтического текста. Положение намного усложняется, если это рукописный текст или стилизованный каллиграфический афоризм. Здесь уже недостаточно одного знания иероглифики. Необходимо умение разбирать скоропись, ее закономерности, графические абривации, вариационные сочетания знаков и т. п.

Не однажды приходилось мне переживать тягчайшие времена, когда текст не поддавался прочтению, расшифровке. Положение казалось безнадежным, отчаянным. Состояние такое, будто теряешь самообладание. Каково же чувство восторга, когда вдруг наступает какое-то просветление, осознание постигнутой истины, — все словно преображается.

Подолгу приходилось задерживаться у картин монохромной живописи и каллиграфических свитков не только в Китае, но и в Японии, Корее, Вьетнаме — странах иероглифического региона — в стремлении понять эстетическую их ценность и расшифровать смысл причудливой вязи иероглифов, особенно исполненных в их стилизованном виде — «травянистым почерком».

— Возникла также проблема исторического и литературного наследия. — продолжал Бай Лун. — Если декларировать отмену иероглифической письменности, то как быть со всем культурным наследием, тысячелетиями создававшимся с помощью иероглифики? Административное провозглашение отказа от традиционной письменности отрезало бы китайцев от их собственного наследия. А что такое Китай без созданной им же литературы, памятников философии, истории? Реально ли переводить все это на новую письменность? Кому под силу подобный труд?

Каллиграфическая живопись — особый вид изобразительного искусства, высоко ценимый в Китае и Японии не только людьми образованными, но и малограмотными. У этого искусства — общедоступный язык. Относительная близость иероглифики к письму-рисунку, передающему понятие через обобщенное, но часто узнаваемое изображение предмета, позволяет каллиграфу разнообразными вариациями штрихов и положением кисти добиться подлинно художественного эффекта, который даже человеку незнакомому с иероглификой дает понятный намек на существо изображаемого.

Древнейшее иероглифическое письмо фактически представляло собой пиктограммы — примитивные изображения формы или значения различных предметов. Именно их сходство с рисунками послужило рождению крылатой фразы: «У письменности и живописи общие корни». Иероглифические пиктограммы помогают нам понять, что корни прекрасного генеалогически уходят в эстетическое восприятие человеком окружающей природы в процессе его труда.

И творчество по законам прекрасного есть сущность выявления в предмете его естественных свойств.

В Китае, отмечает китайский искусствовед Хуан Мяочжи в статье «Триединство каллиграфии, поэзии и живописи», поэзия, живопись и каллиграфия не знают тех границ, которые обычно разделяют эти виды искусства. Независимо от присущих им специфических черт эти три вида искусства вдохновляются и определяются природой иероглифического выражения и с помощью одного и того же инструмента — кисти — отражают глубинную суть бытия, «жизненной силы» (*ци*), наполняющих каждую из этих форм жизнью и своеобразной гармонией. Любое из этих трех видов искусства — это искусство владения кистью. Говоря словами известного китайского писателя Хань Юя, жившего при династии Тан, «не столь важно, коротка или длинна одухотворенная речь».

Понятие «жизненная сила» является определяющим. Цель китайской эстетики в том, чтобы достичь истинной сути животворных источников гармонии жизни: искусство и искусство жизни суть равнозначны. Как в живописи, так и в поэзии каждый штрих, изображающий ветку дерева или персонаж, всегда должен быть живой формой. Именно это стремление к выявлению сути присуще каллиграфии, поэзии и живописи. Но только живопись объединила все три вида искусства. Единство живописи и поэзии проявилось на ранних этапах истории Китая. Уже на свитке «Наставления придворным дамам», автором которого считался художник Гу Кайчжи (конец IV в.), был искусно выписан текст на темы морали.

В Китае и Японии мне случалось встречаться с талантливейшими мастерами каллиграфии. Люди эти и теперь живут в моей памяти, стоят перед моими глазами, как яркие путеводные огни. В Китае это были Ю Южэнь, Ма Хэн, Вэнь Идо, Лю Яцзы, Го Можо, многие другие.

Как-то в доме Го Можо рядом с редкостной коллекцией книг и стопами рукописей в его кабинете мое внимание привлекла большая фарфоровая чашеобразная ваза. На внешней ее стороне был изображен какой-то исторический или полумифический сюжет. Ваза с очень массивными стенками и дном специально предназначалась для хранения китайских акварельных картин или каллиграфических свитков.

Заметив мое любопытство, Го Можо извлек из вазы несколько рулонов и внимательно их развернул перед моими глазами, сказав, что искусство каллиграфической живописи — одно из наиболее самобытных явлений китайской культуры. В нем, добавил он, мы видим не только графическое совершенство мастеров кисти, туши и бумаги. В нем — философские воззрения их авторов, мысли, поэтические изречения, взлеты их мечтаний, глубокие раздумья.

И вот перед нами древние и новые свитки с иероглифической вязью многообразных стилей и почерков, разных по замыслу, но неизменно динамичных и выразительных. Неповторимый характер, индивидуальность каждого мастера легко угадывались и по настроению, и по личной манере письма, и по силе штриха — то сплошного, монолитного и непроницаемого, то прерывистого, точно незаконченного, с воздушными пропусками, будто у кисти иссякла тушь.

— Досадно только выше всякой меры, — взволнованно сказал Го Можо, — что не сохранились автографы Цюй Юаня — гениального певца китайской древности, и мы лишены возможности познать еще одну сторону эстетических интересов этого человека — его образы в каллиграфии.

Цюй Юань, убежденно продолжил ученый, не мог не быть подлинным мастером в этом искусстве. История художественного развития в Китае является ярким свидетельством того, что именно такие творчески одаренные натуры,

как Цюй Юань, проявляли себя наиболее самобытными мастерами каллиграфии. Го Можо подошел к стоявшей у окна этажерке и снял с нее фарфоровую статуэтку — фигурку Цюй Юаня, недавно созданную руками китайских мастеров на юге страны, в окрестностях Гуанчжоу.

— Вспомните,— сказал он и задумчиво посмотрел на изваяние глубоко полюбившегося ему поэта,— вспомните сцену в моей исторической драме «Цюй Юань», где поэт вручает своему ученику Сун Юю каллиграфический свиток — рулон шелковой ткани с текстом «Оды мандариновому дереву», написанным красной тушью, которой в старину разрешалось пользоваться для письма только при царском дворе. Мне всегда хотелось,— тихо произнес мой собеседник,— отобразить различные грани его дарования, по возможности осветить и те стороны художественного гения, которые органически заложены в неповторимой его поэзии.

Шли часы, густые сумерки сменились непроницаемой тьмой, над древним городом воцарилось спокойствие. Даже все заглушающий хор неутомонно стрекочущих цикад заметно стих. Но мы, будто утратив ощущение времени, продолжали свое вторжение в глубины веков, перелистывая нескончаемые страницы глубокой старины и вновь возвращаясь к живой современности. Совсем незаметно перед нами образовалась целая гора просмотренных каллиграфических свитков, которые Го Можо извлекал из различных шкафов, а рядом с ними недвижно стояло фарфоровое изваяние Цюй Юаня, светящимися, будто живыми глазами взиравшего на шелковые рулоны иероглифической летописи. Позади статуэтки на гладком, полированном столе красовалась стопка с кистями, сделанная из коленца гигантского бамбука. Ее желтизна, потускневшая от времени, и необработанная первородная волоконистая фактура прекрасно сочетались с зеркальной поверхностью стола из плотного красного дерева.

Перейдя к другому столу, на котором лежала бумага, кисти и прибор для растирания туши, Го Можо на какое-то мгновение сосредоточился, затем взял крупную кисть, увлажнил ее в туши и стремительно стал наносить точные удары по лежавшей перед ним бумаге. Движения его руки были столь же быстрыми, сколь и пластичными. Лишь начиная изображать новый иероглифический знак, он буквально ударял кистью, а затем энергично, не останавливаясь и не отрывая кисти, выводил всю каллиграфическую вязь. Был в этом свой ритм, свое дыхание, музыка чувств и разума.

— Это вам на память о разговоре на тему о иероглифическом искусстве,— сказал Го Можо, не спеша опуская кисть на тушечницу.

— Благодарю за бесценный дар, но сперва хотелось бы прочесть и понять изречение.— вырвалось у меня в ответ.

На развернутой полосе белой бумаги рельефно выделялись крупные иероглифы, еще влажные от туши. «Старому дереву ветер не страшен». — прочел я вслух.

— Это значит,— добавил Го Можо,— что умудренный и испытанный в битвах человек, как и старое дерево, непреклонен, дух его негибает.

С тех давних пор бережно храню каллиграфический этот свиток в своем рабочем кабинете, как высокий образец мудрости и каллиграфического мастерства Го Можо.

Случай этот живо всплыл в памяти, когда я посетил опустевший дом поэта в Пекине и его дочь Го Пинин преподнесла мне недавно увидевший свет альбом каллиграфических надписей Го Можо. На обложке с китайскими традиционными изображениями твердой рукой сделана надпись: «Каллиграфическое наследие Го Можо», а внизу слева подпись из трех знаков — Сун Цинлин.

В альбоме — избранные работы Го Можо: афористические высказывания древних философов, цитаты из китайской классики, строки из «Книги поэзии», крылатые фразы, принадлежащие поэтам разных эпох.

Теперь и этот альбом с дарственной надписью дочери Го Можо, как бесценная для меня реликвия, занял свое место рядом с иероглифическим свитком, висящим на стене в моем доме.

В самобытной китайской иероглифической каллиграфии находят свое отображение дух времени, определенные приметы эпохи. Если для наиболее раннего периода китайской письменности характерны рисуночные штрихи иероглифических знаков, подобные «следам птичьих ног» или «головастиковым письменам», то для раннего китайского средневековья показательны работы прославленных поэтов и каллиграфов — патриарха китайской каллиграфии Ван Сичжи и его сына Ван Сяньчжи (IV в.) — с их неповторимой вязью скорописных знаков «цао цзы», или «цао шу», курсивного письма с заостренными и выпрямленными штрихами, а также четко выписанными уставными иероглифами.

О необыкновенном художественном даровании Ван Сичжи рассказывается множество историй. Однажды, повествуется в одной из них, как всегда держа в руках коробку с кистью и тушью, Ван Сичжи на улице встретил девушку в шелковом халате, сиявшем на солнце особенной белизной.

Ван Сичжи, отличавшийся феноменальной рассеянностью, принял халат за лист бумаги и тотчас изобразил на спине девушки несколько иероглифов. Поступок Ван Сичжи она приняла за оскорбление и стала звать на помощь.

Случайно мимо проходил чиновник, знавший знаменитого каллиграфа, за работы которого уже тогда платили фантастические деньги. Узнав в чем дело, чиновник не задумываясь предложил обескураженной китаянке за ее «испорченный» халат баснословную цену, за которую она, разумеется, с удовольствием согласилась уступить халат. Весть о случившемся мигом облетела весь город, и на следующие день дом Ван Сичжи был буквально окружен толпой девушек в прекрасных белоснежных халатах, с затаенной надеждой выжидавших появления рассеянного каллиграфа.

Современный искусствовед Ван Юйчи в статье «Каллиграфия как интеллектуальная деятельность» приводит другой, не менее интересный эпизод с тем же каллиграфом.

Однажды, прогуливаясь по улицам небольшого провинциального городка на юге Китая, Ван Сичжи увидел старуху, выставившую на продажу дюжину вееров. Он подошел и спросил, почему она их продает. «По двадцать грошей штука», — ответила та. Ван взял веера, начертал на каждом пять иероглифов и вернул ей. Расстроенная старуха проворчала: «В доме нужны деньги на еду, а кто купит теперь эти веера, когда они испорчены?» Ван ответил с улыбкой: «Скажи только, что эти иероглифы написал Ван Сичжи, и ты продашь свои веера не меньше чем по сотне грошей за штуку».

Новость быстро облетела городок, и вскоре вокруг старухи собралась целая толпа. Люди вырывали веера друг у друга, желая стать обладателями иероглифов, написанных Ван Сичжи. Эта легенда служит доказательством того, сколь высоко ценилась каллиграфия Ван Сичжи в народе уже при его жизни. Впоследствии оригиналы его каллиграфического искусства почитались наравне с произведениями прославленных живописцев.

Ван Сичжи и его каллиграфические свитки снискали ему поразительную славу. Он почитается как «священномудрый от каллиграфии», бесценные его работы наследуются из поколения в поколение и бережно сохраняются как великие творения. Изумляют неповторимые особенности его почерка — энергичные мазки кисти и простота композиции. Многие произведения Ван Сичжи

сохранились до наших дней. Лучшими из его работ считаются: «Предисловие к стихам Павильона орхидей», «Семнадцать образцов каллиграфии», «Хроника смутных времен».

— В истории китайского искусства, — сказал Бай Лун, — выделяется знаменитый Су Дунпо (XI—XII вв.), один из наиболее замечательных мастеров, в творчестве которого соединились поэзия, каллиграфия и живопись. Именно ему удалось слить воедино три вида искусства, сделать это главным направлением китайской живописи. Су Дунпо принадлежат слова о том, что «нет четких правил, как следует держать кисть. Главное — владеть ею с легкостью и гибкостью». Штрихи и мазки Су Дунпо лишь кажутся мягкими, но в действительности они таят в себе внутреннюю твердость. О нем говорили, что у этого мастера — железная рука в бархатной перчатке. Су Дунпо, как и многие другие каллиграфы его времени, сосредоточивал внимание на наибольшей выразительности, менее всего стремясь к подражательности, каноническим формам.

С именем Су Дунпо связывается история о том, как поэт, находясь в гостях у своего друга, нарисовал на белой стене бамбуковое дерево и сопровождал изображение надписью:

В крови моей бушует хмель,
Растут во мне бамбук и скалы,
Не в силах сжиться с ними тело,
Все перенес на белу стену.

И в данном случае Су Дунпо показал себя как живописец, поэт и каллиграф, демонстрируя цельность искусства, в котором живопись, стихи и каллиграфия проявляются в нерасторжимой взаимосвязи, гармонии и единстве. При этом, отмечает Хуан Мяочжи, поэзия считается квинтэссенцией искусства, ибо она преобразует начертанные линии и знаки, почитаемые в Китае как святыни, в звук и ее высшее предназначение — соединение человеческого гения с первоисточниками жизненных сил мира. Соотношение живописи и поэзии, слова и изображения совершенно ясно выделяет поэзию. Проникнутая идеями конфуцианства и даосизма, китайская поэзия прошлого объединила разум и отрешенность. Она стремилась проникнуть в реальность и передать во всей остроте дух жизни, «неосязаемый трепет звука», чему способствует музыкальность, присущая многотональному китайскому языку.

Многозначительна эпиграмма Су Дунпо о монохромном изображении бамбука, которое часто напоминает штрихи иероглифической живописи:

Ныне художники пишат узел за узлом
И располагают их один над другим.
Как это может превратиться в бамбук?!

Чтобы написать бамбук, надо прежде создать его в своей душе. Тогда только берись за кисть, сосредоточив все внимание на том, чтобы ясно видеть перед собой то, что хочешь изобразить. Сразу же начинай двигать кистью, следуй своему уже созданному образу. Словно птица пикирует или заяц убегает. Если замешкаешься на мгновение, это уйдет. Юй-кэ (Вэнь Тун.— Е. З.) объяснил мне это, но я не умел делать так, хотя и знал, как это делается.

Если кто-нибудь знает это в душе, но не может выполнить, значит, внутреннее и внешнее, душа с рукой у него не связаны — все дело в недостаточном обучении.

Когда Юй-кэ пишет бамбук, он сосредоточен на бамбуке, а не на себе как человеке, но он передает в бамбуке чистоту и благородство своей натуры¹.

Итак, «чтобы написать бамбук, надо прежде создать его в своей душе», не упустить это мгновение. Стремительность, как порыв свежего ветра, дающего ощущение взлета, энергии, динамизма. По мнению Ян Цзинцзэна (XIX в.), идеалом для настоящего вдохновенного каллиграфа является, как и для подлинного художника и поэта, некое невысказанное, сверхчеловеческое начало (цао), которое, проникнув в душу человека (поэта, художника, каллиграфа), погружает его как бы в транс, сверхчувственное постижение истины, недоступной непэтам, нехудожникам, некаллиграфам либо же бездарным поэтам, художникам, каллиграфам. Иными словами, речь идет о сознании и озарении творца искусства, об эстетическом вдохновении.

Крылатыми стали строки Су Дунпо о поэте и художнице Ван Вэе:

Его поэзия полна живописи,
А живопись полна поэзии.

О мастерстве Су Дунпо следует сказать, что его картину на свитке «Бамбук и камни на фоне рек Сяошуй и Сянцзян» можно причислить к выдающимся произведениям древней живописи, воспроизводящим пейзаж этого района.

Развернув свиток, пишет китайский искусствовед Цзо Хай в статье «Надписи на картине Су Дунпо», сразу же поражаешься силе кисти и оригинальности стиля художника. На первом плане он изобразил кусочек земли, на котором два больших камня и несколько бамбуков. Справа и слева от земли — безбрежные воды, подернутые дымкой, вдали горы, окутанные облаками. Воды рек Сянцзян и Сяошуй, объединившись здесь в один поток, будто вливаются на горизонте в озеро Дунтинху. Смотришь на необъятные просторы, изображенные мастером, и ширится грудь, радостно становится на душе. Картина притягивает к себе, от нее не хочется отходить.

Су Дунпо рисовал в очень свободной манере, у него был свой самобытный стиль. И на бумаге, и на шелку он рисовал так же свободно, как писал иероглифы.

В левом нижнем углу картины есть надпись: «Дунпо нарисовал для Синьлао». Надпись сердечна, она отличается древней простотой и силой, что полностью совпадает со стилем его прозы.

Великое это произведение Су Дунпо сохранялось на протяжении 900 лет и дошло до наших дней. Тут, конечно, нельзя забывать о заслугах коллекционеров разных эпох. На этом произведении, в левом нижнем углу и на чистых местах свитка, есть относящиеся к разным периодам надписи двадцати шести человек, насчитывающие в общей сложности более трех тысяч иероглифов и фактически представляющие оценку картины. Многие из них принадлежат кисти известных деятелей, автографы которых очень трудно увидеть нашим современникам.

¹ Цит. по: Е. В. Завадская. Изображение и слово. (Стихи о живописи — особый жанр китайской поэзии). — В сб.: Жанры и стили литератур Китая и Корей. Сб. ст. М., 1969, с. 100.

Таким образом, поэтическая надпись, стихи на картине — отнюдь не дополнение к ней. Они вводят новое измерение, раздвигают жизненные рамки полотна во времени.

Известно, как высоко оценивал писатель Хань Юй творчество Чжан Сюя, знаменитого каллиграфа, жившего во времена династии Тан: «Своей свободой письма, своим курсивным стилем, который он постоянно совершенствует, он выражает радость и гнев, боль и счастье, ревность и ненависть, свою привязанность и восхищение, свое возбуждение, свою скуку, несправедливость — все, что заставляет биться его сердце». Каллиграф должен также использовать живописные возможности иероглифов, их образную силу. Хань Юй писал дальше о Чжан Сюе: «Он охватывает взглядом все: пейзажи, животных, растения, звезды, бури, пожары, войны, пиршества — все события мира и выражает их в своем искусстве».

Следовательно, поэзия, каллиграфия и живопись образовали в Китае единое искусство, триединую форму, в которой используется духовная глубина приверженцев этого искусства. И крайне трудно бывает определить, где граница между поэзией, музыкой, каллиграфией. Где их водораздел. Главное же здесь — мысль и образ, в которых заключены высшие категории человеческих ценностей — гуманистические, нравственные начала. И потому к своему языку и иероглифике китайцы относятся как к предмету искусства.

Среди тех мастеров, которые стремились к осмыслению единства поэзии и живописи, выдающаяся роль принадлежит Цао Чжи (II—III вв.). Вот отрывок из его хуацзань — похвалы:

«Нет таких людей, которые, видя картину с изображением министров, узурпирующих трон, не скрежетали бы зубами. И все, глядя на прекрасного ученого высоких принципов, забывают о еде. А глядя на преданных чиновников, умирающих за свои принципы, не могут не укрепить собственную смелость. И не могут не вздохнуть, созерцая изгоняемых министров и преследуемых сыновей. Кто не отведет презрительно взгляд от изображения распущенного мужчины или ревнивой жены, и нет таких, которые, глядя на добрую принцессу или послушную королеву, не восхвалят их достоинство. Поэтому мы можем сказать, что живопись существует как предостережение и наставление».

В этой краткой, но столь емкой записи Цао Чжи из глубины веков как бы говорит нам: смотрите, как прекрасен и жесток, сколь забвенен и прозрачен этот мир, как богат он и печален.

Академик В. М. Алексеев в своих лекциях на наших аспирантских занятиях отмечал, что поэзия в Китае, конечно же, является гораздо более объемлющей, чем живопись, но тем более ее влияние, или, вернее, слияние с живописью является ощутимым, и можно утверждать, что без понимания точного, образного, широкого китайской древней поэзии нет полного понимания китайской живописи, ибо надо знать, что в Китае, где поэт начинался с ученого, то есть с получившего полное конфуцианское классическое образование, живописец ценился точно так же лишь постольку, поскольку это не ремесленник, а ученый, владеющий всей накопленной в китайской поэзии образностью, содержанием и заостренным в ней намеком. Во всяком случае, если не мастер, то энтузиаст в одном из этих искусств непременно является энтузиастом и во втором, не считая, конечно, его прочих эстетических увлечений. И потому мы замечаем, что наиболее обычным оживлением китайского пейзажа нередко является маленькая, стилизованная в одном из тонов пейзажа фигура ученого, пишущего стихи об этом самом пейзаже или рисующего его на тему своих же или цитируемых в эпиграфе стихов.

Для того чтобы внять языку китайской живописи, говорил В. М. Алек-

сеев, придется, очевидно, отрешиться от привычных нам канонов искусства. Точно так же китайский обыватель, не сделав этого, захохочет перед голыми русалками Маковского, бабами Малявина, ватными деревьями Ватто, улыбкой Джоконды и над многим другим, к чему мы так привыкли.

Как и при всяком прочем переходе из одной культуры в другую, к китайской живописи, в том числе каллиграфии, надо подойти освобожденным от предвзятостей и предрассудков и со знанием истории, культуры, быта, языка страны. Тогда невероятные горы на китайской картине станут так очаровательно милы и понятны, что тот, кто видел скалы рек Янцзы, Минь, Амойской гавани, узнает, как верен своему впечатлению китайский живописец. Он поймет, что в стране, где лето самый несносный сезон, художник вряд ли покорит сердце зрителя летними мотивами.

Без особых познаний в китайской истории и культуре всякому ясно, что исключительное предпочтение к таким сюжетам, как бамбук, лотос, орхидея, дракон, тигр, юродивый, на чем-то все-таки основано, и нетрудно догадаться, что художником управляет какая-то символика. Знание приходит сомневающимся на помощь и утверждает, что он желает вложить в идею орхидеи «царственный аромат» (аромат для тех, кто, как Конфуций, видел в этом цветке символ совершенного человека, уединившегося в горы, но оттуда влияющего на чутких людей); в идею лотоса — благородство человека, «растущего из обывательской грязи, сам не грязнясь»; в идею бамбука — стойкого человека, крепкого снаружи и духовно емкого. Дракон как символ грозной природы, тигр как символ владыки земли, юродивый с отвислым чревом как символ довольства и полного освобождения от человеческих условностей и от человеческой узкости — китайским художником управляет особый мир условных идеалов, создающий ему и особый язык, без понимания которого нет и понимания китайской живописи.

В самом деле, говорил В. М. Алексеев, китайские картины, как и китайские лица, кажутся европейцу на первый взгляд одинаковыми (так же как европейцы в свою очередь выглядят в глазах китайцев на одно лицо), и не видно, чем один художник отличается от другого. Сюжеты тоже кажутся монотонными, особенно пейзажи, главным образом весенние и осенние, с редкими исключениями для зимних и с еще более редкими для летних. К тому же пейзаж как-то странно и также весьма однообразно вытянут кверху, и перспектива выглядит детски наивной. Деревья нарисованы то в импрессионистских пятнах, то поданы в какой-то неведомой графике, выписывающей стволы и ветви отдельно от листвы и предпочитающей кривые и причудливо изломанные деревья прямым и стройным. Все краски — сплошная акварель, не дающая ни сильной игры пятен, ни рельефов. Но едва ли не больше прочего китайская картина предпочитает как будто вовсе обойтись без красок, ограничиваясь одной тушью и рисунком.

Наблюдается, продолжает Алексеев, также любовь к острой и резкой причуде в виде, например, невероятных драконов, дико уродливых лиц (с непомерно длинными ушами, бровями, ресницами, с вывернутыми челюстями и т. п.) божеств, анахоретов, блаженных, с одной стороны, бесов и заклинателей — с другой. Замахивающийся мечом делает танцевальное па и в то же время поглаживает свою бороду. Летящая в воздухе фея гофрирована в такт с завитками кудрявых облаков. Странное кажется смешным, причудливое — уродливым. Невероятные растения (грибы чжи) и фантастические камни и скалы дополняют экзотику.

Присмотревшись поближе к лицам и картинам, а не мелькая лишь перед ними (по выражению китайцев, «любоваться цветами, сидя в седле скачущей лошади»), обнаруживаем в них исключительное разнообразие. Одинаковые

лица китайцев встречаются так же редко, как и среди европейцев. И деревья, и горы, и воды, и фигуры написаны каждый раз по-новому, и, наверное, китайские знатоки искусства не так пошлы, чтобы видеть разнообразие в стереотипе. Несовпадения проистекают также от самого китайского языка и письменности. Действительно, одним глазом, внешним приемом и самостоятельной оценкой китайскую живопись не одолеть, и видеть в сюжетной картине только портрет или портретный этюд будет так же наивно, как и самонадеянно и фальшиво.

* * *

В громадном отеле «Нью-Отань», расположенном в центре Токио, как обычно, былолюдно, слышалась разноязычная речь гостей, воздух густо пропитан сигарным и трубочным дымом.

Старый мой знакомый Асакава принес живые цветы, но не нашлось в моем номере вазы для них. На следующее утро, чуть забрезжил рассвет, он постучался ко мне и принес вазу в сумке. Быстро обрезав концы стеблей, он поставил в нее вчерашние цветы.

— Всю ночь беспокоился, — тихо произнес он, — что цветы остались без воды...

Немало удивляет интерьер «Нью-Отани». На стенах его бесконечных холлов и гостиных развешаны огромные щиты и свитки с изображением иероглифических знаков. У каждого входа в ресторан или кафе — свое иероглифическое название, часто условное. Нигде мне еще не приходилось видеть столько произведений каллиграфической живописи, собранных в одном месте в таком разнообразии и богатстве. Многие из них выполнены на золотом фоне черной тушью. Другие — на рисовой бумаге с шелковой основой.

В одном из многочисленных залов — экспозиции современной каллиграфии. Все иероглифические знаки принадлежат кисти мастеров высокого класса. На некоторых щитах-экранах изображен всего лишь один знак, например «долголетие», или «добродетель», или «гуманность», но с большим вкусом, оригинально, в неповторимой стилистической манере.

Привлекает прежде всего искусство каллиграфии, своеобразие почерка, манера письма. Но от любования иероглифической образностью постепенно переходим к содержанию знаков, семантике, смыслу цитаты, афоризма, стремимся понять авторский замысел, философскую сущность свитка. Примечательно, никаких длиннот здесь нет. Предельный лаконизм. Написано емко и кратко. И в этом трудность понимания.

Часто изображения эти носят символический характер, таят в себе аллерию, намек. В них доброта и гнев, хвала и хула. Например, «Кто много плачет, тот долго живет», «Муки и счастье», «Посланный небом дар», «Не так важно, что делать, сколько то, как об этом говорить», «Судьба нам время дарит», «Не забывай первого учителя», «Помните прошлое, наследие традиции», «Нельзя презирать малые ручьи только потому, что в мире есть океаны. Море оттого и велико, что не пренебрегает любым ручейком». Многие свитки посвящены категориям правды и красоты, справедливости и человечности, благородству, достоинству, времени и духу истории. Мысли эти отвечают чему-то очень глубинному в человеческих стремлениях. Встречаются пронзительные мысли и слова, но многое обволакивается туманом загадочности и мистицизма. В этом — комплекс сцепления и разъятия понятий: «Только безмолвие, пустота остались позади», «Принесет ли дар небес радость или горе», «На все воля судьбы», «Знание опасно, оно ведет к страху».

Последний афоризм мысленно вернул меня в дом, где я оставил рукописи

и книги, одни только книги. Для меня они подобны кирпичам, из которых выкладывается стена, поднимаясь вверх. Каждый день они подтверждали мне верность слов Цицерона о пользе образования. Эти вот занятия, говорил он, питают юношей, радуют стариков, украшают счастье, доставляют прибежище и утешают в несчастьях, услаждают дома, сопровождают в странствиях и помогают в сельском труде.

Не берусь погружаться по этому поводу в какие-либо раздумья. Природа человека так изменчива, так не похожа на себя в преуспевании и в беде, в добром или дурном расположении духа, в официальном кресле или без него, что я склонен принимать следствия такими, какими их вижу, и не намерен возводить их к истинным и скрытым причинам.

Интересно и то, что иероглифы занимают сравнительно небольшое место на свитке или экране. Непомерно большим бывает свободное пространство, образуя своего рода воздух, — обширная отзывчивая среда для раздумий, собственного воображения читающего, для соучастия в творчестве, развития сюжета. Словом, для процесса самостоятельного мышления человека, не только восприятия авторских идей, но и активизации других, тех, кто непосредственно не создавал произведения, но способен к пространственному воображению. Верно, что воздух — свободное пространство на свитке или полотне — это тоже сфера материальная, обладающая весомостью, порой весьма ощутимой. Только сердцу, а не внешним чувствам может открыться прекрасное и духовные ценности.

Говорят, удача ищет человека. Мне повезло. Мы с нею встретились однажды. На Японских островах, в доме прославленного Кавабата Ясунари. В древнюю столицу Камакура привела меня не просто жажда пути. Я был наслышан о ценном вкладе Кавабата Ясунари в сокровищницу японской национальной культуры. Вкладе литературном, человеческом, духовном. Японские коллеги говорили мне, что достиг он многого благодаря упорному труду, скромности, самопожертвованию.

С Кавабата Ясунари у нас был долгий сердечный разговор, чаще «беседа кистью», безмолвная и самая краноречивая. Это — непосредственное общение, от сердца к сердцу. И безмолвным нашим посредником были китайские иероглифы, которыми собеседник мой владел блестяще. Судьба обрекла и меня писать по-китайски.

Задушевный обмен мыслями и эмоциями с помощью «рисунка сердца» постепенно перешел в сферу каллиграфии. И Кавабата Ясунари, обнаруживая тайный мир удивительного этого искусства, раскрылся передо мной как очень оригинальный мастер каллиграфической живописи. Он принадлежал к философскому направлению, к афористическому жанру. Лаконичному, глубокому, ассоциативному. Без дидактики, назидательности, морализации. Изображенные им изречения несли в себе лиризм, мягкость, задушевность. Каждый его свиток привлекает яркой индивидуальностью и внутренней силой. Здесь только свет и тень. Весь мир — их сочетание.

Вначале мягкими движениями руки Кавабата растер тушь на гладкой каменной пластине, увлажнил острый конец толстой кисти в бамбуковой оправе, а затем, после некоторой паузы, начал выписывать иероглифы на распрямленном листе шероховатой рисовой бумаги. Я глядел на Кавабата и спрашивал себя, какие душевные силы поддерживают и питают неукротимую его творческую волю. Человек аналитического мышления, он становится другим, когда проникается образом, говоря словами Лу Синя, волом, покорно несущим свое ярмо. Не думаю, что за этим кроются ощущения, неизбежно присущие лишь пожилому возрасту.

И вот теперь в каком-то молитвенном ожидании и с восхищением слежу

я за изломанным ритмом движения кисти Кавабата, который всецело сосредоточился на иероглифическом изречении. Все внимание его сконцентрировано на ворсистом кончике кисти, через который, казалось, струится уже не тушь, а живое, пульсирующее дыхание художника. Мгновенная фиксация времени и настроения. Внутреннее настроение, возникающее спонтанно, обнаруживается сейчас в самой графической текстуре линий и штрихов, свидетельствующих о выразительном, волевом стиле, глубоко индивидуальной манере письма.

Лицо его вдруг раскрылось как книга, смысл которой показался мне ясным: передо мной возникло лицо художника и мыслителя, духовное его просветление.

Линия в японской живописи и каллиграфии бесконечно разнообразна. Она приобретает остроту, дробность, прерывистость, угловатость. Она бывает то яростная, неистовая и порывистая, то плавная, округлая, обтекаемая. Она обладает своим ритмом. Ритм линии в каллиграфической живописи — это ритм самой жизни, нескончаемого многообразия ее мотивов, оттенков, нюансов.

Ритм — внутреннее движение, проявление жизни. Ритм присущ всему живому. Разве окружающая человека природа не дышит и не живет в разнообразных ритмах? Разве ее биоритмы не созвучны биоритмам человеческого организма? И у самого человека — ритм в чередовании сна и бодрствования. Само дыхание немислимо без ритма. Нарушение ритма нарушает жизнь. Вне ритма нет живого движения.

У каждого мастера каллиграфии — свой ритм, своя манера, свой почерк, по которым распознается авторская индивидуальность. У Кавабата — свой стиль, свой ритм с его прерывистой линией, непринужденно размашистыми мазками, выразительной простотой. Он пишет кистью так, как дышит. Будто жизненная сила переливается через его руку, кисть, тушь в изображение иероглифических знаков.

Каллиграфический рисунок всегда отвечает ритмическому изображению, исполненному внутренней силой, — *ци* (эфир, жизненная сила), которая, согласно философскому учению древнекитайского даосизма, как матерьяльная субстанция вещей делится на две части: на тончайшие — *цзин* и грубые — *цу*. Тончайшие образуют у человека духовное начало, грубые — физическое тело. И умственная способность, и физическое состояние человека зависят главным образом от достаточного количества в нем тончайших частиц и нормальных условий для их функционирования в организме. Тончайшие *цзин*, циркулируя в кровеносных сосудах, образуют жизненную энергию человека.

Речь идет не просто об одних и тех же элементарных частицах, из которых создан весь живой и неживой мир: все нас окружающее — только различные комбинации этих частиц. Содержание *ци* вмещает понятия духовных категорий.

Согласно древнекитайскому мыслителю Чжуан-цзы (IV—III вв. до н. э.), *ци* есть знак неразделимости физического и психического начал: «Соберется *ци* — образуется жизнь, рассеется — образуется смерть... Для всей тьмы вещей это общее... Поэтому и говорится: «Единый эфир пронизывает всю вселенную», поэтому и мудрый ценит единое».

Ци обладает качествами морального характера. По утверждению теоретика Цзоу Игуя, в живописи следует сторониться «шести духов»: первый именуется *суци* — дух вульгарности, подобный простоватой девице, густо накрученной; второй — *цзянци* — дух ремесленничества, лишенный одухотворенного ритма; третий — *хоци* — «горячность кисти», когда самый кончик ее слишком явен в свитке; четвертый — *цаоци* — небрежность, в искусстве мало изысканности,

интеллекта: пятый — *гуйгэци* — дух женских покоев: кисть слабая, неструктурной силы; шестой называют *цомоци* — пренебрежение тушью.

У каллиграфической живописи, как у особого жанра, есть свои неповторимые достоинства. Звучные контрасты черного и белого, целая гамма оттенков туши, игра тональностей — от густонепроницаемых до прозрачных, ритмическая линия, возникающая на шершавой поверхности, и штрих — то твердый и решительный, то плавный, едва уловимый, временами прерываемый, то неяркие, как бы погашенные тона. Все это придает иероглифическому свитку как бы свое звучание, свою экспрессию, свой тембр. Внешняя скупость колорита при богатстве различных оттенков одного цвета, черной туши, придающих особую простоту и значительность каллиграфической живописи.

Сверх всего каллиграфическая живопись обладает своими великими тайнами. Ненамеренность, незаданность, непринужденность творческого акта, по убеждению больших мастеров этого искусства, лучше всего и наиболее непосредственно выражают настроение каллиграфа, его внутреннее состояние, естественное его поведение. Именно таким образом, считают они, только и может найти свое выражение душевный порыв каллиграфа. Но для этого художник должен обладать самобытным, своим мироощущением. Он должен выразить не пустоту, не распад и бессодержательность, но внутреннюю свою зрелость, гармонию духа, нравственную цельность.

Выразительность движения ритма и живой силы *ци* в каллиграфии достигается путем длительных занятий, неустанного труда и постоянного совершенствования мастерства. Особенно ценятся звонкие удары густой, сочной туши. Кавабата, обретший высокую зрелость в каллиграфическом искусстве, давно снискал себе славу выдающегося художника. Исполненные им иероглифические свитки ценятся наравне с талантливыми образцами монохромной живописи в Японии.

Четыре крупных иероглифа, изображенные рукой Кавабата («Литературными писателями общаемся с другом»), явились мыслью, выраженной движением кисти, ритмом линий и штриха. Интересна и колористическая гамма знаков — приглушенные тона монохромной туши. Они явились также своеобразной формой доверительности общения. В них не просто каллиграфия, хотя сама по себе она уже произведение искусства, но и философский смысл, афоризм, который, подобно миниатюре, призван в малом высказать большое, в немногих словах — многое. Все это еще более высветило эмоциональную силу кисти живописца. И сверх того, выбор иероглифических знаков, их сочетание, соотносимость, картинность композиции проникнуты поэтическим вдохновением художника, тем чувством, рожденным искусством, которое трудно передаваемо из-за мгновенности явления. Все это словно игра живой воды с ее затаенными творящими силами — началом Вселенной.

Написав изречение, Кавабата продолжает сохранять прежнюю позу. Удерживая толстую кисть в руке, которая все время оставалась в одном и том же вытянутом, словно застывшем в пространстве положении, он начал выводить на оставшейся части бумаги небольшие знаки фамилии и имени гостя, дату встречи — 13 января 1972 г. Затем в самом конце, в левом уголке, написал свою фамилию и имя — Кавабата Ясунари. Опустив кисть и поразмыслив, он удивительно легко поднялся с циновки татами, на которой сидел с поджатыми под себя ногами, и подошел к небольшому столу с изогнутыми ножками в виде резного дракона. Здесь он взял коробку, извлек из нее личную печать, выгравированную на яшме, и, макнув в киноварную мастику, сделал оттиск на листе бумаги рядом со своими именными иероглифами, чтобы

в согласии с давней традицией удостоверить авторство каллиграфического свитка. Известно, что «от тигра остается шкура, от человека — имя». Он буквально из всего делал искусство, творил прекрасное.

Теперь какэмоно, созданное художником под впечатлением встречи, готово для преподнесения. И Кавабата делает это со всем смирением, приняв позу глубокой учтивости и обратив ко мне вытянутые руки, держащие нероглифический свиток.

— Прошу покорнейше принять ничтожный этот труд от непросвещенного... — произнес Кавабата принятые в таких случаях слова самоуничижения. И снова на лице его — легкость и живость. Невозможно было привыкнуть к этому чуду выразительности, к чуду улыбки.

Мне казалось это чем-то несбыточным, безумной мечтой.

Обычай повелевает отнестись к преподношению с той же степенью вежливости и такта. Взаимность здесь — непереносимое золотое правило.

— Благодарю вас за прекрасный какэмоно, который я увезу с собой на родину и бережно сохраню как символ веры в мудрость человека, в душевную его красоту. В начертанных вами знаках чувствуется глубокая любовь к жизни и к прекрасным ее проявлениям, — сказал я.

Мы еще долго писали друг другу фразы, взаимные наши послания. Шло время. На смену вечеру приближалась ночь. И вот над Камакура уже опустились сумерки, и почти сразу наступила темнота. Лишь где-то очень далеко, бросая вызов пространству, мерцали в небе звезды. Когда-то, вспоминалось мне, небо было для китайцев понятием священным. Оно повелевало. Хозяин дома вышел меня провожать и, расставаясь, вручил мне посох из красного дерева с напутствием удачи.

Мы еще стояли под развесистой кроной взметнувшейся в небо сосны, но поднявшийся ветер поторопил наше расставание. Загадочен сын земли и неба. Взглянул напоследок на Кавабата Ясунари, лицо его было озарено. Верно сказано: талант — это власть. Как близок и дорог был ему мир прекрасного, мир человеческих ценностей.

Над Камакура разразилась гроза.

Мы расстались с ним, тогда не понимая, что навсегда. Всего через три месяца он ушел из жизни. Иногда одной встречи человеку достаточно, чтобы испытать восторг и сохранить об этом память на всю жизнь. Память нередко приносит нам избавление. То незабываемое, что сблизало людей в прошлом, когда они успели подарить друг другу радость.

С. Г. ДЕМЕНТЬЕВ

О существовании последовательной хозяйственной реформы в КНР неизбежно ставит вопрос о ее теоретической базе. Этой цели призвана служить концепция социалистической плановой товарной экономики. В последнее время в Китае проводится ряд теоретических дискуссий, в ходе которых должны определиться контуры данной концепции, а также формы ее реализации в практике социалистического строительства.

Одно из центральных мест в полемике по проблемам политэкономии социализма в КНР занимает вопрос о рынке рабочей силы. Начало дискуссии по этому вопросу относится к 1984 г. Наиболее активно она проходила в июле — октябре 1986 г. на страницах газеты «Гуанмин жибао», которая еженедельно вела специальную рубрику, озаглавленную «Обсуждение вопроса о том, существует ли в социалистическом обществе рынок рабочей силы». Дискуссия велась по четырем основным направлениям: 1) характер рабочей силы при социализме; 2) возможность существования при социализме рынка рабочей силы; 3) необходимые условия для его создания; 4) практические пути создания¹. Эти четыре проблемы тесно взаимосвязаны между собой. Главный упор в дискуссии был сделан на выяснение характера рабочей силы при социализме, что имеет методологическое значение и предопределяет решение всего комплекса поставленных проблем.

Основной вопрос, определяющий характер рабочей силы, состоит в том, является ли рабочая сила при социализме товаром. В настоящее время по этому вопросу существуют три основные точки зрения. Первая группа экономистов полагает, что рабочая сила при социализме является товаром, вторая утверждает, что он имеет двойственный характер, а третья отрицает его товарный характер. Десять из 26 авторов проанализированных статей на эту тему придерживаются первой точки зрения, семь — второй и лишь девять — третьей. Эта статистика показывает, что китайским экономистам проблема представляется далеко не однозначной. На теоретическом симпозиуме, проводившемся в городе Тайюань в 1986 г., многие участники пришли к выводу, что закономерностью социалистической товарной экономики является проявление рабочей силы через товарную форму, или, иными словами, что рабочая сила при социализме является товаром².

Для многих исследователей при решении вопроса о характере рабочей силы отправной точкой анализа выступает методологическое указание К. Маркса о необходимости наличия двух условий для превращения рабочей силы в товар. «Чтобы ее владелец мог продавать ее как товар, он должен иметь возможность распоряжаться ею». «...Владелец рабочей силы должен быть лишен возможности продавать товары, в которых овеществлен его труд, и, напротив, должен быть вынужден продавать как товар самое рабочую силу, которая существует лишь в его живом организме»³. Доказательства большинства авторов сводятся, по существу, к установлению наличия или отсутствия этих условий при социализме.

Прежде всего рассмотрим аргументацию первой группы экономистов, считающих, что оба условия существуют, и рабочая сила при социализме является товаром.

Один из китайских ученых Чжао Голян, утверждает, что при социализме трудящийся, во-первых, обладает еще более полной личной свободой (т. е. правом распоряжения

рабочей силой), а во-вторых, не владеет ничем, кроме собственной рабочей силы. В социалистическом обществе собственником средств производства является коллектив трудящихся, а не каждый трудящийся в отдельности. Следовательно, существует общественная собственность коллективов трудящихся, а не непосредственное владение ею отдельными трудящимися. Хотя в социалистическом обществе у коллективов и отдельных трудящихся имеются единые коренные, а также общие долгосрочные интересы, однако интересы коллектива не равны абсолютно интересам каждого трудящегося в отдельности. Трудящийся, по мнению Чжао Голяна, продает собственную рабочую силу предприятию, которое представляет интересы трудового коллектива⁴.

Подобная точка зрения типична для сторонников товарной природы рабочей силы при социализме. В той или иной степени она присутствует практически у всех китайских экономистов этого направления. Хань Чжиго считает, что в условиях социализма соединение трудящегося со средствами производства представляет собой отношения купли-продажи: предприятие выплачивает трудящемуся заработную плату, а трудящийся предоставляет предприятию свой товар — рабочую силу⁵. Чжоу Вэньфу, исходя из взаимообособленности рабочей силы и средств производства при социализме и невозможности непосредственного владения и распоряжения трудящимися средствами производства, делает вывод о необходимости их соединения через эквивалентный товарообмен в сфере обращения⁶. Тезиса о взаимоотношении рабочей силы и средств производства в отношении собственности придерживаются также: Ми Юлу, утверждающий, что только при наличии подобного отчуждения можно расширить границы соединения рабочей силы со средствами производства⁷; Цзоу Тунъю, отмечающий существование многообразных форм собственности и неразвитость общественной собственности в Китае и вследствие этого невозможность непосредственного соединения рабочей силы со средствами производства⁸; Ван Юнцзян, также усматривающий причину в сосуществовании различных хозяйственных укладов, относительной экономической и юридической обособленности предприятий, обладающих независимыми экономическими интересами⁹; Синь Линун, противопоставляющий трудящихся, совместно владеющих средствами производства и индивидуально владеющих рабочей силой, социалистическим предприятиям, между которыми возникает особые отношения обмена товаром рабочая сила¹⁰; Дань Юнтан, выделяющий индивидуальную собственность на рабочую силу¹¹, и др. Последний автор, в частности, в подтверждение тезиса об индивидуальной собственности на рабочую силу достаточно тенденциозно трактует такие формулировки К. Маркса, как «свой труд», «индивидуальный трудовой пай», «естественные привилегии» (о различной степени трудовых навыков и образованности индивидуума).

Представив свое обоснование двух условий и причин превращения рабочей силы в товар, китайские экономисты обращаются к анализу его внутренних свойств. Если рабочая сила при социализме действительно является товаром, то ей должны быть присущи два свойства товара — потребительная стоимость и стоимость.

Эти идеи находят развитие у Чжуан Хунсяна, который под потребительной стоимостью товара рабочая сила понимает способность осуществлять различные виды труда и создавать товары или предоставлять различные виды услуг. Стоимость же товара рабочая сила выражается, по его мнению, в заработной плате¹².

Здесь авторы выходят на новый круг вопросов, связанных с характером заработной платы при социализме. По их взглядам, он не отличается от характера заработной платы при капитализме, а именно: заработная плата есть превращенная форма стоимости и цены рабочей силы, количественно определяемая стоимостью жизненных средств, необходимых для производства и воспроизводства рабочей силы.

При таком заключении становится неясным, кем присваивается прибавочный продукт при социализме, если заработная плата полностью оплачивает исключительно необходимый труд? Эта слабая сторона подобных воззрений подвергалась критике в экономической литературе еще со времен К. Маркса. Китайские экономисты, как правило, не поднимают этот вопрос.

Некоторые ученые рассматривают группы экономических интересов, выводя из них необходимость существования при социализме товарной экономики и товара рабочая сила. Хань Чжиго видит коренную причину в широком общественном разделении труда и индивидуальной собственности на рабочую силу. Он выстраивает две группы экономических интересов: с одной стороны, индивидуальная собственность на рабочую силу порождает индивидуальные интересы трудящихся, которые

в свою очередь порождают конкуренцию между трудящимися на рынке; с другой стороны, на базе индивидуальных интересов трудящихся возникают коллективные интересы, которые в свою очередь порождают конкуренцию между предприятиями на рынке. Из этого автор делает вывод, что реализация всех продуктов общества должна принимать товарную форму, что возможно лишь при превращении в условиях социализма рабочей силы в товар¹³.

Для других авторов характерна более широкая постановка вопроса. Обращаясь к наследию К. Маркса, они пытаются проследить исходные посылки превращения продукта в товар. Видный китайский экономист Дун Фужэн ссылается на К. Маркса, который считал, что любой продукт или трудовая услуга превращаются в товар при условиях, когда они «производятся не для собственного потребления, а для потребления другими людьми, стало быть, для общественного потребления», и когда они «вступают в общественное потребление путем обмена»¹⁴. В то же время в процессе их обращения «собственники двух товаров должны иметь желание обменять свои товары»¹⁵, или, иными словами, «каждый из них лишь при посредстве одного общего им обоим волевого акта может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный»¹⁶.

Дун Фужэн придерживается точки зрения, что в условиях социалистической экономики рабочая сила может являться товаром, а может и не являться. Это зависит от экономических отношений и конкретно определяется системой труда. При жесткой централизованной системе, по мнению Дун Фужэна, рабочая сила трудящихся государственных предприятий не является товаром, так как поступает в общественное потребление, минуя сферу обращения. При осуществлении системы трудовых контрактов рабочая сила превращается в товар. Вместе с тем автор указывает, что в различных экономических системах товар и заработная плата воплощают различные экономические отношения. В социалистическом обществе — это отношения равенства и взаимной выгоды¹⁷.

Важное место у экономистов — сторонников товарной природы рабочей силы при социализме занимает доказательство ее нового характера по сравнению с капитализмом. По взглядам Синь Линуна, он заключается в следующих моментах: «продающий» рабочую силу уже не является полностью утратившим средства производства пролетарием, а является социалистическим трудящимся, совладельцем средств производства¹⁸; «покупающий» рабочую силу не является индивидуальным капиталистом, владельцем средств производства, а является социалистическим предприятием, противостоящим другим предприятиям в экономическом отношении; отношения обмена рабочей силой между отдельными трудящимися и социалистическими предприятиями являются новым типом экономических отношений¹⁹.

Ми Юлу указывает, что товар рабочая сила не является особым порождением капитализма, а есть обычный продукт противоречий между собственностью на средства производства и собственностью на рабочую силу в условиях товарной экономики. Характер социального строя вовсе не определяет характер рабочей силы. Основные отличия социалистического строя от капиталистического состоят в коренном различии потребления капитала²⁰; товаром рабочая сила, которое выражается в совместном присвоении трудящимися прибавочной стоимости после компенсации расходов рабочей силы в процессе создания ею новой стоимости. Товар рабочая сила выступает в качестве составной части товарной экономики. Его специфический характер проявляется в способности создавать новую стоимость в результате потребления самого себя²¹.

Известно положение К. Маркса о том, что «характерной особенностью капиталистической эпохи является тот факт, что рабочая сила для самого рабочего принимает форму принадлежащего ему товара, а потому его труд принимает форму наемного труда (курсив мой.— С. Д.). С другой стороны, лишь начиная с этого момента, товарная форма продуктов труда приобретает всеобщий характер»²².

В приводимой выше статье Дун Фужэна²³ содержатся интересные рассуждения об истории трансформации фразы К. Маркса о «системе наемного труда» («гуюн лаодунчжи»). По словам автора, данное выражение может переводиться с немецкого языка на китайский как «система труда за заработную плату» («гунцзы лаодунчжи») ²⁴. По этой аналогии переводилось, например, название работы К. Маркса «Наемный труд и капитал» («Гунцзы лаодун юй цзыбэнь»). В переводе «Капитала», выполненном

Го Дали и Ван Янанем²⁵, это выражение переводилось уже как «наемный труд за заработную плату» («гунцзы гуян лаодун»). В советском переводе оно превратилось в «наемный труд»²⁶, в каком виде и попало в последующие китайские варианты переводов «Капитала»²⁷, выполненные на основе первого варианта. В английском и японском изданиях данное выражение переводится как «труд за заработную плату» («гунцзы лаодун»). Дун Фужэн, используя фактическую аналогию двух выражений, основанную отчасти на «тонкостях» китайского языка, отождествляет «систему труда за заработную плату» с системой трудовых контрактов (лаодун хэтуничи), которая выражает экономические отношения, основанные на заработной плате за труд. На наш взгляд, необходимо более углубленное, детальное исследование истории выработки К. Марксом вышеуказанных категорий и распространения политэкономических идей марксизма в других странах.

Часть китайских авторов считает, что при социализме существуют не только условия, но и объективная необходимость превращения рабочей силы в товар. По мнению Чжао Голяна, это, во-первых, объективная потребность развития социалистической товарной экономики (все средства производства поступают на рынок в товарной форме, следовательно, и рабочая сила должна являться товаром для их взаимного соединения); во-вторых, потребность реформы системы труда и кадров (свободный перелив рабочей силы, осуществление права свободного выбора профессии и достижение оптимального соединения трудящихся со средствами производства); в-третьих, потребность воспроизводства рабочей силы (повышение ее потребительной стоимости или качества труда, повышение общеобразовательного и культурного уровня трудящихся); в-четвертых, необходимость осуществления социалистического распределения по труду (константа стоимости рабочей силы при различных видах труда может быть использована в качестве параметра при исчислении труда различной степени сложности и критерия определения нормы труда при средних нормальных условиях производства)²⁸. Ван Юнцзян выделяет необходимость пропорционального распределения средств производства и рабочей силы по всем отраслям народного хозяйства и необходимость гибкой системы использования труда²⁹. Ми Юлу утверждает, что превращение рабочей силы в товар способствует более полной реализации ее потребительной стоимости, сокращению растрат и простоев, закладывает фундамент для повышения производительности труда (т. е. потребительной стоимости и стоимости рабочей силы), способствует всестороннему обращению рабочей силы, а также знаний, информации и техники³⁰.

Таким образом, первая группа экономистов выдвигает следующие тезисы для доказательства того, что рабочая сила при социализме является товаром.

— Наличие двух условий превращения рабочей силы в товар, на которые указывал К. Маркс (личная свобода трудящихся и его отчужденность от средств производства).

— Существование причин превращения рабочей силы в товар (неразвитость общенародной собственности, различные хозяйственные уклады, относительная экономическая и юридическая обособленность предприятий).

— Наличие внутренних свойств товара у рабочей силы (потребительная стоимость и стоимость).

— Новый характер субъектов (трудящийся, предприятие) и экономических отношений между ними (отсутствие эксплуатации).

— Прежний характер заработной платы (превращенная форма стоимости и цены рабочей силы).

— Превращение рабочей силы в товар — объективная потребность развития социалистической плановой товарной экономики (товарный характер всех элементов производительных сил; потребность реформы системы труда и кадров, воспроизводства рабочей силы, распределения по труду).

Вторая группа экономистов считает, что рабочая сила при социализме имеет двойственный характер. Она может обладать свойствами товара, а может и не обладать. Некоторые китайские ученые, выражающие эту точку зрения, полагают, что обмен рабочей силой между трудящимися и предприятиями общенародной собственности, коллективными предприятиями, а также между самими трудящимися не является товарным, а рабочая сила соответственно товаром. Рабочая сила, которую нанимают иностранные частные предприятия, предприятия смешанного капитала,

частные предприятия, а также мелкие собственники, в неодинаковой степени обладает товарным характером (в том числе рабочая сила, экспортируемая за рубеж, где она подвергается эксплуатации со стороны иностранных капиталистов). Другие ученые утверждают, что в целях оптимального соединения каждого трудящегося со средствами производства необходимо перейти от формального права на труд к фактическому, имея в виду свободный выбор трудящимися профессии в соответствии с собственным желанием и справедливый отбор и оценку государством и предприятиями самих трудящихся. Этот процесс, по их мнению, представляет собой обмен в денежной форме в качестве эквивалента труда, и поэтому рабочая сила принимает товарный характер. В то же время единство трех основных групп экономических интересов — социалистического государства, предприятия и индивидуума — придает рабочей силе и нетоварный характер³¹.

Авторы — сторонники двойственного характера рабочей силы также начинают исследование с рассмотрения возможности существования при социализме тех двух условий превращения рабочей силы в товар, о которых говорил К. Маркс. Ван Цзюэ и Сяо Синь приходят к выводу, что первое условие (личная свобода трудящегося) существует, а второе полностью утрачено, так как трудящиеся выступают в качестве совладельцев средств производства. Трудящийся при социализме является субъектом социалистических производственных отношений и субъективным элементом или первоэлементом производительных сил. Исходя из первого свойства, рабочая сила не является товаром. Но в условиях товарной экономики все объективные элементы производительных сил (средства производства) являются товарами. Их соединение осуществляется через отношения товарообмена. Следовательно, второе свойство рабочей силы, ее характеристика как субъективного элемента производительных сил вынуждает рабочую силу приобретать стоимость и товарную форму для соединения со средствами производства и превращения в реальную производительную силу³².

Категория «приобретение стоимости» («цзячжихуа»), предлагаемая вышеуказанными экономистами, должна отражать сущность точки зрения о том, что рабочая сила уже не является товаром, но реализуется через следующие стоимостные формы: во-первых, эквивалентный обмен рабочей силой между трудящимися и предприятием принимает форму заработной платы, выплачиваемой в виде денежного вознаграждения; во-вторых, производство и воспроизводство рабочей силы принимает форму денежного обмена товарами потребления через рынок под действием закона стоимости в качестве регулятора; в-третьих, заработная плата, выплачиваемая трудящимся предприятием, формирует важную часть себестоимости производства предприятия.

Касаясь сущности заработной платы при социализме, эти авторы утверждают, что она определяется на основе закона стоимости законом распределения по труду³³.

Многие исследователи в подтверждение двойственного характера рабочей силы приводят примерно аналогичные доводы. Хуан Шисюн придерживается точки зрения о том, что рабочая сила не является товаром в силу ряда обстоятельств: трудящиеся выступают совладельцами средств производства, т. е., будучи членами производственных коллективов, пользуются равными правами хозяев, участвуют в контроле за процессом производства, управления и т. д.; предприятие — «покупатель» рабочей силы — в действительности представляет собой тот же коллектив трудящихся; купля-продажа рабочей силы управляется законом распределения по труду. В этой связи заработная плата при социализме не является превращенной формой стоимости и цены рабочей силы, а является частью потребления общественного продукта каждым трудящимся, предоставляемой ему по принципу распределения по труду после произведенных отчислений в общественные фонды. Главным в двойственной природе рабочей силы при социализме является, по мнению этих экономистов, ее нетоварная сторона, однако обращение рабочей силы по-прежнему носит форму товарообмена³⁴.

Ху Чэнь видит причины того, что рабочая сила при социализме не является товаром, в наличии общественной собственности на средства производства и новом характере заработной платы, которая представляет собой уже не стоимость рабочей силы, а стоимость дохода, распределяемого по труду. Хотя рабочая сила не товар, но она может принимать товарную форму для обмена и попадать в обращение, которое контролируется плановой и рыночной системами. Причины обращения

рабочей силы заключаются в неодинаковом уровне доходов трудящихся на различных социалистических предприятиях³⁵.

Некоторым авторам свойственны принципиальные теоретические ошибки, допущенные в свое время еще классиками буржуазной политэкономии и справедливо подвергавшиеся критике со стороны К. Маркса в ряде его трудов. Так Чжао Люйкуань и Ян Тижэнь заявляют, что рабочая сила не является элементом производства, а этим элементом является живой труд. Основанием для своих суждений они взяли слова К. Маркса о трех главных элементах, слагающих процесс труда: «Целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда»³⁶. Само это положение не вызывает никаких сомнений. Рабочая сила есть потенциальная способность к труду, рассуждают китайские ученые. В то время, когда ее не используют, она не имеет никакого отношения к процессу производства. На основе этого делается неверный вывод, что товаром является живой труд, который представляет собой использование рабочей силы. Он выступает, по их мнению, специфическим товаром в отличие от классических: не является продуктом труда, но сам является источником стоимости, не имеет стоимости, но все-таки имеет цену — заработную плату в денежной форме.

Данная позиция критикуется и многими китайскими авторами, например Вэй Сином³⁷. Он показывает, что К. Маркс, касаясь простых элементов процесса труда, всегда имел в виду лишь те элементы, которые поступают в процесс труда, а не просто элементы производства. Говорить о «самом труде» в качестве одного из факторов процесса труда, естественно, верно. Но, говоря о факторах производства, К. Маркс употреблял категории «рабочая сила» и «средства производства»; «элементы производства (рабочая сила и средства производства)»³⁸; «каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами»³⁹. Следовательно, если называть живой труд товаром, то это возвращает нас назад к трудам английской классической политэкономии и ранним произведениям К. Маркса («Наемный труд и капитал» и др.), где он писал о труде как товаре и о цене труда при капитализме. Впоследствии К. Маркс отбросил эти традиционные представления, убедительно показав в «Капитале», что цена труда в действительности есть цена товара рабочая сила. Живой труд не может быть товаром вообще. Это положение разделяет Янь Синьбао, показывающий, что живой труд не обладает двумя необходимыми свойствами товара (не является продуктом труда, не имеет стоимости, способен лишь приводить в действие средства производства). Только конечный результат процесса труда — продукт труда — может являться товаром, считает Янь Синьбао⁴⁰.

Что касается исчезновения двух условий превращения рабочей силы в товар при социализме, налицо единодушие авторов, сходящихся в том, что, поскольку отсутствует второе условие, выдвинутое К. Марксом, рабочая сила не является товаром. Но необходимо до конца проанализировать причины, обуславливающее принятие ею товарной формы в сфере обращения.

Сюй Чжэньлянь называет это явление «товаризацией» рабочей силы (шанпиньхуа). Он рассматривает проблему на трех уровнях: государства, предприятия и отдельного труженика. На уровне государства распределение общественного труда может принимать различные формы реализации. Первая — непосредственное распределение путем точного подсчета времени всего общественного труда. Вторая — косвенное распределение посредством рынка, удовлетворяющее социальные потребности по их внешней форме проявления — спросу на рынке. По мнению Сюй Чжэньляня, современный уровень развития производительных сил, науки и техники пока еще не может обеспечить точный подсчет времени всего общественного труда, а также учет разнообразных, меняющихся на глазах общественных потребностей. Поэтому только косвенное распределение в товарно-денежной форме способно разрешить данную проблему. На уровне предприятия в условиях товарной экономики все различные факторы производства должны иметь единый критерий, такой, как цена. Речь идет о цене средств производства, техники, проценте на капитал, заработной плате трудящихся. На уровне отдельного трудящегося, вследствие того, что труд еще не стал первой жизненной потребностью, а является лишь средством существования, рабочая сила принимает товарную форму цены для взаимного сопоставления на рынке. В этом случае цена выступает не только в качестве объективного

критерия сравнения сущности рабочей силы, но и становится внутренним побуждением развития трудовых навыков самих трудящихся. Зарботная плата приобретает две важные характерные особенности: является критерием сопоставления рабочей силы неодинакового качества на рынке и формой реализации распределения по труду, так как принцип социалистического распределения может осуществляться только в конкретной форме эквивалентного обмена⁴¹.

Таким образом, вторая группа экономистов выдвигает следующие тезисы для доказательства того, что рабочая сила при социализме имеет двойственный характер.

— Рабочая сила в социалистическом секторе экономики не является товаром (отсутствует второе условие К. Маркса).

— Рабочая сила принимает товарную форму при соединении со средствами производства в сфере обращения (товарообмен между трудящимися и предприятиями).

— Причины приобретения рабочей силой товарной формы: товарный характер всех элементов производительных сил; необходимость учета общественного труда и общественных потребностей, осуществления распределения по труду, развития личности через воспитание потребности к труду.

— Новый характер субъектов и экономических отношений между ними.

— Новый характер заработной платы по сравнению с капитализмом (особая форма вознаграждения за труд).

Третья группа экономистов придерживается общепринятой в марксистско-ленинской политэкономии точки зрения о том, что рабочая сила в условиях социализма не является товаром и находится вне сферы действия товарно-денежных отношений. Это объясняется отсутствием условий для ее превращения в товар. Однако зачастую авторы используют не совсем верную или точную аргументацию при доказательстве правильных научных положений.

Дин Сюэчжоу, например, заявляет, что первое условие (личная свобода) уже не совсем полное по содержанию, так как при социализме вместе со свободой трудящийся несет целый ряд обязанностей по отношению к обществу. В этом смысле «полной» свободы, типичной для буржуазного общества, при социализме в основном нет. Второго условия тем более не существует, потому что господство общественной собственности на средства производства делает трудящегося их хозяином и владельцем, а также потребителем⁴². При социализме экономические отношения между трудящимся и государством (предприятием) наполняются новым содержанием. Во-первых, в социалистическом обществе осуществляется добровольное соединение труда на предприятиях как основном экономическом звене. Трудящиеся сами выбирают наиболее соответствующее их желаниям место совместного труда. Им становится коллектив добровольно ассоциированных тружеников. Трудящийся избирается и принимается этим коллективом, становясь его членом. Во-вторых, после вступления в процесс производства трудящийся все еще в определенной форме сохраняет за собой право распоряжения и владения рабочей силой. В-третьих, заработная плата приобретает новый характер по сравнению с капитализмом⁴³.

Зарботная плата при социализме является не превращенной формой стоимости и цены рабочей силы, а особой формой вознаграждения за труд. Ее размеры не ограничиваются узкими рамками стоимости жизненных средств, необходимых для производства и воспроизводства рабочей силы. К. Маркс был убежден, что следует «освободить эту долю (заработную плату.— С. Д.) от капиталистических ограничений и расширить ее до того объема потребления, который, с одной стороны, допущается наличной производительной силой общества (то есть общественной производительной силой собственного труда рабочего как действительно общественного труда) и которого, с другой стороны, требует полное развитие индивидуальности...»⁴⁴.

Многие китайские исследователи опираются на это указание К. Маркса. Дин Сюэчжоу отмечает, что социалистический трудящийся, кроме заработной платы, также пользуется общественными фондами потребления, премиями, распределением прибыли. Пропорции индивидуального потребления определяются в соответствии с основным экономическим законом и законом планомерного, пропорционального развития.

Социалистическая экономика является товарной экономикой, поэтому все материальные продукты, в особенности предметы потребления, приобретаются в денеж-

ной форме. В этих условиях совершенно неизбежно, что вознаграждение трудящихся принимает денежную форму⁴⁵. Дань Юнтан выдвигает свою формулу заработной платы, отражающую внутреннее содержание заработной платы при социализме как особой формы вознаграждения за труд: $v + \frac{m}{x}$ (где $\frac{m}{x}$ соответствует потребляемому капиталистом m). По его мнению, данная связь является экономическим выражением собственности трудящихся на средства производства в условиях социализма⁴⁶. Трудящийся, кроме владения собственно заработной платой, представляющей собой стоимость, которую создает его труд (v), также участвует в распределении прибавочной стоимости (m) через фонды общественного потребления⁴⁷.

Хэ Ганьцян предостерегает против отождествления товарных свойств продуктов труда с «товаризацией» рабочей силы (денежной формой трудового дохода трудящихся)⁴⁸.

Чэнь Вэньтун, вступая в полемику с Хань Чжиго, категорически отвергает его мнение о том, что превращение рабочей силы в товар есть общая предпосылка обращения рабочей силы, а также внутреннее содержание обращения. Характерной чертой превращения рабочей силы в товар является безвозмездное предоставление «покупающему» своей рабочей силы. Хотя по форме предприятие и сохраняет некоторую независимость по отношению к трудящимся, оно отнюдь не выступает чуждым им объектом, а является коллективом ассоциированных труженников. Трудящиеся осуществляют непосредственное соединение со средствами производства. Если рассматривать заработную плату как цену рабочей силы, то прибавочный труд должен принадлежать не самим трудящимся, а некоему противостоящему им классу. В целом социалистическая экономика имеет три коренных отличия от капиталистической. Во-первых, предприятие основывается на совместном (ассоциированном) труде; рабочая сила не является товаром, осуществляется демократическое управление и распределение по труду; во-вторых, высшая цель производства — материальное и духовное развитие самих трудящихся; в-третьих, государство выступает как высший собственник и представитель народа, ведущий плановое управление и регулирование общественного производства⁴⁹.

Хань Цзюньцин указывает, что особые свойства товара рабочая сила не могут выражаться через эквивалентный обмен трудом в процессе товарообмена. Кроме того, по словам автора, из учения К. Маркса о социалистическом распределении по труду не вытекает заключение о том, что рабочая сила находится в индивидуальной собственности⁵⁰. Если рабочая сила — товар, тогда по общим принципам товарообмена каждый отдельный трудящийся в процессе предоставления рабочей силы социалистическому предприятию может получать вознаграждение лишь по стоимости своей рабочей силы, тогда как при распределении по труду, кроме получения необходимых жизненных благ, он участвует в развитии средств производства и т. п. К тому же трудящийся, превращаясь в «продавца» рабочей силы, уже не является хозяином общества. Это доказательство от противного, по мнению Хань Цзюньцина, делает возможным вывод о том, что при социализме конкретное соединение рабочей силы со средствами производства является эквивалентным обменом трудом, а не куплей-продажей рабочей силы⁵¹.

В китайской печати также высказывалось мнение о том, что трудящиеся используют общественные средства производства для совместного труда и процесс производства в конечном итоге идет под их контролем, поэтому потребление рабочей силы есть дело самого трудящегося, а прохождение рабочей силы через рынок не способно придать ей атрибуты стоимости⁵².

Хэ Ганьцян также строит свои доказательства методом от противного. Он делает предположение, что рабочая сила — товар. Тогда перед вступлением непосредственно в производство стоимость товара рабочая сила должна быть уже определена, а трудящийся должен получать вознаграждение по стоимости или цене рабочей силы, что противоречит социалистическому принципу распределения по труду. После продажи товара рабочая сила его потребительная стоимость переходит в собственность «покупателя». По закону товарного обращения трудящийся получает оплату со стороны «покупателя». Это противоречит тому, что трудящийся — хозяин предприятия, которое и является этим самым «покупателем». «Покупатель» предоставляет работу, которая может не совпадать с желанием трудящегося, что подрывает условия свободного обращения рабочей силы.

Тем не менее при социализме, по словам автора, существуют две объективные причины, обуславливающие обращение рабочей силы: закон смены труда (ротации кадров), проявляющийся в связи с научно-технической революцией, и потребность свободного и всестороннего развития каждого члена общества. Превращение рабочей силы в товар по своей сути противоречит всестороннему обращению рабочей силы⁵³.

Вэй Синхуа отвергает попытки представить превращение рабочей силы в товар в качестве предпосылки существования товарной экономики вообще. Он приводит примеры рабовладельческого и феодального обществ, где существовала «простая товарная экономика», а рабочая сила не являлась товаром. Следовательно, для развития социалистической товарной экономики в этом условии нет необходимости⁵⁴.

Таким образом, третья группа экономистов, придерживающаяся точки зрения о том, что рабочая сила при социализме не является товаром, выдвигает следующие доводы.

— Рабочая сила не является товаром и находится вне сферы товарно-денежных отношений: отсутствует второе условие К. Маркса, новое содержание приобрело первое условие, отсутствуют внутренние свойства товара.

— Новый характер субъектов и экономических отношений между ними.

— Отрицание необходимости превращения рабочей силы в товар как предпосылки развития товарной экономики и обращения рабочей силы.

— Новый характер заработной платы.

Приведенные различные точки зрения свидетельствуют, что вопрос о характере рабочей силы при социализме еще не решен китайской экономической наукой.

¹ См.: Ван Шу вэй. Изложение обсуждения вопроса о рынке рабочей силы.— «Гуанмин жибао», 2.VIII.1986.

² См.: «Жэньминь жибао», 20.IX.1986.

³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 178—179.

⁴ См.: Чжао Голян. Замечания по поводу социалистического товара рабочая сила.— «Гуанмин жибао», 23.VIII.1986.

⁵ См.: Хань Чжиго. Рабочая сила в условиях социализма по-прежнему является товаром.— Там же, 2.VIII.1986.

⁶ См.: Чжоу Вэньфу. О социалистическом рынке рабочей силы и товарности рабочей силы.— «Шэньчжэнь кэсюэ», 1986, № 8, с. 35.

⁷ См.: Ми Юлу. «Товаризация» рабочей силы является тенденцией развития, которая не может изменить ситуацию в худшую сторону.— «Гуанмин жибао», 11.X.1986.

⁸ См.: Цзоу Тунъю. Рассмотрение вопроса о товаре рабочая сила в условиях социализма.— Там же, 19.VII.1986.

⁹ См.: Ван Юнцзян. Объективная необходимость осуществления системы трудовых контрактов.— Там же, 20.IX.1986.

¹⁰ См.: Синь Линун. О некоторых вопросах товара рабочая сила.— Там же, 9.VIII.1986.

¹¹ См.: Дань Юнтан. О некоторых теоретических трудностях признания товарного характера рабочей силы.— Там же, 18.X.1986.

¹² См.: Чжуан Хунсян. Признание товара рабочая сила не может отрицать социалистического строя.— Там же, 7.IX.1986.

¹³ См.: Хань Чжиго. Указ. соч.

¹⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 318.

¹⁵ Там же, т. 16, с. 253.

¹⁶ Там же, т. 23, с. 102.

¹⁷ См.: Дун Фужэн. Вкратце о системе труда и о том, является ли рабочая сила товаром.— «Гуанмин жибао», 4.X.1986.

¹⁸ Как видно, некоторые экономисты этой группы все-таки признают данное положение, хотя с оговорками, подчеркивая «формальный» характер владения трудящимися средствами производства.

¹⁹ См.: Синь Линун. Указ. соч.

²⁰ Ми Юлу произвольно использует категорию капитала, отсутствующую в политэкономии социализма.

²¹ См.: Ми Юлу. Указ. соч.

²² К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 181.

²³ См.: Дун Фужэн. Указ. соч.

²⁴ Система наемного труда — «гуюн лаодунчжи»; система труда за заработную плату — «гунцзы лаодунчжи».

- ²⁵ К. Маркс. Капитал. Критика политической экономии. Перевод Го Дали, Ван Яняня. Пекин, 1953 (на кит. яз.).
- ²⁶ См., например: К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 181 (сноска 41).
- ²⁷ См.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Полн. собр. соч. Пекин, 1972 (на кит. яз.).
- ²⁸ См.: Чжао Голян. Указ. соч.
- ²⁹ См.: Ван Юнцзян. Указ. соч.
- ³⁰ См.: Ми Юлу. Указ. соч.
- ³¹ См.: Ван Шувэй. Указ. соч.
- ³² См.: Ван Цзюэ, Сяо Синь. О рынке трудовых ресурсов.— «Гуанмин жибао», 12.VII.1986; Вновь о рынке трудовых ресурсов.— Там же, 29.XI.1986.
- ³³ См. там же.
- ³⁴ См.: Хуан Шисюн. Рабочая сила в условиях социализма обладает двойственным характером.— Там же, 26.VII.1986.
- ³⁵ См.: Ху Чэнь. Открытие рынка рабочей силы вовсе не ставит в качестве предпосылки превращение рабочей силы в товар.— Там же, 25.X.1986.
- ³⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 189.
- ³⁷ См.: Вэй Син. Существует ли «товар живой труд»? — «Гуанмин жибао», 11.X.1986.
- ³⁸ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 24, с. 64—65.
- ³⁹ Там же, с. 43.
- ⁴⁰ См.: Янь Синьбао. Живой труд не является товаром.— «Гуанмин жибао», 25.X.1986.
- ⁴¹ См.: Сюй Чжэньлян. О необходимости «товаризации» социалистической рабочей силы.— «Шэхуэй кэсюэ», 1986, № 8, с. 36—37.
- ⁴² См.: Дин Сюэчжоу. В условиях социализма рабочая сила не является товаром.— «Гуанмин жибао», 26.VII.1986.
- ⁴³ См.: Ван Шувэй. Указ. соч.
- ⁴⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, с. 448.
- ⁴⁵ См.: Дин Сюэчжоу. Указ. соч.
- ⁴⁶ См.: Дань Юнтан. Указ. соч.
- ⁴⁷ См.: Ван Шувэй. Указ. соч.
- ⁴⁸ См.: Хэ Ганьцян. О причинах и формах обращения рабочей силы.— «Гуанмин жибао», 20.IX.1986.
- ⁴⁹ См.: Чэнь Вэньтун. Рабочая сила при социалистическом способе производства не является товаром.— «Гуанмин жибао», 16.VIII.1986.
- ⁵⁰ Тезис, получивший широкое распространение в экономической литературе КНР.
- ⁵¹ См.: Хань Цзюньцзин. Эквивалентный обмен трудом не является обменом рабочей силой.— «Гуанмин жибао», 25.X.1986.
- ⁵² См.: «Тяньцзинь шэхуэй кэсюэ», 1985, № 5.
- ⁵³ См.: Хэ Ганьцян. Указ. соч.
- ⁵⁴ См.: Вэй Синьхуа. Критика взглядов на социалистический товар рабочая сила.— «Гуанмин жибао», 27.IX.1986.

«Жэньминь жибао» о задачах сельского хозяйства страны

Многосторонние экономические и социальные преобразования в китайской деревне, проводимые с конца 1978 г., как можно видеть из публикуемых в печати статистических данных, обеспечили значительное ускорение темпов роста сельского хозяйства страны. Подводя итоги развития этой отрасли народного хозяйства в 80-х гг., «Жэньминь жибао» (14.III.1987) пишет, что общая валовая стоимость продукции на селе в 1986 г. в сравнении с 1980 г. увеличилась в два с лишним раза, средний доход деревенского жителя возрос со 191 до 424 юаней. В 1986 г. собрано более 391 млн. т зерна. Это на 70 млн. т больше, чем в 1980 г., хотя и несколько меньше, чем в рекордном 1984 г., когда было получено 407 млн. т зерна. Стабильный рост наблюдается в производстве свинины, говядины, баранины. Резко увеличилось производство морепродуктов и фруктов. Неуклонно наращиваются масштабы применения сельскохозяйственных машин и транспортных средств.

Однако, как пишет сотрудник Научно-исследовательского института развития деревни Академии общественных наук Китая Ван Дай («Жэньминь жибао», 12.III.1987), «за последние два года в сельском хозяйстве страны наблюдается замедление темпов развития». Эту же тенденцию отмечают и другие китайские специалисты. Большинство из них указывает, что реформа в деревне до последнего времени осуществлялась главным образом в микроэкономике и в этой сфере себя практически исчерпала. Необходимо ясно видеть, говорится, например, в комментарии «Жэньминь жибао» от 2.III.1987., что «задействованные резервы роста быстро исчерпываются», а «стремительный подъем сельского хозяйства обеспечивался не столько нововведениями, сколько тем, что длительный период в прошлом производительные силы в деревне были скованы». Освобождение их обеспечило рывок, но сохраняющаяся давних пор неразвитость сельского хозяйства не была преодолена, констатирует газета, указывая на необходимость преодоления ряда имеющихся место факторов, неблагоприятных для дальнейшего развития сельского хозяйства.

Пути дальнейшего развития реформы в сельском хозяйстве широко обсуждаются на страницах «Жэньминь жибао». Публикуются материалы дискуссии под специально введенной для этого рубрикой: «Крепить тылы сельского хозяйства». Большое внимание этой теме в последнее время уделяют и другие газеты. «Гуанмин жибао» (4.IV.1987), например, поместила большую теоретическую статью группы авторов, в которой рассматриваются основные итоги реформы в деревне и делается вывод о необходимости переноса ее в сферу макроэкономики. Первый этап реформы, говорится в статье, решил проблему самостоятельности крестьянина в производственной сфере. Подрядные дворы получили широкие права в хозяйственной деятельности, возможность самостоятельно распоряжаться плодами своего труда. В результате реформы уже установилась такая система обращения сельскохозяйственной продукции, которая обеспечивает соответствие между производством и потреблением. Важным этапом здесь стала реформа системы централизованных закупок, начатая в 1985 г. Она сформировала систему параллельного существования контрактных и рыночных закупок, контрактных и рыночных цен. Однако этого недостаточно. Для дальнейшего развития сельского хозяйства необходим перевод реформы из «микроэкономики в сферу макроэкономики», ее «углубление и расширение», «охват преобразованиями не только производства, но и сферы обращения».

Многие статьи призывают не поддаваться благодушию, упоению успехами. Оценивая современный уровень развития сельского хозяйства Китая, пишет «Жэньминь жибао» (2.III.1987), «было бы неправомерным не придавать должного значения достижениям, но опасно и пренебрежительное отношение к существующим проблемам». В обстановке больших положительных сдвигов в сельском хозяйстве, происшедших в последние годы, «некоторые руководители посчитали, что все стоявшие перед сельским хозяй-

ством преграды уже преодолены, и успокоились, ослабили руководство и помощь сельскому хозяйству». Газета расценивает подобные настроения как «политическую слепоту».

Ряд авторов предостерегает от попыток на местах приукрасить достижения последних лет. После 1978 г., пишет в газете (9.III.1987) начальник секретариата Шанхайского научного общества экономики сельского хозяйства Чэнь Сигэнь, «положение в деревнях стало хорошим», «однако крестьяне не так уж и разбогатели». Тем не менее на местах рост доходов крестьян стал рассматриваться как результат повышения политического уровня и лучшей работы руководящих кадров в волостях и уездах. Автор в связи с этим указывает на опасность приписок, поскольку в некоторых волостях в статистические данные о доходах крестьян стали включаться и выдаваемые крестьянам кредиты, которые никак нельзя относить к доходам.

Проблемы дальнейшего развития сельского хозяйства страны уже вышли за рамки газетных дискуссий. В начале марта (2.III.1987) сообщалось о том, что ряд центральных министерств и организаций (Отдел политики в деревне Секретариата ЦК КПК, Министерство земледелия, животноводства и рыбного хозяйства, Министерство лесной промышленности, Министерство гидроэнергетики, Центр по изучению развития деревни Госсовета КНР) совместно выработали Предложения по обеспечению стабильного роста сельского хозяйства. ЦК КПК и Госсовет, как пишет газета, одобрили этот документ и проводят его положения в жизнь.

В Предложениях ставятся две цели, достижение которых считается «стратегическим требованием успешного развития экономики Китая до конца столетия»: во-первых, обеспечить стабильное производство зерна на уровне 450—500 млн. т в год и тем самым увеличить потребление продовольственного зерна в среднем до 400 кг на душу населения в год; во-вторых, обеспечить стабильный рост доходов крестьян и поднять их до уровня доходов городского населения, поскольку в настоящее время уровень потребления сельского жителя почти в 2,5 раза ниже, чем горожанина. Достижение этих целей, говорится в Предложениях, невозможно без существенного укрепления базы и тылов сельского хозяйства, что предполагается осуществлять по восьми главным направлениям.

Первое направление предусматривает меры, направленные на сокращение и ликвидацию «ножниц цен» на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. Как пишет руководитель исследовательского центра по вопросам аграрной политики Секретариата ЦК КПК Ду Жуньшэн в журнале «Хунци» (1985, № 8), «ножницы цен» были необходимы для проведения индустриализации, которая осуществлялась не только за счет накоплений в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Часть доходов крестьян изымалась в интересах индустриализации. Сейчас положение меняется, повышены цены на сельскохозяйственную продукцию, появились накопления у крестьян, улучшилось снабжение деревни средствами производства.

Для ликвидации «ножниц цен», пишет «Жэньминь жибао», необходимо, с одной стороны, дать крестьянину возможность производить ту продукцию, которая ему выгодна, а с другой — обеспечить земледельца всем необходимым, чтобы он ни в коем случае не потерял интерес к капиталовложениям. На период седьмой пятилетки намечается завершить реформу, связанную с перестройкой системы закупок и сбыта сельскохозяйственной продукции, и на этой основе сформировать приемлемую структуру цен на сельскохозяйственную продукцию. Для стабилизации спроса и предложения на рынке и сглаживания возможных колебаний цен предполагается ежегодно по каждой позиции создавать резервные рыночные фонды главных сельскохозяйственных продуктов.

Второе направление, которому уделяется в последнее время в публикациях китайских газет наибольшее внимание, предусматривает ускоренное внедрение в сельском хозяйстве научных агроприемов, эффективной техники, новых сортов растений, высокопродуктивных пород животных. Ставится задача, отмечает «Жэньминь жибао», «достигнуть наибольшего эффекта при малых капиталовложениях». Правительство КНР, пишет «Жэньминь жибао» (7.III.1987), уже определило 10 видов сельскохозяйственной техники, которые должны усиленно внедряться в ближайшее десятилетие. Начиная с текущего года Министерство земледелия, животноводства и рыбного хозяйства должно создать специальный фонд по внедрению высокопроизводительной техники.

Предполагается сконцентрировать внимание и силы на внедрении наиболее продуктивных пород животных, высокоурожайных сортов зерновых, хлопка. Намечается расширить сферу и улучшить технологию использования в сельском хозяйстве пленочных покрытий и других материалов. Большое внимание будет уделено повышению эффективности использования химических удобрений, внедрению оросительной техники с экономным расходом воды.

Широкое развитие в китайской деревне в последнее время получили организации по освоению сельскохозяйственной техники. Их формы весьма разнообразны. Только за один 1986 г. их число возросло с 6 млн. до 7 с лишним млн., пишет газета (5.III.1987). Основная задача этих организаций — развитие товарного производства на основе широкого использования техники. Каждая из групп выбирает определенное конкретное направление товарного производства. В уезде Тайгу провинции Шаньси, например, был создан кооператив по возделыванию бахчевых, в который вступили более 150 человек из 7 волостей и 16 деревень. Они фактически создали технико-экономическое объединение с основным имуществом стоимостью 100 тыс. юаней для разностороннего обслуживания 10 тыс. дворов. На организованных кооперативом вечерних курсах подготовлено свыше 3 тыс. механизаторов, специалистов по использованию техники при возделывании бахчевых.

В китайской деревне распространяется практика формирования комплексных обслуживающих звеньев. Основная их задача — внедрение научных агротехнических приемов и обеспечение техникой. Например, в одной из деревень провинции Аньхой («Жэньминь жибао», 5.III.1987) община пригласила 7 механизаторов, которые создали станцию научно-технической помощи. Станция представляет собой консультативный центр, располагающий кадрами, техникой, информацией. Она стала кооперативом, занимающимся внедрением агроприемов. В прошлом году эта станция научно-технической помощи вела борьбу с вредителями и болезнями растений на площади 120 тыс. му (1 му = 1/15 га), распространила 70 тыс. цзиней (1 цзинь = 0,5 кг) сортовых семян, выполнила многие другие услуги, эффективность которых оценивается в 6750 тыс. юаней.

Деятельность по пропаганде научных знаний и внедрению их в жизнь носит самые разнообразные формы. Широко распространены, например, бюллетени по науке и технике, которые «рассчитаны на различные круги населения и все больше ориентируются на производство». Каждый номер научно-технического бюллетеня в провинции Шаньдун, например, выходит тиражом 2 млн. экземпляров, а общий прошлогодний тираж превысил 11 млн. экземпляров. Получила распространение и устная пропаганда научного опыта. В прошлом году только в 6 провинциях и автономных районах действовали 1700 автомашин, специально оборудованных для лекционной пропаганды в деревнях.

6 марта 1987 г. в Пекине состоялся слет мастеров-механизаторов и передовиков различных обществ и групп по внедрению техники и научных знаний на селе. Выступивший на слете заместитель председателя правления Китайского сельскохозяйственного научного общества Хэ Кан отметил, как сообщает «Жэньминь жибао» (7.III.1987), что «сеть групп и обществ по распространению научных знаний на селе, связывающая различные организации и направления работы, в основном уже сформировалась». К настоящему времени в Китае, указывается в сообщении, создано уже свыше 50 тыс. поселковых и волостных групп по внедрению техники и научных знаний в сельском хозяйстве. Газета «Жэньминь жибао» (5.III.1987), рассказывая о положительном опыте подобных групп, отмечает, что они «заложили хорошую основу для обобщения опыта на научной основе».

Внедрение науки и техники на селе, по оценке китайской печати, открывает новые возможности для ликвидации бедности и повышения жизненного уровня крестьянства. Общества по внедрению научно-технических достижений в деревне только в прошлом году оказали через свои местные организации помощь свыше 2 млн. дворов бедняков, и в результате «из тисков бедности были вырваны 210 тыс. дворов». В качестве положительного примера газета приводит деятельность созданной в прошлом году в провинции Гуйчжоу организации по оказанию научно-технической помощи бедноте. В нее вошли 7 тыс. научно-технических работников. Они выезжали в отдаленные горные районы и добились больших результатов. Хэ Кан в своем выступлении подчеркивал необходимость продолжать активно поддерживать и стимулировать направление на работу в сельские местности научно-технических работников для

руководства и организации дела, для шефства над волостными и поселковыми предприятиями. Газеты, говоря о повышении зажиточности крестьян, указывают и на то, что среднегодовой заработок семей молодых механизаторов превышает 600 юаней в год. Таких семей, пишет «Жэньминь жибао» (5. III.1987), уже насчитывается свыше 6 млн.

Внедрение научных методов, указывается в Предложениях, необходимо осуществлять во всех отраслях сельского хозяйства. В животноводстве большое внимание рекомендуется уделить совершенствованию ветеринарной службы, внедрению комплексных методик защиты животных от болезней. Намечается освоение передовой техники и технологии для выращивания морепродуктов на шельфе, посадка быстрорастущих лесонасаждений. В специальном пункте указывается на безотлагательную необходимость разработки и внедрения новой техники и технологии обработки и переработки, хранения и транспортировки скоропортящихся продуктов.

Большинство таких мероприятий, пишет «Жэньминь жибао», требует государственных капиталовложений, и эти расходы необходимо включать в качестве ключевых пунктов в Государственный план. В то же время предполагается, что часть средств будет поступать из бюджетов местных органов, что позволит значительно расширить масштабы внедрения новой техники в сельском хозяйстве.

Третьим направлением является мелиорация. Как подчеркивает «Жэньминь жибао» (18.V.1987), развитие сельского хозяйства Китая во многом сдерживается нехваткой пахотных земель. Тем не менее за годы шестой пятилетки их площадь в стране сократилась на 36,8 млн. му, то есть ежегодно утрачивалось в среднем более 7 млн. му, а в прошлом же году, как пишет газета со ссылкой на статистическое управление, — 9 млн. му, что равно площади всех пахотных земель такой провинции, как Цинхай. По мнению китайских специалистов, уменьшение площади пахотных земель является одной из главных причин уменьшения сбора зерновых в последние два года. В 1985 г. производство зерна в стране в сравнении с рекордным предшествующим годом уменьшилось на 28,2 млн. т. При этом примерно 19 млн. т недополучено из-за сокращения посевов зерновых на 60,58 млн. му в сравнении с предыдущим годом. 15 млн. му приходится на потери пахотных земель, а остальное сокращение обусловлено изменением структуры посевов. В 1986 г. площади под зерновыми были увеличены на 30 млн. му, и во многом в результате этого производство зерна увеличилось почти на 12 млн. т, но так и не достигло рекордного уровня 1984 г. Более того, обрабатываемые земли в целом вновь сократились на 9 млн. му, а это значит, что расширение площадей под зерновыми произведено за счет технических культур, производство которых снижается.

Насущной задачей стали охрана, улучшение и расширение пахотных земель. В Предложениях рекомендуется установить строгий контроль за использованием земли на несельскохозяйственные цели, чтобы довести ежегодные сокращения пахотных угодий хотя бы до 5 млн. му. Одновременно предполагается провести работы по выявлению земель, которые можно окультурить. В Предложениях предусматривается улучшение и восстановление свыше 100 млн. му земель, в том числе преобразование 50 млн. му малопродуктивных солончаковых, заболоченных и красноглинистых земель в пригодные для возделывания.

Намечается увеличить орошаемые площади на 40 млн. му за счет освоения целины, а также ввести в хозяйственный оборот 30 млн. му ныне заброшенных старых поливных площадей. Предлагается более эффективно использовать также альпийские луга для развития животноводства и увеличения производства продовольствия.

Четвертое направление обеспечения стабильного роста сельского хозяйства предусматривает расширение площадей под культурами, которые возделываются по интенсивной технологии. Здесь намечается дифференцированный подход. Работы по этому направлению развернутся в первую очередь в экономически развитых районах страны. Планируется в опытный порядок создать семейные хозяйства по производству товарного зерна с целью повышения производительности труда. В обычных районах намечается на базе организации качественного обслуживания добиваться объединения дворовых хозяйств, что считается необходимым для внедрения интенсивных технологий.

Пятое направление в развитии реформы в деревне — изменение структуры производства на селе, перевод 100 млн. человек из сферы растениеводства в

сферу сельской промышленности и обслуживания. Эта работа проводится уже давно. «Жэньминь жибао» (14.III.1987) расценивает как важный положительный момент то, что с 1980 по 1986 г. доля промышленности и услуг в структуре валовой продукции села поднялась с 31,1 до 47 % и почти сравнялась с долей сельскохозяйственного производства. Это говорит о том, делает вывод газета, что «значительная армия крестьян, покинув землю, перешла в новые, более производительные сферы. Налицо формирование новой хозяйственной обстановки в деревне, более многообразной, с большим числом отраслей».

В настоящее время в сельском хозяйстве существует большой избыток рабочей силы. По мнению китайских специалистов, в этом коренная причина низкой производительности труда и бедности крестьянства. Расчеты показывают, пишет «Жэньминь жибао» (2.III.1987), что к концу 1995 г. избыточная рабочая сила в деревне может превысить 200 млн. человек. Выход только один, считают авторы Предложений. Он состоит в переливе рабочей силы в новые отрасли, на предприятия волостей и поселков, в развитии многоотраслевого хозяйства.

Развитие промышленности по переработке сельскохозяйственной продукции рассматривается комментаторами как «важный фронт модернизации сельского хозяйства». Государство, считают они, должно выделить для нужд промышленности деревни необходимое оборудование и сырье, поддержать усилия крестьян по созданию головных предприятий по переработке продукции, ее хранению, перевозке и сбыту. Ключевая задача — строительство холодильников, складов и других объектов, необходимых для организации товарного обращения.

Шестое направление развития реформы на селе предусматривает ускоренную подготовку кадров механизаторов. Мероприятия этого направления во многом обеспечиваются выполнением задач второго и четвертого направлений, но тем не менее в Предложениях они выделены. Для решения задачи подготовки механизаторов считается необходимым в течение пяти лет дополнительно направить на село 200 тыс. человек технического персонала. Для этого от государства также потребуются дополнительные расходы, пишут газеты. Однако возможности финансирования из государственного бюджета, видимо, ограничены и, судя по публикациям, основное внимание намечается уделить развитию инициативы на местах, претворению в жизнь лозунга «город помогает селу на общественных началах». За последний год в стране повсюду стали создаваться организации и общества по распространению научных знаний на селе. Их работа, пишет «Жэньминь жибао» (5. III. 1987), направлена на то, чтобы «сформировать новый тип китайского крестьянина, что имеет важное значение для дальнейшего развития сельской экономики».

В этих целях в прошлом году научные организации мобилизовали многие тысячи научных работников и миллионы помощников на селе «для массового, тесно увязанного с практикой технического обучения крестьян». Всего на различные курсы было принято 36 млн. молодых людей из деревень и подготовлено 900 тыс. механизаторов. О масштабах работы говорит тот факт, что в ряде узлов обучением было охвачено более половины молодежи. В текущем году, как пишет «Жэньминь жибао» (7.III.1987), подобными курсами предполагается охватить 20 млн. молодых крестьян и подготовить 1 млн. механизаторов.

Седьмое направление предусматривает расширение промышленного строительства в интересах сельского хозяйства. Предполагается, например, что к 1995 г. при условии роста использования химических удобрений на 10 % общий объем внесения их в почву должен составить 100 млн. т. Для обеспечения этого в Предложениях рекомендуется в течение десяти лет построить 10 крупных заводов по производству комплексных химических удобрений, урегулировать и добиться оптимального соотношения в производстве азотных, фосфорных и калийных удобрений. Намечается значительно развить производство специальных химикатов, в том числе ядохимикатов, а также добавок к кормам.

В Предложениях указывается, что промышленность должна создать и наладить выпуск комплектов орудий и агрегатов для комплексной обработки почвы с учетом местных условий и масштабов хозяйствования. Кроме этого, указывается на необходимость разработки финансовой политики, рационально содействующей обновлению сельскохозяйственного оборудования, увеличения снабжения горюче-смазочными материалами и электроэнергией до нужных объемов.

Восьмым направлением реформы в сельском хозяйстве определено ускоренное решение проблемы строительства в бедных и отсталых районах. Намечается в течение пяти лет, как пишет газета (2.III.1987), в «беднейших районах» разрешить проблему минимального обеспечения топливом и питанием, а в «бедных районах» в течение 10 лет заложить основы дальнейшего развития хозяйства, включая решение трудностей с питьевой водой.

В теоретических статьях и комментариях, рассматривающих Предложения по обеспечению стабильного роста сельского хозяйства, как правило, затрагивается проблема эффективности капиталовложений в деревне. Сотрудник Научно-исследовательского института развития деревни Академии общественных наук Китая Ван Дай в статье, опубликованной в «Жэньминь жибао» (12.III.1987), пишет, что в развитии сельскохозяйственного производства необходимо учитывать взаимосвязь двух факторов — производственной активности крестьян и капиталовложений. В настоящее время, как он считает, «недостает обоих компонентов». За 30 лет до 3-го Пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978) государство вложило в сельское хозяйство огромные средства, отмечает Ван Дай, однако из-за «сковывающей структуры» крестьяне не проявляли активности и эти капиталовложения не дали результата. Внедрение коллективного подряда, где главную роль сыграл семейный подряд, подняло активность масс, что вместе с соответствующими инвестициями обеспечило впечатляющие успехи.

В статье в «Жэньминь жибао» (9.III.1987) начальник секретариата Шанхайского научного общества экономики сельского хозяйства Чэнь Сигэнь отмечает, что «государство уже уделяет большое внимание капиталовложениям в сельское хозяйство, и в 1987 г. в бюджете предусматривается рост ассигнований на капитальное строительство на селе на 40 % по сравнению с предыдущим годом». Тревогу у него вызывает то, что во многих провинциях и уездах местные власти за последние годы меньше направляют собственных средств на капитальное строительство на селе. Важно видеть, что наряду со значительным ростом капитальных вложений со стороны государства, пишет он, происходит абсолютное сокращение их объема.

В целом дальнейшее развитие реформы сельского хозяйства и переход ее из микро- в макросферу, по мнению авторов публикаций, требуют дальнейшего увеличения финансовой помощи государства. Анализ тенденций в мире, пишет «Жэньминь жибао» (12.III.1987), говорит о всеобщей тенденции роста капиталовложений, поскольку везде развитие идет в направлении интенсификации хозяйствования. Для КНР задача подъема продуктивности земли еще более актуальна, поскольку в Китае самая низкая доля пахотной земли на душу населения. Газета указывает на недостаточность капиталовложений в строительство дорог, на развитие торговли, расширение электросети. На эти расходы необходимо идти, поскольку развитие сельского хозяйства — это долгосрочная политика. От решения проблем, связанных с обеспечением стабильного роста сельского хозяйства, пишет «Жэньминь жибао», зависит стабильный рост всего народного хозяйства. Газета призывает «всех товарищей в партии глубоко понять стратегическое место сельского хозяйства в народном хозяйстве и при дальнейшем развитии реформы по-настоящему проводить в жизнь мероприятия, направленные на выполнение задач, стоящих перед сельским хозяйством».

Б. Н. БАСОВ

И. Н. КОРОЛЕВ

Начиная с 1963 г. в торгово-экономических связях между СССР и Японией начала осуществляться относительно новая форма сотрудничества — прибрежная торговля.

Приступая к реализации этого вида внешнеэкономических связей, обе стороны ставили перед собой задачу активизации торгового обмена между дальневосточными районами СССР и префектурами Японии, чтобы тем самым способствовать повышению жизненного уровня населения обеих стран, развитию дружественных, добрососедских отношений и взаимопонимания через экономический обмен.

Прибрежная торговля между СССР и Японией имеет бартерный характер и осуществляется в порядке товарообмена через внешнеторговое объединение (В/О) «Дальинторг».

В начале сотрудничества в этой сфере торговыми партнерами «Дальинторга» с японской стороны были около 10 фирм и кооперативов, сейчас их более 100. С советской стороны число автономных республик, краев и областей, участвующих в этой торговле, возросло с 3 до 13. В товарообменных операциях в настоящее время принимают участие более 300 предприятий и организаций Дальнего Востока и Сибири. Наибольший объем поставок советских товаров осуществляется предприятиями, расположенными в Приморском и Хабаровском краях, Иркутской и Кемеровской областях.

Валютная выручка за товары, поставленные по прибрежной торговле, полностью используется исполкомами местных Советов, предприятиями и организациями, принимающими участие в этой торговле, на закупку в Японии машин, оборудования и товаров широкого потребления. Тем самым повышается заинтересованность поставщиков в расширении экспорта товаров за счет производства сверхплановой продукции, в улучшении качества и снижении себестоимости выпускаемых товаров с целью сделать их конкурентоспособными, в изыскании новых товаров, пользующихся спросом на внешнем рынке, в организации производства продукции по заказам японских фирм.

Интерес фирм Японии к участию в товарообменных операциях диктуется возможностью гарантированного сбыта в СССР по встречным поставкам различных товаров, что в условиях постоянно обостряющейся конкуренции и нестабильности конъюнктуры на мировом рынке имеет большое значение для мелких и средних фирм, сталкивающихся с немалыми сложностями при экспорте своих товаров в США и другие капиталистические страны.

Развитие этой своеобразной формы торговых отношений выступает в качестве фактора, дополняющего и диверсифицирующего взаимный товарооборот между СССР и Японией. Одновременно она благоприятно сказывается на росте загрузки и занятости во многих японских фирмах и кооперативах, для которых советский Дальний Восток и Сибирь в течение многих лет являются рынком сбыта оборудования и товаров широкого потребления.

Японская сторона заинтересована в стабильном снабжении страдающей от недостатка сырья рыбообрабатывающей промышленности рыбой, электростанций — углем, сходным по своим качественным характеристикам с углями, добываемыми и используемыми в Японии, строительной и целлюлозно-бумажной промышлен-

ности — деловой древесиной и технологической щепой, населения — различными продовольственными товарами.

В последнее десятилетие заметно выросла роль внешней торговли в наращивании экономического потенциала нашей страны, существенном увеличении производственных фондов, удовлетворении потребностей народного хозяйства в ряде дефицитных еще машин, оборудования, товаров широкого потребления. Все это справедливо и для прибрежной торговли, позволяющей получить экономический эффект за счет того, что ряд товаров выгоднее оперативнее закупить за рубежом, чем производить на месте или завозить из отдаленных районов страны. Здесь появляется объективная основа для международного разделения труда.

За годы осуществления товарообменных операций Япония импортировала по прибрежной торговле 1,4 млн. т рыбы и морепродуктов, 5,4 млн. м² лесотоваров, 2,8 млн. т энергетических углей. В то же время народное хозяйство районов Дальнего Востока и Сибири получило благодаря этой форме сотрудничества машины, оборудование, материалы, товары широкого потребления на сотни миллионов рублей.

Доля таких торговых операций в общем объеме советско-японской торговли сравнительно невысока. В последние годы ее товарооборот составляет около 80 млн. руб., или 3%, а экспорт — около 5% объема «большой торговли». Однако значение прибрежной торговли не следует определять лишь приведенными цифрами, особенно если учесть, что ее развитие характеризуется большей стабильностью и динамизмом, чем у «большой торговли». Подтверждением этого являются и темпы роста ее товарооборота, который с 1963 г. увеличился более чем в 50 раз.

Следует отметить, что товарооборот этой торговли почти вдвое превышает объем торговли районов РСФСР со Скандинавскими странами через В/О «Ленфинторг». И это несмотря на то, что количество областей РСФСР, предприятия которых принимают участие в торговле через «Ленфинторг», в полтора раза больше.

По соглашениям о прибрежной торговле из СССР в Японию поставляются товары более чем 60 различных наименований, которые можно условно подразделить на 5 групп: рыба и морепродукты; деловая древесина и лесотовары; энергетические угли и отходы цветной металлургии; продовольственные товары (соленый папоротник, варенья и джемы, ягоды, конина); прочие товары (шерстный жир, олени шкуры и рога и др.).

С учетом специфики японского рынка основными товарами советского экспорта в течение многих лет продолжают оставаться лес и лесотовары, рыба и морепродукты, уголь. В течение последних двух десятилетий опережающими по сравнению с экспортом в целом темпами возрастали поставки рыбы и каменного угля. Примерно на одном и том же уровне остается экспорт деловой древесины.

Что касается отходов цветной металлургии — силуминовых шлаков и некоторых других, то рост их поставок несколько замедлился, так как количество предприятий-поставщиков и объемы продукции, которую они могли бы поставлять, в последнее время стабилизировались и не проявляют тенденции к заметному увеличению.

По ряду причин после 1982 г. прекратился экспорт горно-химической продукции и конины; их поставки возобновились лишь в 1986 г.

Остальные товарные группы, несмотря на некоторые колебания их доли в общем объеме поставок, не оказывали практического воздействия на динамику развития прибрежной торговли вследствие низкой стоимости входящих в них товаров.

В целом структура экспорта товаров по прибрежной торговле в Японию заметно отличается от структуры экспорта товаров по приграничной торговле в Финляндию, где около половины объема поставок продукции приходится на деловую древесину и древесные отходы, а доля экспорта каменного угля, рыбы и морепродуктов у «Ленфинторга» значительно ниже, чем у «Дальинторга». Причины этого кроются как в специфике рынков отдельных стран (японские фирмы отказываются от закупок лесотоваров и ориентируются только на закупку отборного хвойного пиловочника), так и в природных ресурсах районов.

К настоящему времени заметно расширилась и качественно изменилась номенклатура импортируемых из Японии товаров.

По встречным поставкам в Японии закупаются примерно в равных пропорциях товары широкого потребления, а также машины, оборудование и материалы; всего около 250 наименований. Среди товаров широкого потребления основную массу составляют швейные и трикотажные изделия, обувь, радио- и фотоаппаратура. В импорте товаров производственного назначения преобладают оборудование и материалы для рыбной и судостроительной промышленности, деревообрабатывающее оборудование, металлические склады, бульдозеры, автокраны, транспортные средства, медицинское оборудование, стальной трос.

Импорт промышленных товаров для населения положительно сказывается на развитии экономики региона в целом. Содействуя решению важной социальной задачи — более полному удовлетворению потребностей населения в товарах и услугах, — импортные закупки, существенно дополняя собственные ресурсы, служат созданию более благоприятных условий для жизни людей и тем самым способствуют закреплению кадров на предприятиях, что является серьезной проблемой для региона.

Районы Дальнего Востока и Сибири за счет этого источника удовлетворяют до 4 % потребления непродовольственных товаров, а по отдельным группам товаров значительно больше: по тканям — до 10, по одежде — до 12 %. Объемы закупок по автономным республикам, краям и областям и по отдельным товарам колеблются в зависимости от размера их экспортных поставок и спроса на конкретные товары.

Еще более важна роль прибрежной торговли в обеспечении товарами широкого потребления различных предприятий. Так, например, доля этих товаров в обороте ОРСа производственного объединения «Облкемеровоуголь» в 1985 г. составила 66 % общего товарооборота его розничной торговли.

Не менее, если не более, важна для советских участников прибрежной торговли возможность закупки в Японии машин, оборудования и материалов. Импорт этих товаров имеет целью как модернизацию действующих предприятий, увеличение их производственной базы, так и создание специализированного производства новых товаров для экспорта и для внутреннего рынка.

В лесозаготовительных хозяйствах и на деревообрабатывающих предприятиях Приморского и Хабаровского краев, Амурской и Читинской областей, Бурятской АССР и ряда других районов широко используются закупаемые по прибрежной торговле бульдозеры фирмы «Комацу», автокраны компании «Като», бензопилы и другие товары производственно-технического назначения, позволяющие повысить производительность труда на различных операциях, увеличить выпуск продукции, сократить численность рабочих.

В восточных районах страны этот аспект дела особенно важен, так как здесь затраты на каждого работающего наиболее велики. Стоимость обустройства и содержания одного работника в этих районах в среднем в 2,5 раза выше, чем в обжитых. Особенно велики эти издержки в зонах пионерного освоения, где обустройство одного работающего обходится в 17—20 тыс. руб., а в отдельных районах Приполярья превышает 60 тыс. руб.*.

Отличительной чертой закупок по прибрежной торговле в Японии машин, оборудования и материалов является то, что в значительной степени эти товары направляются на увеличение производства продукции, пользующейся спросом на японском рынке, а также на улучшение транспортных возможностей Сибири и Дальнего Востока, которые нередко лимитируют объемы круглогодичного вывоза экспортных грузов из этих районов СССР.

Эффективную помощь в решении социально-бытовых вопросов оказывает импорт транспортных средств — микроавтобусов и авторефрижераторов — для предприятий торговли, бытового обслуживания и общественного питания, диагностического и другого оборудования для поликлиник и больниц.

Примером взаимовыгодности этой формы сотрудничества и стремления советской и японской сторон к ее развитию является и опыт вовлечения в прибрежную торговлю ряда новых товаров, в том числе продовольственных.

Интересно отметить, что прибрежная торговля способствовала освоению произ-

водства и некоторых новых для нашей страны видов продуктов. Так, первоначально изготовлением соленого папоротника советские организации заинтересовались только как возможным экспортным товаром. После того как у нас научились заготавливать папоротник в соответствии с японской технологией и приступили к его поставке на экспорт, часть его стала поступать и в систему общественного питания у нас в стране. Проведение семинаров с участием заинтересованных фирм помогло советским предприятиям освоить производство конины, соответствующей требованиям японского рынка. Кроме папоротника и конины, В/О «Дальинторг» поставлял в Японию икру минтая и морских ежей.

Когда-то икра минтая практически не пользовалась спросом на внутреннем рынке, и в связи с этим рыбоконсервные заводы почти не уделяли внимания этому продукту. Но в связи с повышенным спросом на этот товар в Японии «Дальинторгом» были осуществлены меры по освоению этого вида продукции. Одновременно рыбоконсервные заводы стали выпускать консервы «Икра минтая» на внутренний рынок, где они быстро завоевали популярность у советских покупателей.

В этих случаях прибрежная торговля служила и способом выявления новых товаров, пользующихся спросом на японском рынке, и инструментом продвижения их на этот рынок, а также доведения их до советского потребителя.

Было бы, однако, неверно считать, что в прибрежной торговле все идет гладко. Здесь имеются свои проблемы и нерешенные вопросы.

Прежде всего существует проблема качества товаров, которое должно удовлетворять требованиям сторон и исключать возникновение претензий. Определенную тревогу в последние годы вызывают попытки отдельных японских фирм продать залежалые товары, устаревшие машины и оборудование. Заметно возросла доля бракованных швейных изделий, некоторые из них не всегда соответствуют требованиям моды в отношении фасона, расцветки, материала. Такой подход не только не способствует расширению прибрежной торговли, но и удерживает некоторые советские предприятия от участия в ней. Уместно в связи с этим напомнить слова Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева о том, что рынком для устаревших товаров мы не станем.

Задачи повышения качества экспортной продукции стоят и перед советскими организациями. Особую остроту приобрела эта проблема на рубеже 70—80-х гг., когда экстенсивные методы в развитии прибрежной торговли стали себя изживать, так как к тому времени стабилизировалось количество автономных республик, краев и областей, принимающих участие в этой торговле, сложился и традиционный ассортимент товаров, экспортируемых в Японию.

С целью перевода прибрежной торговли на интенсивный путь развития требовалось повысить конкурентоспособность советских товаров. В результате работы, проведенной с поставщиками В/О «Дальинторг», удалось добиться заметного повышения качества экспортируемых леса и угля, соленого папоротника, который в настоящее время поставляется в соответствии с запросами японских фирм не в деревянных бочках, а в специальных полиэтиленовых емкостях. Однако ряд вопросов, связанных с удовлетворением требований японских контрагентов, остается нерешенным.

Все это требует от «Дальинторга», исполкомов местных Советов и предприятий-поставщиков усиления внимания к повышению качества экспортной продукции, так как, потеряв рынок сбыта какого-нибудь товара даже на короткое время, в дальнейшем очень трудно завоевать его вновь.

Таким образом, проблема повышения качества продукции при осуществлении товарообменных операций пока что остается актуальной для обеих сторон. И хочется надеяться на взаимопонимание в этих вопросах. Качество товаров в прибрежной торговле должно быть высоким.

Имеют пока место случаи несвоевременного исполнения обеими сторонами контрактных обязательств. Нельзя не признать, что и существующая структура взаимных поставок товаров, оправдывавшая себя на практике в течение двух предшествующих десятилетий, к настоящему времени в определенной степени исчерпала имеющиеся резервы для дальнейшего поступательного роста товарооборота. Поэтому обеим сторонам следует подумать над тем, как улучшить сложившуюся структуру торговли, чтобы она, продолжая сохранять взаимодополняющий характер, в то же время наиболее полно отвечала требованиям сегодняшнего дня.

В связи с ограниченной возможностью постоянно увеличивать поставки для прибрежной торговли таких традиционных товаров, как рыба и морепродукты, деловая древесина и каменный уголь, и в целях усиления заинтересованности предприятий в развитии экспорта в последнее время проводится большая работа по расширению ассортимента как советской экспортной продукции с целью вовлечения в обменные операции товаров местного производства и заготовок, которыми богаты Сибирь и Дальний Восток, так и японских импортных товаров.

«Дальинторг» располагает возможностью поставок ряда новых товаров, которые при заинтересованности в них японских фирм уже в ближайшее время могли бы стать весомыми статьями экспорта. Это сахалинский и камчатский торф, доломит, брусит, перлит и др. Стремясь расширить круг предлагаемых для экспорта товаров, «Дальинторг» ведет переговоры с большим числом японских фирм, но, к сожалению, изучение образцов последними ведется не всегда заинтересованно и целенаправленно и занимает длительное время.

В 1983—1986 гг. «Дальинторг» предлагал своим торговым партнерам в Японии новые товары более 40 наименований, в том числе щепу с корой, лигнин, кедровые орехи, прополис, полудрагоценные камни, различные виды лекарственного и технического сырья и др. Однако, ссылаясь на сложную рыночную конъюнктуру или неудовлетворительное качество предлагаемых товаров, японские фирмы предпочитали идти по пути увеличения закупок рыбы, деловой древесины, угля.

Здравый смысл подсказывает, что продвижение новых товаров на рынки Японии отвечает и интересам японских фирм, так как рост советского экспорта вследствие бартерного характера прибрежной торговли скажется и на увеличении импорта японских изделий.

Расширению номенклатуры советских экспортных товаров во многом способствовало бы открытие представительства «Дальинторга» в Японии, что само по себе позволило бы сделать новый шаг в развитии и совершенствовании торгово-экономических связей по прибрежной торговле. Этот вопрос уже в течение ряда лет ждет своего решения компетентными японскими организациями.

При этом следует заметить, что ассортимент товаров, импортируемых из Японии, постоянно расширяется. С 1985 г. начали закупаться различные виды транспортных средств, в том числе автомобили-вездеходы, микроавтобусы, авторефрижераторы. В 1986 г. принято решение о закупке в Японии телевизоров, видеомагнитофонов, электронно-вычислительных машин и ряда других товаров.

Среди других проблем следует отметить, что пока еще мало внимания уделяется созданию на Дальнем Востоке и в Сибири специализированных производств продукции для прибрежной торговли, не произошло заметных сдвигов в сторону повышения степени ее обработки.

В 1983—1986 гг. советскими предприятиями был рассмотрен ряд предложений японских фирм о реализации в рамках прибрежной торговли мини-проектов на компенсационной основе. Указанные предложения предусматривали поставку в СССР различного технологического оборудования, в том числе для производства компоста из древесных отходов, переработки изношенных шин, производства зеленого чая по японской технологии, а также ряд других проектов небольшого масштаба.

Однако до настоящего времени ни один из этих проектов не был осуществлен, и в основном по следующим причинам. Предлагая поставку различного оборудования на компенсационной основе, японские фирмы не учитывают внутренние проблемы советских предприятий — участников прибрежной торговли. Практически все предложения предусматривают оплату стоимости оборудования поставками рыбы, круглого леса или угля.

Для советских организаций такой подход к компенсации не совсем приемлем, так как предприятия, которые стали бы потребителями продукции, вырабатываемой на японском оборудовании, не всегда располагают ресурсами требуемых японской стороной видов товаров, в то время как их поставщики не заинтересованы в закупке оборудования, не относящегося к сфере их непосредственной производственной деятельности. Таким образом, подобные сделки могут быть осуществлены лишь при условии, если произведенные на импортном оборудовании товары будут иметь гарантированный сбыт у японских фирм по крайней мере на срок окупаемости оборудования.

Существуют и другие причины, тормозящие реализацию проектов небольшого масштаба: например, трудности с получением лицензии на ввоз в Японию товаров в счет компенсации, ограниченные возможности у ряда фирм в предоставлении кредитов.

Своего решения требуют и наши внутренние проблемы: укрепление взаимоотношений «Дальинторга» с поставщиками, повышение их взаимной ответственности, расширение прав поставщиков в оформлении поставок товаров на экспорт, упрощение и совершенствование порядка планирования поставок товаров, рациональное использование вырученных валютных средств и некоторые другие.

В связи с этим, думается, давно назрела необходимость в рамках ведущейся в стране перестройки внешнеэкономических связей расширить права исполкомов местных Советов в вопросах выделения и оформления продукции для экспорта по прибрежной торговле, в частности предоставить им право своими решениями, без дополнительных согласований с центральными органами, выделять В/О «Дальинторг» товары, не подлежащие централизованному распределению, за счет рыночных фондов, децентрализованных закупок и заготовок, а также продукцию, распределяемую министерствами и ведомствами СССР и РСФСР по согласованию с ними.

Не всегда эффективно действует механизм экономического стимулирования поставок товаров для прибрежной торговли. Несмотря на то что в соответствии с действующим положением все валютные средства, вырученные за поставку продукции для прибрежной торговли, идут поставщикам, далеко не всегда машины и оборудование, товары широкого потребления в полном объеме доходят до предприятий. Имеют место случаи неудовлетворения или несвоевременного выполнения заявок промышленными предприятиями на нужное им оборудование.

Избежать этого поможет предусмотренное в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по совершенствованию управления внешнеэкономическими связями» решение об открытии своих счетов во Внешторгбанке СССР предприятиями, поставляющими продукцию для экспорта.

И все же, несмотря на трудности и некоторое снижение в последние годы общего объема советско-японской торговли, товарооборот прибрежной торговли не уменьшается, хотя в связи со структурной перестройкой ряда отраслей японской промышленности несколько сократился спрос на сырьевые товары и энергоносители. Это служит наглядным подтверждением жизнеспособности данной формы сотрудничества.

Однако, принимая во внимание постоянный рост товарооборота, следует отметить, что нынешний уровень прибрежной торговли ни в коей мере не соответствует потенциальным возможностям этого вида сотрудничества между нашими странами.

Существенной предпосылкой для дальнейшего развития прибрежной торговли является возможность повысить степень переработки сырья, вывозимого в Японию. На повестке дня, в частности, стоит проблема развития сотрудничества в области переработки древесины, чтобы увеличить поставки в Японию более компактной и ценной продукции — пиломатериалов, тарной дощечки, заготовок для поддонов и т. д. Это способствовало бы лучшему использованию производительных сил Сибири и Дальнего Востока, отвечало бы взаимным интересам СССР и Японии, так как во внешней торговле Японии уже начался постепенный переход от импорта необработанной продукции к ввозу полуфабрикатов, готовых изделий, и их удельный вес в импорте достигает ныне 30 %.

Экономические расчеты свидетельствуют о целесообразности создания не только крупных предприятий по переработке древесины, но и мелких, которые можно было бы размещать в удобных с точки зрения транспортных возможностей местах, в том числе в менее богатых лесными ресурсами.

Правомерность такой постановки вопроса подтверждается практикой. В 1972 г. в Японии был закуплен завод по производству технологической щепы мощностью до 50 тыс. м³ продукции в год. Завод был размещен в Хабаровском крае, в непосредственной близости от Ванинского морского торгового порта, и готовая щепка поступает в порт по трубопроводу. Это предприятие полностью специализируется на поставке продукции для прибрежной торговли.

В Красноярском и Хабаровском краях, Иркутской области построены цеха, оснащенные закупленным в Японии оборудованием для производства различных видов

пиломатериалов, в том числе тарной дощечки, бруса, заготовок для поддонов и др. В 1984 г. предприятия приступили к экспорту готовой продукции в Японию.

Опыт создания этих предприятий показывает, что в целях ускорения ввода закупаемого технологического оборудования в эксплуатацию, выпуска на нем продукции, полностью соответствующей требованиям японского рынка в отношении качества, необходимо предварительно организовывать обучение советских специалистов на аналогичных предприятиях в Японии. Но все это лишь первые шаги в деле создания специализированных предприятий, поставляющих на экспорт продукцию более высокой степени обработки.

В перспективе оснащение советских предприятий японским технологическим оборудованием возможно не только в деревообрабатывающей, но и в угольной, пищевой промышленности. В настоящее время рассматривается возможность закупки в Японии оборудования для производства топливных брикетов из угольной пыли. Ввод в эксплуатацию этого оборудования позволит получить брикеты высокого качества — очень удобное и экономичное топливо, вернуть государству миллионы тонн угля, который при хранении на складах превращается в пыль.

Давно назрела необходимость расширения ассортимента экспортируемой в Японию плодово-ягодной продукции, в том числе с использованием японского оборудования для быстрого замораживания ягод. Есть проблемы и с упаковкой готовой продукции. Решение этих вопросов полностью отвечает интересам обеих сторон.

В целях выигрыша времени и сокращения материальных затрат целесообразно шире использовать возможности развития экспортного потенциала путем создания специализированных производств для прибрежной торговли на действующих предприятиях, в том числе на принимающих участие в поставках товаров по «большой торговле». Этот путь ведет не только к увеличению выпуска продукции высокого качества, но и к повышению народнохозяйственной эффективности внешней торговли. Он позволяет преодолеть тенденцию к сужению экспортной базы прибрежной торговли за счет сокращения относительно легкодоступных источников традиционных товаров и устранить несоответствие структурных изменений в советском экспорте в Японию тем сдвигам, которые имели место в ее экономике в целом и соответственно в импорте этой страны во второй половине 70-х и первой половине 80-х гг.

Задача расширения советских экспортных поставок сопряжена и с повышением эффективности использования вырученных валютных средств — увеличением в импорте из Японии доли машин, оборудования и материалов, применяемых для расширения производства экспортной продукции. Расходуемых сегодня на эти цели 7—10 % валютных средств явно недостаточно. Существенное расширение импорта из Японии технологического оборудования для организации производства новых товаров, пользующихся спросом у японских потребителей, сдерживается устаревшей формой расчетов закупаемые товары.

Нынешний период настоятельно требует новых форм сотрудничества, с тем чтобы придать прибрежной торговле больший динамизм и вывести ее на качественно иной уровень, соответствующий требованиям современного этапа экономического развития СССР и Японии.

Несмотря на первые не совсем удачные попытки, заключение компенсационных соглашений в рамках прибрежной торговли может оказаться очень перспективным, так как оно соответствует взаимным интересам. В случае заключения компенсационных соглашений японские фирмы получат долгосрочные контракты на импорт советских товаров, в том числе и сырьевых, о чем они неоднократно ставили вопрос перед «Дальинторгом». Наши же предприятия, не располагающие значительными валютными средствами, смогут получить интересующее их современное оборудование.

Представляется целесообразным рассмотреть вопрос о возможности распространения на прибрежную торговлю практики заключения генеральных соглашений по лесу и углю и реализации аналогичных «мини-соглашений» в рамках этого вида сотрудничества. Это позволит достигнуть сочетания таких взаимовыгодных форм внешнеэкономических связей, как прибрежная торговля и компенсационные соглашения, которые будут способствовать концентрации получаемых из Японии машин и оборудования, укреплению производственной базы советских предприятий-экспортеров за счет получения значительного количества техники.

Все это, несомненно, скажется на расширении товарообменных операций, что в свою очередь приведет к увеличению поставок в СССР японских товаров широкого потребления, в том числе текстильных изделий, на чем постоянно настаивают фирмы.

Значительные экономические выгоды таит в себе кооперирование производства товаров с последующим сбытом их как в СССР и Японии, так и на рынках третьих стран.

Первым шагом к кооперированию в прибрежной торговле была попытка использования японской механики и клавиатуры при производстве пианино «Ноктюрн» на Артемовской фабрике Минместврома РСФСР в Приморском крае. Однако после проведения испытаний комплектов принадлежностей, предоставленных японской фирмой «Ватанабэ», НИИ музыкальной промышленности в своем заключении не подтвердил возможности их использования в производстве пианино данной модели. Рассматривалась и возможность осуществления в рамках прибрежной торговли лизинговой операции по аренде японского подвижного состава для острова Сахалин.

Несмотря на то что первые попытки использовать в этой торговле кооперацию и лизинг не увенчались успехом, ни в коем случае нельзя говорить об их бесперспективности.

Учитывая особенности прибрежной торговли, при определении направлений компенсационных сделок, кооперации и лизинга, необходимо руководствоваться прежде всего экономической заинтересованностью предприятий — экспортеров и импортеров. Ибо именно здесь ключ к реализации новых форм сотрудничества в сложившихся схемах ведения товарообменных операций.

Уже настало время предлагать не только проекты по освоению природных ресурсов, но и новые направления сотрудничества, которые отражали бы изменения в экономической структуре двух стран.

Свежую струю в дело расширения прибрежной торговли могло бы внести заключение соглашений о создании совместных предприятий. На необходимость осуществления этой формы сотрудничества в экономических отношениях между нашими странами обращал внимание Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

В настоящее время ряд предложений японских фирм по созданию таких предприятий рассматривается исполкомами местных Советов районов Сибири и Дальнего Востока. Все они касаются создания на уже действующих предприятиях цехов для производства пиломатериалов. На современном этапе эта форма сотрудничества может оказаться одной из наиболее эффективных.

Благоприятные перспективы для реализации в практике прибрежной торговли новых форм сотрудничества и расширения номенклатуры взаимопоставляемых товаров открываются с началом освоения хозяйственной зоны БАМ, большой интерес к которому проявляют многие японские фирмы. Потенциальные возможности для сотрудничества здесь огромны.

Увеличению роли прибрежной торговли в будущем могли бы способствовать и намечающиеся территориальные сдвиги в размещении промышленного производства в Японии, в частности комплексное развитие экономики острова Хоккайдо.

Положительный эффект в развитии новых форм сотрудничества может дать и решение ряда организационных вопросов, в частности создание в «Дальинторге» по примеру «Ленфинторга», осуществляющего приграничную торговлю со Скандинавскими странами, специализированной фирмы, занимающейся всецело этими вопросами. В настоящее время экспортно-импортными операциями с Японией в В/О «Дальинторг» занимаются только две фирмы — «Дальэкспорт» и «Дальимпорт».

Необходимость существенного расширения экспорта ставит перед «Дальинторгом» задачу достигнуть качественных изменений в организации коммерческой работы как внутри страны, так и на рынках сбыта. Определяющую роль в этом должен сыграть принципиально новый подход к планированию экспорта и импорта товаров по прибрежной торговле.

Установление при разработке планов различных показателей для промышленных предприятий и В/О «Дальинторг» приводит к несовпадению их интересов и возникновению существенных различий в их целях. Поэтому требуется разработать новую систему плановых показателей для «Дальинторга» как по экспорту, так и по импорту, которая заметно повысила бы ответственность объединения за улучшение структуры экспорта, качество и своевременность закупки импортных товаров.

Важно, чтобы вся система планирования поставок товаров для прибрежной торговли была гибкой и позволяла «Дальинторгу», исполкомам местных Советов и отдельным предприятиям в рамках общих плановых показателей определять номенклатуру и объемы экспортных товаров в зависимости от производственных возможностей, сырьевых и материальных ресурсов, конъюнктуры рынка. Показатели, устанавливаемые в планах, должны формировать финансово-экономический механизм, призванный побуждать «Дальинторг» и предприятия к всемерному расширению экспортных поставок.

Дополнительному привлечению товарных ресурсов для этого вида сотрудничества во многом способствовало бы предоставление права предприятиям, независимо от их ведомственной подчиненности, самостоятельно принимать решения об использовании сверхплановой продукции для поставки на экспорт. Многим предприятиям союзного подчинения такое решение позволило бы оперативно закупать через В/О «Дальинторг» запасные части для имеющихся у них японских машин и оборудования и значительно сократило бы простой импортной техники.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVII съезду КПСС сказано: «Наши планы на ближайшую и отдаленную перспективу в значительной степени связаны с освоением природных богатств Сибири и Дальнего Востока. Дело это большой важности, и к нему надо относиться по-государственному, обеспечивая комплексность в развитии регионов. Особое внимание нужно уделить созданию здесь необходимых условий для плодотворного труда и полноценной жизни людей».

Свой вклад в решение указанных задач должна внести внешняя торговля СССР, в том числе и прибрежная торговля между СССР и Японией.

Географическая близость, сохраняющиеся потребности промышленности Японии в ряде сырьевых и пищевых товаров, добываемых и производящихся в районах Сибири и Дальнего Востока, высокий уровень японской индустрии и ее диверсифицированность — все это делает целесообразным для обеих сторон дальнейшее развитие прибрежной торговли. Каждый новый шаг в развитии и совершенствовании торгово-экономических связей несет с собой не только материальные выгоды, но и укрепление взаимопонимания и доверия между нашими странами, расширение контактов, создание прочной основы для добрососедства народов СССР и Японии, упрочения мира на Дальнем Востоке.

---

* См.: Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук, 1981, № 1, с. 44, 61; «Газовая промышленность», 1981, № 2, с. 43

Экономическое сотрудничество СРВ с развивающимися странами

ФАМ ХУАН

Сплоченность и всестороннее сотрудничество с Советским Союзом, другими социалистическими странами являются краеугольным камнем внешней политики КПВ и вьетнамского государства, ибо гарантируют победу в защите Родины и строительстве социализма на вьетнамской земле, а также в деле укрепления национальной независимости и позиций социализма на Индокитайском полуострове. На всех этапах существования социалистического вьетнамского государства помощь Советского Союза была и остается важнейшим фактором, способствующим решению стратегических задач развития народного хозяйства и укрепления обороноспособности республики. Достаточно сказать, что товарооборот между СРВ и СССР, едва превысивший 3 млн. руб. в 1955 г., увеличился до 1446,0 млн. руб. в 1985 г., что составляет 80 % товарооборота Вьетнама со странами — членами СЭВ.

Опираясь на собственные силы, получая большую, искреннюю и эффективную помощь со стороны Советского Союза и других социалистических государств, а также поддержку со стороны дружественных стран, Вьетнам имеет возможность идти непосредственно к социализму, успешно строить социалистическое общество, минуя капиталистическую стадию развития. Вместе с тем, уделяя преимущественное внимание экономическим связям с социалистическими странами, СРВ расширяет экономические, научно-технические и культурные связи с развивающимися государствами.

Политика Вьетнама в отношении освободившихся стран реализует основополагающее положение ленинизма о необходимости теснейшего союза революционного движения рабочего класса с борьбой народов колониальных и зависимых стран за национальное освобождение. При этом СРВ исходит из сущности социалистического строя, во имя которого вьетнамский народ борется многие, полные трудностей и лишений годы, из своей ответственности и долга перед освободившимися странами, а также из сходства социально-экономических и природно-климатических условий Вьетнама и развивающихся стран. Вьетнамский народ, который в течение долгих лет вел борьбу за свое национальное освобождение, — надежный друг и союзник национально-освободительного движения.

Как и другие освободившиеся страны, Вьетнам в прошлом был колониальным и полуфеодальным государством и подвергался жестокой эксплуатации со стороны развитых капиталистических стран. Вьетнам последовательно был и остается на стороне народов, борющихся за национальную независимость и свободу. Его экономика была отсталой, монокультурной, зависимой, тяжелая промышленность отсутствовала. Сельское хозяйство — основная отрасль экономики — было отсталым, однобоким, далеко не обеспечивающим население продовольствием при минимальной норме питания. Сходство природно-климатических условий Вьетнама и развивающихся стран позволяет ныне значительно расширить сотрудничество во многих областях тропического и субтропического сельского хозяйства, в агропромышленной сфере. Богатство недр этих стран позволяет им дополнять недостающие ресурсы для развития экономики. Вышеуказанное сходство служит хорошей предпосылкой для установления и развития сотрудничества.

После победоносного завершения освободительной борьбы единый социалистический Вьетнам взял курс на установление и расширение отношений дружбы и сотрудничества со всеми странами. IV съезд КПВ в 1976 г., в частности, заявил

о намерении «укреплять солидарность, дружбу, всестороннее сотрудничество, взаимопомощь между нашей страной и развивающимися странами». Этот курс был последовательно поддержан проходившим в марте 1982 г. V съездом КПВ, на котором было подчеркнуто: «Мы выступаем за установление и расширение нормальных государственных и экономических отношений, отношений в сфере культуры, науки и техники со всеми странами независимо от их политического и общественного строя, на основе уважения независимости, суверенитета, равноправия и взаимной выгоды»².

В результате были установлены дипломатические и экономические отношения со многими странами. В 1985 г. 112 государств поддерживали с Вьетнамом дипломатические отношения, а свыше 60 — торгово-экономические³. Из них большая часть относится к развивающимся странам Азии, Африки и Латинской Америки. Вьетнам осуществляет экономические и политические, научно-технические и культурные связи с такими развивающимися странами, как Индия, Бангладеш, Народная Демократическая Республика Йемен, Демократическая Республика Афганистан, Ирак, Ангола, Эфиопия, Народная Республика Конго, Мозамбик, Сирия, Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия, Алжир, Гвинея-Бисау, Мадагаскар и др.

Один из основных путей сотрудничества между СРВ и развивающимися странами — командировки вьетнамских специалистов для оказания содействия в сфере строительства, здравоохранения, просвещения, развития сельского хозяйства и подготовки национальных кадров, а также обучения граждан из этих стран в средних и высших учебных заведениях СРВ. Вьетнамские инженеры и рабочие-строители принимают участие в строительстве университета в Алжире, автодорог, гражданских и промышленных объектов в Ираке. Посланцы из СРВ преподают в 80 институтах и школах, участвуют в подготовке 15 тыс. студентов этих стран. Работники здравоохранения из СРВ трудятся в 50 больницах стран Африки, обеспечивая медицинским обслуживанием примерно 2 млн. человек. Вьетнамские медики обмениваются с коллегами из развивающихся стран опытом организации сети медицинского обслуживания населения, ликвидации таких опасных недугов, как малярия и наркомания. На вьетнамских медицинских работников смотрят как на достойных представителей героического народа, народа Хо Ши Мина.

Подписаны соглашения о сотрудничестве в области сельского хозяйства, мелиорации, медицины, подготовки кадров в высших и специальных учебных заведениях между СРВ и Алжиром, Ираком, Индией, Мозамбиком, Анголой, Мадагаскаром, Арабской Республикой Египет и др. Вместе с другими странами — членами СЭВ СРВ приняла участие в кампании по вакцинации крупного рогатого скота в Анголе.

Среди развивающихся стран, с которыми СРВ поддерживает и расширяет политическое, научно-техническое, экономическое и культурное сотрудничество, видное место занимает Индия. Вьетнамо-индийские отношения могут служить примером подлинно равноправных, дружественных отношений между государствами с различным общественным строем. Вместе с тем эти отношения являются важным фактором укрепления мира и стабильности в Азии. Наряду с моральной и политической поддержкой Индия оказывала и оказывает Вьетнаму материальную помощь, создает фундамент для многостороннего и долгосрочного сотрудничества между двумя странами. Образование Вьетнамо-индийской смешанной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству создало условия для укрепления и расширения дружественных отношений и многостороннего сотрудничества. В марте 1984 г. Вьетнамом и Индией были подписаны соглашения об экономическом и торговом сотрудничестве, финансировании, а также соглашение по науке и технике и соглашение по изучению сельского хозяйства, которые послужат дальнейшему расширению сотрудничества между двумя странами в этих областях.

Визиты Генерального секретаря ЦК КПВ Ле Зуана в Индию (сентябрь 1984 г.) и премьер-министра Индии Р. Ганди в СРВ (сентябрь 1985 г.) явились новым крупным шагом на пути развития вьетнамо-индийских отношений. В январе 1987 г. состоялся официальный дружественный визит в СРВ министра иностранных дел Индии Н. Д. Тивари. В ходе переговоров были подписаны документы, открывающие новую страницу в отношениях дружбы и сотрудничества между двумя государствами и народами. Вьетнамо-индийские переговоры и подписанные затем документы дали импульс углублению двустороннего экономического взаимодействия. Так, под-

писано соглашение о сотрудничестве в поиске, разведке и добыче нефти во Вьетнаме. СРВ получит кредиты от Индии на сумму 150 млн. рупий⁵.

Индия оказывает Вьетнаму содействие путем импорта некоторых необходимых товаров, предоставления достаточно большой суммы кредитов на льготных условиях, доставляет СРВ дизельные тепловозы, вагоны и запчасти к ним, оборудование для железных дорог, оказывает помощь в реконструкции текстильного комбината Намдинь, строительстве предприятия по производству тары из джута в Хошимине и предприятия по обработке волокон из кокосовых пальм в Бэнче. Кроме того, Индия предоставила Вьетнаму в кредит продовольствие для оказания помощи пострадавшим от стихийных бедствий⁶.

Получает развитие сотрудничество в области сельского хозяйства. Опыт «зеленой революции», осуществленной в Индии, полезен Вьетнаму. В то же время Индия перенимает вьетнамский опыт разведения уток, использования в качестве удобрения ряски, улавливающей азот из воздуха⁷. При техническом содействии Индии были созданы Научно-исследовательский центр рисоводства Омп в провинции Хаузан (1977) и Научно-исследовательский центр буйволоводства Бэнкат в Шонбе⁸. В этих центрах уже много лет творчески сотрудничают вьетнамские и индийские специалисты. Кроме того, вьетнамские специалисты совместно с индийскими коллегами ведут исследования в научно-исследовательских учреждениях Индии в области животноводства, рисоводства, ветеринарии, тутоводства и разведения тутового шелкопряда.

В сотрудничестве СРВ и Индии заметное место занимает торговля. Торговые отношения между двумя странами были установлены в 1956 г. Ныне товарный обмен между ними претерпевает позитивные качественные сдвиги, и это несмотря на имеющиеся проблемы в товарной структуре, в транспортировке и недостаточное количество товаров. Вьетнам в основном экспортирует в Индию строительные материалы, каменный уголь, олово, технические сельскохозяйственные культуры и импортирует из Индии машины и оборудование для железнодорожного транспорта, растениеводства и животноводства, сырье, топливо и материалы для производства товаров широкого потребления и товаров на экспорт.

В последнее время сотрудничество между СРВ и развивающимися странами приобрело новые формы и методы. Оно строится не только на двусторонней, но и на многосторонней основе. Создаются предпосылки для развития и расширения сотрудничества между странами Индокитая и развивающимися странами. Во время визита в Алжир заместителя Председателя Совета Министров СРВ, Председателя Госплана СРВ Во Ван Кыета стороны согласовали действия по усилению сотрудничества в области планирования и сельскохозяйственного производства⁹. В ходе переговоров, проведенных в январе 1987 г., Индия и Вьетнам договорились о постоянных консультациях между органами планирования двух стран¹⁰. Индия, заинтересованная в развитии новых форм сотрудничества с СРВ, в частности, выдвигает предложение о создании совместного предприятия по выращиванию красных кокосовых пальм с правом последующей покупки произведенной продукции¹¹.

Развитие экономики Вьетнама, так же как и экономики ЛНДР и Кампучии, имеет большое значение для всестороннего расширения и углубления экономических и культурных связей между народами этих стран, создает благоприятные возможности для укрепления сотрудничества и взаимопонимания, установления мира и разрядки напряженности в регионе. По инициативе стран Индокитая и Индии совместно организованы симпозиумы «Индокитай и Индия — перспективы сотрудничества», проходившие поочередно в столицах стран-участниц¹². На этих симпозиумах был рассмотрен и обсужден широкий круг вопросов, связанных с борьбой за мир, разрядкой напряженности в регионе, развитием и расширением экономического, научно-технического и культурного сотрудничества между четырьмя странами. Стороны выразили заинтересованность в дальнейшем укреплении добрососедства, взаимопомощи и сотрудничества.

В своей внешнеэкономической политике СРВ уделяет большое внимание развитию и расширению сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии. Народы ЮВА — близкие соседи. Между ними много общего, поэтому им необходимо более тесное сотрудничество. После победоносного завершения освободительной борьбы над американскими интервентами и реакционным режимом Тхиеу единый социа-

листический Вьетнам сразу же взял курс на устранение препятствий, мешающих нормальному развитию отношений между ними. IV съезд КПВ заявил о стремлении СРВ к дружбе и сотрудничеству с государствами ЮВА, укреплению взаимных связей в области экономики, культуры науки и техники¹³.

Следуя этому курсу, вьетнамское правительство неоднократно выступало с инициативами в пользу урегулирования разногласий путем переговоров без вмешательства извне. Одним из наиболее эффективных путей развития сотрудничества и обеспечения стабильности в регионе является укрепление экономических связей между странами ЮВА. Так, после длительного перерыва, вызванного войной в Индокитае, в 1976 г. были возобновлены торговые связи Вьетнама и Индонезии¹⁴. Основные направления экономического и научно-технического сотрудничества между СРВ и Малайзией были определены в 1977 г. после установления дипломатических отношений в 1976 г. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ними было подписано в январе 1978 г. Тогда же было заключено соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между СРВ и Таиландом. Между двумя странами было установлено также почтовое и телеграфное сообщение, начали действовать авиалинии Бангкок — Ханой и Бангкок — Хошимин. В сентябре 1978 г. во время визита премьер-министра СРВ Фам Вам Донга на Филиппины была достигнута договоренность о расширении сотрудничества на основе заключенных в январе 1978 г. соглашений. Торговыми партнерами СРВ в ЮВА являются также Гонконг и Сингапур¹⁵. Таким образом, из вышесказанного видно, что после воссоединения Вьетнама экономические связи между СРВ и странами ЮВА заметно активизировались. Это принесло немало выгод как каждой стране в отдельности, так и всему региону в целом.

Не по вине вьетнамской стороны отношения СРВ с развивающимися странами ЮВА в конце 70-х — начале 80-х гг. ухудшились. Почти все достигнутые ранее соглашения об экономическом, культурном и научно-техническом сотрудничестве между ними не были реализованы. Несмотря на это, V съезд КПВ (1982) заявил: «Народ Вьетнама выступает за установление отношений добрососедства со странами АСЕАН, всегда готов координировать вместе с ними усилия для превращения Юго-Восточной Азии в зону мира и стабильности... Мы надеемся, — подчеркнул на съезде, — что, исходя из основных интересов мира и стабильности в этом регионе и во всем мире, страны АСЕАН начнут диалог и переговоры со странами Индокитая в целях урегулирования проблем в отношениях двух групп государств на пути к превращению Юго-Восточной Азии в зону мира и стабильности, дружбы и сотрудничества»¹⁶. Такой курс поддержан и VI съездом КПВ. С трибуны съезда было четко указано, что «правительство и народ Вьетнама неустанно борются за то, чтобы развивать отношения дружбы и сотрудничества с Индонезией и другими странами Юго-Восточной Азии»¹⁷.

Сегодня невозможно жить в одном регионе, относясь друг к другу не по-соседски. Индонезийская газета «Мердека» писала: «Отношения с СРВ являются очень важными на пути к нашему позитивному свободному курсу, и через эти отношения мы сможем улучшить взаимоотношения со странами социалистического содружества. С этой точки зрения все большее значение придается всякому стремлению к улучшению взаимоотношений с Ханоем»¹⁸.

Вьетнам всегда выступал и выступает за расширение двустороннего и многостороннего сотрудничества со странами АСЕАН в области экономики, научно-технического прогресса и спорта. Благодаря доброй воле и позитивным стремлениям сторон в последние годы между СРВ и странами ЮВА осуществляется обмен визитами видных государственных деятелей, а также экономическими, торговыми и научными делегациями. Эти визиты приносят пользу каждой из стран и региону в целом. На пресс-конференции по окончании визита во Вьетнам (март 1985 г.) министр иностранных дел Индонезии подчеркнул: «Все то, что уже сделано и что будет сделано в области экономического, торгового сотрудничества и подготовки научно-технических кадров, обмена визитами правительственных делегаций между двумя странами, является полезным для каждой страны. Индонезия выражает искреннее желание усилить многостороннее сотрудничество с СРВ»¹⁹.

Наглядным результатом этих изменений является постепенное возобновление экономических связей, научно-технического сотрудничества между СРВ и некоторыми

странами региона. Так, вновь открытая в сентябре 1985 г. авиалиния Хошимин — Манила ознаменовала новый этап в сотрудничестве между СРВ и Филиппинами. В октябре 1985 г. во время визита во Вьетнам экономической и торговой делегации Индонезии были обсуждены вопросы, связанные с развитием торговли между двумя странами. Были подписаны и некоторые контракты на 1986 г., а также «Памятная записка» по вопросам дальнейшего развития торговых связей и сотрудничества. Была создана совместная рабочая группа, в задачу которой входит обмен мнениями по интересующим обе стороны вопросам, например об установлении границ между Индонезией и СРВ на континентальном шельфе и урегулировании возможных разногласий по вопросу о территориальных водах²⁰.

Необходимо отметить, что все сделанное до сих пор в направлении развития и расширения дружбы и сотрудничества между странами региона далеко не соответствует их потенциальным возможностям. Экономическое сотрудничество может развиваться во многих областях: это сельское хозяйство, промышленность (особенно обрабатывающая), добыча полезных ископаемых, транспорт (морской и воздушный) и связь, внешняя торговля, строительство и т. д.

Большинство развивающихся стран региона проявляет заинтересованность в сотрудничестве с СРВ и через нее со странами социалистического содружества в целом. Однако в настоящее время все еще существуют разногласия между различными странами этого региона, от устранения которых во многом зависит дальнейшее развитие дружбы и сотрудничества между ними.

Несмотря на различия социальных и политических систем, наличие определенных разногласий, страны региона могут сделать немало, чтобы поддержать существующие планы разрядки. Диалог будет способствовать взаимопониманию и доверию. Практика уже показывает, что любые разногласия вполне могут быть решены путем мирных переговоров. Нет никаких причин, препятствующих установлению взаимовыгодных отношений, основанных на принципах равенства, независимости, суверенитета, взаимопонимания, невмешательства во внутренние дела друг друга. СРВ заявляет, что она «исполнена стремления и готова к тому, чтобы пойти на переговоры с другими странами региона с целью решения проблемы Юго-Восточной Азии, установить отношения мирного сосуществования, превратить Юго-Восточную Азию в зону мира, стабильности и сотрудничества»²¹.

¹ См.: Внешняя торговля СССР в 1985 г. М., 1986, с. 11.

² V съезд Коммунистической партии Вьетнама. М., 1983, с. 103.

³ См.: «Мировая экономика и международные отношения», 1985, № 9, с. 84.

⁴ См.: «Нян зан», 31.XII.1984.

⁵ См.: «Правда», 22.I.1987.

⁶ См.: «Нян зан», 19.XI.1985.

⁷ См. там же, 6.I.1986.

⁸ См. там же, 24.IX.1984.

⁹ См. там же, 13.X.1984.

¹⁰ См. там же, 13.I.1987.

¹¹ См. там же, 6.I.1986.

¹² Первый симпозиум организован в Нью-Дели в марте 1984 г., второй — в Пиомпене в августе 1985 г.

¹³ См.: IV съезд Коммунистической партии Вьетнама. Документы и материалы. М., 1977, с. 131.

¹⁴ Дипломатические отношения между ДРВ и Индонезией были установлены в 1955 г. Индонезия являлась единственной страной АСЕАН, не участвовавшей в американской агрессии против вьетнамского народа.

¹⁵ См.: «Народы Азии и Африки», 1979, № 4, с. 134—145.

¹⁶ V съезд Коммунистической партии Вьетнама, с. 101—102.

¹⁷ «Нян зан», 17.XII.1986.

¹⁸ Цит. по: «Нян зан», 19.II.1984.

¹⁹ «Нян зан», 17.III.1985.

²⁰ См. там же, 17.XIII.1986.

²¹ Материалы VI съезда Коммунистической партии Вьетнама. «Нян зан», 17.XII.1986.

Проблема разоружения и развивающиеся страны (на примере Бангладеш)

НАЗРУЛ ИСЛАМ,
профессор Даккского университета

В наше время сохранение мира практически стало главной проблемой общественной жизни. Социалистические страны, в особенности Советский Союз, неуклонно проводят политику мира, разрядки и разоружения. В 70-х гг. был достигнут частичный прогресс на пути ограничения гонки вооружений и смягчения напряженности. Но с конца 70-х гг. правящие круги развитых капиталистических стран взяли курс на дальнейшее усиление гонки вооружений, милитаризацию космоса, стремясь обеспечить за собой возможность первого удара. Милитаристская политика империалистических правящих кругов вызвала острую реакцию у народов всех стран.

В отличие от социалистических и развитых капиталистических стран в развивающихся странах проблема мира не привлекает к себе соответствующего внимания. Это объясняется тем, что в большинстве развивающихся стран на первое место выступают социальные проблемы (бедность, недоедание и т. д.), а проблема всеобщего мира и разоружения зачастую представляется весьма отдаленной и не столь насущной. Силам мира ясно, что этот парадокс сохранится недолго. Вопрос о мире превратился в вопрос о самом существовании цивилизации и человеческой жизни на нашей планете. У народов развивающихся стран есть серьезные причины проявлять интерес к проблеме разоружения. Это связано с колоссальными средствами, расходуемыми в мире на вооружение, которые можно было бы использовать для улучшения благосостояния народов.

Несомненно, что единственной в своем роде важной причиной недостаточного развития стран «третьего мира» стала эксплуатация, которой они подвергались в колониальный и полуколониальный период своей истории. К сожалению, несмотря на то, что большинство этих стран теперь получило политическую независимость, они все еще являются объектом более скрытых методов неоколониалистской эксплуатации.

Истощение или недостаток ресурсов, таким образом, остается одной из главных причин, объясняющих медленное развитие, нищету и лишения в большинстве развивающихся стран. Именно в этом контексте проблема разоружения может представлять для них реальный интерес. С точки зрения затрат средств на вооружение, когда основная часть человечества страдает от лишений, проблема мира может представляться даже более насущной для народов развивающихся стран, чем для народов развитых районов мира.

Цель данной статьи — исследовать серьезность данной проблемы на примере Бангладеш.

Средства, идущие на гонку вооружений

В мире ежегодные расходы на вооружение составляют 900 млрд. долл. и в настоящее время приближаются к астрономической величине — триллиону, другими словами, на вооружение будет затрачиваться около 2,6 млрд. долл. в день. Эти цифры дают лишь поверхностное представление о расходах на вооружение в мире.

К сожалению, следует отметить, что в таких безумных расходах есть некоторая

вина и самих развивающихся стран. Их доля в общемировых военных расходах растет. Это было отмечено в недавнем исследовании по вопросам мира и развития, проведенном Советским комитетом в защиту мира: если в 1980 г. военные расходы развивающихся стран возросли до 27,8 млрд. долл. (т. е. 7,2 % общемировых), то в 1982 г. показал, что эта цифра приближается к 100 млрд. (17 % общемировых расходов). По доле военных расходов, которая составляет от 5 до 6 % их ВВП, развивающиеся страны сравнивались со многими промышленно развитыми странами или обогнали их, а вооруженные силы развивающихся стран даже стали больше на 10 млн. человек. Это тяжелое бремя. Согласно подсчетам, на содержание, например, одного солдата в Африке уходит столько же средств, сколько расходуется на социальные нужды 364 граждан. Очевидно, то, что было сказано здесь об «африканском» солдате, более или менее применимо и к «азиатскому» и к «латиноамериканскому» солдату. Развивающиеся страны позволяют себе такие расходы в то время, как их основной доход примерно в 11 раз ниже, чем в развитых капиталистических странах, а доход на душу населения меньше в 40 раз. Известно, что этот разрыв все увеличивается.

Наряду с расчетами относительно размеров затрат на вооружение известны и оценки другого рода. Они показывают, что достаточно небольшой части из этих колоссальных сумм, чтобы снять многие из главных социально-экономических проблем развивающихся стран. Например, как указывалось в том же докладе Советского комитета в защиту мира, чтобы прокормить свыше полумиллиарда голодающего населения на Земле, требуется ежегодно 8 млрд. долл., а на ликвидацию неграмотности и наиболее опасных болезней — 22 млрд. долл.

По оценке экспертов ООН, 8—10 % средств, ежегодно затрачиваемых на военные нужды, было бы достаточно для финансирования самых насущных социальных программ развивающихся стран.

Ныне все эти поразительные цифры хорошо известны общественности развивающихся стран. Теперь остановимся на конкретной обстановке, которая сегодня сложилась в экономике Бангладеш. В какой форме эта проблема проявляется в Бангладеш?

Некоторые аспекты экономики Бангладеш

Ряд показателей по экономике Бангладеш, относящихся к обсуждаемому вопросу, указан в приводимой ниже таблице.

Какие выводы можно сделать из этой статистики? Во-первых, мы можем отметить, что в экономике Бангладеш за последние годы не происходило существенного роста. Приводимые здесь данные связаны с ВВП, но если мы перейдем к анализу отраслей, то обнаружим, что темпы роста основных производящих отраслей, в частности сельского хозяйства и промышленности, упали даже ниже указанных в таблице темпов роста ВВП. Разница объясняется главным образом ускорением темпов роста непроизводящих отраслей, т. е. управленческого аппарата (включая военные ведомства) и торговли. Медленные темпы роста основных производящих отраслей вместе с неуклонным ростом населения нашли отражение в том, что прожиточный минимум не только не повысился, но в некоторых отношениях положение ухудшилось.

Второй вывод, который можно сделать из таблицы, — за счет чего достигнут рост. Он достигнут благодаря поступлениям, источником которых является иностранная помощь. Темпы внутренних накоплений были чрезвычайно низкими, тогда как за счет иностранной помощи почти полностью финансировался государственный бюджет.

Но каковы были результаты развития, основанного на помощи? Один аспект мы уже отмечали, а именно: отсутствие сколько-нибудь существенного роста. Даже стремление обеспечить себя хотя бы зерном не осуществилось. Это по-прежнему остается задачей на будущее. С другой стороны, в результате принятой стратегии развития, основанной на иностранной помощи, долговое бремя страны растет. Это полностью подтверждается абсолютными цифрами роста платежей по кредитам.

Указанные выше показатели тем не менее не исчерпывают всей картины. Важно

Таблица

Выборочные показатели по экономике Бангладеш

Год	Прирост ВВП, %	Население, млн. человек	Импорт зерна, млн. т	Иностранная помощь, млн. долл.	Помощь в % от ВВП	Помощь в % от бюджета	Платежи по кредитам, млн. Тк	Платежи в % от поступлений иностранной валюты	Внутренние накопления в % от ВВП
1972/73	—	—	28,2	551,4	9,5	108	70	—	0,3
1973/74	11,6	74,4	16,7	461,3	5,0	77	85	4,7	1,5
1974/75	3,5	77,0	22,9	901,3	6,2	149	187	19,9	0,8
1975/76	9,6	79,0	14,8	808,2	10,3	116	982	15,1	-1,9
1976/77	1,6	80,8	7,8	553,1	7,4	77	469	12,3	3,2
1977/78	6,9	82,7	16,8	828,6	9,2	99	564	12,1	2,7
1978/79	4,3	84,6	11,5	1030,0	10,2	92	868	14,9	3,0
1979/80	1,2	86,6	27,4	1222,8	10,4	78	780	14,4	2,0
1980/81	6,2	88,7	10,6	1147,2	9,1	76	819	12,0	2,3
1981/82	1,4	91,9	12,4	1236,1	10,9	88	782	14,6	-3,5
1982/83	3,1	93,2	23,2	1345,5	11,9	97	1758	20,0	1,7
1983/84	2,6	—	—	1267,8	10,2	83	1771	—	3,4

Источник. Статистическое управление Бангладеш, публикации.

отметить, что помощь, исходящая главным образом от развитых капиталистических стран и международных финансовых организаций, контролируемых ими, служит средством формирования в стране, которой помощь предоставляется, особой модели развития. Основными чертами этой модели являются опора на зажиточные слои, ориентация на город и в целом установка на узкие, частнособственнические интересы. Такая стратегия развития, не вызвав внушительного роста, тем не менее привела к серьезному ухудшению распределения доходов. Она создает анклав процветания среди нищеты и теперь ведет страну к дихотомии общества, что создает серьезное напряжение в его структуре. Вместе с тем — вопреки далеко не привлекательным условиям, неспособности разрешить долгосрочные и застарелые социально-экономические проблемы страны — помощь сегодня все же является определяющей величиной в экономике Бангладеш.

Скудость средств и разоружение

Какова же та сумма помощи, которая жизненно необходима для развития экономики Бангладеш? Как видно из приведенной таблицы, помощь, ежегодно предоставляемая Бангладеш, превысила цифру 1 млрд. долл., а ее номинальная стоимость по курсу ам. долл. за последние годы составляла около 1,3 млрд. долл.

Но что такое 1,3 млрд. долл. в сравнении с более чем 900 млрд. долл., которые ежегодно расходуются в мире на вооружения? Однако в известной степени совершенно потрясающе выглядит тот факт, что эта незначительная сумма денег может быть решающей для судеб около 100 млн. людей.

К тому же, оценивая обстановку, следует иметь в виду, что даже из этих 1,3 млрд. долл. львиная доля уплывает различными путями, включая завышенные цены на поставляемые товары и завышенные расходы на страхование и фрахт, чрезмерную оплату услуг иностранных консультантов, которые не нужны, а иногда даже действуют во вред национальным интересам, и т. п.

С другой стороны, из суммы 1,3 млрд. долл. только часть поступает от стран, оказывающих помощь, так как они заинтересованы в изменении внутренней структуры экономики Бангладеш в направлении, которое бы отвечало их экономическим и стратегическим интересам. «Контрольный пакет» этой помощи значительно меньше, чем вся помощь. А следовательно, специфическое влияние на экономику Бангладеш тех, кто предоставляет стратегическую помощь, как-то: Всемирного банка, организации «Помощь США» и т. д., — даже более внушительно. Так, если сравнение мировых расходов на вооружение (900 млрд. долл.) проводится не с суммой помощи в 1,3 млрд. долл., получаемой Бангладеш, а с «контрольным пакетом», то положение в действительности выглядит неважно.

Посредством такого рычага, как помощь, экономика и общество Бангладеш реконструируются в направлении, которое лишает подавляющее большинство населения реальных выгод, она увеличивает бремя долгов страны; погашение кредитов истощает запасы валюты, с трудом добываемых нацией. Посредством этого рычага-помощи Бангладеш так привязана к мировому капиталистическому рынку, что буквально истекает кровью из-за тяжелых условий торговли. Вот о чем говорится в выдержке из официального документа правительства Бангладеш: «Подсчитано, что в первые два года второго пятилетнего плана Бангладеш потеряла около 2 млрд. долл. реальных средств из-за невыгодных условий торговли, так как за 1 долл. импорта Бангладеш должна платить 1,15 долл. по ценам экспорта 1979/80 г.». Очевидно, потери составляют в среднем 1 млрд. долл. в год. Помощь, получаемая от развитых капиталистических стран, несомненно, должна контролироваться на предмет выявления обширной утечки.

Наконец, эта помощь не является ведущей в мобилизации внутренних ресурсов и накоплений. Этот вывод следует и из низких темпов внутренних накоплений, приводимых в таблице. Таким образом, распределение доходов в результате осуществления стратегии развития с опорой на зажиточные слои и на город потерпело фиаско, не сумев придать импульс развитию экономики даже в условиях растущих накоплений. В Бангладеш широко известно, что зажиточные слои общества, в чьих руках аккумулируются доходы и богатство, различными путями переводят значительные денежные суммы из этих доходов за границу, что находит отражение в низких темпах внутренних накоплений.

Развитие и разоружение

Таково положение в Бангладеш со средствами и помощью. Что может ярче проиллюстрировать необходимость экономии средств, которые тратятся на вооружение? Это относится и к военным расходам в мировом масштабе, а также к аналогичным расходам в самих развивающихся странах.

Нельзя недооценивать важность борьбы народов против гонки вооружений и за разоружение. Это требуется для сохранения человеческой жизни на Земле, для сохранения материальных достижений, полученных в развитых районах земного шара, и для повышения жизненного уровня в развивающихся странах. Поэтому народы слаборазвитых стран имеют свои причины, чтобы проявлять интерес к существующему положению дел в мире. Нынешняя американская администрация отказалась присоединиться к советскому мораторию на ядерные испытания, выступает против разумных предложений по контролю над ядерными вооружениями, выдвинутых СССР, спешит перенести гонку вооружений в космос. Поэтому народам слаборазвитых стран необходимо объединить усилия с народами других районов мира, чтобы дать отпор всем этим исключительно опасным империалистическим военным замыслам.

В своей речи во Владивостоке М. С. Горбачев сделал акцент на необходимость работать над созданием климата мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе. И в азиатско-тихоокеанском регионе может быть положено начало процессу безопасности и коллективного диалога, аналогичного хельсинкскому процессу в Европе, но и здесь это будет зависеть в действительности от позиции миролюбивых правительств и народов региона. Только такой климат безопасности позволит этим странам сберечь свои средства от расходов на вооружение и использовать их на нужды развития.

Борьба развивающихся стран за новый международный экономический порядок (НМЭП) также тесно переплетается с проблемами мира и разоружения. Средства, высвободившиеся от гонки вооружений, могут создать необходимую базу для осуществления многих компонентов программы НМЭП. В настоящее время, как известно, из-за упорного отказа развитых капиталистических стран пойти навстречу насущным требованиям развивающихся стран не удалось достигнуть существенного прогресса в установлении НМЭП.

Образование Южноазиатской ассоциации регионального сотрудничества (СААРК) было действительно доброжелательно встречено всеми миролюбивыми народами региона. Лишь создание подлинного климата мира и безопасности может способствовать осуществлению впечатляющих целей СААРК. Империализм заинтересован в том, чтобы сеять недоверие и продолжать вмешательство во внутренние дела развивающихся стран. Такое положение обеспечивает производителям оружия постоянный рынок сбыта и помогает им усиливать нажим в интересах сохранения своих «сфер влияния». Это приведет к затратам огромных средств на вооружение, что грозит взаимным уничтожением, вместо того чтобы использовать эти средства на развитие на базе регионального сотрудничества. Успех СААРК зависит от решительной борьбы за мир и разоружение каждой из стран-участниц.

Заключение

Мир и развитие — взаимосвязанные проблемы. Они более тесно переплетаются между собой, чем нам это представляется. В этой статье сделана попытка показать такую взаимосвязь конкретно на примере Бангладеш. По-видимому, опыт других стран может осветить иные грани и аспекты. Но они лишь еще больше убедят нас в том, что существует зависимость между борьбой за мир и развитием стран. Об этом, несомненно, говорит и опыт Бангладеш.

Сокращенный перевод с английского Б. К. ЧИЖОВА

«Средний класс» в современной Японии: миф и реальность

М. В. ХЛЫНОВА

В материалах XXVII съезда КПСС содержится глубокий и всесторонний анализ развития современного капиталистического общества. Подчеркивая, в частности, неизменную эксплуататорскую сущность современного капитализма, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев в Политическом докладе съезду отметил, что правящие круги развитых капиталистических стран используют весь арсенал накопленного капитализмом средств, для того чтобы сгладить конфликт между гигантски возросшими производительными силами и частнособственническим характером общественных отношений, не допустить возникновения политической дестабилизации и социальных взрывов. Особое значение в странах Запада придается в связи с этим усилению пропаганды различных теорий об «исчезновении классов», о «трансформации» капитализма в некое «общество всеобщего благосостояния», в котором будто бы созданы все условия для «взаимовыгодного сотрудничества» труда и капитала.

В современной Японии одной из самых распространенных теорий «бесклассового общества» является концепция «среднего класса», «новых средних слоев», и т. п.¹ Суть ее сводится к следующему. Используя объективные сдвиги в классовой структуре японского общества и определенное улучшение материального положения трудящихся, авторы этой концепции пытаются доказать, что для Японии будто бы больше не характерно деление общества на два антагонистических класса — буржуазию и пролетариат, так как оно уже чуть ли не превратилось в однородный в социальном и экономическом отношении «единый средний класс».

В связи с этим возникает закономерный вопрос: что же вкладывают буржуазные ученые в понятие «средний класс» и правомерно ли подменять традиционную концепцию о классовой структуре капиталистической Японии?

Японские буржуазные теоретики, занимающиеся проблемой «среднего класса», утверждают, что доказательством его «появления» и «существования» является наличие такого «массового и однородного» слоя общества, для которого «понятие класса уже не может служить опознавательной рамкой»². Отвергая марксистско-ленинские признаки классовой принадлежности (место в исторически определенной системе общественного производства, отношение к средствам производства, роль в общественной организации труда, способ получения и размер дохода, возможность эксплуатации чужого труда³) как несостоятельные при анализе «среднего класса», японские буржуазные ученые выдвигают свои критерии его определения. Несмотря на отсутствие в данном вопросе единства среди сторонников теории и расплывчатость существующих критериев, представляется возможным выделить несколько наиболее часто встречающихся признаков принадлежности к «среднему классу». Это обладание статусом «работника наемного труда», «непостоянство социального статуса»⁴, достаточно большой размер дохода представителей «среднего класса», якобы гарантирующий им «равный доступ» к материальным благам, и, наконец, субъективные оценки людьми своего социального и материального положений. Иными словами, «средний класс» в интерпретации японских буржуазных ученых представляет собой некое «срединное сообщество», объединяющее людей по вышеперечисленным признакам. Так, один из активных защитников теории «среднего класса», профессор Токийского университета К. Томинага, считает, что «средний класс» представляет собой

«сообщество работников наемного труда или обладателей непостоянного социального статуса», к которому принадлежит подавляющая часть японского общества⁵.

Концепция К. Томинага основана на субъективной интерпретации результатов послевоенных изменений, происшедших в классовой структуре японского общества. Представляется интересным сравнить выводы К. Томинага как представителя ученых буржуазного лагеря с позицией советских и японских ученых, придерживающихся марксистско-ленинского подхода к анализу классовой структуры современного капиталистического общества. Расчеты последних, основанные на результатах национальных переписей населения и построенные на принципах марксистско-ленинского понимания классов, в общем могут служить базой для выводов как о классовой структуре японского общества, так и о характере происходящих в ней сдвигов в послевоенный период.

Серьезные изменения, наблюдаемые сегодня в экономической и политической жизни Японии, прежде всего научно-технический прогресс и усиление господства государственно-монополистического капитала, не могут не оказывать влияние на классовую структуру японского общества. Наиболее серьезным сдвигом в этой области является расширение рамок и численности рабочего класса (пролетариата)⁶.

По данным советского исследователя Ю. Д. Кузнецова, численность рабочего класса Японии увеличилась в период с 1950 по 1980 г. с 13 888 тыс. до 38 009 тыс. человек, а его доля в самостоятельном населении возросла с 38,3 до 66,6 %⁷. Это объясняется тем, что если на ранних этапах развития капитализма подавляющее большинство наемных работников состояло из рабочих, занятых физическим трудом в сфере материального производства (так называемые «синие воротнички»), то в современном японском обществе в состав рабочего класса включается все более значительная армия наемных работников умственного труда (так называемые «белые воротнички»). В 1950 г. численность и доля производственных рабочих составляли соответственно 7267 тыс. человек, или 20 % самостоятельного населения, непроизводственных — 1552 тыс. человек, или 4,3 %. В 1980 г. эти показатели для производственных рабочих составили 16 267 тыс. человек, или 28,5 %, для непроизводственных рабочих — 7056 тыс. человек, или 12,4 % самостоятельного населения. Одновременно растет социальная группа представителей профессий умственного труда в составе средних слоев⁸. Что касается буржуазии (класса капиталистов), то, хотя ее численность и возросла в период с 1950 по 1980 г. с 681 тыс. до 2701 тыс. человек, она по-прежнему занимает ничтожно малую долю в самостоятельном населении страны — 4,7 % в 1980 г. Эти объективные сдвиги, происходящие в классовой структуре современного японского общества, умело используют авторы концепции «среднего класса».

Так, выводы вышеупомянутого К. Томинага на первый взгляд во многом совпадают с марксистской позицией по данному вопросу. К. Томинага, казалось бы, справедливо полагает, что для структуры занятого населения современного японского общества характерно преобладание категории «работников наемного труда». Он подмечает интересную тенденцию, наблюдающуюся в послевоенном японском обществе: если в довоенной Японии обладатель большого размера дохода, как правило, занимал высокое социальное положение, то в современном обществе такая взаимозависимость нарушилась. В качестве примера К. Томинага приводит профессии судьи, государственного чиновника и преподавателя университета, социальное положение которых традиционно считается «престижным». Однако если до второй мировой войны представители этих профессий одновременно являлись обладателями большого размера дохода, то в современном обществе они значительно уступили в материальном отношении представителям таких традиционно «непрестижных» занятий, как собственник мелкого предприятия или хозяин магазина розничной торговли. Такое явление, названное К. Томинага «непостоянством социального статуса», возникло, по его мнению, в результате «демократизации существующей системы критериев для определения социального престижа или статуса работника». Эта «демократизация», которая будто бы ликвидирует разницу между работниками «престижных» и «непрестижных» категорий, и есть, с точки зрения К. Томинага, конкретное проявление принципа «равенства возможностей» для всех в японском обществе⁹.

Утверждения К. Томинага представляются малообоснованными. Явление несовпадения размера дохода работника с его социальным положением имеет более простое и понятное объяснение при анализе его с марксистских позиций. С развитием НТР и

ГМК в экономике Японии возникли такие новые отрасли, как радиоэлектроника, робототехника, биотехнология, мекатроника и другие, что вызвало огромный рост спроса на квалифицированных работников умственного труда, а глубокие изменения в области управления привели к численному увеличению административных работников. Те профессии, которые ранее считались прерогативой представителей средних слоев (например, упоминавшиеся К. Томинага профессии судьи, государственного чиновника и преподавателя университета), стали массовыми. Труд основной массы интеллигенции, служащих, профессионально-технических специалистов стал разнообразностью пусть и высококвалифицированного, но индустриального труда. По своему экономическому положению они приблизились с точки зрения условий жизни и труда к положению рабочего класса. Поэтому если раньше большая часть представителей работников умственного труда входила в состав средних слоев, а следовательно, имела собственное дело и эксплуатировала труд других, то в современном обществе представители профессии умственного труда, как правило, входят в состав рабочего класса и вынуждены жить продажей своей рабочей силы.

С этой точки зрения интересно сравнить динамику изменения численности и удельного веса работников наемного труда, входящих в состав рабочего класса и в состав средних слоев. С 1950 по 1980 г. эта категория лиц в составе средних слоев населения выросла немногим более чем в два раза, а ее удельный вес составил всего 1,4 % самостоятельного населения. Вместе с тем эта же категория трудящихся в составе рабочего класса за тот же период времени увеличилась более чем в три раза и достигла $\frac{1}{4}$ всего самостоятельного населения (23,2 %). Иначе говоря, основная масса работников умственного труда, то есть представителей, по определению К. Томинага, «престижных» профессий, сегодня входит не в состав средних слоев, а в состав пролетариата, ряды которого постоянно пополняются за счет интенсивного процесса классовой дифференциации, наблюдающегося и среди работников умственного труда.

Таким образом, попытка К. Томинага объяснить явление несовпадения размера дохода со статусом работника некой «демократизацией системы критериев», придать этому явлению новое звучание, а также сделать вывод на основе этого о существовании в японском обществе «срединного сообщества работников наемного труда» или обладателей «непостоянного социального статуса» представляется вполне произвольной, основанной на субъективистском подходе и ведет лишь к запутыванию вопроса.

Считая явление «непостоянства социального статуса» принципиально важным при анализе классовой структуры современного японского общества, К. Томинага полагает, что уже само его возникновение свидетельствует о «несостоятельности» марксистско-ленинской теории, «слишком узко трактующей современное капиталистическое общество как основанное на антагонистическом противоречии класса капиталистов и рабочего класса»¹⁰. Иными словами, К. Томинага считает, что возникновение в Японии «срединного сообщества» означает уничтожение классовой структуры японского общества или по крайней мере тенденцию к созданию «однородного» (т. е., по существу, бесклассового) общества, где и рабочий, и менеджер крупнейшей корпорации являются «работниками наемного труда», т. е. обладают «равными возможностями».

Концепцию подмены классовой структуры современного японского общества «единым срединным сообществом» разделяет видный апологет теории «среднего класса», профессор Токийского университета Я. Мураками. Обосновывая эту теорию, Я. Мураками так же, как и К. Томинага, исходит из тезиса о «несостоятельности» марксистско-ленинской теории капиталистического общества. Однако если К. Томинага выдвигает в качестве «альтернативы» марксизму теорию трансформации японского общества в «срединное сообщество работников наемного труда или обладателей постоянного социального статуса», то Я. Мураками в основном ограничивается лишь голыми утверждениями о «несостоятельности» марксизма. Я. Мураками категоричен в своих рассуждениях. Он считает, что в современном японском обществе нет классов, и призывает не идентифицировать «средний класс» с «марксистским понятием» «средних слоев» или каким-либо другим «классом». Я. Мураками утверждает, что современный «средний класс» не ограничен никакими границами ни «снизу», ни «сверху». Тем не менее он признает существование некоей «организационной элиты», которая порождается «средним классом» и представители которой автоматически превращаются в рядовых работников, будучи лишены своих «организационных функций». Тем самым Я. Мураками противоречит сам себе. Если под

«организационной элитой» понимать группу людей, управляющих страной, корпорацией, капиталистическим предприятием и т. п., то совершенно очевидно, что, даже будучи лишенными своих «организационных функций», они продолжают выступать как представители класса власть имущих, находящегося в привилегированном положении по отношению к «рядовым работникам». Кроме того, сам факт признания Я. Мураками существования «организационной элиты» в современном японском обществе красноречиво свидетельствует о шаткости концепции «единого и однородного срединного сообщества».

Небезынтересно, что не только ученые-марксисты, но и многие японские ученые буржуазного толка выступают против подмены концепции о классовом характере структуры современного японского общества теорией «срединного сообщества» или однородного «среднего класса».

Так, профессор Иокогамского университета С. Кисимото считает, что реально существует лишь такой «средний класс», который занимает промежуточное положение между двумя «полярными» классами — капиталистами и рабочими. По оценке С. Кисимото, к такому условному «среднему классу» принадлежит менее 10 % всего населения¹². Только «существующие за счет собственного дела», подчеркивает он, т. е. имеющие «капитал», могут быть отнесены к «настоящему среднему классу»¹³, а точнее, к средним слоям населения.

Адепты концепции превращения японского общества в однородный «средний класс», в «срединное сообщество работников наемного труда или обладателей непостоянного социального статуса», тенденциозно истолковывая суть явлений, явно стоят на позициях апологетики современного японского капитализма. Реально происходящий процесс превращения профессий, ранее считавшихся прерогативой средних слоев, в массовые или, используя терминологию буржуазных ученых, тенденция к появлению «работников с непостоянным социальным статусом» в японском обществе не может изменить его основной, классовой сущности — существования в нем двух антагонистических классов.

Теория «среднего класса» в японской буржуазной социологии не сводится, однако, к пониманию ее только как концепции «срединного сообщества работников наемного труда или обладателей непостоянного социального статуса». Она имеет не только социально-классовый, но и экономический аспект. Сторонники этой теории пытаются создать иллюзию возникновения в Японии некоего «потребительского сообщества», уровень жизни представителей которого достаточно высок, для того чтобы обеспечить им «равное участие» в распределении материальных благ. Возникновение подобного «потребительского сообщества» связывается японскими буржуазными учеными со «значительным повышением уровня жизни в результате высоких темпов экономического роста»¹⁴.

С точки зрения Я. Мураками, это проявляется в «значительном» сокращении разрыва в уровне доходов представителей различных классов и социальных групп, в улучшении системы социального обеспечения, всеобщем росте образовательного уровня, общедоступности товаров длительного пользования и т. п. Все это, по мнению Я. Мураками, позволяет говорить о существовании в Японии «среднего класса», представители которого, по его словам, «в высшей степени однородны в образе и стиле жизни»¹⁵.

Действительно, сравнительно быстрое развитие экономики Японии в 60 — 70-х гг., в период так называемого «японского экономического чуда», характеризовавшийся беспрецедентно высокими темпами экономического роста, не могло не привести к определенному улучшению условий жизни трудящихся. Это выразилось, в частности, в росте доходов, повышении уровня потребления товаров длительного пользования и услуг, улучшении условий отдыха и досуга, повышении общеобразовательного уровня трудящихся.

Согласно данным официальной статистики, номинальный годовой доход семьи японских рабочих и служащих с 1965 по 1984 г. увеличился с 59 557 иен до 359 353 иен (без учета реальной стоимости иены)¹⁶. Однако сам этот факт еще не означает, что в стране происходит значительное сокращение разницы в уровнях доходов различных слоев населения, как это утверждают сторонники концепции «среднего класса».

Согласно исследованию, проведенному советским ученым В. Б. Рамзесом, несмотря на определенное сокращение разницы в уровнях доходов, личных сбережений, потреб-

лении товаров длительного пользования и т. п. между различными категориями японских семей наемных работников, абсолютные размеры разрыва по всем выше-названным параметрам остаются огромными¹⁷. Нельзя забывать и о том, что, как бы ни выросли доходы трудящихся или уровень потребления ими товаров длительного пользования, которые Я. Мураками рассматривает как доказательство существования «однородного среднего класса», или «однородного потребительского сообщества», они являются результатом личного труда работников, в то время как незначительная часть населения, владеющая средствами производства и капиталом, присваивает труд первых. В этой связи заслуживает внимания мнение японского экономиста М. Одзава, рассматривающей вопрос о «среднем классе» в тесном соотношении с проблемой личного потребления. С ее вполне обоснованной точки зрения, в конце 70-х — начале 80-х гг., когда в результате головокружительного повышения цен темпы роста реальных доходов значительно замедлились, основным фактором, влияющим на покупательную способность потребителей, стал размер капитала, а не дохода, как это было ранее, в 60-е гг.¹⁸. Основываясь на данных официальной статистики, свидетельствующих о том, что в современном японском обществе сохраняется значительный разрыв в размерах доходов и капитала у разных социальных групп населения, она делает вывод о неправомерности утверждений о существовании в Японии «среднего класса»¹⁹. По мнению М. Одзава, в стране существуют «два диаметрально противоположных полюса — владельцы капитала, потребляющие товары высшего качества, с одной стороны, и те, кто живет на личные доходы и вынужден довольствоваться товарами низшего качества, — с другой». Именно поэтому, по ее мнению, существование «среднего класса является иллюзией»²⁰.

Попытки апологетов японского капитализма обосновать возникновение в Японии «единого и однородного срединного потребительского сообщества», исходя из выдвинутого ими тезиса о «значительном повышении уровня жизни», игнорирующих, по существу, такой важный фактор, как «способ получения дохода», являются в конечном итоге не чем иным, как стремлением затушевать наличие в капиталистическом обществе имущественного неравенства, а следовательно, и каких-либо классовых различий. Также неверно делать вывод о существовании «срединного сообщества», основываясь на таких явлениях, как общедоступность товаров длительного пользования и услуг, повышение общеобразовательного уровня населения и улучшение системы социального обеспечения. Какие бы успехи ни были достигнуты в этих областях, сами по себе они не могут свидетельствовать о наличии или об отсутствии имущественного неравенства и классовых различий. Еще К. Маркс, рассматривая даже самые благоприятные для рабочих условия капиталистического накопления, писал: «Все большая часть их собственного прибавочного продукта, который все возрастает и в растущих размерах превращается в добавочный капитал, притекает к ним обратно в форме средств платежа; благодаря этому они могут расширить круг своих потребностей, лучше обеспечивать свой потребительский фонд одежды, мебели и т. д. и создавать даже небольшие денежные запасные фонды. Но как лучшая одежда, пища, лучшее обращение и более или менее значительный *residium*²¹ не уничтожают для раба отношения зависимости и эксплуатации, точно так же это не уничтожает отношения зависимости и эксплуатации и для наемного рабочего»²².

К тому же даже то повышение уровня жизни японских трудящихся, которое имеет место, не соответствует нынешней степени развития страны, уровню развития производительных сил в Японии. Характеризуя условия жизни современных японцев, упоминавшийся выше профессор С. Кисимото отмечает, что среди лиц, причисляющих себя к «среднему классу», многие получают низкие доходы, обременены долгами, не имеют нормальных жилищных условий²³. В японских общенациональных газетах «Асахи» и «Майнити» нередко можно встретить сообщения следующего содержания: «Девять десятых всего населения причисляют себя к «среднему классу»... однако, уровень их жизни бесконечно далек от уровня такового. Так 20 % всех тех, кто считает себя «средними», вынуждены работать сверхурочно, чтобы обеспечить семью. У 40 % — работают жены. 63 % выплачивают долги по ссудам на строительство собственного дома»²⁴. Или: «Несмотря на то что 60 % рабочих частных предприятий считают, что вышли на «средний жизненный стандарт», в действительности... их жизнь становится все тяжелее»²⁵.

О каком «едином срединном потребительском сообществе», о каком «равном» доступе к материальным благам может в данном случае идти речь?

По данным официальной статистики, однако, количество японцев, причисляющих себя к «среднему классу», составляет 80—90 % японского общества²⁶.

Подобное положение объясняется как своеобразной психологией «среднего» японца, так и целенаправленной идеологической обработкой трудящихся масс правящими кругами Японии. Для подавляющего большинства японцев характерна поверхностная и субъективная оценка своего социального и материального положения. Они стремятся во всем «быть как все», «не выделяться из общего стандарта» и т. д. Это, разумеется, не может не лить воду на мельницу концепции «среднего класса». Вместе с тем совершенно очевидно, что субъективное сознание принадлежит к «среднему классу» и объективное существование такого «класса» — абсолютно разные категории. Так, с точки зрения социолога М. Наои, субъективное причисление себя к «среднему классу» и объективное существование «среднего класса» — далеко не одно и то же²⁷. Используя результаты национальной переписи населения (за 1975 г.), она приходит к выводу о том, что большая часть относящих себя к «верхней прослойке среднего класса» и к «его нижней прослойке» в то же время причисляют себя к классу рабочих (соответственно 49,7 и 73,8 %) ²⁸, а не к средним слоям или капиталистам. Тем не менее факт остается фактом: в ходе официальных опросов подавляющее большинство японских трудящихся в силу субъективного стремления быть «похожими на всех» причисляют себя к «среднему классу». Многие рядовые японцы, не искушенные в тонкостях политэкономии, редко задумываются о своем «отношении к средствам производства» или о «способе получения дохода». Они считают, что, раз их жизнь стала «лучше, чем прежде», и на первый взгляд «не уступает соседям», значит, они — часть «среднего класса». Простой японец подчас не видит разницы между понятиями «средний класс» и «средние слои», поэтому, оценивая свой уровень жизни, субъективно причисляет себя к некоей «середине». Так, по мнению социолога К. Кусака, многие японцы относят себя к «среднему классу», так как считают, что отвечают чисто внешним признакам принадлежности к средним слоям населения (высшее образование, обладание личным автомобилем, достаточно большой на первый взгляд размер дохода и т. д.)²⁹.

Умело используют своеобразную психологию «среднего» японца и правящие круги страны. Идеи превращения всего японского народа в «зажиточный средний класс» нашли свое отражение еще в программных документах правящей Либерально-демократической партии Японии (ЛДП), выражающей интересы монополистической буржуазии и крупной бюрократии. Уже более 30 лет, с момента своего образования в 1955 году, она монополично удерживает политическую власть в стране. Государство будущего, подчеркивается в ее программе, — это «государство всеобщего благосостояния», где созданы все условия для классового сотрудничества и обогащения народа, «где весь народ превращен в средний класс и в капиталистических собственников»³⁰.

Этими же идеями проникнуты и многие выступления высших руководителей страны. Так, еще до прихода к власти нынешний премьер-министр Японии Я. Накасонэ, являющийся одновременно и председателем ЛДП, обещал народу «создать нацию, состоящую из семей, принадлежащих к среднему классу»³¹.

Практически неограниченные возможности для широкой обработки общественного мнения в нужном правящим кругам направлении предоставляют средства массовой информации — пресса, телевидение, радио, кинематограф. Наиболее активную роль в этом играет буржуазная печать, и в частности три крупнейшие общенациональные газеты — «Асахи», «Майнити», «Йомиури». На их страницах постоянно и целенаправленно публикуются сообщения о том, что уже в течение многих лет подавляющее большинство японцев причисляют себя к «среднему классу»³². Так, например, по сообщению газеты «Йомиури», «число лиц, считающих, что они уже вышли на средний жизненный уровень», в конце 1984 г. составило 90 % всего населения, то есть столько же, сколько в 1980 г., но при этом число тех, кто относит себя к «верхней и средней прослойке среднего класса», увеличилось, в то время как число лиц, причисляющих себя к «нижней прослойке среднего класса», уменьшилось»³³. Характерно, что такая тенденциозная подача фактов рассчитана на то, чтобы создать впечатление не только роста «среднего класса», но и его качественного улучшения ввиду увеличения в нем числа тех, кто относит себя к его «средней и верхней прослойке». Несколько прикритым лейтмотивом такого рода статей служит тезис о «преимуществах капитализма». Он звучит, например, в статье, помещенной в газете «Асахи» под заголовком «Нельзя не считаться со срединным сознанием». В ней, в частности, резко критикуются те, кто

считает «средний класс» не более чем «иллюзией». «Средний класс — реальность», — подчеркивает ее автор. В качестве доказательства приводятся данные, свидетельствующие о «значительном» улучшении жизни трудящихся³⁴.

Для внедрения в массовое сознание стереотипов «среднего класса» широко используется также японское телевидение, которое, как правило избегая прямой пропаганды теории «среднего класса», делает упор на демонстрацию его «идеального имиджа». Многосерийные телевизионные фильмы, построенные по идентичному образцу, рассказывают о том, как бедный «герой» благодаря своей энергии и предприимчивости, пройдя через множество различных испытаний, в конце концов обязательно «добывается успеха», то есть становится «богатым». С экранов телевизоров на зрителей смотрит их счастливый «кумир», вся история жизни которого как бы подтверждает «реальность» выдвинутых правящими кругами идеологических ориентиров на превращение всего народа в «единый средний класс».

Большими возможностями для внедрения в массовое сознание буржуазных стереотипов «среднего класса» обладает реклама, умело учитывающая психологию японского потребителя. Видеомагнитофон фирмы «Сони» и загородная вилла — вот атрибуты представителей истинно «среднего класса», гласят многочисленные рекламы на улицах японских городов и деревень. Нетрудно представить себе, что, приобретя видеомагнитофон, японский потребитель уже начинает чувствовать себя как бы частью такого «класса». Что касается загороднойвиллы, то в большинстве случаев она является лишь мечтой, к осуществлению которой он стремится всю свою жизнь. Пропагандируя «истинный образ жизни среднего класса», реклама стремится, таким образом, сосредоточить внимание японских потребителей на достижениях материального благополучия в рамках возможностей, предоставляемых капитализмом, и тем самым задерживает развитие их сознания на «экономическом», потребительском уровне.

Особой, весьма действенной формой идеологического воздействия правящих кругов Японии на сознание трудящихся масс являются опросы общественного мнения.

О тенденциозности, субъективизме опросов общественного мнения, о случаях завышения или подтасовки цифр о принадлежности к «среднему классу» и т. д. немало написано советскими японоведами³⁵. Интересно мнение профессора Токийского университета М. Инута о том, что главная причина, согласно которой до 90 % трудящихся относят себя к «среднему классу», заключается в такой постановке вопросов о принадлежности к тому или иному «классу», которая не предполагает при ответе учета опрашиваемым своего имущественного, социального положения, уровня образования и т. п. Поэтому причисление себя к «среднему классу» является чисто субъективным³⁶. «Поскольку критерием принадлежности к «среднему классу» служит уровень жизни, — констатирует М. Инута, — японец, сравнив свою жизнь с жизнью соседей, приходит к выводу, что, раз он живет не лучше и не хуже их, следовательно он, по всей видимости, принадлежит к «среднему классу»... Кроме того, к какому бы «классу» японец ни причислял себя, никто не сможет обвинить его в том, что он, попросту говоря, не прав. Так что каждый считает себя тем, кем хочет»³⁷. М. Инута считает, что вышеуказанные социологические опросы, согласно которым большинство японцев причисляет себя к «среднему классу», не могут претендовать на объективное отражение реально существующей действительности. И с этим нельзя не согласиться.

Важная роль в создании имиджа «среднего класса», стоящего на страже интересов капитализма, отводится и образованию. По мнению упоминавшегося социолога К. Кусака, японская система образования во многом способствует тому, что большинство японцев причисляет себя к «среднему классу». «Смысл жизни в достижении успеха» — такая первая и главная заповедь, внушаемая японцам со школьной скамьи. Поэтому, как считает К. Кусака, все японцы заражены некоей «манией успеха». Этим и объясняется, по его мнению, стремление 90 % населения отождествлять себя со «средним классом», который в представлении большинства ассоциируется с достигнутым в жизни успехом и богатством³⁸.

Идея превращения японского общества в «единый средний класс» особенно усиленно и умело преподносится молодежи. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно взять в качестве примера один из учебников, используемых в средней школе на уроках обществоведения, в частности учебное пособие «Патологические процессы в современном обществе» под редакцией С. Насу. В нем содержится специальный раздел, посвященный теории «среднего класса», и излагаются различные точки зрения по этому

вопросу. Для «большей объективности» в нем упоминается даже о марксистских признаках классовости и разъясняется (правда, довольно своеобразно) отличие понятия «средние слои» от термина «средний класс»⁹⁹. Казалось бы, японские школьники, исходя из этого, могут получить объективное представление о «среднем классе». Однако достаточно лишь взглянуть в конец раздела, чтобы понять, что никакой «объективности» в подходе к этой проблеме у авторов учебника не существует. Их единственная цель — внушить учащимся реальность провозглашенных правящими кругами ориентиров на превращение страны в «общество среднего класса». «Пусть еще и существует разница в уровне жизни тех, кто причисляет себя к «среднему классу», — говорится в заключительном разделе пособия, — однако если все вместе будут работать в направлении ликвидации этой разницы, то «средний класс» из субъективной категории станет объективной реальностью»¹⁰⁰. Так в сознание японской молодежи внедряется мысль о том, что и она должна прилагать все усилия к превращению нации в «единый средний класс».

Не менее важное значение правящие круги Японии придают усилению пропаганды идеи «среднего класса» на предприятиях страны, среди рабочих и служащих. Этому в значительной степени способствует тщательно разработанная система идеологического воздействия на наемный персонал. На многих японских предприятиях действуют различные кружки и семинары, где трудящимся самыми разнообразными методами внушают идеи сотрудничества труда и капитала, превращения народа в «единый средний класс». Для этого активно используются, в частности, внутривзаводская и внутрифирменная печать, внутренняя радиотрансляционная сеть, специальные плакаты, лозунги и т. п. Предприниматели всеми возможными способами постоянно стремятся поддерживать в сознании рабочих и служащих иллюзию принадлежности к «среднему классу». В определенной степени это достигается, например, показательной демонстрацией «равноправия» с подчиненными, «дружеского расположения к ним», «откровенными беседами в цехах», совместными поездками за город, внедрением различных систем «участия рабочих в управлении производством» и т. п. Все это не только способствует усилению у наемных работников чувства принадлежности к «своему» предприятию, компании, фирме, но и поддерживает в них иллюзию их социальной значимости. У многих рабочих и служащих в результате как некоторого повышения их доходов, общеобразовательного уровня и т. п., так и «дружеского» отношения к ним со стороны предпринимателя возникает чувство того, что они поднялись на новую качественную ступень — на уровень «среднего класса». Другими словами, предприниматели умело играют на психологии тех наемных работников, для которых принадлежность к «среднему классу» ассоциируется с такими понятиями, как успех, продвижение по служебной лестнице и т. п. В результате, как это отмечается в коллективном пятитомном труде «Профсоюзное движение Японии», написанном прогрессивными японскими учеными, возникает такое положение, когда «трудящиеся, стремясь приблизиться к уровню «среднего класса»... с головой уходят в дела предприятия и отдают все свои силы рационализации производства»¹⁰¹. Естественно, что от этого выигрывают предприниматели, заинтересованные в том, чтобы заставить наемных работников трудиться с максимальной отдачей сил.

Такое положение, в частности, усиление среди значительной части трудящихся иллюзии «принадлежности к среднему классу» не может не оказывать отрицательного воздействия на уровень классового сознания трудовых слоев населения, что в свою очередь ведет к росту соглашательских настроений, к расколу демократических сил страны.

Все это требует от демократических сил Японии, и прежде всего от политических партий рабочего класса в лице КПЯ и СПЯ, дальнейшего усиления борьбы против распространения концепции «среднего класса» и любых других классовых измышлений буржуазии. Это является важной составной частью борьбы за создание единого демократического, антимонаполистического фронта. Достижение позитивных результатов в этой упорной борьбе, естественно, требует времени. Однако в конечном итоге она должна увенчаться успехом. Залогом этого является растущее классовое сознание трудящихся современного японского общества.

¹В настоящей статье для придания анализу проблемы более четкого характера вместо употребляемых сторонниками концепции нескольких терминов взят один из наиболее часто используемых ими терминов — «средний класс».

- ²«Journal of Japan Studies», 1982, № 4, p. 43.
- ³См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.
- ⁴См.: «Асахи симбун», 27.VI.1977.
- ⁵См. там же.
- ⁶По определению Ф. Энгельса: «Под пролетариатом понимается класс современных наемных работников, которые, будучи лишены своих собственных средств производства, вынуждены, для того чтобы жить, продавать свою рабочую силу» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Соч., т. 4, с. 424).
- ⁷Ю. Д. Кузнецов. Социально-классовая структура современной Японии. М., 1983, с. 39.
- ⁸Термин «средние слон» в понимании промежуточного класса между пролетариатом и буржуазией встречается в произведениях В. И. Ленина (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 25). Термин «средние слон» необходимо отличать от понятий «средний класс», «новые средние слон» и т. п., существующих в буржуазной социологии. В состав средних слоев входят представители мелкой буржуазии, интеллигенции, лиц свободных профессий, полупролетариев, являющихся одновременно лицами наемного труда и владельцами небольшого капитала. Для подавляющего большинства представителей средних слоев собственный труд является главным источником их дохода.
- ⁹См.: «Асахи симбун», 27.VI.1977.
- ¹⁰Там же.
- ¹¹См. там же, 20.V.1977.
- ¹²In: «Japan Times», 5.I.1978.
- ¹³См.: «Асахи симбун», 9.VI.1977.
- ¹⁴Нихон-но кайсо кодзо (Социальная структура японского общества). Токио, 1981, с. 17.
- ¹⁵См.: «Асахи симбун», 20.V.1977.
- ¹⁶См.: Родо токэй ёран (Статистический ежегодник по труду). Токио, 1983, с. 208—209; Нихон токэй гэппо (Ежемесячник японской статистики). Токио, 1985, сентябрь, с. 138, 148.
- ¹⁷См.: В. Б. Рамзес. Личное потребление в Японии. М., 1985, с. 69—82.
- ¹⁸См.: «Иомнури», 30.I.1985; «Тюокорон», 1985, № 7, с. 103.
- ¹⁹См.: «Тюокорон», 1985, № 7, с. 101—105.
- ²⁰См.: «Иомнури», 30.I.1985.
- ²¹Имущество, предоставлявшееся в пользование рабам.
- ²²К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 631—632.
- ²³См.: Нихон-но кайсо кодзо, с. 365—366.
- ²⁴«Асахи симбун», 19.I.1985.
- ²⁵«Майнити симбун», 17.I.1985.
- ²⁶См.: «Асахи симбун», 20.V.1977; «Иомнури симбун», 24.IX.1984; «Асахи симбун», 23.XII.1984; «Майнити симбун», 15.II.1985.
- ²⁷См.: Нихон-но кайсо кодзо, с. 388.
- ²⁸См. там же, с. 367.
- ²⁹См.: «Бунгэйсюндзю», 1985, № 5, с. 132.
- ³⁰Цит. по: И. А. Латышев. Правящая либерально-демократическая партия Японии. М., 1967, с. 13.
- ³¹«Japan Times», 1.I.1980.
- ³²См.: «Асахи», 23.XII.1984; «Asahi Evening News», 21.I.1985; «Майнити», 15.II.1985; «Иомнури», 24.IX.1984.
- ³³См.: «Иомнури», 24.XI.1984.
- ³⁴См.: «Асахи симбун», 23.XII.1984.
- ³⁵См.: Ю. Д. Кузнецов. Социально-классовая структура современной Японии. М., 1983, с. 181—186; Ю. И. Березина. Япония: Социальные последствия научно-технического прогресса. М., 1986, с. 133—140.
- ³⁶См.: М. Инута. Нихондзин-но тюрю исики (Сознание принадлежности к «среднему классу» у японцев). Токио, 1982, с. 41.
- ³⁷Там же, с. 43—44.
- ³⁸См.: «Бунгэйсюндзю», 1985, № 5, с. 132.
- ³⁹См.: С. Насу. Гэндайбэри-но сякайгаку (Патологические процессы в современном обществе). Токио, 1983, с. 31—32.
- ⁴⁰Там же, с. 44.
- ⁴¹Нихон-но родокумнай уидо (Профсоюзное движение Японии). Токио, 1984, т. 2, с. 302.

Национальная библиотека в Пекине

В 1910 г. в Пекине была образована библиотека. Основой для ее создания послужили ранее существовавшие императорские книгохранилища династий Сун (960—1279), Юань (1280—1367), Мин (1368—1644), Цин (1644—1911) и некоторые частные библиотеки. В 1912 г. Пекинская библиотека была открыта для читателей.

В фондах библиотеки находятся уникальные древние рукописи и старинные книги — бесценные памятники великой китайской классической литературы. Часть из имеющихся изданий поступила в качестве дара. В середине 50-х гг. насчитывалось 220 тыс. редких изданий. Их могло бы быть, несомненно, больше, если бы не тот факт, что 21 тыс. редких книг из фонда библиотеки оказалась на Тайване, в национальной библиотеке в Тайбэе. Произошло это потому, что летом 1937 г. в связи с угрозой оккупации японскими войсками Пекина сотрудники Пекинской библиотеки отобрали редкие книги и временно вывезли их на территорию одной их иностранных концессий в Шанхае. В 1940 г. директор библиотеки обратился к американским представителям в Китае с просьбой о передаче на хранение редких коллекций в Библиотеку конгресса США, и одновременно американской стороне было предложено микрофильмировать эти редкие издания. Работа по их перевозке началась в 1941 г. В начале 1942 г. американские библиотекари совместно с китайскими коллегами начали работу по микрофильмированию редких изданий. Понадобилось пять лет, чтобы эта работа была завершена. А зимой 1965 г. вся редкая коллекция книг из фондов Пекинской библиотеки была перевезена на Тайвань.

Пекинская библиотека располагает ценными книгами по философии, экономике, политике, военному делу, литературе, истории, географии, астрономии, химии, медицине, архитектуре. В конце 70-х гг. в библиотеке была собрана литература на 20 языках национальных меньшинств, включая монгольский, корейский и пр.

Рост коллекций библиотеки в первые годы ее существования происходил очень медленно. За 39 лет истории библиотеки (с 1910 по 1949 г.) фонд насчитывал всего 1,4 млн. изданий¹. 21 % приходился на издания на иностранных языках, из них на русском — 4163². Пополнение фонда в 50-е гг. шло интенсивно. В 1954 г. фонд библиотеки насчитывал 2,5 млн. Таким образом, за пять лет существования КНР фонд Пекинской библиотеки увеличился на 1,1 млн. изданий. Резкое увеличение фонда можно было наблюдать и на следующий год: к концу 1955 г. он составил 4,3 млн. изданий на многих языках, в том числе на 13 языках национальных меньшинств.

В начале 60-х гг. в издательском деле КНР наблюдался спад, а в годы «культурной революции» издание книг и газет практически прекратилось. Все это не могло не отразиться на пополнении фонда библиотеки. В годы «культурной революции» библиотека была закрыта, но фонд ее, к счастью, не пострадал. Библиотека возобновила свою работу только в 1972 г.

В 1978 г. объем печатной продукции КНР достиг уровня 50-х гг. Фонд библиотеки постепенно начал расти. И уже в 1979 г. он составил 9,8 млн. изданий¹, из которых 60 % — на китайском языке, 40 % — на иностранных (преобладают английские, русские и японские издания). Пекинская библиотека получает свыше 13 тыс. изданий текущей иностранной и китайской периодики (80 % от этого числа приходится на естествознание и технику, 20 % — на общественные науки⁴). К 1981 г. фонд библиотеки возрос до 11,02 млн. изданий, что в 8 раз больше, чем в 1949 г.

Пекинская библиотека активно ведет международный книгообмен. Интересна история книгообмена Китая с Россией. Она уходит своими корнями в прошлое столетие. В 1845 г. китайское правительство подарило русско-китайскому обще-

ству комплект буддистских канонов «Таньцзоэ» из 80 томов. Россия в знак благодарности отобрала для Китая около 700 различных книг, многие из которых сейчас хранятся в Пекинской библиотеке. Почти одновременно с началом библиотечных контактов Китая и России начался (в 1868 г.) китайско-американский книгообмен. Американское правительство передало тогда через свое посольство в Китае ряд книг на западноевропейских языках. В свою очередь Китай отправил в США в 1869 г. 933 названия китайских книг. Это была первая большая коллекция восточных изданий в Библиотеке конгресса США⁵.

В 1953 г. Пекинская библиотека вела книгообмен с 59 учреждениями в 18 странах, включая Болгарию, Венгрию, Вьетнам, ГДР, Данию, Индию, КНДР, Монголию, Польшу, Румынию, СССР, Чехословакию, Швецию и др. Большинство поступлений шло из СССР (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, библиотека АН СССР в Ленинграде и ИНИОН АН СССР). Положительное влияние опыта СССР на развитие библиотечного дела КНР не раз отмечалось китайской и американской прессой. Так, например, в 1968 г. Бревнер отмечал, что библиотечный опыт Европы и Америки и влияние Советской России были очень важны на различных ступенях развития КНР⁶. В 1971 г. Джон Ма (в последние годы неоднократно посещавший Москву и выступавший с лекциями в ИДВ АН СССР) указывал на то, что «в первые годы образования КНР советские библиотечные специалисты были приглашены в Китай для чтения лекций и китайские библиотекари были направлены в СССР для обучения библиотечной специальности. Печатался также специальный библиотечный журнал, посвященный переводам на китайский язык советских статей по библиотековедению».

В 1956 г. Пекинская библиотека расширила свои книгообменные контакты и вела их с 563 учреждениями в 64 странах, включая партнеров в Европе, Азии, Африке, Австралии, Америке. По обмену и в качестве подарков было получено в тот год свыше 34 тыс. изданий.

В 1963 г. непосредственные связи между советскими и китайскими учреждениями культуры прервались, и к концу 1963 г. ведущим поставщиком печатной продукции китайским библиотекам стала Япония.

В годы «культурной революции» подарки и книги по обмену продолжали поступать в Пекинскую библиотеку, но в очень ограниченном количестве. Ряд крупных библиотек за рубежом прекратил книгообмен с Пекинской библиотекой. Следствием этого явились недостатки в комплектовании иностранной литературы по некоторым отраслям знаний, прекратилось поступление текущей иностранной периодики. Библиотека еще не закончила восстановление фонда недостающих журналов и газет периода «культурной революции».

Со второй половины 70-х гг. среди приобретаемой литературы на западных языках преобладают книги по технологии, затем — по экономике, химии, политике⁷. Среди партнеров по обмену выделяются Япония, Австралия, Новая Зеландия, Индия, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Новая Гвинея.

В 1979 г. возобновились дипломатические отношения с США, и ныне в Библиотеку конгресса США ежегодно отправляется 10 тыс. различных материалов.

В последние годы наблюдается оживление книгообмена между Пекинской библиотекой и Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина.

Определенный успех заметен и в развитии полиграфии КНР. Особый прогресс наблюдался в 1984 г., когда было издано около 40 тыс. названий книг. Эти успехи издательского дела в КНР в итоге положительно повлияли на увеличение библиотечных фондов и книгообменных операций с зарубежными странами.

Количество читателей в библиотеке (выдано 8 тыс. индивидуальных билетов и 2 тыс. билетов коллективного пользования)⁸ относительно невелико по сравнению с количеством населения Пекина. Пекинская библиотека не единственная в городе библиотека с универсальным фондом, но тем не менее одной из задач, стоящих перед ней, является привлечение новых читателей.

Штат библиотеки в 1982 г. составил 860 человек, $\frac{1}{3}$ из которых имеет университетский диплом, остальные прошли соответствующую подготовку на библиотечных курсах без отрыва от производства⁹.

Пекинская библиотека вполне справляется с выполнением главной функции национальной библиотеки — быть депозитарием печатной продукции страны. Она

получает 1 бесплатный и 2 платных обязательных экземпляра. Еще в 1916 г. было издано постановление, по которому библиотека стала впервые снабжаться обязательным экземпляром. Кроме того, 25 апреля 1955 г. вышло постановление, по которому все издательства КНР должны были присылать библиотеке экземпляры своих публикаций в трехдневный срок с момента появления их в печати.

Пекинская библиотека ведет работу в области национальной библиографии, которая регулярно издавалась до 1966 г. Во время «культурной революции» был перерыв. Работа вновь возобновилась в 1972 г. Библиотека издает многочисленные библиографические пособия по различным темам, выпускает каталожные карточки на новые китайские поступления для 2 тыс. библиотек, а также каталожные карточки на все иностранные книги, получаемые библиотеками Пекинского центрального библиотечного комитета и другими библиотеками за пределами Пекина.

История создания Центральных библиотечных комитетов (ЦБК) в КНР такова. В конце 50-х гг. было создано два национальных ЦБК в Пекине и Шанхае и девять региональных в городах Ухани, Шэньяне, Нанкине, Гуанчжоу, Чэнду, Сиани, Ланьчжоу, Тяньцзине и Харбине. Каждый ЦБК состоит из ряда библиотек — филиалов. Например, Пекинский ЦБК состоит из Пекинской библиотеки, библиотеки АН КНР, геологической, медицинской, сельскохозяйственной, библиотеки Народного университета, университета Цинхуа и др. Задачи ЦБК заключаются в оказании помощи в организации и управлении всем входящим в ЦБК подразделениям; изучении и решении проблем, связанных с разделением труда и сотрудничеством центральных библиотек в области накопления и изучения фонда, обмена дублетной литературой, развития межбиблиотечного абонементов; изучении и решении проблем централизованной каталогизации, создании сводных каталогов, налаживании информации о вновь выходящих изданиях, составлении перспективных планов развития библиотечной сети; повышении уровня профессиональной подготовки библиотекарей.

За 8 лет существования ЦБК (1958—1965) в деле развития библиотек КНР наблюдались большие положительные изменения. Пекинский ЦБК выпустил 950 тыс. каталожных карточек на различных языках, было издано свыше 300 сводных каталогов¹⁰. В 1964 г. 11 ЦБК включали 105 различных библиотек с фондом, превышающим 70 млн. томов.

Последовавшая вскоре «культурная революция» нанесла большой ущерб развитию ЦБК, понизилось и качество фонда. С 1976 г. в библиотечном деле КНР наблюдается период «восстановления и прогресса». Центральные библиотеки возрождались одна за другой. Пекинская библиотека постепенно возобновила международный книгообмен, начала вновь действовать служба ксеро- и фотопирования, подготовка специалистов (в библиотеке ведутся и практические занятия с будущими библиотекарями).

Пекинская библиотека является центром методической работы ряда отделов: отдела комплектования китайской и иностранной литературы, каталогизации, отдела редкой книги и специальных коллекций, отдела международного книгообмена и сотрудничества и др. Пекинская библиотека является центром научно-исследовательской работы в области истории и культуры КНР. Она участвует в выпуске специальных библиотечных журналов. Так, с июня 1955 г. начал выходить журнал «Тушугуань гунцзо» («Библиотечная работа»), в котором публиковались постановления в области библиотечного дела, поднимались проблемы управления библиотеками, печатались обзоры работ публичных библиотек страны. В начале журнал выходил 1 раз в два месяца и был рассчитан как на массовые, так и на научные крупные городские и провинциальные библиотеки. С января 1957 г. выходит журнал «Тушугуаньсюэ тунсюнь» («Вестник библиотечного дела»), с 1959 г. — ежемесячный. С января 1961 г. Пекинская библиотека приняла участие в издании журнала «Тушугуань («Библиотека»). Он образовался в результате слияния двух выше упомянутых журналов. С конца 70-х гг. издание журнала «Тушугуаньсюэ тунсюнь» возобновилось.

С конца 70-х гг. Пекинская библиотека представлена на международной библиотечной арене. В 1979 г. она приняла участие в работе Международной конференции директоров национальных библиотек Азии и Океании и теперь ежегодно участвует в этих конференциях.

В последние годы китайские библиотекари активно участвуют в работе сессий Совета ИФЛА (Международная федерация библиотечных организаций и учреждений), ФИД (Международная федерация документации), американо-китайской библиотечной ассоциации.

В КНР возлагаются большие надежды на правильную, отвечающую современным требованиям постановку библиотечного дела, содействующую успешному выполнению программы «четырёх модернизаций», проведению реформ.

И. Л. КАРМАНОВСКАЯ

---

¹ In: Zeng Jiguan g. Acquisition work of the National library of China: organization and functions.— «International journal of special libraries», 1983, № 2, p. 223.

² In: Yu P. C. National library of China: the acquisition of foreign language materials.— «Library acquisition: practice and theory», 1984, vol. 8, № 1, p. 4.

³ In: Si Bo. The Beijing library.— «China reconstructs», 1980, № 1, p. 31.

⁴ In: Chandler George. The Chinese library System.— «International library review», 1980, vol. 12, № 4, p. 406.

⁵ In: The international book exchange service in the Republic of China. Taipei, 1978, p. 1.

⁶ In: Brewer J. G. Libraries in China: a comparative view.— «Library association record», 1968, vol. 70, № 5, p. 127.

⁷ Yu P. C. National library of China: the acquisition of foreign language materials.— «Library acquisition: practice and theory», 1984, vol. 8, № 1, p. 7.

⁸ In: Walter C. E. Facilities offered for research on contemporary China by the National library of Beijing.— «China quarterly», 1981, № 85, p. 139.

⁹ In: Luo Xingyun. Libraries and information services in China.— «Journal of information science», 1983, № 1, vol. 6, p. 27.

¹⁰ In: Xu Wenxu. Chinese library Networks: retrospect and prospect. Paper presented to the 48th IFLA General conference. Montreal, 1982, p. 3.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Ценный опыт экономического прогнозирования

Х. Канамори, Д. Вада. Япония — мировая экономическая держава. Пер. с яп. Рамзаеца В. Б. М., «Наука», 1986, 240 с.

Выпустив в русском переводе работу двух ученых из Японского центра экономических исследований. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», несомненно, сделала полезное дело. Благодаря этой публикации многочисленная армия советских читателей впервые сможет ознакомиться с одним из наиболее солидных образцов экономического прогнозирования, получившего большую популярность в современной Японии.

Намечая пути хозяйственного развития страны до окончания текущего десятилетия, Х. Канамори и Д. Вада ясно сознавали ограниченность своих возможностей — слишком уж внушительное количество независимых переменных сообщая или в ущерб друг другу участвует в определении экономической динамики.

Тем не менее, тщательно изучив опыт предшествующего тридцатилетнего периода, всесторонне оценив ситуацию, которая сложилась к началу 80-х гг. в ключевых отраслях производства товаров и услуг, в области научно-технического прогресса, во внешней торговле, в сфере личного потребления, и проведя необходимые международные сопоставления, они сумели уловить характер ожидавшихся изменений целого ряда важных показателей. В результате со страниц книги встает красочная картина вероятных (а частично уже и состоявшихся) сдвигов в различных звеньях самой японской экономики и, так сказать, за ее географическими пределами, сдвигов, которые способны существенно повлиять на расстановку сил в группе высокоразвитых капиталистических стран, на весомость места и роли Японии в мировом хозяйстве.

К числу главных из указанных сдвигов относится эволюция экономической структуры, естественно, привлекающая к себе самое пристальное внимание авторов. Они прежде всего указывают на основные отличия текущей перестройки от аналогичного процесса в годы быстрого роста японской экономики. Отличия эти выражаются в преобладании на нынешнем

временном отрезке не количественных, а качественных, далеко не всегда статистически видимых аспектов, в утверждении тенденций, которые раньше либо вообще не имели места, либо только намечались.

Бесспорное лидерство в данном случае принадлежит так называемой софтизации¹ экономики. «Сам по себе термин «софтизация», — пишут Х. Канамори и Д. Вада, — достаточно туманен. Тем не менее очевидно, что он охватывает весьма широкий круг разнообразных явлений — от уменьшения доли материальных благ и увеличения доли услуг в структуре потребительских расходов до роста числа товаров, которые отличаются благодаря повышенной классности, модности и видовой диверсификации внушительным удельным весом вновь созданной стоимости. В 80-е годы ожидается не только укрепление позиций отраслей «третичного» сектора (т. е. производства услуг. — Б. С.). Процессы информатизации и сервисизации во всю ширь развернутся и на многих участках внутри предприятий обрабатывающей промышленности. Эту тенденцию подстегнет также прогресс электронной технологии. Таким образом, софтизация экономики, всего индустриального общества будет происходить в различных формах и с нарастающей интенсивностью» (с. 154).

Приведенная характеристика позволяет создать представление о колоссальной емкости системы прямых и обратных связей, функционирование которой стимулируется структурными сдвигами. Между тем в книге называются и анализируются еще и тенденции ко все более жесткой экономии сырья и энергии, ибо дальнейшее снижение конкурентоспособности продукции материало- и энергоемких отраслей выглядит неизбежным, к устойчивому опережению перерабатывающе-сборочными отраслями материалопроизводящих отраслей по темпам роста производительности труда, к усилению трений Япония с ее торговыми партнерами, что прямо противоположным образом сказывается на состоянии тех или иных отраслей.

Авторы не оставляют сомнения в том, что исключительно серьезный вклад в развитие всех этих тенденций вносит научно-техническая революция. Япония в полной мере использовала явные и скрытые преимущества импорта технологии и сумела подготовить на этой основе многообещающие прорывы на особо перспективных направлениях. Первоочередного упоминания в этом плане достойны, видимо, в подавляющем своем большинстве прикладные разработки, создавшие информационную индустрию, мекатронику, био- и лазерную технологию и т. д. Именно эти производства формируют новый авангард экономической структуры.

Однако в силу своих специфических черт, и это подчеркивается в книге, они могут воспроизвести инвестиционный бум 60-х гг., «ответственность» за который несли тогда материалопроизводящие отрасли. И данное обстоятельство, конечно, лимитирует темпы

экономического роста. Воздействие этого и прочих ограничивающих факторов, судя по всему, несколько недооценено авторами, по мнению которых темпы прироста валового национального продукта Японии за 80-е гг. должны составить 5 %. Фактические показатели заметно отстают от прогнозных, многократно обостряя те проблемы японской экономики, на наличие которых честно и откровенно указывают они сами.

Пожалуй, наиболее болезненная в ряду этих проблем — внешнеторговая, олицетворяемая растущим как на дрожжах активным салдо японского торгового баланса и усиливающимся напором на Японию со стороны западных стран, требующих от нее решительных коррекционных мероприятий. Справедливо полагая, что полностью проблема эта никогда не исчезнет, Х. Канамори и Д. Вада ясно видят некоторые эффективные средства ее смягчения. Здесь, несомненно, вызовет большой интерес произведенный ими разбор аргументов, выдвигаемых противниками существенной либерализации импорта сельскохозяйственной продукции, прежде всего говядины и цитрусовых (с. 216—218).

Авторы убедительно доказывают, что, во-первых, связь между степенью самообеспеченности Японии говядиной и цитрусовыми и охраной ее военно-стратегических интересов отсутствует; во-вторых, «при поэтапной либерализации урон, наносимый крестьянским хозяйствам (т. е. местным производителям аналогичной продукции. — Б. С.), может быть сведен до минимума»; в-третьих, «при осуществлении либерализации импорта нельзя упускать из виду и интересы масс потребителей. Например, тот факт, что японским потребителям приходится покупать говядину по ценам, значительно превышающим мировые. Большинство японцев несет, следовательно, бремя издержек, связанных с протекционизмом в отношении горстки производителей» (с. 218).

С полным на то основанием авторы причисляют к средствам ускорения экономического развития Японии (а стало быть, и к средствам смягчения внешнеторговой проблемы) расширение рамок потребительского спроса, являющегося, как известно, крупнейшим составным элементом спроса совокупного. В книге правильно трактуются причины относительной вялости потребительского спроса на начальном этапе прогнозного периода, причем в острополемической манере поданы критические замечания по поводу тезиса о «перезрелости личного потребления».

«Спад рыночной активности потребителей явился поводом для широкого распространения утверждений о «перезрелости личного потребления». Но можно ли согласиться с тем, что потребительский спрос не сумеет превысить достигнутый к настоящему времени уровень? Как показывает исторический опыт, повышение жизненного уровня лишь усиливает людские желания достичь новых пиков. Рассуждения о вступлении личного потребле-

ния в фазу «перезрелости» слышатся довольно часто еще со второй половины прошлого века. Они были особенно популярными в условиях экономических спадов, но всякий раз новые всплески потребительского спроса доказывали их ошибочность» (с. 145).

Этот в принципе корректный вывод до сих пор не находит, однако, практического подтверждения. Судя по всему, фактор «перезрелости» все-таки достаточно силен, чтобы пока что тормозить реализацию авторских предначертаний. В самое последнее время надежды на изменение положения вещей связываются с компьютеризацией домашнего хозяйства. Но и этот процесс по своей интенсивности не идет ни в какое сравнение с интенсивными закупками новых товаров длительного пользования, которые один за другим выбрасывались на рынок в годы быстрого экономического роста. Не случайно поэтому задача резкого увеличения потребительского спроса не сходит с повестки дня высших правительственных учреждений и предпринимательских организаций.

Признав выдающуюся роль личного потребления в обеспечении стабильного роста экономики, Х. Канамори и Д. Вада, разумеется, постарались в подробностях рассмотреть трудовые потенции огромного контингента субъектов потребительского спроса. С этой целью они прежде всего обратились к демографическим процессам, подтвердили существование феномена старения населения, но, на наш взгляд, резонно заключили, что связанные с ним социально-экономические проблемы (реформа пенсионной системы, системы медицинского обслуживания престарелых, системы обеспечения их подходящей работой) представят серьезную общенациональную проблему лишь в конце века, хотя в общем и целом негативное влияние этого феномена будет в известной мере сказываться и до достижения этого рубежа.

Рассматривая проблемы усиливающейся феминизации рабочей силы, распространения на этой основе различных форм частичного найма и переход все большего числа фирм к пятидневной рабочей неделе, авторы приходят к выводу, что с точки зрения их влияния на экономический рост эти факторы также не могут считаться полностью благоприятными.

Наконец, авторы без обиняков отрицают возможность «радикального улучшения» в прогнозируемый период положения дел с безработицей: «На то есть свои причины. Во-первых... численность трудоспособного населения будет увеличиваться в 80-х годах более высокими темпами, чем в 70-х (и, следовательно, оно будет оказывать более ощутимое давление на сферу занятости. — Б. С.). Во-вторых, на предприятиях и в учреждениях продолжается быстрое внедрение трудосберегающего оборудования: промышленных роботов, средств автоматизации конторской работы и т. д. В-третьих, на многих предприятиях, особенно в «структурно больших» отраслях, остаются значительные количества избыточной

рабочей силы. В-четвертых, сдвиги на рынке труда выражаются в нарастающем притоке женщин-домохозяек, увеличении застойной безработицы среди работников-мужчин среднего и пожилого возраста, появлении все большего числа молодых людей, которым не удается поступить на службу после окончания учебных заведений. В-пятых, объем заграничных инвестиций постоянно возрастает, лишая японцев все новых шансов на трудоустройство» (с. 129, 130).

В подобной обстановке мобилизация фактора «труда» в интересах поддержания удовлетворительных темпов увеличения валового национального продукта увязывается авторами главным образом с «возрождением веры в экономический рост» и, что гораздо более существенно, с «гармоничными индустриальными отношениями», т. е., иначе говоря, с ослаблением классовых конфронтаций, которое действительно имеет место вследствие концентрированного идеологического наступления монополистического капитала, с одной стороны, и отсутствия единства, тенденций к поправлению в профсоюзном движении — с другой.

Значительная часть книги отведена показу роли таких возможных ограничителей экономического роста, как динамика цен на энергоносители во главе с нефтью и колебания валютных курсов. В обоих случаях авторы продемонстрировали умение точно предсказать генеральный курс развития явлений, правда, занижая, если можно так выразиться, их количественные параметры.

К примеру, оказалось, что фактические масштабы падения нефтяных цен на порядок превысили авторские пометки. Однако это не опровергает заключительного, оправдавшего себя суждения Х. Канамори и Д. Вада, касающегося проблемы нефти в нынешнем десятилетии: «В целом те черты нефти, которые делали ее орудием политической стратегии, в значительной мере поблекли. Напротив, с началом 80-х годов гораздо явственнее проявились качества, роднящие нефть с обычным объектом внешней торговли, управляемым законами функционирования экономического механизма. Соотношение между спросом на нефть и ее предложением четко отражается ценами, а конкурирующие заменители препятствуют их неоправданному повышению. Возможности превращения цен на нефть в фактор дестабилизации мировой (и особенно японской. — Б. С.) экономики ощутили сузиться» (с. 48).

Точно так же авторы и представить себе не могли фактических масштабов удорожания иены, тем более что в незначительной степени оно было «спровоцировано» политическими решениями, игнорировавшими экономические реалии (по мнению Х. Канамори и Д. Вада, в 1985 г. один доллар должен был стоить 190 иен, а в 1990 г. — 170 иен, между тем как соответствующий показатель в 1987 г. падал до 140 иен).

Но они недвусмысленно предрекли устойчивую тенденцию к повышению стоимости иены главным образом из-за вялости инфляционных процессов в Японии и пронциательно охарактеризовали последствия этой тенденции для японского экспорта: «Конечно, можно утверждать, что при наличии резервов сокращения экспортных цен на величину повышения курса иены воздействие этого повышения на экспорт в целом будет незначительным. Однако невосприимчивость к «удорожанию» иены продемонстрируют, скорее всего, только товары, обладающие высокой конкурентоспособностью. Что же касается товаров с низкой конкурентоспособностью, то известное сокращение их экспорта вследствие повышения курса иены представляется неизбежным» (с. 183).

Х. Канамори и Д. Вада не скрывают, что претворение в жизнь опорных установок разработанного ими прогноза зависит и от успехов в деле осуществления административно-финансовой реформы, которая призвана решить крайне сложную задачу повышения эффективности работы государственного аппарата, совершенствования налоговой системы, общего оживления экономики. Весьма симптоматично и поучительно, что авторы обрушиваются на повсеместно распространенные и легко узнаваемые черточки бюрократизма, хотя, если верить свидетельствам, содержащимся в солидных статистических изданиях, ситуация с государственными расходами, например, обстоит в Японии куда благоприятнее, чем в других промышленно развитых капиталистических странах: величина их доли в валовом национальном продукте равна соответственно 33 % и 40—50 %.

Но опять-таки способность заблаговременно диагностировать магистральные направления вероятной трансформации сложившейся в конкретный момент обстановки, способность предвидеть более или менее отдаленные итоги этого процесса дает им право выступить с суровым предостережением от почивания на лаврах. «Благодаря успешному развитию японской экономики в послевоенные годы, — пишет Х. Канамори и Д. Вада, — государственные финансы находились в относительно благоприятном состоянии и серьезного пересмотра системы управления ими не производилось. Между тем создание в силу потребностей того или иного момента различных институциональных комплексов, увеличение субсидий, добавление все новых звеньев к механизму разрешений и утверждений имели своим следствием многочисленные случаи пустой траты средств и неудовлетворительной работы административного аппарата. Решительное изменение системы управления государственными финансами, обеспечение рациональной, эффективной деятельности правительственных учреждений стали поэтому крайне необходимыми» (с. 234—235).

Согласно неформальным стандартам, принятым в японских академических кругах,

прогнозный сценарий Х. Канамори и Д. Вада считается ввиду своей ориентированности на взвешивание темпов экономического роста «оптимистическим». Но приходится констатировать, что их взгляды имеют многочисленных и влиятельных противников — «пессимистов», которых страшит перспектива повторения перекосов, вызванных экономическим «чудом» 60-х гг., и которые поэтому склонны ратовать за продолжение политики всестороннего сдерживания внутреннего спроса и поиска путей обхода возникающих проблем в сфере внешне-экономической экспансии. Возобладай их точка зрения, вероятность успеха прогноза Х. Канамори и Д. Вада стала бы вовсе мизерной. Впрочем, как показывают события последних полутора лет, требования трансформировать экономику, отойти от ее гипертрофированно-экспортной направленности, которые предъявляют Японии другие развитые капиталистические страны, приобретают ультимативный характер и не могут и далее оставаться «незамеченными» японским правительством и монополистическим капиталом. Этот фактор мо-

гучего «воздействия извне» побуждает с предельной серьезностью отнестись к основным положениям рецензируемого прогноза, учитывая, между прочим, и настойчивый призыв его авторов к расширению и укреплению советско-японских торгово-экономических отношений.

Проникнутый подлинно творческим духом, опирающийся на целый массив оригинально-расчетного материала, содержащий множество глубоких, интересных, хотя и часто вызывающих желание подискутировать, выводов, труд Х. Канамори и Д. Вада является хорошим дополнением к нашему японоведческому книжному фонду.

Б. В. САХАРОВ,

¹ От английского слова «soft» — «мягкий».

Впечатления китайского писателя о Стране Советов

Ван Мэн. Фан Су синь чао. В Советский Союз с душевным волнением. Пекин, 1986, 146 с. (кит. яз.).

«Я приехал в Москву и почувствовал, что все будто уже знакомо мне... Конечно, это была первая встреча. Но отчего она напоминала возвращение на старую землю?.. Возвращение в давний сон...»

Так писал о своей поездке в СССР в 1984 г. известный писатель Ван Мэн, в прошлом году назначенный министром культуры КНР. Реабилитированный в 1979 г. после 20-летней ссылки, он вскоре совершает несколько зарубежных поездок, публикует свои заметки о США, ФРГ, Мексике, СССР. Впечатления различны, поскольку различен подход. Он сам говорит так: в Америке «разеваешь рот», при этом, однако, оставаясь безучастным, ибо это иной мир, чуждый мир; но «совсем другое дело — поездка в Советский Союз. Там я не мог оставаться туристом, взвращающим на окружающее с интересом, но трезво, не мог занимать позицию стороннего наблюдателя, воспринимающего все с любопытством и юмором... Хорошо это или плохо, но мы с Советским Союзом слишком глубоко, кровно связаны».

Можно сказать, мир капитализма и мир социализма писатель воспринимал разными полушариями мозга: в первом случае это было рационалистическое познание, холодно констатирующее плюсы и минусы, во втором — эмоциональное сопереживание. Вот отсюда и прорастает большая объективистская констатация, когда речь идет о США или ФРГ, и субъективная окрашенность в рассказе о СССР.

По словам писателя, он «начал мечтать о поездке в Советский Союз с пятнадцати лет, если не раньше». Пятнадцать ему исполнилось в 1949 г. В это время он был на подпольной революционной работе, и Советский Союз в его сознании постоянно присутствовал — как идеал, к которому необходимо стремиться. Фильм «Кубанские казаки» в начале 50-х гг. шел в кинотеатрах КНР под названием «Счастливая жизнь» — в его реалиях видели ориентир. Ван Мэн вспоминает в очерках: «В то время Советский Союз был не только прекрасной мечтой, он был идеалом, ради достижения которого мне было не жаль своей жизни».

Ван Мэн любил петь советские песни и в очерках не раз вспоминает об этом, а один очерк, названный «Уходим завтра в море», целиком посвятил песням своей юности, которые не всегда ему удавалось услышать в сегодняшнем Советском Союзе. Очерк пестрит именами, названиями, цифрами. В 50-е гг., пишет автор, он перепел немало советских песен — «больше, чем фонарей на улице Ванфуцин».

Это крайне важная для понимания Ван Мэна деталь. Оказывается, он приехал к нам, имея не столько знания о стране, сколько образ ее, он был подготовлен прежде всего эмоционально. Такой образ не развеять, не

подкорректировать рациональным наблюдением, воздействовать на него могут лишь эмоции. В этой связи вспоминается герой рассказа Ван Мэна «Грезы о море», всю жизнь мечтавший о море. Но когда в 52 года (почти столько же, сколько было Ван Мэну в 1984 г.), он наконец свиделся с ним, то не узнал своей идеальной мечты: реальность оказалась другой, не хуже или лучше, но — другой. Связь же этого рассказа с заметками об СССР подтверждает сам писатель в очерке «Уходим завтра в море», размышляя: «А может, лучше не возвращать заветных желаний? Пусть они остаются в «грезе о море!»

Так что, направляясь в Советский Союз, Ван Мэн отнюдь не был «чистым листом бумаги». Его восприятие оказалось сложным, многогранным, включившим в себя не только «идеальные» представления 50-х гг., но и, как можно предположить, прямо противоположные версии 60—70-х гг. В очерке «Пирог с Катюшей», рассказывая о встрече в Москве с Китаеведами, автор замечает: «И все же какая-то скованность еще оставалась, какая-то настороженность, сказал бы я откровенно».

Настороженность настраивает его на критическую волну, порой чрезмерную, а кое-где даже проглядывает редакторский карандаш (уж не знаю, собственный ли, внутренний, или «внешний», но звучат кое-какие крайности явным диссонансом ко всему творчеству этого большого писателя). Порой автор злоупотребляет обобщениями, не всегда имея к тому достаточно оснований. Нередко же попадает в точку: скажем, живописуя демонстративную нелюбезность торговых работников или недемократичность отдельных руководителей. Не забудем, что шел 1984 год — еще не прозвучал колокол XXVII съезда КПСС. И кстати, критические замечания в наш адрес сегодня мы должны и имеем возможность воспринимать принципиально — не так, как в прежние годы.

Кое с чем хочется открыто поспорить. Скажем, с выводом о некоей «глобальной стратегии», будто бы присущей сознанию советских людей, жарко обсуждающих международную ситуацию.

Но ведь и сам писатель не чужд интересов к тому, что происходит в других странах. И это вполне понятно: мы же все «граждане Земли», равно заинтересованные в том, чтобы выжить, и понимающие, что существование всех нас сегодня жестко зависит от того, выживет ли мир в целом. Где предел «заинтересованности»: судьба родственника, соседа, соотечественника, жителя того же континента, «гражданина Земли»? И нужен ли, разумен ли предел? Почему госграница должна ставить предел дружельюбию, взаимной заинтересованности людей в судьбах друг друга?

Но чего же ждал Ван Мэн от Советского Союза? Что искал у нас? В очерке «Пирог с Катюшей» он так характеризует рубеж нынешних взаимоотношений, как межгосударственных, так и личных: «Долго мы были отреза-

ны друг от друга, и вот письмо московского друга заставило ощутить перемены. Но чувства, которые я ощутил, были сложнее».

В очерках о США писателя прежде всего интересуют взаимоотношения людей на неформальном уровне. Он подчеркивает: «Для китайцев дружба, быть может, так же необходима, как воздух и солнце». В сущности, это один из стержневых моментов всего творчества Ван Мэна — художественной прозы и публицистики. Нащупывание нитей, протянутых от одного человека к другому, и обрыв этих нитей он ощущает болезненно, чуть ли не как трагедию.

Поездка летом 1980 г. в ФРГ и сразу вслед за этим в США на международный семинар писателей стали первыми зарубежными поездками Ван Мэна. Всего год прошел от того принципиального рубежа его жизни, когда он окончательно вырвался из подконтрольного существования в синьцзянской ссылке. В этих двух развитых капиталистических странах он видит разительно иной технический уровень бытия, иной уровень внутреннего и внешнего поведения человека. Его глубоко травмирует, что его родина там известна чуть ли не исключительно своей древней культурой. Он жаждет, чтобы Китай сегодняшний стал столь же велик и на равных был принят в мировое сообщество наций — не за свое прошлое, а за свое настоящее (или, скажем, завтрашнее). Вот почему он лишь мельком «разевает рот» на материально-технические «чудеса» и все свое внимание сосредоточивает на человеческих контактах — равного с равными.

Не случайно за 3 месяца пребывания в США Ван Мэн написал (по условиям международного семинара каждый из литераторов должен был что-то написать, затем устраивалось обсуждение) одну из самых проникновенных, исполненных высокого гуманизма повестей «Чалый» — о возвращении человека, среди рева «культурной революции» забывшего, что он гуманоид, к самому себе, к своей сущности человека. И это же искал он в международном общении.

Но в советских очерках на авансцену выходят отношения официальные. Подчеркивается сдержанность (с отдельными прорывами в доброту улыбок), «впечатление суровости» в общении на официальном уровне. Много, и даже слишком много внимания уделено торжественным мероприятиям, лозунгам, транспарантам. Да и в самом деле, не перебарщиваем ли мы при общении с зарубежными гостями парадными мероприятиями? Ведь иностранцы не только представители страны, но и люди, обычно жаждающие общения неформального, что мы нередко забываем.

Вот один из наиболее — психологически и политически — важных очерков Ван Мэна — «Дождь ташкентским утром». Его стержень — одинокая прогулка ранним дождливым утром накануне отъезда (Ван Мэн возглавлял делегацию КНР на Ташкентском международном кинофестивале), «какой-то осадок на душе»,

мысль о том, «как трудно расставаться». Привычное для Ташкента знойное лето вдруг разверзлось дождем.

В китайской поэтической традиции дождь имеет две функции: очищение и печаль разлуки. Они обе присутствуют в очерке, чисто писательском по своей конструкции, по организации впечатлений, по вмонтированному подтексту. В центре его — не событие (кинофестиваль), а человек: русская женщина, прячущаяся от ливня под кроной соседнего дерева. Они не знакомы, живут в разных странах, принадлежат к разным нациям, но они — люди, и это сближает: «На наших лицах появились улыбки, мы утешали друг друга, взглядами и улыбками желали друг другу добра. Хотя и не знали друг друга. Хотя дождь не прекращался и небо оставалось нахмуренным».

Какая прозрачная мысль — жажда увидеть нити, протянутые между людьми, жажда неформального общения, несмотря на «хмурое небо». Ведь дружба, как писал Ван Мэн в другом очерке, необходима не менее, чем солнце. Вот это-то солнце и должно разогнать тучи. Одним-единственным мазком намекает Ван Мэн на «оттаивание» в очерке «Пирог с Катюшей», где рассказывается о встрече с советскими людьми в неформальной обстановке. Она проходила под знаком смены настроений: от скованности, внутреннего напря-

жения — к «раскрытию души», и, резюмирует автор, «мне мало-помалу становилось легче».

А почему под кроной Ван Мэн поставил именно русскую женщину? Это — обобщение, символ. Очерки рассказывают о встречах с узбеками и уйгурами в Узбекистане, с грузинами в Грузии, с русскими в Москве. Там — локальность, конкретика. Как, скажем, в эпизоде просмотра узбекского фильма «Волчья яма». Обращаясь к жене режиссера Шамшиева Айтурган, которая приватно переводила Ван Мэну диалоги на уйгурский язык, писатель говорит: «Айтурган родилась на реке Или, так что мы, можно сказать, односельчане». Именно там, на Или, прошла основная часть синьцзянской ссылки писателя.

А под дерево в дождливом парке он поставил русскую женщину, чтобы чувство свое, выявленное в этом эпизоде, подать не как локальное, местное, а расширить, отнести к СССР в целом. Улыбка Ван Мэна адресована не по отдельности уйгурам или узбекам, грузинам или русским, а всему Советскому Союзу.

Отметим же ее, эту улыбку, и ответим на нее. Открыто, от души.

С. А. ТОРОПЦЕВ,

кандидат филологических наук

Современная монгольская литература

С. Лувсанвандан, Д. Цэдэв и др. История современной монгольской литературы (1921—1940 гг.). Под ред. акад. Ц. Дамдинсүрэн, канд. наук Х. Сампилдэндэв, Ч. Арьясүрэн. Кн. 1. Улан-Батор, «Госиздат», 1985, 447 с. (на монг. яз.).

Литература МНР, зародившись в огненные годы революции 1921 г., прошла поучительный для многих литератур Востока, славный и вместе с тем трудный путь развития — зарождение, становление и зрелость. Как известно, старомонгольская литература была сложным сплавом буддийской повествовательной литературы, воспринятой монголами через тибетскую культуру, со сказочно-эпическим наследием национального фольклора, дошедшим до наших дней в устной и литературной традициях. У монголов была интересная самобытная повествовательная литература в фео-

дальной историографии XIII—XVIII вв., в аналах которой обработаны образцы устных преданий, легенд и исторических рассказов. Дореволюционная литература может гордиться именами и творениями великого писателя Ванчинбалын Инжданнаша (1837—1892), выдающегося поэта Дулдуйтын Равжая (1803—1856) и ряда других видных буддийских писателей и поэтов, создавших свои произведения на тибетском языке, который был тогда у монголов примерно тем, что латинский язык у европейцев.

После победы революции 1921 г. в Монголии произошел решительный поворот к социалистическим преобразованиям. В литературе были начаты поиски новых направлений и путей ее ускоренного развития.

Институт языка и литературы АН МНР готовит к изданию многотомную «Историю современной монгольской литературы», охватывающую длительный путь ее развития с 1921 г. до наших дней.

Следует особо отметить, что группа литературоведов под неутомимым руководством крупного писателя МНР академика Цэндийн Дамдинсүрэн (1908—1986) завершила полный свод истории монгольской литературы XIII—XIX вв.¹ в трех книгах, который явился крупным достижением монгольского литературоведения. Этот труд имеет ныне большое историко-литературное и идейно-эстетическое значение для любителей родной словесности, для филологов-монголоведов и для совре-

менных писателей и поэтов в творческом освоении ими национального достояния, «тайн» средневековой литературы, в утверждении самобытности стиля и мастерства.

Монгольские литературоведы — специалисты по новомонгольской литературе издали в 1969 г. «Краткий курс истории современной монгольской литературы»², в написании которого учтен опыт историко-литературных исследований советских монголоведов Г. И. Михайлова, Л. К. Герасимовича, К. Н. Яцковской³. Несомненно, исследования советских ученых и ранее вышедший труд монгольских коллег явились стимулирующим фактором и соответствующей основой для создания «Истории современной монгольской литературы».

Западногерманский монголовед В. Хейсиг⁴ также издал обширную «Историю монгольской литературы», в которой описан литературный процесс Монголии в XIX и в начале XX в.

Рецензируемый труд коллектива монгольских авторов явился первым академическим изданием, которое характеризуется полнотой освещения вопросов и четкостью методологии и вызвало положительные отклики в советской и монгольской научной периодике⁵.

Первый том фундаментального труда Института языка и литературы АН МНР «История современной монгольской литературы» освещает процесс зарождения и становления новомонгольской литературы в период с 1921 по 1940 г., который известен в истории МНР как общедемократический этап народной революции. Том состоит из вводной статьи, двух больших глав и хроники литературы 20—30-х гг.

В обширной вводной статье (с. 3—25) рассматривается ряд актуальных и узловых для современной монгольской литературы вопросов отображения революционной современности, проблем диалектики традиций и новаторства, национального и интернационального, процессов зарождения и развития теории и практики социалистического реализма в литературе 20—30-х гг. Касаясь традиций и новаторства современной монгольской литературы, следует отметить, что в ней ясно выражены как фольклорные традиции (образная система, поэтика), повествовательная письменная литература XIII—XIX вв. (отдельные образцы поэтики, стиля и языкового богатства), так и многообразные формы влияния на литературу новой Монголии классической русской литературы, шедевров литературы народов СССР и мировой прогрессивной литературы.

Русская советская литература была и остается кладом мастерства монгольских писателей. Всевозможные формы связей писателей обеих стран, сотрудничество в литературном процессе повышает художественный уровень произведений, обогащает их содержание и духовный мир, интересы и мысли литераторов. Сближение монгольских и советских писателей на литературном фронте стало объектом ост-

рых нападков отдельных буржуазных монголоведов. Например, американский обществовед Р. Рупен, английский историк Ч. Боуден в своих исследованиях опасаются того, что в результате глубокой интеграции русской культуры в Монголии, под влиянием метода социалистического реализма монгольская культура утратит национальную самобытность и превратится в бледное подобие русской (с. 18). На основе убедительных аргументов автор введения доказывает, что закономерным путем развития культуры стран социалистического содружества, в том числе и МНР, является единство, взаимообогащение и взаимодействие национальных культур, что гарантирует участие в общем процессе развития современной мировой литературы и культуры.

В монгольской литературе вопрос о диалектике старого и нового был и остается до сих пор сложным и противоречивым. Писатели решали и решают его по-разному, порою допуская субъективные мировоззренческие ошибки и просчеты. Например, С. Буяннэмэх (1902—1937) написал пьесу «Богатырь Темучин» (1928), показывающую время Чингисхана с позиций, которые шли вразрез с целями и задачами революционного времени. VII съезд МНРП (1928) верно указал, что в монгольской драматургии 20-х гг. немало пьес, пронизанных религиозным мышлением, психологией буддийской литературы, отвечавших интересам церкви, ламанзма и ламства. В 40-х гг. вышел ряд произведений, идеализировавших феодальную старину. Например, в киноповести «Князь Цокт» (1944) Б. Ринчена (1902—1977) был допущен ряд серьезных идеологических ошибок, не были учтены принципы партийности и классовости, в результате чего были нарушены соотношения художественного вымысла и исторической правды. Подобные просчеты допускались и позже. В историческом романе «Гром» известного писателя Ж. Пурэва выведен идеализированный образ «прогрессивного» феодала Намнансурэна, который вызвал бурную дискуссию в монгольской литературной критике тех лет (с. 13). Историком, академиком АН МНР Ш. Нацагдоржем и литературоведом Ц. Хасбатором была написана обстоятельная критическая статья по поводу этого романа, переведенного на русский язык и изданного в Москве в 1985 г.⁶

МНРП уделяет делу воспитания, развития мировоззрения и идейно-художественной зрелости писателей первостепенное значение. Идейность и художественность произведений оценивается на основе принципов партийности, народности и классовости. Политика МНРП в области монгольской литературы была и остается планомерной, прозорливой, оказала действительное влияние на возникновение и формирование метода социалистического реализма в литературе МНР. Ряд буржуазных критиков, стремясь нанести удар по идейности и содержательной структуре произведений, усматривает в заботе партии

о литературе цель ее «политизации».

В деле общности целей и задач молодой литературы была велика заслуга революционной публицистики и зарождающейся литературной критики. В идейном и художественном росте монгольских писателей, несомненно, были огромны роль и значение газеты «Унэн», журналов «Революционная литература», «Свод изящных слов», «Революционный Союз молодежи» и др. По решению монгольского правительства была создана Монгольская ассоциация революционных писателей, сменившая разрозненные литературные кружки. Необходимо отметить, что МНРП постановлениями и решениями по литературе своевременно и эффективно направляла новомонгольскую литературу по неизведанному пути.

Русская советская литература и литература народов СССР, успехи культурного строительства в нашей стране оказали плодотворное влияние на идейный рост и развитие монгольского искусства и литературы. В первой главе книги раскрыты многообразные грани и формы связей советской и монгольской литератур, а также писателей двух стран. Интернациональный пафос двух братских литератур стал закономерным процессом интеграции и сближения СССР и МНР, предвестником современной динамики взаимоотношений и дружбы стран социалистического содружества. В главе даны обстоятельные научно-биографические и историко-литературные очерки об основоположниках новомонгольской литературы Д. Нацагдорже (1906—1937), С. Буяннэмэхе и Ц. Дамдинсурэне, определено их значение, место и роль в современной монгольской литературе.

Во второй главе охарактеризованы особенности становления литературы 20—30-х гг.: успехи, промахи, ошибки и трудности роста. Вопросы литературного процесса освещены по видам и жанрам произведений. Характеризуются общие и частные аспекты тенденции развития жанра или рода литературы. Даны содержательные портреты Г. Сэр-Ода (1917—1940), М. Дэмчигжава (1921—1941), Д. Цэвэгмида (р. 1915), Ц. Наваннамжила (1882—1954), М. Ядамсурэна (1904—1937), Ш. Аюша (1903—1930). В прозе 30-х гг. возникла документальная литература (воспоминания, очерки, заметки). В ней по праву занимают видное место повесть Ц.-О. Дамбадоржа (1900—1934) «Озеро Талбо» (1924), воспоминания Г. Наваннамжила «Рассказы старого писателя» (1956)

В подглавке о критике рассмотрены вопросы развития монгольской литературной критики, становления ее идейно-эстетических и идеологических основ. В литературной критике тех лет оживленно обсуждались проблемы роли, значения и функций критики. Рождались споры о методе литературы, актуальными были вопросы традиции и новаторства, аспекты интернационального пафоса новомонгольской литературы (ее связи с ин-

ациональными литературами, вопросы художественного перевода и др.), обсуждались вопросы мастерства писателя, его мировоззрения, изучались также вопросы поэтики произведений. В критике 30-х гг. утвердились марксистско-ленинские принципы.

«История современной монгольской литературы» снабжена подробной хроникой литературного процесса в МНР 20—30-х гг., она хорошо иллюстрирована.

Первый том «Истории современной монгольской литературы (1921—1940 гг.)», написанный национальными литературоведами, раскрывает наиболее полно и глубоко всю панораму литературного процесса тех лет. Труд написан на высоком научном уровне.

В. Э. РАДНАЕВ,

кандидат филологических наук

¹ См.: Ц. Дамдинсурэн. Очерк истории монгольской литературы (XIII—XVI вв.). Кн. 1. Улан-Батор, 1957; Очерк истории монгольской литературы (XVII—XVIII вв.). Кн. 2. Улан-Батор, 1976; Очерк истории монгольской литературы (XIX в.). Кн. 3. Улан-Батор, 1968 (на монг. яз.).

² См.: Краткий курс истории современной монгольской литературы (1921—1965 гг.). Улан-Батор, 1968 (на монг. яз.).

³ См.: Г. И. Михайлов. Очерк истории современной монгольской литературы. М., 1955; рецензия Т. А. Бурдуковой — «Советское востоковедение», 1957, № 6, с. 142—143; Л. К. Герасимович. Литература Монгольской Народной Республики 1921—1964 годов. Л., 1965; рецензия Д. Цэнд — «Известия АН МНР», 1968, № 4, с. 103—112 (на монг. яз.); К. Н. Яцковская. Литература Народной Монголии. — В кн.: Г. И. Михайлов и К. Н. Яцковская. Монгольская литература. Краткий очерк. М., 1969, с. 113—207.

⁴ In: W. Heissig. Geschichte der mongolischen Literatur. Bd. 1—2. Wiesbaden, 1972.

⁵ См.: Ц. Хасбатор. Революция, литература, история. — «Унэн», 5. III. 1970; рецензия Л. К. Герасимовича. — «Вопросы литературы», 1970, № 6, с. 222—224.

⁶ См.: Ш. Нацагдорж, Ц. Хасбатор. Реализация исторической темы в литературе и искусстве. — В кн.: Ц. Хасбатор. Думы о литературе. Улан-Батор, 1973, с. 60—66 (на монг. яз.); Ж. Пурэв. Гром. М., 1985. Во введении роман оценивается позитивно, обойдена молчанием критика «Грома» в МНР.

Книга о современной Индонезии

Л. М. Д Е М И Н, А. Ю. Д р у г о в, Г. И. Ч у ф р и н. Индонезия. Закономерности, тенденции, перспективы развития. М., «Наука», 1987, 210 с. — Рез. на англ. яз.

Индонезия, одно из крупнейших развивающихся государств мира, играет заметную роль в современных международных отношениях. Выступая во Владивостоке, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев указывал на заинтересованность СССР в развитии добрых отношений с Республикой Индонезией. В настоящее время наблюдается известное оживление взаимоотношений между нашими государствами, чему в немалой степени способствовал визит в Индонезию члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе в начале 1987 г. Интерес советского читателя к современному развитию Индонезии, с ее весьма сложными и специфическими экономическими, социальными и политическими проблемами, вполне закономерен. Удовлетворению его, несомненно, послужит рецензируемая книга видных советских востоковедов — Л. М. Демина, А. Ю. Другова и Г. И. Чуфрина.

Развитие Индонезии представляет один из убедительных примеров того, как после обретения политической самостоятельности бывшим колониям пришлось решать неотложные задачи укрепления национального суверенитета, острые внутренние социальные и экономические проблемы, оставленные в наследство колониальным прошлым, преодолеть неравноправное положение в системе мирового капиталистического хозяйства. За минувшие десятилетия освободившиеся страны, и Индонезия в том числе, добились определенных успехов в решении этих задач, однако достижения эти носили частичный и противоречи-

вый характер. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии отмечалось: «Идет медленный, трудный, но неостановимый процесс социально-экономических преобразований в жизни народов, составляющих большинство человечества. Процесс, который принес немало принципиальных перемен, но и столкнулся с немалыми трудностями»¹.

Современные развивающиеся страны, представляющие чрезвычайно пеструю, неоднородную картину, идут по разным путям социально-экономического развития, их политические надстройки имеют различный характер. Республика Индонезия принадлежит к числу тех развивающихся стран, которые встали на путь капиталистического развития и пришли к авторитарной форме правления с преобладающей в политическом руководстве ролью военных. Этот путь развития особенно четко определился во второй половине 60-х гг. после трагических событий 30 сентября 1965 г.

Как правильно отмечают авторы, в результате прихода к власти военно-бюрократического режима «нового порядка» изменилось классовое содержание политической надстройки Индонезии, контроль над государством перешел от мелкобуржуазных демократов типа Сукарно к коалиции имущих слоев и классов, органически заинтересованных в ускоренном развитии по капиталистическому пути.

Авторы убедительно раскрывают неоднозначные результаты развития Индонезии за 40-летний период политической независимости. Они отмечают определенный прогресс в экономике, заметный рост промышленного сектора, создание новых отраслей обрабатывающей промышленности, оснащенных современной технологией и выпускающих не только товары широкого потребления, но и такую сложную продукцию, как радиоэлектроника, машинное оборудование, средства транспорта, приборы. В 70—80-е гг. в стране значительно возросло производство риса и других важнейших сельскохозяйственных продуктов за счет внедрения новых агротехнических методов, улучшения системы ирригации, использования высокоурожайных сортов семян и введения системы кредитования, которой смогла воспользоваться преимущественно зажиточная прослойка крестьянства. Все это дало возможность настолько повысить размеры валового национального продукта на душу населения, что по этому показателю Индонезия в начале 80-х гг. вошла по классификации Международного банка реконструкции и развития в группу стран со средним уровнем развития.

Экономическое развитие Индонезии в условиях «нового порядка», как показывают авторы, осуществлялось при сокращении числа государственных компаний за счет их реприватизации и превращения в смешанные. Только в 1966—1968 гг. число государственных предприятий уменьшилось с 217 до 138. Однако правящий режим не отказался полностью

от государственного сектора. Крупные государственные предприятия продолжали действовать в нефтедобыче и переработке нефти, добыче оловянной руды, на транспорте и в ряде других отраслей.

Авторы анализируют экономическую политику индонезийского правительства, которая преследует цель контролировать командные высоты экономики и в определенных пределах — деятельность иностранного капитала. Однако эта политика носит непоследовательный характер. Индонезия не смогла изменить своего подчиненного места в системе мирового капиталистического хозяйства, ослабить зависимость от конъюнктурных колебаний цен мирового рынка. Иностраный капитал сохраняет в экономике страны очень прочные позиции, внешняя задолженность Индонезии весьма велика. Паллиативные мероприятия правительства не могут полностью удовлетворить интересы национального капитала и сгладить противоречия между индонезийской национальной и иностранной монополистической буржуазией, имеющие тенденцию к обострению.

Интенсивное развитие в стране капиталистических производственных отношений ведет к заметным изменениям не только в экономической, но и в социальной структуре. Этой проблематике посвящена вторая из трех глав книги. Социальная структура во многом сохраняет прежние черты, свойственные колониальному периоду, отличаясь нечеткостью контуров и границ между классами, социальными слоями. По-прежнему самым многочисленным остается крестьянство, большой удельный вес падает на промежуточные слои, велика масса деклассированных элементов — люмпенов и пауперов. Но авторы отмечают и значительные изменения в социальной структуре, происшедшие за годы независимости.

Так, были лишены владетельных прав феодальные князья-раджи и султаны. В крупном землевладении ведущая роль постепенно переходит от старой феодальной аристократии к новым землевладельцам из числа сельской буржуазии, к коррумпированному чиновничеству, бюрократической буржуазии. Типичной становится фигура абсентеиста — землевладельца, живущего в городе, не занимающегося непосредственно сельским хозяйством и обычно сдающего землю в аренду мелкими частками.

Активизация иностранного капитала в Индонезии, как справедливо показывают авторы, имеет для местной буржуазии двойные последствия. С одной стороны, этот фактор связывает инициативу национального капитала, ставит его в зависимое положение, порождает острые противоречия с иностранными монополиями, а с другой стороны, обогащает и в какой-то мере экономически укрепляет те прослойки индонезийской буржуазии, которые связаны своими интересами и партнерством с иностранным капиталом.

В годы независимости несколько возросла прослойка средней предпринимательской буржуазии, появились отдельные крупные предприниматели-индонезийцы. Однако ведущую роль среди местной буржуазии, особенно после 1965 г., стала играть буржуазия бюрократическая, прежде всего из числа высшего офицерства. Ее представители, как наглядно показано в книге, используют для личного обогащения свое служебное положение в государственном и военном аппарате, госсекторе экономики, создают собственные фирмы, банки, предприятия и целые корпорации. Происходит также процесс сращивания бюрократического капитала с местным китайским.

В социальной структуре страны идет сокращение удельного веса крестьянства за счет роста относительной численности пролетариата, интеллигенции. Продолжается интенсивный процесс дифференциации крестьянства, особенно на Яве, где происходит дальнейшее дробление крестьянских хозяйств, пауперизация сельской бедноты на одном социальном полюсе и укрепление сельской буржуазии — на другом.

В 70—80-е гг. заметно увеличился удельный вес промышленного пролетариата Индонезии, в том числе и его высококвалифицированной прослойки, связанной с машинным производством и современной технологией. Это обусловлено созданием в стране целого ряда крупных предприятий с современным уровнем техники, принадлежащих как иностранному, так и национальному капиталу. Растет и концентрация промышленного пролетариата, занятого в крупном промышленном производстве. Вместе с тем значительная масса индонезийского пролетариата расплывлена по мелким и карликовым предприятиям, она отличается низким уровнем квалификации и грамотности, находится под влиянием традиционных патриархальных представлений. Социальные условия жизни индонезийского рабочего класса остаются тяжелыми. Наличие огромной резервной армии безработных, значительное превышение предложения рабочей силы над спросом на нее дают предпринимателям возможность подвергать ее самой безжалостной эксплуатации.

За годы независимости в Индонезии происходит значительный рост интеллигенции и студенчества. Интеллигенция, как справедливо подчеркивается в монографии, неоднородна в социальном и политическом отношении. Ее верхние слои могут быть отнесены к буржуазии, поскольку формируются за счет имущих элементов, пользуются значительными материальными благами, разделяют ее политические убеждения. Низшие же слои интеллигенции по своему социальному положению и политическим взглядам близки к трудовым слоям.

Индонезийское правительство в своей социальной политике ставило задачу укрепить и расширить социальную базу режима. Так, в 70-е гг. был принят ряд мер по улучшению

материального положения служащих и военнослужащих, были повышены их должностные оклады. Однако положение низших категорий служащих продолжает оставаться тяжелым.

Итак, авторы на конкретном фактическом материале показывают, как в современной Индонезии в ходе интенсивного процесса классовообразования происходит становление и консолидация новых классов и социальных групп, в первую очередь — промышленной и финансовой буржуазии и рабочего класса. В 70—80-е гг. ускорилась интеграция верхушки индонезийской военной бюрократии с местным китайским капиталом. В стране формируются первые крупные монополистические объединения типа конгломератов.

Политическому развитию Республики Индонезии посвящена третья, заключительная глава книги, насыщенная богатым фактическим материалом, почерпнутым преимущественно из оригинальных индонезийских источников.

Специфической чертой современной политической надстройки Индонезии является переход всей полноты власти в результате государственного переворота 1965—1967 гг. в руки обуржуазившейся военной верхушки при огромном влиянии различных неконституционных институтов и учреждений, преимущественно военных. Однако, придя к власти, военная верхушка не отказалась от использования как некоторых внешних форм буржуазной демократии, так и прежних, сукарновских политических концепций. По образному выражению авторов, генералитет просто «вытряхнул» из них мелкобуржуазный идеалистический антикапитализм Сукарно и заставил обслуживать буржуазию более последовательным образом, т. е. довел до логического завершения многочисленные и далеко идущие уступки буржуазности, присущие позднему сукарноизму. Он отказался также от свойственного политике Сукарно воинствующего антимпериализма.

Внутриполитический курс «нового порядка» можно охарактеризовать как курс воинствующего антикоммунизма. Не ограничившись суровыми запретами, наложенными на КПИ и массовые левые организации, лидеры «нового порядка» приняли целую серию жестких превентивных мер, чтобы исключить возможность какой бы то ни было организованной буржуазной и клерикальной оппозиции. Под этим углом зрения рассматривается «реорганизация» партийной системы, т. е., по существу, сведение на нет самостоятельной роли политических партий и других массовых общественных организаций.

Специальный раздел заключительной главы посвящен основным чертам внешней политики Индонезии после 1965 г. Новые руководители страны провозгласили преемственность сукарновского курса неприсоединения. Но по существу, Индонезия оказалась на крайне правом фланге движения неприсое-

динения. Этому в немалой степени способствовали и воинствующий антикоммунизм политического курса страны, и предпочтительное развитие внешнеполитических связей с ведущими капиталистическими странами, которые с проникновением своего капитала в Индонезию получили мощные рычаги экономического воздействия на нее. Поэтому закономерным фактором явилось на первом этапе существования «нового порядка» охлаждение отношений Индонезии с СССР и другими социалистическими странами.

В последние годы в правящих кругах Индонезии стала проявляться тенденция к критической переоценке одностороннего внешнеполитического курса страны как не отвечающего ее национальным интересам. Проявлением этой тенденции стал визит министра иностранных дел Индонезии М. Кусумаатмаджа в СССР в начале апреля 1984 г. Совместное советско-индонезийское сообщение, опубликованное по завершении переговоров министров иностранных дел двух стран, обозначило ряд важных международных проблем, по которым у сторон выявились общие или близкие взгляды.

Визит индонезийского министра в СССР, первый после многолетнего перерыва, встретил благоприятную реакцию индонезийской общественности. Пресса указывала, что Индонезии необходимо искать новых партнеров по внешнеэкономическим связям для уменьшения односторонней ориентации в торговле, используя для этого возможности социалистических государств. Ухудшение международной экономической конъюнктуры для Индонезии как нефтедобывающей и сырьепроизводящей страны в 1982—1986 гг. еще более обнажило опасность, вытекающие из чрезмерной зависимости от Запада.

Давая оценку военно-бюрократическому режиму в Индонезии, авторы считают, что он никогда не был военной хунтой по латиноамериканскому образцу. Это скорее авторитарный режим, опирающийся на армию в качестве основного аппарата власти — аппарата политического, идеологического и репрессивного. Невозможно себе представить, чтобы на любой мало-мальски важный пост поднялось лицо, не кооптированное армией и не пользующееся ее полным доверием. На протяжении 20 лет «новый порядок» не претерпел принципиальных качественных изменений с точки зрения целей и методов своей внутренней политики. Скорее речь может идти о том, что он становится более гомогенным, отсекая от себя временных попутчиков, приобретенных в период становления.

В современной Индонезии идет сложная подспудная борьба, если учесть жесткую регламентацию политической жизни страны. Борьба эта, в частности, отражает недовольство в среде национальной буржуазии характером ее отношений с иностранным капиталом внутри страны и дискриминационной торгово-экономической политикой со стороны

капиталистических держав на мировом рынке. Растет и понимание того, что следование рекомендациям Запада, направленным на усиление конфронтации членом АСЕАН с государствами Индокитая, усиливает нестабильность обстановки в Юго-Восточной Азии, противоречит национальным интересам Индонезии и ее стремлению проводить активную и независимую внешнюю политику.

Поэтому в стране ширится кампания за большую сбалансированность политических и экономических отношений и повышение международного престижа республики за счет развития взаимовыгодного сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими государствами. Развитию этих тенденций, однако, противостоят мощные силы местной реакции. От того, удастся ли национальным и патриотическим силам Индонезии преодолеть натиск реакции и укрепить свое положение, будет зависеть политическое и экономическое будущее этой крупнейшей страны Юго-Восточной Азии.

Этим выводом заканчивается интересная и содержательная монография, рисующая

выразительную, сложную и противоречивую картину современной Индонезии.

В заключение хотелось бы сделать существенный упрек издателям. Книга издана просто мизерным тиражом — всего 1350 экз. Она была распродана в магазинах Академкниги буквально в течение нескольких дней. Естественно, издатели не смогли удовлетворить спрос всех нуждающихся в ней.

*М. С. КАПИЦА,
профессор*

---

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 16.

XIV научная конференция по историографии и источниковедению стран Азии и Африки

7—9 апреля 1987 г. на восточном факультете Ленинградского университета им. А. А. Жданова была проведена конференция по историографии и источниковедению истории стран зарубежной Азии и Африки. Конференции подобного рода проводятся на базе ЛГУ с 1961 г. один раз в два года и привлекают большое внимание специалистов-востоковедов.

Нынешняя конференция проходила в год 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции, что нашло свое отражение в большинстве докладов и сообщений, посвященных советской историографии, взаимоотношениям Советского Союза и стран Востока.

В XIV конференции участвовали ученые и преподаватели из Ленинграда, Москвы, Иркутска, Еревана, Симферополя, Пскова, Петрозаводска, Краснодара, а также обучающиеся в СССР аспиранты и студенты из Вьетнама, Монголии, Польши, Болгарии и ГДР. С докладами и сообщениями выступили специалисты восточного факультета ЛГУ, ИСАА при МГУ, Петрозаводского, Иркутского, Симферопольского и Кубанского университетов, педагогических институтов Ленинграда и Пскова, ИНИОН, ИДВ и ИВ АН СССР, ЛЧИЭ и ЛО ИВ АН СССР, Института востоковедения АН Армянской ССР, а также ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

На конференции работало 6 секций. На 2 пленарных и 13 секционных заседаниях было заслушано 67 докладов, из них Китаю посвящены — 17, Турции — 7, Японии и Африке — по 6 докладов, Индии — 5, арабским странам, Ирану и Монголии — по 3 доклада, Индонезии — 2, Корее, Вьетнаму, Бирме, Шри Ланке и Афганистану — по одному докладу.

Тематика остальных докладов затрагивала общие либо региональные проблемы, вопросы преподавания востоковедной историографии и источниковедения в высшей школе.

XIV историографическую конференцию открыл вступительным словом декан восточного факультета ЛГУ, член-корреспондент АН СССР, профессор М. Н. Боголюбов.

Доктор исторических наук Л. А. Березный на пленарном заседании в докладе «О характере и периодизации революционного процесса в Китае первой половины XX в.» высказал мнение, что революционный процесс в этот период, единый по своей основной цели — созданию качественно новой государственности, — не оставался, однако, неизменным по характеру и прошел в своем развитии три этапа. Первый — буржуазный, связанный с подготовкой и проведением антицинской, антимонархической революции 1911—1913 гг. Второй, буржуазно-демократический, завершился революцией 1925—1927 гг., он привел к некоторым социальным сдвигам, но также не создал качественно новой государственности. 30—40-е гг. составляют третий этап, в ходе которого КПК предложила объективно возможную некапиталистическую альтернативу гоминьдановским попыткам осуществить «революцию сверху» и повела борьбу за выход на путь некапиталистического развития, открывшийся перед Китаем в результате победы в 1949 г. Таким образом, заключил Л. А. Березный, на третьем этапе социальная направленность революционного процесса коренным образом изменилась.

В секции Китая подавляющее большинство докладов и сообщений было посвящено анализу современной китайской историографии. Докладчики, используя большой фактический материал, новейшие издания, вышедшие в КНР, стремились показать качественно новые процессы в развитии исторической науки КНР после «культурной революции», особенно с начала 80-х гг.

В выступлении В. Я. Сидихменова (ИДВ АН СССР) на тему «Современная китайская историография о проблемах идеологии» были отмечены некоторые позитивные аспекты идеологической жизни современного китайского общества. Если 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) подверг критике ряд установок Мао Цзэдуна, не называя его имени, то 6-й пленум ЦК КПК 11-го созыва (июль 1981 г.) открыто осудил его внутривластные установки, особенно в связи с «культурной революцией», культ его личности. В. Я. Сидихменов, анализируя материалы, документы и статьи, опубликованные в последние годы, сделал вывод о том, что в КНР стали уделять больше внимания пропаганде марксизма, а также популяризации произведений В. И. Ленина. Делаются попытки творчески применить основные положения марксизма к китайской действительности, идет процесс отказа от многих прежних ошибочных установок по внутренней политике, нанесших большой ущерб стране.

Б. Г. Доронин (ЛГУ) в докладе на тему «Изучение проблем китайской историографии в КНР на современном этапе» дал краткую характеристику трем этапам развития исследования в данной области в период новейшей истории Китая. Автор познакомился более чем с 240 монографиями по проблемам историографии, изданными в Китае, причем 184 из них были написаны до 1949 г. На втором этапе развития, который Б. Г. Доронин определяет временными рамками 1949—1966 гг., шло знакомство китайских специалистов с работами историков и историографов социалистических стран, советских ученых, оказавших определенное влияние на историографию КНР. В это время развернулось преподавание историографии в вузах КНР. Период «культурной революции» был потерянным десятилетием и для историографической науки КНР. Характеризуя современный этап развития исследований, автор показал, что целый ряд принципиально важных особенностей отличает его от любого другого периода. К числу таких особенностей Б. Г. Доронин относит создание сети учреждений, специализирующихся на изучении проблем историографии, разработку проблем методологии и методики исследования, появление своих работ нового типа по истории китайской историографии, углубление разработки не только проблем отечественной, но и зарубежной историографии, попытки рассматривать развитие китайской историографии в контексте общего исторического развития, растущий интерес к историографии нового и новейшего времени, выпуск специальных историографических журналов (к примеру, ежеквартальник «Чжун сюэши яньцзю», издаваемый Пекинским педагогическим университетом).

В докладе Л. Н. Борох (ИВ АН СССР) «Проблема утопического социализма в современной историографии КНР» рассматривались точки зрения западных, советских и китайских авторов на процесс становления понятия «свобода» («liberty», «цзюю») в китайской общественной мысли начала XX в. Автор указал на большое влияние оказанное Лян Цичао на комментирование западной терминологии в Китае.

Р. А. Мировицкая (ИДВ АН СССР) в своем докладе основное внимание уделила анализу некоторых новых тенденций при изучении в КНР советско-китайских отношений, основываясь на публикациях документального и мемуарного характера 1985 г., связанных с именами таких общественных и государственных деятелей Китая 20—40-х гг., как Дэн Яньда, Шао Лицзы, Фэн Юйсян, защищавших курс Сунь Ятсена на сотрудничество с Советским Союзом. Докладчик подчеркнула, что в КНР, видимо, начался этап накопления материала по китайско-советским дружественным связям в указанные десятилетия и выразила надежду, что новые тенденции в исследовании советской темы в Китае будут нарастать.

Г. Я. Смолин (ЛГУ) в докладе «Тема народных движений в летописном своде «Цзычжи тунцзянь» охарактеризовал общие принципы и отличительные особенности трактовки и изложения народных повстанческих движений в летописном своде «Всепроникающее зеркало, управлению помогающее», дал оценку этого памятника китайского летоописания XI в. как важного источника в изучении классовой борьбы в Китае последних веков до н. э.— I тысячелетия н. э.

Е. А. Торчинов (ЛО ИВ АН СССР) рассказал об основных направлениях даологических исследований и охарактеризовал главные центры изучения даосизма в КНР в 80-е гг.

Б. М. Новиков (ЛГУ) в докладе «Изучение проблемы хуэйданов (тайных союзов) периода Цин в современной исторической науке КНР» охарактеризовал основные эта-

пы изучения в Китае названной проблемы, важнейшие центры и направления исследований. По данным докладчика, с 1949 по 1983 г. в Китае вышло более 700 всевозможных работ и сборников документов, касающихся «хуэйданов». Б. М. Новиков уделил особое внимание проводимой в настоящее время историками КНР значительной работе по изданию архивных материалов об антицинских тайных обществах.

В сообщении Н. А. Королевой (Псковский государственный педагогический институт) были проанализированы оценки историками КНР роли Хуан Сюцюаня в крестьянской войне тайпинов, выделено три этапа в изучении данной темы, особое внимание обращено на последний этап, начинающийся с конца 70-х гг., когда историки КНР попытались дать более объективную оценку роли Хун Сюцюаня в истории тайпинов.

В докладе Н. А. Самойлова (ЛГУ) «Дневники китайцев, посетивших Японию во второй половине XIX в.» был сделан источниковедческий анализ дневников Ло Сэня (прибывшего в Японию на одном из кораблей американской эскадры коммодора Перри в 1854 г.), Хэ Жунчжана и Хуан Цзунсяня (находившихся в Японии в составе официального китайского посольства в 1877 г.) и др. Докладчик показал, какое влияние оказали на представления китайцев перемены в Японии и как осознавалась ими необходимость использования иностранного опыта для реформ в китайском обществе.

С. Ю. Врядий (ЛГУ) в докладе «К биографии Линь Цзэсюя (1785—1850)» рассказал о дискуссии среди историков КНР по «опиумному вопросу» в Китае.

В докладе А. С. Костяевой «Проблема связей революционеров с тайными союзами накануне Синьхайской революции в историографии КНР» был дан анализ историографии КНР по проблемам характера и результативности связей революционеров с тайными обществами накануне революции 1911—1913 гг.

В сообщении К. В. Шевелева (ИДВ АН СССР) «Об одном источнике по истории кампании за изучение материалов VIII съезда КПК» была рассмотрена реакция руководства КНР на зарубежные отклики на VIII съезд КПК и сделана попытка увязать ее с развитием внутривосточной обстановки в КНР.

Об оценке роли Чэнь Дусю в современной китайской историографии рассказала С. И. Рыкова (ИВ АН СССР).

Ю. М. Овчинников (ИДВ АН СССР) сделал доклад на тему «Коминтерн и китайская революция в современной китайской историографии».

В. Н. Усов (ИДВ АН СССР) в докладе «Современная китайская историография о Лушаньском совещании и пленуме ЦК КПК (1959)» на основе китайских публикаций 80-х гг. попытался более четко реконструировать ход Лушаньского совещания и 8-го пленума ЦК КПК 8-го созыва (июль — август 1959 г.), персонафицировать точки зрения и тактику сторон на Лушаньском совещании, дал оценку освещения данного совещания в историографии КНР.

Э. А. Синецкая (ИВ АН СССР) проанализировала сборник дацзыбао Шицзиншаньского металлургического комбината 1957 г. как источник социальной характеристики рабочего класса Китая того периода.

А. Н. Хохлов (ИВ АН СССР) рассказал о найденных им архивных материалах М. В. Ладыженского, посвященных Китаю.

В. Н. УСОВ

14 октября 1987 г. видному советскому синологу, доктору филологических наук, профессору Владиславу Федоровичу Сорокину исполнилось 60 лет.

Со дня окончания Московского института востоковедения В. Ф. Сорокин прошел долгий и плодотворный путь ученого, внося существенный вклад в развитие советского Китаеведения. Его основные работы по исследованию идейно-художественных проблем современной китайской литературы: «Формирование мировоззрения Лу Синя» (1958), «Е Шэнтао и его творчество» (1960), «Творческий путь Мао Дуня» (1962) и др.; труды, посвященные китайской классической драматургии и театру, в частности фундаментальные исследования о генезесе, структуре, персонажах и сюжетах классической драмы, плод многолетних трудов ученого обширная монография «Юаньская драма: герон и конфликты.» Каждая из них отличается глубоким аналитическим подходом к изучаемой проблеме, ее оригинальной разработкой.

Для научного творчества В. Ф. Сорокина характерно сочетание изучения текущего литературного процесса с теоретическим исследованием проблем китайской культуры в целом. В этой взаимосвязи ученый видит залог успеха изучения и исследования такого сложного феномена, как китайская культура, ее специфических особенностей и общемирового значения.

Большое внимание в своей научной работе В. Ф. Сорокин уделяет критическому анализу концепций, существующих в мировой синологии. Он неизменный участник многих европейских конгрессов Китаеведов — в Кембридже, Париже, Цюрихе и т. д., конференций литературоведов-ориенталистов — в Веймаре, Братиславе, Шанхае, конгрессов востоковедов и историков — в Москве. В течение шести лет В. Ф. Сорокин являлся вице-президентом Европейской ассоциации Китаеведения (1980—1986).

Многие годы В. Ф. Сорокин — сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР, где возглавляет сектор. Он — член редколлегии реферативного журнала «Китаеведение» ИНИОН АН СССР, член редколлегии многотомного серийного издания «Библиотека китайской литературы».

Широкий диапазон его интересов. Высоко эрудированный ученый, он отличается умением сочетать конкретные проблемы с общетеоретическими, специфику китайской культуры с общемировыми процессами.

Свою научную деятельность В. Ф. Сорокин совмещает с работой переводчика китайской художественной литературы. — произведений Лу Синя, Мао Дуня, Лао Шэ, Юй Дафу, Ай У, Ван Мэна, Лю Синь, Фэн Цицзя, Чэнь Сянхэ, Ян Цзян, выступает как переводчик и комментатор научных трудов и памятников китайской философской мысли, средневековой литературы и драмы.

В. Ф. Сорокин — участник многих авторских коллективных фундаментальных работ («История всемирной литературы», «Судьбы культуры КНР», «Ленинизм и проблемы современного Китая»), им написаны многочисленные статьи для энциклопедических изданий — БСЭ, КЛЭ, и др.

Коллектив ученых Института Дальнего Востока АН СССР, редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» от души поздравляют Владислава Федоровича с юбилеем и желают ему здоровья, больших творческих достижений в деле дальнейшего развития советской Китаеведческой науки, в укреплении дружеских связей с китайской культурой.

60-летие Л. М. Гудошникова

---

6 декабря 1987 г. исполняется 60 лет со дня рождения видного советского китаеведа, заведующего отделом Института Дальнего Востока АН СССР, доктора юридических наук, профессора Леонида Моисеевича Гудошникова.

Начало его научной деятельности в Академии наук СССР относится к 1954 г., когда в Институт государства и права АН СССР пришел на работу кандидат юридических наук Л. М. Гудошников, только что защитивший диссертацию «Судебная организация КНР» в Институте внешней торговли МВТ СССР. Аспирантской подготовке предшествовала шестимесячная практика в Китае (1949—1950). В течение длительного времени Л. М. Гудошников работал в Институте государства и права. За 18 лет работы в этом институте им были подготовлены три научные монографии о государственных органах народного Китая.

В 60-х гг. Л. М. Гудошников, не прекращая китаеведческих исследований, занимался также проблемами государственного права других социалистических стран Азии, а также Японии. В 1965—1970 гг. Л. М. Гудошников был доцентом Московского государственного института международных отношений, с 1968 г. — совмещал преподавательскую деятельность с научно-исследовательской работой в Институте государства и права АН СССР. В 1971 г. им защищена докторская диссертация «Эволюция государственного строя КНР».

С начала 70-х гг. в сферу научных интересов Л. М. Гудошникова включаются исследования всех политических институтов КНР, что нашло отражение в его монографии «Политический механизм КНР», вышедшей в 1974 г. В том же году он перешел на работу в Институт Дальнего Востока АН СССР, где первоначально возглавлял сектор, а затем отдел. Под руководством Л. М. Гудошникова и при непосредственном его участии подготовлены несколько монографических работ, получивших широкую известность. В их числе такие фундаментальные труды, как «Китай после «культурной революции» (политическая система, внутривластное положение)», «Современное право КНР» и другие.

С 1953 г. Л. М. Гудошников является постоянным автором ряда научных журналов. Им опубликовано свыше 150 статей и других научных работ. Некоторые из них переведены на иностранные языки.

Л. М. Гудошников всегда щедро делился знаниями со своими учениками: им подготовлено двенадцать кандидатов наук. В 1980 г. ему присвоено ученое звание профессора.

Л. М. Гудошников неоднократно представлял советское китаеведение за рубежом. С 1978 г. он состоит в Европейской ассоциации китаеведения, в 1986 г. был введен в состав правления ассоциации и избран ее вице-президентом.

Многолетняя научная, педагогическая и организаторская деятельность Л. М. Гудошникова высоко оценена Советским государством: в 1986 г. он награжден орденом «Знака Почета».

Советские китаеведы, коллеги и ученики профессора Л. М. Гудошникова, редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока» горячо поздравляют Леонида Моисеевича со славным юбилеем, желают ему крепкого здоровья, дальнейших творческих свершений.

«ПРОБЛЕМА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА», 1987, № 5, 224 с.
Технический редактор Ерохова Т.

Сдано в набор 24.07.87. Подписано в печать 31.08.87 г. А12600. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литер. Усл. печ. л. 18,2. Уч. издат. л. 20,95. Усл. кр.-отт. 28,6. Изд. № 43442. Тираж 9602 экз. Заказ 1879. Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли 119617 ГСП, Москва, Г-21, Zubovskiy bulvar, 17.
Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
ВО «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
142300, г. Чехов Московской области

НОВЫЕ КНИГИ

Игнатович А. Н. Буддизм в Японии: Очерк ранней истории. — М.: Наука, 1987. — 317 с. — 1 р. 30 к. 10 000 экз.

Визит в Советский Союз Генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Вьетнама Нгуен Ван Линя. 17—22 мая 1987 года: Документы и материалы. — М.: Политиздат, 1987. — 48 с., ил. — 15 к. 100 000 экз.

Открытие Индии: Философские и эстетические воззрения в Индии XX в. Пер. с англ., бенг., урду; Предисл. Р. Ганди. — М.: Худож. лит., 1987 — 611 с. — (Б-ка инд. лит.). — 1 р. 70 к. 50 000 экз.

Валиханов Ч. Избранные произведения. Сост. Б. Е. Кумеков и др. — М.: Наука, 1987. — 414 с. — 2 р. 40 к. 5000 экз.

СССР и Индия. Отв. ред. Г. Г. Котовский и др. — М.: Наука, 1987. — 388 с. — 3 р. 20 к. 3900 экз.

Японско-русский разговорник. — 3-е изд. — М.: Рус. яз., 1987. — 356 с. — 1 р. 60 к. 27 250 экз.

Рерих Ю. Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями: Вып. 9 — М.: Наука, 1987. — 296 с. — 1 р. 30 к. 6000 экз.

Рехо К. Русская классика и японская литература. — М.: Худож. лит., 1987. — 352 с. — 1 р. 5000 экз.

Явуухулан Б. Избранное. Пер. с монг. Л. Букина. — М.: Мол. гвардия, 1987. — 63 с. — (Современная зарубежная лирика). — 20 к. 16 000 экз.

Индия. 1985—1986: Ежегодник. Гл. ред. П. В. Куцобин. — М.: Наука, 1987. — 383 с. — 2 р. 10 к. 8000 экз.

Веер молодости: Японские народные сказки. Пересказал Н. А. Хо-дза; Худож. В. В. Юдин. — Хабаровск: Кн. изд-во, 1987. — 61 с., ил. — 10 к. 200 000 экз.

Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. — М.: — Наука, 1987. — 312 с. — 2 р. 50 к. 5000 экз.

Корнев В. И. Буддизм и общество в странах Южной и Юго-Восточной Азии. — М.: Наука, 1987. — 220 с. — 1 р. 60 к. 5000 экз.

Кольцов Н. Н. СССР — Индия: плодотворное сотрудничество: К 40-летию установления дипломат. отношений. — М.: Междунар. отношения, 1987. — 127 с. — 20 к. 20 000 экз.

Место Китая в глобальной политике США. Отв. ред. В. П. Лукин. — М.: Наука, 1987. — 357 с. — 3 р. 3000 экз.

Акатугава Рюноскэ. Паутинка: Новеллы. Пер. с япон.; Сост. В. С. Сановича. — М.: Правда, 1987. — 479 с. — 2 р. 500 000 экз.

Зимняя луна: Япон. трехстишия и пятистишия. Пер., сост., предисл. В. Марковой. — М.: Наука, 1987. — 319 с., ил. — 4 р. 5000 экз.

Тагор Р. Избранное: Стихи, рассказы; Последняя поэма. Пер. с бенгал. — М.: Худож. лит., 1987. — 559 с. — (Б-ка индийской литературы). — 2 р. 60 к. 50 000 экз.